

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ АН СССР

В.М.Давыдов

*Латиноамериканская
периферия
мирового
капитализма*

МОСКВА
"НАУКА"
1991

Ответственный редактор член-корреспондент АН СССР В.В. Вольский

Рецензенты:

доктор экономических наук А.П. Караваев
кандидат исторических наук К.Л. Майданик

Давыдов В.М.

Д 13 Латиноамериканская периферия мирового капитализма: (Очерки социально-экономического развития). — М.: Наука, 1991. — 240 с.

ISBN 5—02—010546—5

500-летие рождения Латинской Америки дает символический повод для переосмысления итогов ее социально-экономической эволюции. Она рассмотрена в нескольких ракурсах: через полемику зарубежных ученых об особенностях "латино-американского капитализма", как сочетание многовариантности пятивекового исторического процесса и общей периферийной обусловленности развития в рамках мировой экономики, с позиции современной проблематики — далекоидущих последствий кризиса 80-х годов, феномена внешней задолженности, трудностей технологического обновления "микрорелектронной волны". Книга завершается главой о перспективах латиноамериканских стран к началу следующего века в контексте вероятных мирохозяйственных сдвигов.

Для всех тех, кто интересуется различиями в динамике и формах мирового исторического процесса, особенностями в проявлении универсальных тенденций современности и проблемами вхождения в новую фазу мирового развития, с которыми сталкиваются страны, отстающие от передового эшелона.

Научное издание

Давыдов Владимир Михайлович

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА:
(ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ)

Утверждено к печати

Институтом Латинской Америки АН СССР

Заведующий редакции А.Ю. Лазутин

Редакторы издательства О.А. Плетнева, Т.В. Савич

Художественный редактор Т.В. Болонина

Технический редактор Т.В. Фараонова

ИБ № 47705

Подписано к печати 24.07.91.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная

Усл.печ.л. 15.0 Усл.кр.-отт. 15,3. Уч.изд.л. 19,2.

Тираж 500. Тип.зак. 1383. Цена 7р. 70к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП—76, Москва В—485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография
издательства "Наука" 199034, Ленинград В—34, 9-я линия, 12

Д $\frac{0606000000-159}{042(02)-91}$ 163—91, II полугодие

ББК 65.8

ISBN 5—02—010546

© Издательство "Наука", 1991

ВВЕДЕНИЕ

500-летие колумбова открытия Америки и возникновения Латинской Америки как таковой дает символический повод для переосмысления пути, пройденного ее народами, того места, которое регион занимает в планетарной экономике. Повод этот символичесок и потому, что своим рождением Латинская Америка ознаменовала начало капиталистической эпохи, а вместе с тем образование мирового рынка и мирового же экономического пространства. Пожалуй, впервые в исторической практике (и, видимо, неповторимо) развитие столь обширного региона оказалось столь резко и непосредственно включенным в мировые процессы. И это наложило глубокий отпечаток на пятивековую эволюцию латиноамериканских обществ и ее современные итоги. Латинская Америка, ее история и современность дают науке богатейший материал для выявления взаимосвязей национально-локальных и глобальных процессов, а также уникальный угол зрения на закономерности и тенденции развития мировой экономики, более того - на мировую историю вообще. Ведь в Латинской Америке дорабовладельческое прошлое предстает на минимальном удалении от сегодняшнего дня. Оно зафиксировано в письменных документах периода испанской и португальской конкисты как отражение наблюдений современников. Несмотря на разрушение доколумбовых цивилизаций, это прошлое причудливо "проросло" в настоящее, придавая специфические черты индейско-метисным странам региона. В своей пятивековой ретроспективе Латинская Америка оказалась гигантской лабораторией ускоренных исторических мутаций - уникального соприкосновения, противоборства и, наконец, гибридизации разнокачественных и разновременных структур, которые в сгустке представляют практически всю мировую цивилизацию - в ее экономическом, социальном, культурном, этническом и технологическом аспектах.

Речь, разумеется, не только о поводе, но и необходимости переосмысления в русле активного теоретического обновления, на путь которого встало наше общественное сознание. Предопределяется эта необходимость обновлением самого объекта общественных наук - прежде всего экономической и социально-политической реальности. Планетарное сообщество переходит в новое качество взаимозависимости и во многом целостности. Мировая экономика испытывает воздействие радикальных структурно-технологических сдвигов. Коренные перемены произошли в странах, основывавших свое развитие на системе командно-административного социализма. Складывается новая расстановка сил на мировой арене. Выходит на более высокий уровень процесс интернационализации, модифицируются отношения между центрами и периферией мирового капиталистического хозяйства (МКХ), трансформируется облик "третьего мира" и составляющих его регио-

нов. Совокупность этих исторических по своему значению изменений дает веские основания для вывода о том, что планетарное сообщество переживает переходную эпоху, когда формируются иные мирополитические и мирохозяйственные структуры, преобразуются основные компоненты глобальной макросистемы и формы их сочленения. Второе обстоятельство - духовная атмосфера, сложившаяся в нашей стране с началом процесса перестройки, атмосфера критической переоценки итогов послереволюционного развития, нашей внешней и внутренней политики и коренящихся в их основе концепций и теоретических взглядов, атмосфера трудного творческого поиска и на практике и в науке.

В общий процесс обновления вовлекается и советская латиноамериканистика. При этом особое значение приобретает продвижение в разработке ее центрального вопроса - об особенностях капиталистического развития латиноамериканских стран и их месте в мировой экономике. От того, насколько глубоко удастся проникнуть в суть этого вопроса, зависит обоснованность суждений и выводов по самому широкому кругу актуальных экономических, социальных и политических проблем латиноамериканских стран. Его трактовка имеет прямой выход на идеологию и политическую практику, на выбор стратегических решений.

Проработка столь обширной и сложной темы была бы немыслима без того фундамента, который заложен советскими исследователями мирохозяйственных процессов, проблематики "третьего мира" и, естественно, латиноамериканской *. Вместе с тем к началу 90-х годов и в Латинской Америке, и в мировом контексте ее развития, да и в общетеоретической теории накопились достаточные предпосылки для проведения исследования на новой основе, для соответствующего уточнения наших концептуальных представлений о латиноамериканской зоне мировой экономики.

Предваряя анализ и выводы, излагаемые в книге, следует обратить внимание на необходимость уточнений по ряду основных направлений. Пожалуй, прежде всего необходимо глобальное видение и объекта исследования, и предмета теоретических обобщений. Такой подход соответствует переходу мирового сообщества к новому качеству взаимозависимости и целостности, усилению глобальной детерминации развития латиноамериканской периферии МКХ. И это означает, что ее динамику следует рассматривать во всей гамме взаимосвязей современного мира, а социально-экономические процессы, разворачиваю-

* По вопросам, рассматриваемым в данной книге, автор имел возможность опираться на труды советских латиноамериканистов: В.В.Вольского, А.Н.Глилкина, Н.Г.Зайцева, А.П.Каравасева, Л.Л.Клочковского, Б.И.Коваля, Ю.Н.Королева, Е.А.Косарева, В.А.Кузьмищева, К.Л.Майданика, Я.Г.Машбица, З.И.Романовой, С.И.Семенова, К.С.Тарасова, И.К.Шереметьева, А.В.Шестопала, А.Ф.Шульговского и других. Автор обращался к книгам и статьям Р.М.Авакова, В.М.Коллонтая, Г.И.Мирского, В.Г.Растяникова, Л.И.Рейснера, Н.А.Симонию, Г.Е.Скорова, С.И.Тюльпанова, В.Л.Тягуненко, Л.А.Фридмана, М.А.Чешкова, Г.К.Широкова, В.Л.Шейниса, А.Я.Эльянова и других известных специалистов по общей проблематике развивающихся стран.

щиеся в регионе, - как продукт диалектического сочетания факторов на национально-страновом, на общерегиональном уровне, в масштабе отношений центры - периферия МКХ, планетарной макросистемы целиком.

Обновление концептуального подхода предполагает и иной взгляд на значение латиноамериканских особенностей в контексте общей динамики современного капитализма. До сих пор формирование буржуазных обществ на периферии МКХ нередко рассматривалось как отклонение от классических образцов, как своего рода деформация, искусственное образование либо просто как регионально-страновая специфика. Уже тривиальным стало признание того, что в наше время капитализм предстает в ином качестве. Но по-прежнему недооценивается один из важнейших источников этого качества - освоение капитализмом гораздо более широкого пространства (причем не поверхностное, а глубинное) и выделение новых ареалов роста и экспансии. Соответственно о современных закономерностях капитализма недопустимо судить по процессам, проявляющимся лишь в его старых центрах. Необходимо воспринимать реальности системы во всей совокупности ее старых и новых компонентов. И с этой точки зрения многое из того, что трактовалось как особенности, может предстать как выражение новых закономерностей (либо модификация известных закономерностей), присущих рассматриваемой системе на определенном историческом этапе - тогда, когда буржуазное общество периферийной зоны обретает зрелость (подходит к господству промышленного капитала) после ликвидации колониализма, в обстановке научно-технической революции, в условиях перепроизводства средств массового уничтожения, тогда, наконец, когда глобальные императивы делают мир подлинно взаимосвязанным.

Кроме того, пресловутые "периферийные особенности" уже невозможно рассматривать только с позиции их производности. Реально существует обратная связь - периферии на центры. "Периферийные особенности" активны в том смысле, что они неизбежно сказываются на современных модификациях в движении капиталистических центров, влияют на конфигурацию противоречий и динамику мировой системы в целом.

Советское обществоведение произвело переоценку адаптационных возможностей современного капитализма. Справедливо отмечается появление "второго дыхания" в его развитии. Но этот вопрос требует проработки и применительно к периферии, в частности более реалистичного определения резервов капитализма в этой зоне. Нельзя игнорировать существенные различия адаптационных возможностей в центрах и на периферии, особенно в периоды циклических спадов и структурной перестройки. Наглядное свидетельство - депрессивное состояние экономики большинства латиноамериканских стран в 80-х годах и в начале 90-х. Руководствуясь проекцией тенденций, обозначившихся за последнее десятилетие, приходится признать: формирование в Латинской Америке экономических, технологических и социальных структур, адекватных современному капитализму, встретит труднопреодолимые препятствия. Это не значит, что такие структуры не смогут проникать и распространяться в общественной среде лати-

ноамериканской зоны МКХ. Процесс их образования, несомненно, пойдет вширь и вглубь на многих направлениях. Но последствия с неизбежностью вызовут болезненную ломку, социальную маргинализацию, которые будут ставить под угрозу и политическую стабильность.

Дифференциация развивающихся стран поднимает вопрос о целесообразности (или же достаточности) ограничения теоретического анализа социально-экономической динамики региона концепцией капитализма "латиноамериканского типа" или масштабом "региональных особенностей". При сходстве исторических судеб и положения в системе МКХ, при культурно-цивилизационном родстве, явной близости по другим базовым критериям в Латинской Америке обнаруживается немало и типовых, и совершенно нестандартных "моделей". И если дифференцированный анализ и уточнение наших представлений требуют нового взгляда на социально-экономическую историю региона, то этот взгляд предполагает рассмотрение "латиноамериканских особенностей" как совокупности общих черт периферийного зависимого развития, за которой стоит ряд моделей, ряд специфических форм капиталистического вызревания.

Продвижение в разработке концепции латиноамериканской периферии МКХ подразумевает и обновление методологического инструментария. С этой точки зрения большего внимания заслуживает анализ сквозь призму цикличности общественно-исторического процесса, диалектической природы кризиса как специфической формы разрешения накопившихся противоречий, с позиции структурно-технологических сдвигов, меняющих детерминацию и характер социально-экономического развития.

До сих пор большинство исследований в области латиноамериканистики (равно как востоковедения, африканистики, третьемироведения вообще) ограничивались какой-то одной сферой общественной жизни (экономической, социально-политической, идеологической либо культурной). Это невольно давало одностороннее представление об объекте исследования, порождало искусственные "разночтения" (в частности, по вопросу о степени зрелости "латиноамериканского капитализма" между экономистами, историками-политологами и социологами). Органически соединив, синтезировав различные аспекты и методы анализа, латиноамериканистика сможет, на наш взгляд, добиться реального продвижения по пути теоретического обновления. Подобное отношение к предмету не означает, что автор берется за "полный синтез". Такая задача, разумеется, не может решаться индивидуально. Посильная задача заключается лишь в том, чтобы сделать какой-то шаг в преодолении перегородок.

В советской латиноамериканистике начинает находить применение социально-экономическое прогнозирование. Новое дело требует своего теоретического и методического фундамента, и здесь не обойтись одними заимствованиями. На наш взгляд, одной из основ может и должна стать концепция периферийной обусловленности и многовариантности социально-экономической динамики региона в контексте глобального развития. Следуя в этом направлении, автор предпринял попытку продления анализа в будущее, в чем видится настоятельная

научная и практическая потребность и что в известной мере должно оправдывать усилия, затраченные на изучение прошлого и настоящего. Но есть и обратная связь. Прогноз создает совершенно новую перспективу для традиционных исследований. Поскольку настоящее - лишь момент между прошлым и будущим, его познание обретает более совершенную основу, если современное рассматривается в соединении предыстории и вероятных последствий назревающих сдвигов. Думается, в этом случае легче установить подлинное значение тех или иных общественно-экономических процессов.

* * *

О том, насколько ответы, содержащиеся в книге, исчерпывают вопросы, поставленные во введении, судить, разумеется, читателю. Что-то покажется напрасным, что-то недостаточным, а что-то (будем надеяться!) вполне уместным и обоснованным. И если найдутся удачи, заслугу следует искать не только в усилиях автора. Ведь он имел поддержку близких, ему помогали коллеги из Института Латинской Америки АН СССР (особенно из сектора социально-экономического прогнозирования). Автор мог вникать в сложную проблематику благодаря обмену мнениями с коллегами из других академических институтов - мировой экономики и международных отношений, Востоковедения, Африки. Большое значение имели беседы и дискуссии с зарубежными - прежде всего латиноамериканскими - учеными. И в этой связи автор не может не вспомнить с благодарностью А. Алонсо Кончейру, В. Берналя Саагуна, П. Вусковича, Р. Доменеча, Т. Дос Сантоса, Р. Кабальероса, Д. Кавалло, О. Капуто, Ф. Кармону, Х. Карреру, Л. Корону, И. Миниана, Дж. Петраса, Р. Пребиша, К. Санчеса, Х. Л. Сесенью, Х. Сильву Кольменареса, Р. Ставенхагена, У. Фасио и многих других именитых и неименитых, придерживающихся разных взглядов, но в любом случае щедро делившихся своими знаниями, открывавших доступ в авторитетные исследовательские центры и к источникам ценной научной информации.

ДИСКУССИИ

О "ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ КАПИТАЛИЗМЕ"

Критическая проработка существующих теоретических позиций - традиционное начало обществоведческого исследования. И автор не хотел бы отходить от доброй традиции, тем более что экономическая и социологическая мысль Латинской Америки дает для этого богатейшую пищу. Рассмотрение теоретических объяснений тех, кто смотрит на объект исследования изнутри, имея самостоятельное познавательное значение, позволяет решить и ряд утилитарных задач - точнее очертить предмет исследования, заранее ввести читателя в курс той проблематики, которая подлежит дальнейшему анализу, проверить уже предложенную аргументацию, выявив работающие и неработающие тезисы. Все это хотелось бы сделать, "не выплескивая ребенка с водой", извлекая полезные уроки из долгой полемики латиноамериканских ученых о природе и особенностях капиталистических обществ, складывавшихся в странах региона.

В предлагаемом очерке автор, разумеется, не в состоянии проследить весь процесс осмысления общественной эволюции в Латинской Америке, даже на стадии собственно капиталистического развития. Речь идет о попытке рассмотреть лишь системно-концептуальные построения¹, которые достаточно репрезентативно отражают значительный спектр идейных позиций. Хронологическое ограничение - период 60 - 80-х годов, т.е. время активного капиталистического созревания латиноамериканских обществ и параллельно бурного развития латиноамериканского обществоведения. Наконец, внимание акцентируется на воззрениях наиболее видных представителей того или иного течения.

Сузив свою задачу, автор в то же время имеет счастливую возможность сослаться на ряд исследований советских ученых, в трудах которых читатель найдет гораздо более широкий спектр латиноамериканских обществоведческих концепций и в более длительной исторической ретроспективе². Тем не менее, предваряя разбор взглядов, имеющих непосредственное отношение к предмету настоящей книги, хотелось бы сказать хотя бы несколько слов о предыстории вопроса и содержании основных дискуссий на предыдущих этапах.

Первые опыты системно-концептуального определения природы складывающихся обществ и их места в капиталистическом мире относятся, пожалуй, к 20-м годам - тому времени, когда промышленная цивилизация и философия индустриальной эпохи вторгаются в жизнь латиноамериканских стран, когда здесь, несмотря на недавнее утверждение капиталистического уклада, передовая мысль начинает не только осознавать, но и научно объяснять отличия в формировании

буржуазных структур от того, что было известно по западноевропейским и североамериканским образцам.

Среди тех, кто первенствовал на этом пути, был Хосе Карлос Мариатеги и другие представители первого поколения латиноамериканских марксистов. В дальнейшем дискуссия разворачивалась в основном вокруг вопроса о соотношении феодальных и буржуазных элементов в существующем общественном базисе. До начала 40-х годов преобладали взгляды тех, кто акцентировал внимание на "феодальном происхождении" и на закреплении этого исторического наследия под воздействием мирохозяйственной системы. В этом течении можно выделить труды Родольфо Пуигтроса³, получившие немалую известность и вошедшие в число классических трудов по экономической истории Латинской Америки. В 40-х годах начинает утверждаться противоположная точка зрения - об изначально капиталистической обусловленности социально-экономического развития. Наиболее известными ее выразителями стали бразилец Кайо Прадо Жуниор и аргентинец Серхио Багу, а также тринидадец Эрик Уильямс⁴. Между тем теоретические задачи решались в основном в жанре экономической и социальной истории, создавая лишь предпосылки для появления интегральных концепций, трактующих особенности латиноамериканских общественных систем в глобальном капиталистическом контексте.

Особый вопрос - идейно-политическая литература в рамках социалистического и коммунистического движения, а также того направления, которое оформилось как линия IV Интернационала⁵. Здесь в зависимости от политической принадлежности осуществлялись попытки преломления латиноамериканской действительности через ленинскую теорию империализма, разработки Н.И.Бухарина и Р.Люксембург, тезисы Коминтерна, через теоретические воззрения Л.Д.Троцкого. Вне этих рамок интегральные построения сложились позднее.

Сильный импульс к формированию таких концепций дали дискуссии, развернувшиеся с конца 40-х годов. На ниве политической экономии началась критика неоклассической теории, прежде всего ее трактовки "сравнительных преимуществ", в области социологии - теории модернизации, затем - на той и другой почве - взглядов сторонников "дуального общества"⁶. В обстановке острой идейно-теоретической полемики, связанной с отрицанием построений, преобладавших в североамериканской и западноевропейской науке, возникает необходимость в собственной антитезе, адекватной по масштабу и уровню теоретического обобщения. Одновременно ощущается недостаточность традиционных постулатов марксистской науки для объяснения сложной латиноамериканской действительности, узость догматических схем, привносимых из европейских центров коммунистического движения того времени.

Таков фон, на котором формируются новые системы теоретических взглядов на "латиноамериканский капитализм".

1. ПЕРИФЕРИЙНО-ИМИТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ

Глубокий след в латиноамериканском обществоведении и, видимо, в современной экономической мысли вообще оставил аргентинец Рауль Пребиш - глава научной школы сепализма. Термин, закрепившийся за этим течением, происходит от испанской аббревиатуры Экономической комиссии ООН для Латинской Америки - СЕПАЛ, официальным руководителем которой Пребиш был со дня ее основания в течение 13 последующих лет, а затем ее неформальным идейно-теоретическим лидером вплоть до своей кончины в 1986 году⁷.

Нельзя сказать, что Пребиш и его группа с конца 40-х и до конца 50-х годов далеко отходили от структуралистских и функционалистских схем, характерных для зарубежного немарксистского обществоведения того времени. Но теоретически несомненно был введен новый ракурс. Латиноамериканские реалии стали рассматриваться в рамках общей конструкции "периферийной экономики" и ее неравноправных отношений с "доминирующими центрами"⁸. Приоритет обычно отдавался внешним факторам зависимости, а ее суть раскрывалась рядом признаков.

Концепция "периферийная экономика" (или шире - "центр - периферия") детально рассматривалась в советской научной литературе⁹. Поэтому автор не видит необходимости останавливаться на ней особо. Хотелось бы лишь подчеркнуть, что в латиноамериканской немарксистской политической экономии она является, пожалуй, первым выходом на глобальный уровень мышления, первым примером самобытной интерпретации структуры МКХ и его латиноамериканской части. В то же время мало исследована другая, более важная часть творчества Пребиша - концепция "периферийного капитализма", являющаяся, по существу, итогом всей его научной жизни и венцом мировоззренческой эволюции, которая, по его собственному признанию, шла справа налево¹⁰. Именно на этом, на содержании теории "периферийного капитализма" необходимо остановиться особо. Однако сначала постараемся вкратце проследить эволюцию взглядов Пребиша и его сторонников в соответствующем историческом контексте.

Небезосновательно считается, что взгляды Р.Пребиша и солидарных с ним сепалистов изначально выражали устремления той части латиноамериканской промышленной буржуазии (и связанной с ней интеллигенции), которая утвердилась экономически и политически после "великой депрессии" 30-х годов и которой были свойственны националистические настроения, обусловленные прямой заинтересованностью в защите позиций местного капитала на внутреннем рынке, в привлечении государства на свою сторону.

Выражается, было бы неправильно выводить вульгарно социологическую функцию воззрений Пребиша и сепализма из классового интереса промышленных фракций латиноамериканской буржуазии. Известно, что предполагаемая идейная принадлежность не была изначально заданной, а тем более безусловной. Уже в молодые годы у Пребиша проявилось критическое отношение к догматам господствовавших научных течений. Выражаясь словами самого Пребиша, он неизменно придерживался принципа "не принимать по номиналу идеи центров системы"¹¹. Практически одновременно (а может быть, и независимо) с Кейнсом Рауль Пребиш, недавний выпускник ведущего аргентинского университета, решительно порывает со схемами неоклассической политической экономии. Позднее (1947 г.) он выступает с теоретическими работами в духе кейнсианства¹². Однако если это и кейнсианство, то особого рода - с позиций интересов тех, кто стремился преодолеть периферийную включенность латиноамериканских стран в МКХ, их отставание и зависимость на путях укрепления экономического суве-

рентета, защиты местных производителей и концентрации усилий государства на создании собственного промышленного потенциала.

Фактом биографии Р.Пребиша является его близость к аргентинским социалистам в студенческие и первые послеуниверситетские годы, в частности и к их лидеру - Хуану Хусто. В свое время Пребиш предложил его кандидатуру на выборах декана экономического факультета столичного университета. Можно напомнить и о том, что первая научная статья Пребиша вышла в журнале аргентинской соцпартии, в которую он собирался вступить и не подал уже готовое заявление из-за личной обиды (по свидетельству самого Пребиша), нанесенной ему тогдашними руководителями социалистов. Известно также, что Пребиш без преувеличений оценивал роль классиков марксизма¹³. Известно и другое - то, что Пребиш признавал серьезный вклад в формирование концепции "центр - периферия" ученых, использовавших марксистскую методологию¹⁴.

В этой связи следовало бы заметить, что вообще при видимом сходстве методологических принципов сепалистов опротивело изображать однородным течением. Внешнее единообразие на поверку во многом оказывается формальным. Будучи штатными сотрудниками ЭКЛА, выступая от имени комиссии или публикуясь в ее изданиях, они по должности обязаны были уважать ее международный статус как органа ООН, придерживаться определенного стиля. Когда же сепалисты покидали "альма-матер", обнаруживались существенные отличия в подходах к узловым вопросам. Так, из школы ЭКЛА вышли и далеко отошли от ее традиционных постулатов исследователи леворадикального направления Анибал Кихано (Перу) и Педро Пас (Аргентина). С деятельностью комиссии связаны имена бразильцев Фернандо Энрике Кардозо и Селсо Фуртадо, а также чилийцев Энцо Фаллето и Освальдо Сункеля - известных в регионе теоретиков, применяющих в своих работах постулаты и категории марксизма¹⁵.

Но при всех особенностях биографии самого Пребиша, статуса того института, где формировалась его научная школа, самого состава сепалистов нельзя отрицать объективного соответствия основных постулатов этого течения определенным экономическим интересам. С 30-х годов нарождавшиеся промышленные фракции латиноамериканской буржуазии стали усматривать во внешнеэкономической зависимости серьезное препятствие для автономного развития капиталистического хозяйства в своих странах. С целью преодоления этого препятствия предлагалось заменить модель экономического развития "вовне" моделью развития "вовнутрь". Эту линию и отстаивали первоначально сепалисты. Отсюда упор на импортзамещающую индустриализацию, а затем, когда политика такой индустриализации и соответствующей таможенной защиты зашла в тупик, сопровождаясь эволюцией форм зависимости (центр тяжести перенесен на поступление из-за рубежа финансовых ресурсов, оборудования, "ноу-хау"), ориентация на расширение "внутреннего спроса" посредством реформы "распределения доходов", а также на использование резервов региональной и субрегиональной экономической интеграции. Но, как известно, и эта стратегия не дала ожидаемых результатов, не разорвала пресловутую "цепь зависимости".

В 70-х годах начался новый раунд развития "вовне". Поколение латиноамериканских предпринимателей, вышедшее тогда на арену экономической и политической жизни, пыталось компенсировать трудности накопления и реализации по принципу "клин клином вышибают": не защищаясь от экспансии иностранного капитала, а, наоборот, активизируя сотрудничество с ним. Этот раунд проводился уже на сугубо прагматической основе. Иллюзии автономного развития были отброшены. Местная предпринимательская элита пыталась расширить свое хозяйственное пространство, работая "на паях" с ТНК и ТНБ. Показательно, что в концепциях сепалистов нота зависимости

завучала глуше, уступая место мотиву "взаимозависимости". Такой поворот был характерен для трудов сепалистов-прагматиков. Другие, принадлежавшие к ортодоксальному течению, еще сохраняли верность теме зависимости, рассматривая ее в новых условиях через призму "внешнего удушья" латиноамериканских экономик. Но в целом в конце 70-х годов уже чувствовалось, что сепалисты уступили свои позиции во влиянии на правящие круги латиноамериканских стран под напором активизировавшегося монетаризма и неоконсервативной политологии. Вполне уместна констатация западногерманского автора Юргена Вестфалена в оценке того времени - "явное изменение курса экономической политики имеет место в целом ряде латиноамериканских стран. Это переход от Кейнса к Фридману или - если связывать хозяйственную политику с именем латиноамериканского экономиста - от Пребиша к Фридману"¹⁶.

Ситуация изменилась в начале 80-х годов, когда разразился экстраординарный экономический кризис. От резкого спада тяжело пострадали не только неимущие массы, но и имущая часть населения. Политика "открытых дверей", ассоциация с транснациональным капиталом и "развитие в долг" обезоружили многие государства региона в той обстановке, когда ведущий центр МКХ начал перебрасывать бремя кризиса на другие страны. В местных предпринимательских кругах началась очередная переоценка ценностей.

Используя изменившуюся конъюнктуру, сепалисты воспряли духом и развернули активную критику монетаристов-неоконсерваторов. Работы Пребиша, появившиеся в печати в то время, прозвучали как антимонетаристский манифест. Со всем жаром своего красноречия и силой теоретического дара глава сепализма обрушился на слепую веру в "магию рынка". Апеллируя к негативным последствиям монетаристского экономического разоружения в целом ряде латиноамериканских государств, он заклеил идеи его вдохновителей как "контрапродуктивные"¹⁷. В документах, статьях, выступлениях руководителей ЭКЛА на переднем плане оказалась тема "экзогенной зависимости", приведшей к катастрофе 1981-1983 гг. Недвусмысленно поставлен вопрос о виновности "центральных экономик" в особо глубоком хозяйственном падении латиноамериканских стран. Впервые столь открыто стали критиковаться крупнейшие межгосударственные институты (МВФ, МБРР и т.п.) за их "монетаристский диктат", за давление на государства региона, принуждающие отказываться от защиты национального экономического суверенитета¹⁸.

Традиционно интерпретация зависимости "периферийной экономики" ограничивалась сепалистами сферой обращения. Этот фактор определялся, по их мнению, мировым рынком (товаров, капиталов, технологии), в лучшем случае - разделением труда, но не природой МКХ и, разумеется, не закономерностями капиталистического способа производства в масштабах мировой системы. Но в новой ситуации произошло существенное расширение концептуальных рамок. Прежде всего это заметно по изменениям взглядов самого Пребиша. В 1976 г. появляется его "Критика периферийного капитализма"¹⁹ - первый теоретический очерк, в котором акценты резко смещены в сторону

познания глубинной общественной природы "латиноамериканской специфики" и социального объяснения пороков существующей системы. За "критикой" последовал ряд статей, развивающих такой подход²⁰. А в августе 1980 г. в Мехико с трибуны всемирного конгресса экономистов прозвучало выступление, которое произвело своего рода сенсацию²¹. От критики "периферийного капитализма" лидер сепалистов пришел к убеждению в необходимости заменить эту систему обществом с целым рядом социалистических ориентиров.

Между тем обращение к проблематике социализма не было случайным поворотом в умозаключениях аргентинского ученого. И, видимо, уместным будет небольшое отступление для исправления порой превратного толкования его взглядов в нашей научной литературе. Автор книги мог убедиться в этом в личной беседе с Р.Пребишем в Гватемале в 1977 г. во время проведения очередной сессии ЭКЛА. Пребиш задавал вопросы, демонстрировавшие немалую осведомленность о том, что происходило в нашей стране. Особо его интересовали экономические реформы середины 60-х годов и то, почему они остановились. Тогда, откровенно говоря, автору не удалось дать достаточно убедительный ответ. Сейчас это было бы сделать гораздо легче, если бы был жив Пребиш... Разумеется, нельзя оставлять факт на уровне собственного "устного свидетельства". Читателя можно отослать к книге Р.Пребиша 1970 г. издания, где он приводит замечания относительно своих бесед с Э.Геварой по поводу "реформы Либермана"²² - так тогда именовались на Западе хозяйственные нововведения 1965 г.

К каким же выводам пришел глава сепализма, присматриваясь к опыту "конкретного" (как он выражался) социализма, и какую модель он предлагал. Обратимся к его собственным высказываниям. Прежде всего нужно заметить: в последний период жизни Пребиш исходил из того, что кризис испытывают и "капитализм центров", и "периферийный капитализм", и "конкретный социализм". Что касается последнего, то здесь, по его мнению, происходит следующее: "избыточный доход улавливается государством и удерживается в его руках, что дает неконтролируемую экономическую и политическую власть тем, кто доминирует в этой системе. В силу подобной концентрации решения относительно того, что должно производиться и потребляться, принимаются на вершине системы в ущерб свободной инициативе предприятий и стимулам к повышению производительности... Соответственно нарушается динамичная роль дохода. Таким образом, кризис социализма есть кризис производительности. Отсюда следует вопрос кардинальной важности: до какой степени процесс демократизации (значимый сам по себе), способствуя свободной предприимчивости и игре стимулов, будет совместим с этой концентрацией власти на вершине системы?"²³.

Чему же отдал свой голос аргентинский ученый? Приводим его финальное заключение: "Выбор модели преобразований, который мы пытаемся определить... останавливается на синтезе социализма и либерализма. Социализма в том, что касается регулирования государством накопления и распределения. Либерализма в смысле осуществления на деле хозяйственной свободы, тесно связанной со свободой политической в ее первородном смысле"²⁴. Думается, перемены по-

следнего времени и в нашей стране, и в восточноевропейских государствах дали бы богатую пищу для теоретической мысли Пребиша.

Сделанное отступление, хотя и уводит нас от основного русла рас-суждений, косвенно подтверждает новое качество и, по существу, глобальный масштаб системы взглядов аргентинского ученого, сложившейся к исходу жизни. Именно в этот период его воззрения интегрируются в цельную, универсальную конструкцию, в ядре которой находится концепция латиноамериканской периферии МКХ. Подключены к этой концепции и его прежние представления о содержании экономических отношений между центром и периферией, о заложенном в них неравноправии. Пребишианское деление МКХ совпадает по главным параметрам с нашим представлением. Немало совпадений и в трактовке последствий неравноправного соединения латиноамериканской периферии МКХ с его центрами, и прежде всего с США или, как предпочитал выражаться Пребиш, "господствующим центром системы". Расхождения обнаруживаются в трактовке причин такого сочленения и связанных с ним экономических потерь.

Первичной "клеточкой" теоретической модели Пребиша является экономический "избыток", создаваемый ростом производительности в результате технического прогресса. Далее происходит несправедливое его присвоение - концентрация в немногих частных руках. Основу этого Пребиш видел (в отличие от прежней своей концепции "периферийной экономики") в социальной организации общества, в характере собственности. "Присвоение экономического избытка - структурный феномен, поскольку владение средствами производства, учитывая гетерогенность общественной структуры, позволяет их собственникам удерживать значительную часть прироста производительности, полученного благодаря техническому прогрессу"²⁵.

Что скрывается за понятием избытка? Схематичное объяснение его природы отталкивается от следующего постулата: "Избыток тесно связан с техническим прогрессом, который проявляется - благодаря накоплению капитала - в постоянном наложении новых технических слоев с возросшей производительностью на технические слои меньшей производительности. Этот процесс нескончаемо возобновляется"²⁶. В другой статье мы находим более конкретное истолкование - избыток охватывает "прибыль предприятий, процент на капитал, который они оплачивают, и амортизацию постоянного капитала"²⁷.

Нам трудно солидаризироваться как с объяснением происхождения избытка, так и с объяснением неравенства в его присвоении. Технический прогресс несомненно создает условия для "избытка", а в нашем понимании - дополнительного чистого продукта. Раздел же этого продукта вряд ли может происходить лишь по линии прироста, обеспечиваемого техническими усовершенствованиями. Подобную версию можно принять лишь за частный случай. Раздел складывается исторически и социально применительно к конкретным национальным условиям. Что касается истолкования, основывающегося на категории прибавочной стоимости, то оно не исключает, а предполагает добавочную прибыль, обусловленную техническими нововведениями, рационализацией в организации производства. Но это лишь часть (хотя бы и растущая) того, что присваивается владельцами средств производст-

ва по факту этой своей собственности и по факту ее отсутствия у другого субъекта производства - наемного работника.

Мы не встречаем в работах Пребиша соотнесения категории "избытка" с категориями марксовой политической экономии, с которой он несомненно был хорошо знаком. Можно лишь допустить, что Пребиш сознательно ограничивался частью продукта, создаваемой вследствие отклонения его стоимости на предприятиях, вырвавшихся вперед по техническим параметрам, от средней. И именно этот избыток, возникающий, пропадающий, снова возникающий в ходе конкуренции, воспринимался им как объект несправедливого присвоения. Вокруг избытка (по Пребишу) разворачивается "распределительная борьба", в которой участвуют различные силы: предприниматели, профсоюзы, государство и т.д. В конце концов владельцы средств производства и получают ту "значительную часть" технологически обусловленного "избытка", о чем говорил Пребиш. Несомненно, все это имеет отношение к непропорциональности распределения дохода, к тому, что "плоды технического прогресса" не доходят до неимущих слоев. Но в этом, на наш взгляд, не вся суть, а лишь один из аспектов проблемы.

Хотя Пребиш активно критикует постулаты неоклассической политэкономии, прокламируемая им неприменимость теории распределения продукта по предельной полезности факторов производства относится преимущественно (если не исключительно) к "периферийному капитализму", где нет места совершенной конкуренции. Порой дело сводится к аномалии для "нормального" капитализма и к закономерности для "периферийного". Причина появления "избытка", как уже говорилось, виделась им в структурных особенностях периферии - деформированное и разорванное во времени распространение технического прогресса, стандарты "общества потребления", утверждающиеся лишь на верхних этажах социальной пирамиды, постоянное превышение (!?) предложения над спросом по товарам, услугам и капиталу, с одной стороны, а с другой - чрезмерное обилие рабочих рук²⁸. Выходит, исключительная ситуация порождает "избыток", а также условия для его отчуждения верхами. Связь же с производством обнаруживается главным образом в характере проникновения и распространения технических новшеств.

Один из важных элементов концепции Пребиша - "структурная гетерогенность" периферии, которую он связывает с множественностью существующих "технических слоев" и соответствующих уровней производительности или продуктивности. По нашим представлениям, речь идет о технологических укладах. Но эти уклады опять же лишь часть экономического уклада, а еще полнее - социально-экономического.

Далее Пребиш отмечает, что на уровне низкой продуктивности сосредоточена хозяйственная деятельность преобладающей части рабочей силы. При этом важная причина - быстрый демографический рост. "В итоге по мере появления в экономике новых слоев с высокой продуктивностью доля дополнительного - создаваемого приростом продуктивности - дохода, которая не передается занятой в этих слоях рабочей силе и, подчиняясь законам рынка, задерживается в форме

избытка на предприятиях, оказывается больше, чем в центрах"²⁹.

Положение на периферии - по Пребишу - отличается от положения в центрах прежде всего из-за врожденного порока "динамической недостаточности и динамического неравновесия". Причину этого он видит прежде всего в "историческом запаздывании" развития периферии и в "преимущественно имитационном характере" ее развития. Итак, к характеристике "периферийного капитализма" Пребиш добавляет еще одно прилагательное - "имитационный". И в этом он видел качество, проистекающее от зависимого состояния определяемого объекта. "В своем стремлении развиваться периферия имеет тенденцию следовать тому, что делают и думают в центрах. Соответственно в противоположность их новаторскому капитализму периферийный по сути своей имитационен"³⁰.

В теоретическом объяснении "периферийного капитализма", так же как и в концепции "периферийной экономики", важная роль принадлежит категории зависимости. Пребиш связывает ее с "гегемонией центров" и в одном из своих очерков замечает: "... если ее предпочитают именовать зависимостью, у меня нет никаких возражений"³¹. Это, однако, не означает подмены или совмещения понятий. Зависимость по-прежнему осталась ключевой категорией, но с обогащенным содержанием. И, видимо, обогачение состоялось не без учета теоретических разработок проблемы зависимости "слева от Пребиша", о чем можно судить по тексту выступления аргентинского ученого в Центре экономического развития Лондонского университета в 1986 г.³² Важный элемент этого обогащения - понятие обусловленности, включающее и социально-политическую сторону вопроса.

Гегемония - или производная от нее зависимость - сопровождается и внешним влиянием (торговля, приток капиталов, передача технологии), и действием иностранных предприятий, расположенных на самой латиноамериканской периферии. Более того, подчеркивал Пребиш, интересы центров в силу их гегемонии "соединяются с интересами высших слоев периферии и участвуют вместе с ними во внутреннем осуществлении отношений власти..."³³. Пребиш также прямо говорит об экономической реализации гегемонии или зависимости. По его мнению, она выражается в том, что "центры принимают непропорциональное участие в улавливании части периферийного избытка"³⁴.

А как же реальности взаимозависимого мира? А как же тезис взаимозависимости, на котором в свое время строилось немало доказательств с позиций центров МКХ? Качество взаимозависимости полностью учитывалось Пребишем, но не без иронии он замечал: "Все мы взаимозависимы, но одни менее взаимозависимы, чем другие. Как в равенстве, о котором идет речь у Оруэлла, когда одни равны меньше других"³⁵.

Итак, внутренняя система отношений в модели "периферийного капитализма" воспроизводится в иной конфигурации отношений с центрами МКХ. Неравноправные отношения выражаются в "структурной зависимости", во "внешней уязвимости периферии и в соответствующем международном (вторичном по существу) перераспределении "избытка" в ущерб периферии и в пользу центров. Все эти

отношения, механизм перераспределения опосредуются валютно-финансовой формой. Уязвимость, зависимость, негативное перераспределение ставят в качестве важнейшей задачи реформу всей системы международных экономических отношений. Здесь уместно напомнить: именно Пребиш, вступив на пост генерального секретаря ЮНКТАД, в первом же своем докладе и впервые сформулировал идеи нового международного экономического порядка.

В последние годы жизни внимание Пребиша приковывается к злободневным вопросам кризиса, внешнего долга, международным валютным отношениям. Рассматривая последние, Пребиш подчеркивал их производный характер, а потому предупреждал об иллюзиях возможности урегулирования этих отношений в отрыве от прочих структур мировой экономики. "Реформа международной валютной системы ставит гораздо более серьезную проблему, чем просто перенастройка какого-то механизма. Это - проблема отношений власти в международном плане"³⁶.

Валютные неурядицы в капиталистическом мире не являются проблемой сегодняшнего дня. Свою стабильность международная валютная система утратила еще в 60-х годах, и уже тогда выдвигались самые различные проекты реформы. Однако, акцентировал Пребиш, проблема приобрела совсем иное качество. Он увязывал это с планетарным кризисом капитализма. "По своей сути капитализм сегодняшнего дня - как в центрах, так и на периферии, являющимися частями одной системы, - серьезно отличается от капитализма прошлого времени. И мы не сможем понять нынешний кризис, ограничиваясь латиноамериканской почвой вне глобального контекста системы"³⁷.

На периферии тяжело подорван процесс накопления капитала, во многом в силу обострения проблемы внешнего долга. "К этому следует добавить феномен особого значения: ликвидацию золотого стандарта, который был характерен для прежнего капитализма. Этот стандарт, со всеми его недостатками, устанавливал денежную дисциплину, которой уже нет в современном капитализме, подверженном сильным колебаниям доллара в его двойном качестве - как национальной, так и международной валюты"³⁸.

Положение же Латинской Америки особенно сложное, поскольку страны региона сильнее других привязаны к США и к доллару. "Тенденции к нарушению равновесия, которые рождает эволюция системы, усугубляются фискальными и валютными неурядицами основного динамического центра капитализма. Международные последствия всего этого тесно связаны с двойной ролью доллара... Производство золота требует усилий. В этом - при известных дефектах - коренилась относительная способность золотого стандарта к стабилизирующему действию. Ликвидация золотого стандарта способствовала переходу к доллару роли международной резервной валюты. Но доллар производится без особых издержек. А это означает, что страна, осуществляющая его эмиссию, имеет привилегию выпуска, но также ответственна за правильное выполнение такой функции"³⁹. Между тем, подчеркивал Пребиш, внутренние диспропорции в США воспрепятствовали контролю над эмиссией доллара как международной валюты. При нынешних условиях доллар не поддается должному регулированию. В

результате государства, вынужденные пользоваться долларом, страдают от диспропорций, которые возникают в США. Выступая в последний раз на сессии ЭКЛА, Пребиш говорил, что с введением долларовой стандарта "эмиссия денежных средств зависит уже не от мировых потребностей, а от потребностей страны, которая производит эмиссию доллара"⁴⁰.

И проблему валютных отношений, и проблему внешней задолженности Пребиш воспринимал как политические. Отвечая оппонентам, он говорил: "Рынок евродолларов возник вследствие политического решения крупных держав, прежде всего США. Отказ от регулирования рынка евродолларов, несмотря на раздававшиеся в то время голоса тревоги, означал политическое решение. Покрытие бюджетного дефицита в США не традиционным способом - за счет повышения налогов и сокращения расходов, а путем откочки внутренних сбережений и огромной массы сбережений из остального мира при помощи высочайших процентных ставок - также было политическим решением"⁴¹.

Подводя итог научной работы Пребиша в последнее десятилетие жизни, мы видим новую идейно-теоретическую систему, существенно отличающуюся от схемы "периферийной экономики". Центр тяжести перенесен аргентинским ученым на исследование внутреннего производственного механизма, и на этой углубленной основе модель "периферийного капитализма" вписана во всю систему МКХ, а по некоторым параметрам и в глобальную макросистему. Пребиш стремился увязать экономические процессы с узловыми социально-политическими проблемами, пытался определить путь, ведущий к социальной справедливости. Не случайно последние работы Пребиша сразу же нашли отклик у латиноамериканских ученых левого фланга и справедливо оценены ими как большой позитивный шаг в теоретических поисках сепализма⁴².

В научном анализе и полемических заметках главы сепализма содержится большой критический заряд, направленный против пороков "периферийного капитализма" и эксплуатации, которой страны региона подвергаются со стороны центров МКХ. Вместе с тем существенная общественная подоплека отношений основных "персонажей" теоретического сценария Пребиша (национальные государства периферии, социальные слои периферии - верхние привилегированные и средние, которые заражены вирусом потребительства, и обездоленные, представляющие рабочую силу, - и, наконец, "центры") как бы скрыта пеленой недоговоренности. Лишь в самых последних работах Пребиша можно обнаружить (к сожалению, в "попутных" замечаниях) связь привилегированного положения "высших слоев" и их паразитизма с высокой концентрацией собственности на средства производства и соответствующим распоряжением рычагами власти. Что же касается категорий "государство" и "центры", то и в последних работах они остались сухими абстракциями, поскольку лишены социальной плоти, преподносятся как величины, независимые от стоящих за ними конкретных экономических и политических интересов.

2. "ЛЮМПЕН-РАЗВИТИЕ" СТРАН-САТЕЛЛИТОВ

Наш критический очерк начат с сепализма и взглядов его признанного лидера не только потому, что сепализм во многом первенствовал в системно-концептуальном рассмотрении социально-экономических структур региона, представляя, несомненно, крупное явление в латиноамериканском обществоведении и, не исключено, в мировой экономической мысли. Критика сепалистской доктрины, отрицание ее постулатов дали почву для утверждения целого ряда новых идейно-теоретических течений. Среди первых леворадикальных критиков сепализма наиболее известен Андре Гундер Франк.

Осведомленный читатель скажет, что в данном случае автор отступает от избранного принципа - анализа концепций представителей научного мира Латинской Америки. Однако у нелатиноамериканца Франка особая судьба. Родился он в Берлине в 1929 г. Затем в 30-х годах семья Франка эмигрировала в США. Там он получил высшее экономическое образование и в 1957 г. защитил докторскую диссертацию в Чикагском университете. Впоследствии Франк напишет: "Условия моего собственного социального и интеллектуального формирования - среда североамериканского среднего класса, а моей профессиональной подготовки - наиболее реакционные круги буржуазии Соединенных Штатов (мой преподаватель по экономической теории стал основным советником Барри Голдуотера в его президентской кампании 1964 г.)"⁴³. Но Франк резко порывает с этой средой, перейдя на позиции леворадикальной политической экономии, представленной в США группой "Мансла ревью" во главе с Полом Бараном, Полом Суизи и Гарри Магдоффом. Их он и считает своими подлинными учителями.

С начала 60-х годов жизнь Франка и в прямом (продолжительная работа в Бразилии, Чили, Мексике), и в переносном смысле (объект научных интересов - реалии региона) связана с Латинской Америкой⁴⁴. Сам Франк неоднократно говорил и писал, что осознает себя латиноамериканцем. И мы не вправе отобрать у него эту привилегию, тем более что он действительно прочно вошел в историю современной общественной мысли региона, став, по существу, лидером одного из ее важных течений. Но вместе с тем мы, думается, вправе критически подойти к его воззрениям и критически оценить его идейное влияние.

С первых публикаций, посвященных латиноамериканской проблематике, Франк видел смысл своей научно-теоретической работы прежде всего в создании революционной антитезы десарролизму. Равно как и большинство латиноамериканских левых радикалов, он предпочитал этот термин, хотя фактически огонь критики направлялся против построений сепалистов. И это, очевидно, нуждается в пояснении. Десарролизм - весьма условное обозначение очень широкого спектра реформистских течений в экономической науке латиноамериканских стран. Общим знаменателем в данном случае может быть лишь поиск путей преодоления отсталости и ускорения хозяйственного роста такими методами, которые не затрагивают основные структуры собственности и власти. И в этом автор согласен с А.В.Шестопалом, который в отличие от А.Ф.Шульговского и Л.С.Поскоиной рассматривает десарролизм не как определенную научную школу, а как многослойный поток общественной мысли, имеющий общие рамки лишь по целевой установке⁴⁵.

Возвращаясь к позициям Франка, следует подчеркнуть, что сепализм (под прикрытием термина десарролизм) - один фланг его теоретической полемики. Другой - та часть левого лагеря, где считали, что латиноамериканская буржуазия еще не исчерпала свои прогрессивные функции в борьбе с пережитками феодализма, что завершение буржуазно-демократических преобразований - историческая необходимость, а потому можно рассчитывать на ее участие (по крайней мере отдельных фракций) в освободительном процессе, тем более имея в виду определенные противоречия националистически настроенной местной буржуазии с монополистическим капиталом империалистических держав⁴⁶.

В чем же суть первичной теоретической схемы Франка? Она определялась отношением к исходному моменту экономической истории Латинской Америки. "... Историческое развитие капитализма начало пропитывать, формировать и, по существу, характеризовать латиноамериканские общества... с самой конкисты в XVI веке"⁴⁷. Изучая "индейский вопрос", Франк утверждал, что латиноамериканские индейцы полностью интегрированы в капиталистическую систему, пусть даже в качестве жертвы "внутреннего империалистического капитализма"⁴⁸.

Франк не оставляет на латиноамериканской карте никакого места для "феодальной версии", но вместе с тем отрицает и всякие допущения по сохранению влияния автохтонных структур на последующие общественные образования. "Многие из тех, кто хочет опереться на Маркса в объяснении капиталистического рахитизма (в Латинской Америке.- *Авт.*), пытаются убедить нас, что этот рахитизм обусловлен феодализмом... Те, кто не может убедить феодальной легендой и самих себя, производят ныне эксгумацию марксовской типологии, включающей азиатский способ производства. Однако... подновленная азиатская идея, так же как старенькая история с феодализмом, служит лишь для сокрытия капиталистического факта и его неизбежных политических последствий"⁴⁹.

К чему же стремился сам Франк в своих теоретических поисках 60-х и начала 70-х годов? В проведенных исследованиях он пришел к твердому убеждению: ни национальный капитализм, ни национальная буржуазия не предлагают и не могут предложить дорогу для выхода Латинской Америки из круга слаборазвитости. Отсюда, по его мнению, вытекала "необходимость того, чтобы в слаборазвитых и социалистических странах были выработаны теория и методология анализа, способные охватить структуру и процесс развития капиталистической системы в интегральном мировом объеме и объяснить ее противоречивую эволюцию, которая одновременно порождает и экономическое развитие и слаборазвитость (субразвитие.- *Авт.*) на уровне международном, национальном, локальном и отраслевом"⁵⁰.

Пытаясь внести вклад в решение такой задачи, Франк предложил свою теоретическую модель мировой капиталистической системы. При этом базовой "клеточкой" стала категория избытка, казалось бы, как у Пребиша, который, однако, никогда не претендовал на звание марксиста, чего не скажешь о самом Франке. Почему же тот пренебрег ключевыми категориями марксовской политической экономии, такими, как прибавочный продукт, прибавочная стоимость, наконец, общепринятым понятием прибыли? Объяснение дается им следующее: "Специфические теоретические категории, выведенные из опыта развития классического капитализма в странах-метрополиях, сами по себе не подходят для решения этой задачи"⁵¹.

Признаться, подобное утверждение звучит довольно странно, поскольку Франк сам постулировал сущностное органическое единство капиталистической системы как в развитом, так и в слаборазвитом варианте и изначально отбросил малейшие сомнения в капиталистической природе латиноамериканских обществ. Но, быть может, избыток действительно дал ему какое-то новое качество анализа, позволил

вскрыть более глубокое содержание? Ознакомление с его работами не создает подобного впечатления.

Складывается иное представление. Франк произвел механический перенос категории, использованной его учителем П. Бараном. В этой связи аргентинский исследователь Карлос Ассадурян (автор одного из лучших критических разборов концепции Франка) отмечал, что понятие экономического избытка по-разному воспринималось меркантилистами, физиократами и классиками буржуазной политической экономии - Адамом Смитом и Давидом Рикардо. Маркс же выявил до той поры скрытую внутреннюю суть. Для капиталистического производства - а не для производства вообще - Маркс выделяет категорию прибавочной стоимости, показывая, что излишек (surplus) рождается в сфере производства, а обнаруживается в процессе товарного обращения. Иными словами, предшествовавшие понятия были трансформированы Марксом в категорию прибавочной стоимости - приращенного продукта (surplus).

Франк, подчеркивал Ассадурян, подменил марксову категорию расхожим понятием. Не встречая в произведениях Франка вразумительного объяснения такого шага, Ассадурян предполагает: похуже, он следует рекомендациям Барана и Суизи, которые предпочли излишек прибавочной стоимости, считая, что это поможет им придать нестандартный ракурс теоретическому исследованию⁵². (Баран и Суизи утверждали, что традиционный марксизм "перебрал" в акцентировании производства в ущерб анализу сферы обращения.) Подмена действительно меняет ракурс, и Франк, подчеркивал Ассадурян, сосредоточившись на обращении, по существу, отгородился от производства⁵³.

Специфическое отчуждение и присвоение экономического избытка служит, по Франку, материальной основой для расширенного воспроизводства системы "метрополия-сателлит". Ссылаясь на тезисы Барана о глобальной взаимосвязи развития монополистического капитализма в передовых странах, с одной стороны, и экономической и социальной отсталости в слаборазвитых странах - с другой, а затем на положения о двух полюсах мирового капитализма, сформулированные советскими авторами в 50-х годах (Куусинен, Арбатов и др.)⁵⁴, Франк рисует схему, которую мы даем в буквальном изложении.

Метрополия присваивает экономический избыток своих сателлитов и использует его для собственного экономического развития. Сателлиты же остаются слаборазвитыми, поскольку не имеют доступа к своему же избытку, а также вследствие поляризации общества и эксплуататорских противоречий, вносимых и поддерживаемых метрополией внутри стран-сателлитов. Сочетание этих противоречий стимулирует процесс развития метрополии, все более усиливающей свое господство, и обуславливает процесс "субразвития" сателлитов, с каждым разом все более зависимых. Из этого Франк выводил однозначное заключение: так будет продолжаться до тех пор, пока эти противоречия не разрешатся "разрывом с капитализмом, произведенным одной или обеими взаимозависимыми частями"⁵⁵.

Франк придал универсальное значение схеме "метрополия-сателлит". Он утверждал, что такое противоречивое отношение (связь)

между метропольным центром и периферийным спутником, как процесс экспроприации - присвоения избытка, пронизывает всю мировую капиталистическую систему: от высшего мирового метропольного центра до каждого национального, регионального, локального центра или ведущего предприятия. "Капиталистические противоречия воспроизводятся внутренне и порождают тенденции к развитию национальной метрополии и к субразвитию ее внутренних спутников, так же как это происходит на мировом уровне, но с важным отличием: развитие национальной метрополии неизбежно сопряжено с ограничениями, препятствиями или с субразвитием, которых не знает мировая капиталистическая метрополия, поскольку национальная метрополия является в то же время спутником, а мировая метрополия - нет. Аналогичным образом метрополии региональные, локальные или отраслевые в стране-спутнике ограничены в своем развитии капиталистической структурой, которая делает их зависимыми от всей цепи расположенных над ней метрополий"⁵⁶. Заметим попутно, что зависимость, появляющаяся в конструкции Франка, фактически носит механический характер.

Упрощенные схемы Франка сразу же вызвали критику с самых разных сторон. Можно даже сказать, что он превратился в "плохого мальчика" латиноамериканского обществоведения 60 - 70-х годов. Немало претензий было предъявлено ему серьезными исследователями леворадикального направления. Среди этих претензий - прямолинейность, недиалектичность, смешение промышленного и торгового капитала, непонимание нового качества монополистического капитализма, игнорирование таких базовых категорий, как способ производства, искажение теории общественной формации и т.п. Но наиболее болезненным для автора оказалось обвинение в игнорировании классовой предопределенности общественного развития, специфики социально-классовой структуры латиноамериканских стран. Ведь Франк видел свое предназначение в том, чтобы дать теоретическое оружие тем, кто отважится разрушить систему "метрополия-спутник", вернуть экономический избыток подлинным хозяевам. Как заклятие повторял он в своих многочисленных очерках - в странах-спутниках лишь один вывод: "революция вооруженным путем и строительство социализма"⁵⁷.

Уже в 1969 г. он написал полуалиби-полупокаяние ("Mea culpa"), в котором отверг, на его взгляд, напраслину, но признал недостатки по части анализа классов. Франк полностью соглашается: "... субразвитие такого зависимого общества, как латиноамериканское, нельзя понять, если оно не рассматривается исторически как продукт буржуазной политики, соответствующей классовым интересам и отношениям, которые, в свою очередь, определяются зависимостью латиноамериканского спутника от колониальной, а затем империалистической метрополии"⁵⁸.

Между тем аналитические усилия, которые Франк предпринял в очередной книге для восполнения "пробелов" предыдущей, и соответствующие теоретические выводы, внося мало нового по существу проблемы, немало прибавили по форме. Возникают новые, порой экстравагантные определения тех понятий, которыми он уже оперировал в

предыдущих работах. "Рахитичная и беспомощная" латиноамериканская буржуазия именуется теперь люмпен-буржуазией. Эта пассивная буржуазия активна в том смысле, что, используя правительство и другие инструменты государства, осуществляет "политику субразвития" в экономической, политической и культурной областях. И когда изменения в формах зависимости модифицируют экономическую и классовую структуру, происходят одновременно сдвиги в политике господствующей буржуазии. За редкими и частными исключениями эти сдвиги венчаются еще большим укреплением уз экономической зависимости, которые опять же поддерживают политику господствующих слоев и способствуют усугублению субразвития в Латинской Америке⁵⁹.

Видимо, ощущая недостаток аргументов, Франк снова прибегает к риторическому усилению, изобретая еще одно словообразование - люмпен-развитие⁶⁰. Это все то же субразвитие, которое Франк описывал в прежних работах. К счастью, на сем "люмпенизация" терминологии прекращается. Что же остается? Помимо люмпен-буржуазии в классовой структуре по существу выделены лишь "народные массы", которые без всяких дефиниций будут осуществлять "революцию вооруженным путем и строительство социализма".

Итак, надуманная схема "сателлизации" Латинской Америки, по существу, была основана на модели линейной зависимости. Из нее выводилась функция автоматического изъятия прибавочного продукта, создававшегося на периферии, и присвоения его империалистическими центрами. Периферии, согласно схеме Франка, была уготована одна участь - экономическое и социальное прозябание. Для стран-сателлитов автор не видел никакой иной альтернативы, кроме взрывного нарушения гегемонии "суперзвезды".

Произошла явная абсолютизация зависимости в отношениях между государствами, которые Франк рассматривал как целостные организмы. Одни он фактически уподобил мировой буржуазии, другие - мировому пролетариату. Из поля зрения полностью выпала социальная определенность зависимости. Хотя Франк и вводил классовые дефиниции для стран-сателлитов, оперировал он при этом неадекватными понятиями. Социальное расслоение и экономическая детерминация политики объяснялись односложно - отношениями господства и подчинения, действующими в международном масштабе. Франк не сумел указать достаточно убедительную теоретическую альтернативу. В его рассуждениях эмоциональный импульс опередил рациональный, а склонность к априорным схемам помешала поиску истины.

Между тем воззрения Франка и его отнюдь не малочисленных латиноамериканских единомышленников получили широкое распространение в странах региона, и прежде всего в стане радикально настроенной демократической молодежи. Работы Франка печатались и перепечатывались в разных странах, переходили из рук в руки, живо обсуждались в студенческой среде.

В чем же секрет популярности Франка? Ассадурян полагает: радикальные, полемически эффектные тезисы этого ученого-публициста попали на благодатную почву, на острие идейно-теоретической борьбы своего времени⁶¹. И это было действительно так.

Историческая обстановка 60-х годов, духовная и политическая атмосфера того времени характеризовались эмоциональным подъемом, вызванным кубинской революцией. Эффект был самым многообразным. Под его воздействием теряли влияние теории национального капитализма, доктрины экономического национализма и интегральной модернизации, сторонники которых призывали массы к жертвам во имя создания на национальной и независимой основе "идеального рыночного общества", свободного от недугов развитых капиталистических стран. Национал-реформистские концепции экономического развития, опиравшиеся на традиционные построения сепалистов, скомпрометировали себя сближением с "имперским" реформизмом в амбициозном проекте Дж.Кеннеди "Союз ради прогресса", который мыслился и как антитеза кубинскому примеру, и как средство для достижения управляемости процесса социально-экономической модернизации. Недолгая жизнь нового альянса, объяснявшаяся неспособностью противопоставить в то время революционной альтернативе эффективное решение ключевых проблем региона на эволюционном пути, вызвала разочарование среди сторонников национал-реформизма. Тем временем распространение культуры гуманистического лево-демократического мышления - в том числе творческого марксизма - происходило в регионе в ограниченных пределах. Сказывалась недостаточная подготовленность социальной почвы, запреты на деятельность левых партий. Десятилетия научно-педагогической, публицистической и политической деятельности передовых латиноамериканских мыслителей дали свои плоды, однако в большинстве стран региона было очень далеко до серьезного влияния их идей на массовое сознание, даже в среде интеллигенции. В этих условиях образовался идейно-теоретический вакуум, который стали активно заполнять концепции леворадикального примитивизма. В одних случаях это были скороспелые собственные теоретические схемы, в других - заимствованные (главным образом у "новых левых" Западной Европы и США), в третьих - гибридные формулы. К последним в их экономическом варианте и можно, на наш взгляд, отнести построения Франка 60-х и начала 70-х годов. Политологические интерпретации того же порядка представляли произведения Режи Дебре - идеолога повстанческого движения. Франк сам заметил: иные критики "говорят, будто моя книга представляет собой социально-экономическое обоснование политических выводов Дебре. Дай то бог, чтобы было так!"⁶².

Бунтующей молодежи, разумеется, не доставало серьезной теоретической подготовки и опыта политической борьбы. Ее интуитивный протест ориентировался на неотложное действие. И специфический спрос встретил адекватное предложение. Эффектные тезисы Франка быстро усваивались нетерпеливой молодежной средой (ведь она получала легкие ответы на трудные вопросы), перекачивала в программные документы различных левацких организаций, влияя - если не прямо, то косвенно - на отдельные группы членов и сторонников коммунистических и социалистических партий. Но влияние Франка и его единомышленников не могло выдержать долгой проверки временем. В конце 60-х - начале 70-х годов он, как уже отмечалось, подвергся

острой критике в той самой среде, в которой вращался, - в леворадикальных кругах молодого поколения латиноамериканской интеллигенции. Аргументы "подбрасывала" изменившаяся конкретная обстановка, ломавшая упрощенные представления повстанческого движения, в большинстве случаев "не понятого" массами и неспособного прорвать цепь "военно-политического окружения". Динамичный экономический рост в ряде стран региона - при военных диктатурах или без оных - заставлял усомниться в действии механизма "отчуждения - присвоения сателлитного избытка" и системы "люмпен-развития". Усиление автономии внешней политики вполне буржуазных правительств в ряде латиноамериканских стран, серия проведенных ими в 70-х годах крупномасштабных национализаций, казалось, отбирали политический хлеб у левых и уж, несомненно, не вписывались во франковский образ "люмпен-буржуазии". Неудивительно, что во второй половине 70-х годов популярность идей Франка и его единомышленников резко падает.

К середине 70-х годов, не пересматривая прежние взгляды, Франк уходит от прямого повторения тезисов "сателлитизации", стремится обогатить свои теоретические схемы анализом конкретных проблем латиноамериканской и международной действительности. Его научная деятельность приобретает более академичный и менее политизированный характер. Возможно, сказалась и смена "среды обитания" - Франк переезжает в Западную Европу, работая в университетских центрах Англии, Голландии, Западного Берлина.

Помимо ряда очерков по экономической истории латиноамериканских стран, он пишет статьи об особенностях классовой борьбы в экономически зависимых странах, о значении требований нового международного экономического порядка, о роли государства. К концу 70-х - началу 80-х годов Франк обращается (как, впрочем, и большинство латиноамериканских обществоведов) к наиболее животрепещущим экономическим проблемам региона - вопросам кризиса и внешней задолженности⁶³. Тональность публикаций того времени показывает, что Франк стремился к своего рода реабилитации после многочисленных обвинений в схематизме и вульгаризации марксизма, в игнорировании либо извращении сути классовой борьбы, в методологическом электизме.

Итогом научной и публицистической деятельности 70-х годов можно считать две монографии (1978 и 1980-1981 гг. издания), где предпринята попытка дать глобальную картину современной экономической и социально-политической действительности⁶⁴. Идеи этой работы были синтезированы Франком в статье с интригующим (как всегда) заголовком "Развитие кризиса и кризис развития", опубликованной мексиканским журналом в 1980 г., а также в докладе на II конгрессе экономистов "третьего мира" в Гаване в апреле 1981 г.⁶⁵

Каковы основные мотивы концепций зрелого (уже пятидесятилетнего) Андре Франка на этом этапе? Наряду с явным прогрессом революционного антиимпериалистического движения в странах "третьего мира" он отмечал ряд объективных процессов и субъективно-политических тенденций, внушающих пессимизм и разочарование.

В трактовке Франка доминантой эпохи является кризис, причем

отноюдь не конъюнктурный и даже не столько структурный, а универсальный, охватывающий все регионы, все социально-политические системы, и весьма протяженный во времени. Фактически речь идет не о единовременном акте, а о кризисном периоде. Кризис проявляется прежде всего объективно - в экономической области. Здесь он представляет явление, аналогичное по своему порядку предыдущим кризисам: тому, который наблюдался в 1873-1895 гг., а затем тому, который начался в 1913 г. и "продолжался до конца второй мировой войны"⁶⁶.

Сразу же обращает на себя внимание непонятный пропуск кризиса 30-х годов и игнорирование его самостоятельного значения. С другой стороны, история предстает как сплошная полоса кризисов, с крайне малыми "бескризисными" периодами. Для времени "без кризиса" остается совсем маленькое место. Может быть, здесь сказывается традиционная гиперболизация, свойственная Франку. Но вернемся к логике его рассуждений. Начало современного - пространного, по существу эпохального - кризиса относится им к середине 60-х годов. Франк не останавливается особо на его причинной основе. Главное внимание концентрируется на проявлениях и последствиях в различных сферах и регионах. Выделяется преимущественно одна причинная связь - динамика нормы прибыли. По ней Франк и ориентируется в датировке кризиса (середина 60-х годов - начало уменьшения средней нормы). Далее он утверждает: <<Для того, чтобы капитал восстановил "адекватный" уровень прибыли и инвестиционный импульс, который вытолкнет капитализм из нынешнего кризиса накопления, для того, чтобы начался новый период экспансии, необходима не столько новая технологическая база, сколько рентабельное введение новой технологии. Соответствующие инвестиции должны опираться на последующее серьезное политическое поражение трудящихся - так, как произошло в период между 20-ми и 40-ми годами>>⁶⁷.

Согласно этой позиции, Франк объясняет многие явления через стремление к понижению издержек на рабочую силу. С этим же он связывает неоконсервативную волну. По его мнению, налаживание экономических отношений развитых капиталистических стран с социалистическими и массивное смещение производства, контролируемого ТНК, в "третий мир" послужили "выпускными клапанами" для перенакопления и перепроизводства на Западе. Более того, наблюдаемая им тенденция к экономической интеграции Запада и Востока связывает, по его мнению, революционный потенциал Востока⁶⁸.

Франк не возвращается к идее сателлитизации, он, казалось бы, видит процесс изменений в широком мировом контексте. Вместе с тем социально-экономическое развитие Латинской Америки и других стран "третьего мира" трактуется им довольно односложно. Переход от импортзамещения к экспорториентированной индустриализации Франк сводит лишь к одному - к интересам ТНК и в целом к императивам мирового накопления капитала как функции центров империализма. Для периферии в этом усматривались лишь негативные последствия - модернизация эксплуатации и еще большая зависимость.

Ощущающийся уже здесь экономический детерминизм распространяется на объяснение политических процессов. Экспорториентиро-

ванная экономическая политика почти механически связывается Франком с усилением политических репрессий⁶⁹. Начавшиеся процессы демократизации в ряде латиноамериканских стран не вписывались в эту схему. И автор ищет обходное объяснение: «Можно также утверждать, что процессы последнего времени не представляют собой движение вспять относительно новой модели экономического включения в международное разделение труда, которое возникло как реакция на мировой кризис. И эта видимая демократизация есть не что иное, как свидетельство институционализации новой модели экономического роста, основанного на продвижении экспорта. Для того чтобы внедрить модель, были необходимы жестокие политические репрессии. Однако после ее имплантации и включения в действие можно отпустить вожжи. Действительно, на этом этапе не только возможно, но даже необходимо и желательно - с политической точки зрения - добиться расширения социальной базы режима и установить что-то вроде ограниченной демократии путем передачи власти военного правительства гражданскому... Эта предполагаемая редемократизация будет иметь своей целью поддержание и институционализацию нового включения "третьего мира" в международное разделение труда как поставщика дешевого труда в обстановке нынешнего мирового кризиса»⁷⁰.

Такая постановка вопроса не согласуется с реальностью по ряду позиций. Во-первых, трудно говорить о том, что модель, о которой говорил Франк, уже вполне определилась и работает на "полных оборотах". Во-вторых, процессы демократизации в странах региона в ряде случаев существенно превосходят те жесткие рамки, которые предусмотрены схемой Франка. В-третьих, процесс модернизации при всех издержках усиливает собственный экономический потенциал периферийных стран (пример Южной Кореи и до некоторой степени Бразилии).

Обращает на себя внимание изменившееся отношение к латиноамериканской буржуазии. Франк вносит разграничение, выделяя ту ее часть, которая связана с внутренним рынком, и показывает, что она тоже пострадала от авторитарных режимов, внедрявших новую экономическую модель⁷¹.

Следуя логике "универсального кризиса", Франк усматривал его в освободительном движении в "третьем мире" (перерождение ряда революционных режимов), в коммунистическом движении (еврокоммунистическая линия), в отношениях между социалистическими государствами (советско-китайский, китайско-вьетнамский конфликты и т.д.), в отношении последних со странами "третьего мира" (сохранение связей с реакционными режимами и слабая поддержка прогрессивных). Причем в новых массовых движениях он обнаруживал и весьма опасную, на его взгляд, тенденцию. Всеобщий кризис, обуславливая ломку прежних экономических и социально-политических структур, привычных устоев и ценностей, стандартов общественного сознания, провоцирует вредные выбросы. Франк говорит о возрождении национализма, который уже нельзя считать фактором борьбы за национальное освобождение, а тем более за социализм, как это ощущалось на протяжении всего XX века. «Наоборот, как и столетие

назад, встает вопрос: заслуживают ли эти движения поддержки с точки зрения возможного вклада в дело прогресса и социализма, или по большей части следует осудить новый национализм, имея в виду последствия объективно реакционные и даже контрреволюционные...>>⁷². Ведь многие националистические движения, сетует Франк, служат сегодня объектом манипуляций, легко используются консервативными силами. На этой основе Франк пришел к выводу: <<Сейчас вполне реальна угроза того, что социализм будет принесен жертвой на алтарь национализма>>⁷³.

Каков же глубинный смысл сложных процессов, разворачивающихся в современном мире? Пытаясь разобраться, Франк ставит дилемму: или мы все еще обитаем во многих различных обществах и переносим одновременно различные по своему характеру кризисы, или же на самом деле существуем в едином мире, который претерпевает общий кризис, хотя и в разных проявлениях. Казалось бы, возрождение стольких и столь разнородных движений (политических, националистических, сепаратистских, этнических, традиционалистских и религиозных), выражающих специфическое восприятие кризиса, указывает на то, что мир состоит из множества фрагментов или распадается на них. И каждый пытается утвердить собственные культуру, традиции, образ жизни. Франк предпочитает иное объяснение: содержание большинства подобных движений все же превосходит по своему значению то, что можно было бы относить на счет различий в реакциях недовольства и восприятия многих частных кризисов, порождаемых эволюцией единой мировой системы. Ведь она проходит сейчас полосу универсального кризиса развития, задевающего всех обитателей планеты. Такое объяснение, по убеждению Франка, вытекает из изучения исторического движения и диффузии капиталистической системы, стремящейся к поглощению всех еще неосвоенных ею районов⁷⁴.

В той или иной интерпретации эти мотивы звучат в произведениях Франка на протяжении последнего десятилетия, причем во все более широком контексте. Основу для размышлений в глобальном масштабе и с позиций долговременных мироисторических процессов дают ему исследования, проведенные самостоятельно либо в содружестве с Джованни Арриджи, Самиром Амином, Иммануэлем Валлерстейном - известными третьемироведами, вступившими, как и Франк, на путь глобалистики⁷⁵. Речь идет о новом раунде утверждения идеи общемировой обусловленности развития, о своего рода иерархии событий и тенденций, при которой локальные и страновые явления, взаимосоливаясь и взаимопогашаясь, подчинены высшей логике цивилизационного потока. При всей многоликости этого потока основой остается экономическая динамика. Та, в свою очередь, настаивал Франк, зиждется на императиве накопления капитала. "Вероятно самой решающей движущей силой мирового исторического процесса (а через него - социального и политического процесса в любой национальной, культурной и другой среде) является единый мировой процесс накопления капитала"⁷⁶.

Итак, прочие реалии становятся производными. Единый процесс движения единой мировой системы на основе накопления и экспансии

капитала, похоже, не имеет альтернативы. Последняя позиция Франк была подтверждена в его докладе на советско-американском симпозиуме "Социальный прогресс в современном мире: варианты развития" (Москва, 1990 г.). По его мнению, было ошибкой считать, что мировая экономика делилась на две системы - капиталистическую и социалистическую. Она была и остается единой вот уже пять веков. При этом Франк отрицал традиционную концепцию стадийности исторического процесса, которая, якобы нужна была сталинизму для подтверждения его догматических тезисов. Наряду с этим он отнюдь не разделяет ту точку зрения, что социально-классовые мотивы перестали определять действия людей.

Какое же все же место занимает Латинская Америка и другие регионы "третьего мира" в последних построениях Франка? Единый мир, единая мировая экономика в принципе дуальны при всем многообразии, при всех национально-локальных особенностях. Ни поступательный процесс накопления капитала, ни цикличность (макроцикличность), ни кризисы, поражающие макросистему, не приводят к принципиальному изменению основополагающей структуры "центр - периферия". Гегемония, конкуренция и цикличность развития - определяющие черты мировой динамики. Ситуация зависит от того, кто станет гегемоном, а кому придется уйти на периферию в очередном цикле.

Латиноамериканский регион интегрируется в модель единого мира, не имея сегодня оптимистической перспективы. Возобладала консервативная интегрирующая сила технотронного капитала, которая вызывает у Франка пессимистические настроения. Перед лицом новой реальности он делает вывод о "полном банкротстве" ортодоксальных теорий и идеологий развития, а также теории зависимости. Оставим в стороне свойственную Франку абсолютизацию. Обратим внимание на "теорию зависимости". Очевидно, Франк не может отделять себя от нее. Во всяком случае, большинство зарубежных критических исследований неизменно относят Франка к этому латиноамериканскому течению леворадикального обществоведения⁷⁷. Автор присоединяется к такой точке зрения с единственной поправкой - теоретические схемы "метрополия-сателлит" и "люмпен-буржуазия - люмпен-развитие" следует отнести к ранним и упрощенным трактовкам зависимости. Что же получается в итоге? Сегодняшний Франк отрицает Франка сорокалетнего? Похоже, во многом так оно и есть.

3. ОБУСЛОВЛИВАЮЩАЯ СИТУАЦИЯ, "СУБИМПЕРИАЛИЗМ" И ПРОТИВОРЕЧИЯ НОВОГО ЭТАПА

В конце 60-х годов основы нового идейного течения заложила группа обществоведов, сформировавшаяся под руководством Теотонио дос Сантоса в Центре социально-экономических исследований (СЭСО) на факультете экономических наук Университета Чили. Ядро группы составляли бразильские политэмигранты; среди них (помимо Дос Сантоса) известные в Латинской Америке авторы Ваниа Бамбирра и Руй Мауро Марини. Сотрудничали в СЭСО чилийцы Орландо Капу-

то, Роберто Писарро, Томас Амадео Васкони, Серхио Рамос, перуанец Анибал Кихано, выходцы из других латиноамериканских стран.

Группа СЭСО развернула аргументированную критику сепалистской школы (или десарролизма, как она чаще всего и недостаточно корректно именовалась в 60-е годы) и в то же время отмежеввалась от упрощенческих построений, подобных тем, которые предлагались Франком. Основным фокусом своего анализа она избрала зависимость, превратив ее в базовую методологическую категорию. Отсюда происходит наименование, закрепившееся за представителями данного течения. В латиноамериканской обществоведческой литературе их стали именовать депендентистами (от исп. *dependencia* - зависимость).

Свое отличие от Р.Пребиша и его сторонников из ЭКЛА группа СЭСО видела в ряде принципиальных позиций, которые позднее были сформулированы в книге О.Капуто и Р.Писарро: "Для десарролизма... зависимость сводится к проблемам, возникающим в области внешней торговли периферийных стран. Для нас же зависимость означает установление определенных пределов и возможностей развития зависимых обществ. Потому-то зависимость и сказывается на зависимом обществе во всей его совокупности, представляя его отличительную особенность... Поскольку анализ зависимости у десарролистов сосредоточен не на основополагающих отношениях, а на их конкретных следствиях, то они предлагают изменения на уровне тех самых следствий - изменения частного порядка, не затрагивающие всей совокупности сущностных отношений, которые их предопределяют. Именно отсюда вытекает предположение, будто зависимость можно ликвидировать в рамках мировой капиталистической системы... Воспринимая зависимость механически, замечая ее последствия лишь во внешнем секторе, десарролизм не мог понять наиболее значимые отношения, которые возникают на данной монополистической фазе развития капиталистической системы"⁷⁸.

Противоположная граница идейно-теоретических позиций группы СЭСО была обозначена в ранних работах Дос Сантоса. Эти положения были затем приведены и прокомментированы самим Франком в уже упоминавшейся статье "Mea culpa". Они сводились к следующему: <<В основном наша критика теории Гундера Франка связана с тем фактом, что ему не удается преодолеть структуралистско-функционалистский характер системы того же Гундера Франка. Происходившие изменения - а ведь Франк признает их важность - предстают в его исследовании как "иррациональные" или как результат действия конъюнктурных факторов... Первое противоречие модели Франка (отчуждение - присвоение избытка.- *Авт.*)... не объясняет, почему тот избыток, который все же остается в Латинской Америке, используется тем или иным образом...>> Это выдержка из рецензии Дос Сантоса в американском журнале "Мансли ревью" на первую книгу Франка.

Другое замечание - из работы Дос Сантоса "Кризис теории развития и отношения зависимости в Латинской Америке". Бразильский ученый подчеркивал: <<Наследие колониального экспортного порядка предопределяет параметры "освобожденной" Латинской Америки. И не только потому, что у нас изымают большую часть нашего избыт-

ка, как считает Франк, но преимущественно потому, что наши социально-экономические структуры приобрели зависимый характер... Речь идет не о сателлитизации, как это представляется Андре Г. Франку, а о воспроизводстве определенных внутренних структур, которые обусловлены международной ситуацией зависимости»>>.

Третья претензия Дос Сантоса высказанная в "Мансли ревью", сводилась к следующему: <<Конструируемая им (Франком.- Авт.) колониальная схема не может "комбинироваться" с классовым анализом, как он того хотел бы... Что же касается изменений в существующей системе, то недостаточно показа преемственности в унаследовании колониальной структуры. Необходимо объяснить, как, несмотря на преемственность зависимости, она меняла свои формы. Ведь именно эти изменения подвели к нынешнему глубокому кризису, который требует социалистического решения...>>⁷⁹.

Апеллируя к мнению Дос Сантоса, как лидера СЭСО и намереваясь в дальнейшем проследить эволюцию взглядов депендентистов в основном по его произведениям, необходимо сказать вкратце и о нем самом. И не только для того, чтобы ввести информацию, помогающую понять теоретические позиции этого видного латиноамериканского обществоведа, сколько потому, что судьба Дос Сантоса отражает судьбу его поколения - экономистов и социологов, занимавших активную жизненную позицию, стремившихся познать реальность, осмыслить ее теоретически, а теоретические выводы перевести в область политического действия.

Теотонио Дос Сантос родился в 1937 г. в небольшом городе Карангола, что в бразильском штате Минас-Жерайс. В 1961 г. поступил на отделение социологии и политологии экономического факультета Университета Минас-Жерайса. С юношеских лет окупнулся в политическую жизнь, став студенческим лидером. Уже в 1961 г. основал независимую марксистскую группу ПОЛОП - Рабочую политическую организацию. С 1962 г. как студенческий лидер участвовал в создании высшего учебного заведения нового типа по проекту группы демократически настроенных интеллигентов, возглавлявшейся известным социологом Дарси Рибейру. В 1964 г. уже в созданном по этому проекту первом университете новой бразильской столицы Теотонио Дос Сантос одним из первых защитил диплом на звание магистра, после чего был оставлен в качестве преподавателя экономического факультета. Военный переворот не дал сложиться спокойной преподавательской карьере. Дос Сантос вынужден покинуть Университет Бразилиа, где сразу же после переворота был уволен за явную неблагонадежность. Он скрывается в Сан-Паулу, где до 1966 г. живет на нелегальном положении, участвуя в действиях подпольных леворадикальных организаций.

Осужденный военным трибуналом за "организацию мятежа", Дос Сантос скрывается и затем получает политическое убежище в Чили. Именно здесь начинается его активная научная работа в качестве преподавателя-исследователя Чилийского университета. В 1966-1969 гг. при этом университете, в Центре социально-экономических исследований, складывается интернациональная группа молодых марксистов, в которой Дос Сантос при всем равенстве товарищеских отношений выделяется как неформальный лидер. Эта роль становится формальной в годы правительства Народного единства, когда Дос Сантоса избирают директором СЭСО. Именно тогда, в начале 70-х годов, работы Дос Сантоса получают латиноамериканскую известность. Дальше - снова военный переворот, включение в список разыскиваемых "опасных иностранных марксистов", метания по импровизированным явочным квартирам и "прорыв" в панамское посольство. Затем - долгое, полугодовое томление в стенах посольства среди десятков других "подрывных элементов" в ожидании возможности выезда из страны. Лишь в мае 1974 г. благодаря вмешательству мексиканских дипломатов ему удается выехать в Мехико; теперь уже как дважды политическому беженцу.

В Национальном автономном университете Мексики (УНАМ) Теотонио встречают единомышленники, почитатели его научных работ. Он избирается директором отдела-

ния докторантуры экономического факультета УНАМ. Здесь он организует семинары по политической экономии научно-технического прогресса, пишет ряд работ по проблемам научно-технической революции, по общим вопросам развития современного капитализма. Известность Дос Сантоса пересекает латиноамериканские границы. Его приглашают для чтения лекций и участия в международных конференциях в США, Англию, на Кубу, в СССР и другие страны.

В 1979 г., получив известие об амнистии в Бразилии, Дос Сантос возвращается на родину. Там он становится одним из основателей Демократической трабальстской партии, одним из соавторов ее политической программы, ориентирующей на массовое социалистическое движение. Сначала Дос Сантос работает в Рио-де-Жанейро и Белу-Оризонти (до 1986 г.), занимаясь преимущественно политической и преподавательской деятельностью (католический университет Рио-де-Жанейро, католический университет Минас-Жерайс). Затем в 1988 г. после почти четвертьвекового перерыва возвращается в Университет Бразилиа, используя право реабилитации по окончательной амнистии 1985 г. В последние годы Дос Сантос привлекался для работы в ЮНЕСКО, ООН, ЛАЭС, международном Институте мира, бразильском Совете по исследовательской деятельности. На 1986-1988 гг. был избран президентом Латиноамериканской ассоциации общественных наук.

Еще в СЭСО Дос Сантос и его единомышленники поставили задачу: на базе марксизма создать новую теорию, объясняющую социально-экономические особенности латиноамериканской периферии МКХ на монополистической стадии. "Изучение развития капитализма в доминирующих центрах, - писал Дос Сантос, - породило теорию колониализма и империализма... Изучение развития наших стран должно породить теорию зависимости"⁸⁰. Речь шла о том, чтобы "дополнить" трактовки основоположников марксизма, точка зрения которых, по мнению депендентистов, представляла "взгляд из центров", что невольно ограничивало анализ прямым влиянием центров МКХ на периферию без должного учета "обратной связи" и многообразных особенностей "периферийных объектов".

Депендентисты твердо считали себя марксистами, а многие еще и марксистами ленинской ориентации. Вместе с тем нельзя не заметить в их теоретических построениях достаточно разнородного влияния. Для доказательства этого тезиса можно было бы обратиться и к текстологическому анализу, и конкретному разбору политического контекста, в котором складывались концепции депендентистов. Но не будем домысливать. Предоставим слово им самим. Вот что по этому поводу писала Бамбирра в конце 70-х годов: «Концепция зависимости, используемая марксистами и теми, кто, не будучи, строго говоря, такими, стоял на левых позициях, не возникла в Латинской Америке из ничего. В своей отправной точке она восприняла богатую историческую традицию полемики, сложившуюся в процессе долгой эволюции марксистской мысли. Так, теоретическими и политическими предпосылками для нее стали исследования Маркса и Энгельса по колониальному вопросу; критика русскими социал-демократами - особенно Лениным - народников-популистов; теория империализма и ее подход к рассмотрению колониальной ситуации, разработанные Гильфердингом, Бухариным, Розой Люксембург и особенно Лениным; дебаты вокруг резолюции о колониях, развернувшиеся на II конгрессе Коминтерна и завершившиеся одобрением тезисов Ленина по национальному и колониальному вопросам; последующие попутные, но во многих отношениях крайне важные, замечания самого Ленина; творческое применение марксизма-ленинизма, проявленное Мао Цзэдуном в некото-

рых его работах; и, наконец, попытка применения марксистского метода исследования для понимания феномена "слаборазвитости", осуществленная Полом Бараном в пятидесятых годах>>81.

Сказанное Бамбиррой, видимо, стоит дополнить: депендентисты заимствовали некоторые ключевые посылки не только у П. Барана, но и у ряда других представителей леворадикальной политической экономики США, объединившихся вокруг нью-йоркского журнала "Мансли ревью". В целом (но, очевидно, в меньшей мере, чем у Франка) влияние этой школы ощущается довольно сильно во многих произведениях депендентистов. И об этом говорят не только библиографические отсылки или публикации статей выходцев из СЭСО в "Мансли ревью", но и теоретическое наполнение ряда основных тезисов. Что касается упоминаемого Бамбиррой восприятия идей Мао Цзэдуна, то это влияние оказалось кратковременным и уже с конца 70-х годов депендентисты неоднократно выступали с осуждением теоретических конструкций и политической практики китайского лидера.

Конечно, далеко не у всех тех латиноамериканских ученых, кого можно отнести к депендентистам, одинаковая композиция методологических источников. Амплитуда колебаний оказалась достаточно широкой. Это особенно проявилось в 80-х годах, когда они, не довольствуясь академическими изысканиями, устремились к активной политической работе. Часть из них связала свою деятельность с компартией, другие - с такими организациями, как чилийский и венесуэльский МИР (левое революционное движение), третьи примкнули к социалистическим и левореформистским партиям.

Имея в виду определенную гетерогенность идейно-теоретической базы депендентистов, их неоднократно упрекали в методологической эклектике⁸². Но нужно учитывать и еще одно немаловажное обстоятельство. Критикуя сепалистов, а затем и Франка, за пережитки структуралистско-функционалистского подхода, депендентисты порой и сами рисовали схемы, основанные на структуралистских представлениях. Настаивая на диалектической сложности понятия зависимости, указывая на ее связь с глубинными законами общественного развития капитализма и призывая вскрывать ее внутренние корни, депендентисты не слишком далеко выходили за рамки общих предположений и пунктирного рассмотрения черт зависимого развития в тех или иных сферах общественного бытия. Они не уделили должного внимания разграничению того, что относится к сущности зависимости, а что - к формам ее проявления. Неудивительно, что трактовка категории зависимости, предложенная депендентистами, вызвала немало нареканий.

Отвечая своим оппонентам, депендентисты обычно ссылаются на ставшую почти канонической формулу Дос Сантоса: "В первую очередь мы должны охарактеризовать зависимость как обуславливающую ситуацию. Зависимость - это такая ситуация, когда экономика некой группы стран обусловлена развитием и экспансией другой экономики, которой те подчиняются... Как обуславливающая ситуация зависимость устанавливает пределы возможного развития этих стран и его формы. Но этим не исчерпывается ее содержание, имея в виду еще два обстоятельства: а) конкретные ситуации развития определя-

ются не только этими общими императивами зависимости, но также специфическими чертами обусловленной ситуации, которые корректируют общую обуславливающую ситуацию, внося в нее специфические моменты; б) ситуация зависимости может модифицироваться и действительно модифицируется, если изменяются доминирующие структуры и сами зависимые структуры. Перемены осуществимы либо без разрыва отношений зависимости вследствие их простой переориентации... либо в результате разрыва и усилий по консолидации независимой экономики (случай социалистических стран). Таким образом, мы можем предложить нашу вторую общую посылку: зависимость обуславливает определенную внутреннюю структуру, а та ее преломляет в соответствии со структурными возможностями различных национальных экономик"⁸³.

Приведенное определение свидетельствует о стремлении диалектически подойти к рассмотрению сущности зависимости - через динамичное взаимодействие внешних и внутренних факторов, с учетом условий, закрепляющих зависимость, и возможностей ее отрицания. Но все же формула "обуславливающей ситуации" оставляла чувство неудовлетворенности.

В поисках большей ясности обратимся к другому произведению Дос Сантоса - тому, где автором обосновывался вывод о кризисе зависимого капиталистического развития. "Концепция зависимости, - писал Дос Сантос, - служит нам... руководством в определении сложных элементов, из которых складывается эта ситуация... Мы видим, что зависимость - важнейшая черта социально-экономической системы слаборазвитых стран. Международное положение характеризуется растущей взаимосвязанностью национальных экономик в мировом масштабе при гегемонии одного или нескольких доминирующих центров, которые трансформируют это развитие (зависимое.- Авт.) в аккумуляцию богатства и власти в свою пользу и в ущерб широким массам в мире. В доминируемых странах такая ситуация имеет свой внутренний аспект. А этот внутренний аспект, между прочим, не выражается лишь проекцией внешних факторов. Обретается собственная манера - зависимый способ - участия в процессе развития мировой капиталистической экономики. Таким образом, зависимость есть специфический способ капиталистического производства в наших странах. Это также форма, в которой организуются структуры наших обществ. Зависимость - ситуация, которая обуславливает наше развитие и придает ему специфическую форму в мировом контексте - форму зависимого капиталистического развития. Подобное развитие следует собственным законам, предопределяемым данной ситуацией, которую нужно изучать, чтобы осознанно влиять на нашу действительность". Далее Дос Сантос делает следующее заключение: "Концепция зависимости... - необходимый инструмент для выявления законов, которые управляют развитием наших обществ - формой, движением и возможными альтернативами развития, с учетом чего нам и приходится действовать"⁸⁴.

Между тем и в этой последней трактовке читатель мало что получает (быть может, за исключением отдельных нюансов, проливающих дополнительный свет на соотношение внешних и внутренних

факторов) для понимания политэкономической и общеполитической сути зависимости. На наш взгляд, это результат и недостаточной строгости в теоретических определениях базовых понятий, и, очевидно, недостаточной методологической разработанности самого вопроса.

Термин "modo", который использовал Дос Сантос в процитированной выше формулировке (зависимый способ капиталистического производства), на испанском и португальском языках многозначен. Один из возможных переводов - образ, характер, метод. Но все же первое значение - способ. Поэтому невольно возникли недоумения даже у испано- и португалоязычных читателей. Похоже, применение данного термина к определению сути зависимости отражало присущую депендентистам абсолютизацию зависимости. Отсюда, видимо, и появление целого семейства производных понятий: зависимая индустриализация, зависимое накопление, зависимое воспроизводство, зависимая буржуазия... и даже зависимый фашизм. Наконец, складывалось впечатление, что депендентисты предприняли попытку (быть может, в полемическом порыве) построить на зависимости чуть ли не особый способ производства. При этом они, казалось бы, забывали собственные же предостережения о том, что зависимость обусловлена мировой капиталистической системой, и игнорировали принципиальное различие между законами и их модификациями.

Справедливости ради заметим: повод для подобных впечатлений давали рассуждения главным образом из ранних работ Дос Сантоса, а также вольные интерпретации его положений чересчур ретивыми последователями. Но в любом случае претензии на открытие "зависимого способа производства" не могли не вызвать возражения⁸⁵. Получило известность резкое высказывание авторитетного руководителя компартии Уругвая Роднея Арисменди, который в этой связи заметил, что концепция Дос Сантоса не имеет ничего общего с подлинным марксизмом-ленинизмом⁸⁶. Это способствовало возникновению предубежденного отношения к бразильскому ученому в среде латиноамериканских коммунистов.

Критика оппонентов и, очевидно, понимание уязвимости ряда собственных формул побудили депендентистов выступить с уточнением позиций. Отстаивая право своих единомышленников на самостоятельное создание теории, Бамбирра пояснила, о какого рода теории шла речь. «Разумеется, не в смысле общей теории капиталистического способа производства, что было сделано Марксом, и не "зависимого капиталистического способа производства", чего просто не существует, а в смысле анализа зависимых социально-экономических образований на, так сказать, более низком уровне абстракции, позволяющем уловить специфическую комбинацию способов производства, которые сосуществуют в Латинской Америке при гегемонии капитализма»⁸⁷.

Как же депендентисты оценивают собственную роль? Бамбирра считает: "На мой взгляд, теорию зависимости (имея в виду депендентистов.- *Авт.*) следует расценивать как творческое приложение марксизма-ленинизма к познанию особенностей, которые приобретают законы движения капиталистического способа производства в таких странах, как латиноамериканские..."⁸⁸.

Группа СЭСО, состоявшая преимущественно из экономистов, ес-

тественно, сосредоточивала свои исследовательские усилия на разработке экономических проблем, не углубляясь в социологический анализ. Но, поскольку депендентисты претендовали на политические выводы, это давало повод критикам-марксистам говорить о недооценке классового подхода. Положение изменилось в публикациях второй половины 70-х годов. Тем не менее оставалось фактом то, что рассмотрению господствующих слоев - по сравнению с неимущими массами - депендентистами отводилось большее место. Но и при таком соотношении латиноамериканской буржуазии чаще всего выдавалась однозначная характеристика - как "доминирующему - доминируемому" классу, лишенному собственного "я", исторического динамизма и достаточно выраженных интересов, которые расходились бы с теми или иными устремлениями монополистического капитала, осуществляющего экспансию из центров МКХ.

"Стрижка под одну гребенку" различных фракций местной буржуазии приходила в явное противоречие с латиноамериканской действительностью, обнаруживавшей частые конфликты и столкновения местных правящих групп с господствующими кругами центров, а также междоусобные противоречия. Но дело не только в этом. Логика недифференцированного подхода при политических выводах вела к пренебрежению демократическими задачами в революционном процессе, к упованию на непосредственную социалистическую перспективу. По-видимому, и тут дала себя знать гипертрофия зависимости - позиция, спроецированная уже на классовую структуру общества и на характер политической борьбы.

Нельзя сказать, что депендентисты уделяли серьезное внимание типологическому анализу латиноамериканских стран. Тем не менее такие попытки предпринимались в отдельных работах, о чем свидетельствует книга В.Бамбирры "Латиноамериканский зависимый капитализм" ⁸⁹. Речь там идет о трех типах стран: с ранней индустриализацией (Аргентина, Бразилия, Колумбия, Мексика, Уругвай, Чили), тех, где индустриализация является продуктом подключения к системам, образуемым монополистическим капиталом (Боливия, Венесуэла, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Коста-Рика, Куба, Никарагуа, Панама, Перу, Сальвадор, Эквадор), страны с аграрно-экспортной ориентацией экономики, которая не прошла процесс промышленной диверсификации (Гаити, Парагвай, отчасти Панама). Правомерность избранного критерия (характер индустриализации) не вызывает сомнений. Сомнения вызывает отвлечение от многих других параметров развития, а кроме того то, что при столь крупном делении внутри каждой группы остаются сокрытыми слишком большие социально-экономические различия.

Можно ли сказать, что депендентисты в полной мере справились с решением основной для себя теоретической проблемы зависимости? Продвижение в экономическом, а также философском понимании вопроса было несомненным, но вместе с тем его разработка через первичную основу - производственные отношения - оказалась недостаточной. Ощущая этот дефект, Дос Сантос в исследовании кризиса зависимого капиталистического общества обратился к идее "недопотребления", что, однако, не могло восполнить серьезного пробела. Со-

ветский исследователь А.В.Шестопап справедливо замечал, что в этой своей попытке бразильский ученый основное внимание уделил связям товаропроизводителей не в процессе труда, а в процессе обмена⁹⁰.

В дальнейшем серьезные усилия с целью увязать проблематику зависимости (зависимого общества) с законами капиталистического производства предпринял Р.М.Марини. Ядром его теоретических построений стала концепция "сверхэксплуатации"⁹¹. По существу, Марини пытался возродить идею неэквивалентного обмена, но не через международную торговлю, а через анализ процесса производства прибавочной стоимости. Логика его рассуждений сводилась к следующему. Чтобы выжить, выстоять в изнурительной неравной конкурентной борьбе в рамках "единого комплекса мирового капиталистического хозяйства", буржуазия периферии вынуждена сверх всякой меры усиливать эксплуатацию трудящихся масс в своих странах. Таким образом, получалось, что основным мотивом производства на периферии выступает получение абсолютной прибавочной стоимости в отличие от центров МКХ, где речь можно вести лишь об относительной прибавочной стоимости.

По мнению Марини, функция зависимой периферии в рамках глобального капиталистического комплекса сводится к тому, чтобы препятствовать тенденции нормы прибыли к понижению, сокращая издержки на рабочую силу центров своими дешевыми потребительскими товарами.

Оценивая эту позицию, следовало бы заметить: справедливо, видимо, ставить вопрос лишь о гораздо большем значении присвоения абсолютной прибавочной стоимости для периферии⁹². Но Марини утрировал этот теоретический вывод. Соответственно и его тезис об особом влиянии периферии на формирование органического строения капитала в центрах МКХ (через снижение стоимости рабочей силы) не выдерживал сопоставления с фактами. Доля товаров, производимых на периферии, в потреблении трудящихся масс центров не столь велика, чтобы стать решающим фактором повышения нормы прибыли. Кроме того, хорошо известно, что экспорт периферии в значительной мере формируется сырьевыми товарами производственного назначения.

В середине 70-х годов теоретические изыскания Марини пополнились концепцией "субимпериализма". Марини дал такое определение: "... субимпериализм - это форма, которую обретает зависимая экономика, вступая в этап монополий и финансового капитала. Субимпериализм предполагает два базовых компонента: с одной стороны, среднее по мировой шкале органическое строение национальных производственных аппаратов, а с другой - проведение относительно автономной экспансионистской политики, которая не только сопровождается большей интеграцией в производственную систему империализма, но и учитывает границы гегемонии, осуществляемой империализмом в международном масштабе"⁹³.

Насколько приведенная формула подтверждалась латиноамериканской действительностью? Марини отвечает так: "... нам представляется, что, несмотря на стремление Аргентины и других стран получить субимпериалистический статус, в Латинской Америке лишь

Бразилии в полной мере присущ феномен подобного типа"⁹⁴.

Оценивая правомерность тезиса о "субимпериализме", нашедшего в 70-х годах немалое число сторонников как среди латиноамериканских (включая коммунистов), так и советских авторов⁹⁵, нужно заметить следующее. Если уж процессы 70-х годов (начавшийся вывоз предпринимательского, как в Бразилии и Мексике, или ссудного, как в Венесуэле, капитала, образование капиталом крупных государств региона зон экономического влияния в сопредельных менее развитых странах, использование военно-политических рычагов давления для получения экономических преимуществ и т.п.) и давали некоторые аргументы для вывода о субимпериалистических тенденциях, то отнюдь не "полные" и даже применительно к Бразилии, как полагал Марини. Впрочем, реальности 80-х годов (серьезное ослабление экономических позиций предположительно субимпериалистических держав, превращение ограниченного экспорта капитала в массовое бегство капитала и т.д.) поставили под сомнение многие прежние представления.

Но для нас важно сейчас другое. Фактически постановкой вопроса о субимпериализме депендентисты делали еще один шаг вперед в отходе от однозначных "приговоров" зависимому капитализму в целом и зависимой буржуазии в частности. Идея Дос Сантоса о модификациях и изменениях в "обусловленной ситуации" нашла развитие в косвенном признании отклонений от зависимости хотя бы и в виде концепции субимпериализма.

Для субимпериализма, по мнению Марини, характерна специфическая комбинация сил классового господства. Имея в виду бразильский опыт, Марини вел речь о формировании "буржуазно-военного блока", который обеспечивает реализацию модели накопления, соответствующей участию зависимой экономики в новом международном капиталистическом разделении труда. "В социально-политическом плане процесс осуществляется посредством все большего симбиоза интересов крупного капитала и интересов военной касты. Результатом является образование буржуазно-военного блока, вокруг которого перегруппировываются прочие фракции, составляющие господствующий класс"⁹⁶.

Работы 70-х и 80-х годов показывают, что Марини добился значительного углубления анализа зависимого капиталистического общества, обращаясь к процессам политической борьбы, к эволюции классового состава. И в этом бразильскому ученому помог его вывод о дифференциации местной буржуазии⁹⁷, высвобождающий из схематизма прежнего депендентистского толкования "доминирующего-доминируемого" класса.

Очевидно, к такому убеждению подвел не только бразильский материал, но и внимательное изучение опыта других латиноамериканских стран, прежде всего Чили. В книге 1976 г. Марини собрал ряд своих очерков с исследованием предпосылок победы коалиции Народное Единство, процесса преобразований при правительстве Сальвадора Альенде и сущности военного переворота 1973 г. Один из важных выводов этой книги состоит в том, что расхождение интересов крупного монополизировавшегося чилийского капитала и других фракций

местной буржуазии, а также средних слоев воспрепятствовало консолидации правых и тем самым открыло путь левым и наоборот смычка этих интересов при неспособности левой коалиции расширить свою социальную базу благоприятствовала последующему путчу⁹⁸.

Было время, когда Марини и некоторые другие депendentисты уповали в своих революционных ожиданиях на "маргинализируемые массы", значение которых, по их мнению, имело тенденцию к возрастанию. Что касается потенций традиционного пролетариата, то в их оценках нередко звучали минорные ноты. В публикациях конца 70-х и начала 80-х годов акценты расставляются иначе⁹⁹. И в обществе "зависимого капитализма" подтверждается авангардная роль рабочего класса, обращается внимание на расширение его границ в результате пролетаризации трудового сельского населения, городской мелкой буржуазии и части средних слоев.

События конца 70-х годов внушили Марини новый оптимизм. Главное из них - сандинистская революция. В ней и ее предыстории Марини увидел другой пример "буржуазно-военного блока" (одна из причин упорного сопротивления контраст) - свидетельство внутри-классовой борьбы в среде буржуазии (одна из предпосылок свержения диктатуры Сомосы) и необходимость диктатуры пролетариата, которая реализуется как демократия пролетариата. Он убежден, что противоречия зависимого капиталистического общества в Латинской Америке объективно обуславливают революционный характер борьбы за демократию. Вместе с тем озадачивает его нарочитая категоричность - "независимо от специфических форм, в которых проявляется этот революционный характер, он означает также, что классовая борьба принимает общую форму вооруженной борьбы"¹⁰⁰.

Если научные интересы Марини склонились в сторону социально-политических проблем, то центральным объектом исследовательской работы Дос Сантоса в 80-х годах стали вопросы научно-технической революции. Именно через эту призму он стремится переосмыслить общемировую динамику и место в ней латиноамериканской периферии МКХ¹⁰¹.

Не в пример Франку Дос Сантос не видит оснований для разговора о кризисе, а тем более о банкротстве "теории зависимости". Хотя, конечно, в это понятие ими и раньше и теперь вкладывалось неодинаковое содержание. Как явствует из последних работ бразильского ученого и из курса лекций, прочитанных им в 1989 г. в Институте Латинской Америки АН СССР, Дос Сантос придерживается той точки зрения, что "обуславливающая ситуация зависимости" остается важнейшим качественным отличием современного капиталистического развития стран региона. Сегодня требуется понять: как это качество меняется в обстановке "микрорелектронной волны" технологического обновления МКХ и мировой экономики в целом, что оно означает и будет означать для хозяйственного и социально-политического развития латиноамериканских государств, продвигаясь соответственно в теоретическом обобщении.

Зависимый капитализм сохраняет свою суть. Часть продукта, созданного трудом латиноамериканцев, по-прежнему превращается в источник накопления для центров МКХ. Ключевую роль в изымании

части национального богатства играют ТНК и ТНБ, а также механизм неравноправного торгового обмена. Технологическая зависимость становится важнейшим условием и основой изъятия избытка.

В модели зависимого капиталистического развития на передний план выходят следующие противоречия. Во-первых, противоречие между стремлением к привлечению новой технологии посредством массивного притока иностранного капитала и ограничениями, которые этот капитал устанавливает в процессе своей экспансии, поскольку связанные с ней издержки порождают в средне- и долгосрочной перспективе дисбаланс внешних расчетов. Платежи по ройалти и за технические услуги, перевод прибылей и другие механизмы декапитализации зависимых латиноамериканских стран приводят к исчерпанию динамического импульса иностранных инвестиций. Это противоречие находит выражение в неизбежном дефиците платежного баланса, пробивающем в нем все большую брешь.

Для покрытия дефицита, считает Дос Сантос, становится необходимым использование внешних кредитов, что в итоге означает рост процентных платежей и отчислений по амортизации внешнего долга. Их эскалация через определенное время подводит к "травме моратория", подчеркивающей серьезность структурного кризиса.

Второе противоречие возникает в процессе накопления внутри зависимого капиталистического общества, но под влиянием международного разделения труда. По мере роста специализированного производства экспортной ориентации оно порождает ряд императивов (спрос), которые стимулируют появление новых экспортных секторов, диверсифицируя таким образом производственные структуры и создавая сильное давление в направлении к большей интегрированности. Это лишь отчасти справедливо для оценки ситуации, складывающейся в небольших экономиках, находящихся в сильной зависимости от внешней торговли (как, например, в Чили). Но это в полной мере присуще таким крупным экономикам, как бразильская, где на внешнюю торговлю, несмотря на ее стратегическую роль, приходится относительно малая доля национального дохода.

В такой стране, как Бразилия, доходы, получаемые от экспорта, образуют дополнительный внутренний рынок вокруг экспортных секторов. Со временем и в зависимости от увеличения своих размеров этот рынок создает условия для усиливающейся интеграции национального производства, формируя цепи внутривозвращенной деятельности, приобретающие автономность относительно первоначального импульса, поданного экспортным сектором. В подобной ситуации почти невозможно превратить экспортный сектор в замкнутый анклав так, как это отчасти происходило в малых странах - поставщиках индустриального сырья и сельскохозяйственных продуктов.

В итоге цикл экспортной экспансии завершается с возникновением полюса национальной экономической интеграции, что вступает в противоречие с потребностями экспортного сектора. Это противоречие, возможно, и не носит антагонистического характера в силу относительной дополняемости рассматриваемых видов хозяйственной деятельности, но является источником постоянных и усиливающихся конфликтов. Поэтому перевод экономики в новую фазу международ-

ного разделения труда несет с собой - как неизбежные последствия - столкновения между силами, интегрирующимися в мировой рынок, и теми, которые повернуты к национальному рынку, хотя бы и неполному, недостаточному, деформированному и разбалансированному.

Это противоречие, по мнению Дос Сантоса, стояло в Бразилии на повестке дня уже в 1964 г., когда оказались противопоставленными национально-демократический путь, предполагавший обеспечение развития внутреннего рынка вширь и вглубь на основе серьезных преобразований, и путь зависимости, восторжествовавший с апрельским переворотом.

Подобная ситуация вновь обнаруживается в конце 80-х годов, когда последствия зависимого капиталистического развития парализуют экономический рост и требуют - для продолжения такого развития - новых шагов в направлении к еще большей специализации и включенности национальной экономики в мировой рынок с адаптацией к новой фазе международного разделения труда.

Речь идет о том, чтобы приспособить процесс индустриализации в национальной экономике к потребностям центров МКХ, которые сами все больше отходят от традиционных видов промышленного производства, дабы сосредоточиться на том, что именуется "третьей волной" научно-технических трансформаций. Страны, относящиеся к центрам МКХ, специализируются на НИР и производстве, связанном с высокой технологией, смещая традиционные промышленные производства в другие страны в поисках нового оптимума в издержках производства.

Сложный состав современных производительных сил позволяет расчленить изготовление продукта на несколько этапов, распределяя их по предприятиям различного типа, действующим и на национальной территории и за рубежом в зависимости от финансовых интересов, фискальных условий, наличия квалифицированной или дешевой рабочей силы. Это, отмечает Дос Сантос, создает определенные возможности для промышленного роста в странах среднего уровня развития, развернувшихся к североамериканскому, западноевропейскому и японскому рынкам. В свою очередь, высвободившись таким образом от обременяющих их функций, ныне развитые экономики легче и быстрее могут подняться на более высокие ступени научно-технического прогресса, полностью войти в "третью волну цивилизации". Небывалый прогресс в развитии производительных сил с каждым днем все отчетливее превращает мировую экономику в сложную реальность переплетающихся производственных, коммерческих, финансовых и технологических связей. И в ней растворяется пространство, остающееся для развития "национального капитализма".

Зависимые страны, включающиеся в эту международную экономику, не завершив формирование своего внутреннего рынка, организацию и подготовку своей рабочей силы, не производя автономной интеграции своей производственной системы, с неизбежностью втягиваются - скачками - в новый этап концентрации производства, централизации в принятии решений и регрессивного распределения дохода, что обуславливает экономическую маргинализацию огромных масс населения. Эти тенденции тем более опасны, противоречивы и

иррациональны в странах континентального масштаба (подобных Бразилии), которые обладают обильными ресурсами¹⁰².

Вместе с тем Дос Сантос предупреждает против недооценки потенций капитализма. "Абсолютно заблуждается тот, кто усматривает в нынешнем кризисе - несомненно глубоком, широкомасштабном и продолжительном - конец капитализма. Кризис - это механизм исправления диспропорций, которые создаются самим процессом капиталистического накопления. Он рождает предпосылки того, что обеспечит рекуперацию системы в 90-х годах"¹⁰³. Дос Сантос полагает, что структурный кризис в МКХ, реализовавшийся в 70-х и 80-х годах, осуществлял выбраковку менее производительных компонентов, производя своего рода расчистку экономического пространства для новых инвестиций, базирующихся на применении высоких технологий, для концентрации и централизации капитала на иной основе. Увеличение безработицы и ослабление профсоюзного движения создают условия для повышения нормы эксплуатации и соответственно нормы прибыли, что становится дополнительным стимулом для инвестиций. Дестабилизация нынешней финансовой системы, базирующейся на американском долларе, постепенно ведет к установлению иных резервных стандартов и к стабилизации на новом витке. Объективное значение усилившегося протекционизма Дос Сантос видит в том, что он частично корректирует крайности интернационализации капитала. Все эти тенденции, по его мнению, прокладывают дорогу к новой фазе накопления капитала в последнем десятилетии нынешнего века.

При всем этом Дос Сантос убежден, что неизбежное периодическое обострение общественных противоречий в ходе развития современного капитализма - в особенности на его периферии - создает объективную историческую необходимость для осуществления социалистической альтернативы, носителем которой в обозримой перспективе остается "широкий пролетариат". Дос Сантос далек теперь от дилеммы "фашизм либо социализм", с которой он выступал в конце 60-х и начале 70-х годов под влиянием событий в Латинской Америке, свидетельствовавших о наступлении крайне правого авторитаризма. Он не отделяет социалистический идеал от процессов демократизации, выступает против искусственного навязывания социалистической цели. Дос Сантос с энтузиазмом воспринял начало обновления общества в Советском Союзе и странах Восточной Европы, считая, что оно даст ценнейший исторический опыт. Формирование новых общественных моделей выявляет, на его взгляд, важные элементы будущего общественно-экономического устройства, которые могут быть использованы в латиноамериканских странах в сочетаниях, соответствующих конкретным условиям.

В общей оценке научного творчества депендентистов и их реально-го вклада в изучение латиноамериканской проблематики капиталистического развития необходимо прежде всего указать, что они принадлежат к широкому потоку общественного сознания, который через критическое восприятие действительности, через отношение к политической и социальной борьбе, через прочувствованную необходимость выбора личной позиции вел представителей передовой латиноамериканской интеллигенции к марксизму.

Нельзя не видеть того, что произведения депендентистов содержат большой заряд национального и социального протеста, выражающего реальное настроение масс в странах региона. Особое значение имеет анализ современных форм экономического господства, которые используются транснациональным капиталом на периферии МКХ. Их исследования способствовали выявлению новых тенденций в изменении механизма зависимости. Многие сделано депендентистами и для разоблачения пороков буржуазного общества, сложившегося в исторически особых условиях Латинской Америки.

Активная научно-теоретическая и политическая полемика депендентистов с представителями школы ЭКЛА помогала рассеять иллюзии "автономного развития национального капитализма" в умонастроениях демократической интеллигенции. Депендентисты показали односторонность сепалистской критики международных экономических отношений. Они же первенствовали в постановке ряда важных теоретических вопросов, обусловленных спецификой развития капитализма в Латинской Америке. В исследовании зависимости, в попытках теоретического осмысления этого феномена депендентисты сделали несомненный шаг вперед. Они повернули фронт научного анализа к внутренней структуре зависимости, старались показать ее не только через внешний, но и через внутренний срез. Хотя некоторые депендентисты "смазывали" демократические задачи революции и проявляли волонтаристскую торопливость в постановке социалистических целей, их стремление к социализму вполне искренне. Свои надежды на радикальные общественные преобразования они связывают с угнетенными массами (хотя в разное время с различными акцентами).

Неправильно было бы отрицать присутствие мелкобуржуазных иллюзий в целом ряде их теоретических заключений, касающихся прежде всего политической борьбы. Но утверждения иных "непримиримых" авторов о том, будто тезисы депендентистов лишь "частная форма буржуазной идеологии"¹⁰⁴, представляются совершенно беспочвенными.

4. КОНЦЕПЦИЯ "ЗАВИСИМО-АССОЦИИРОВАННОГО" ОБЩЕСТВА

Ряд латиноамериканских обществоведов, связанных узами определенного идейного родства как с сепалистами, так и с депендентистами, но не удовлетворенных их теоретическими построениями, попытались объяснить особенности зависимости капиталистического развития, пользуясь так называемым "историко-структурным" методом. Речь идет о бразильских ученых Фернандо Энрике Кардозо и Жозе Серра; о чилийце Энцо Фалетто¹⁰⁵ и ряде их единомышленников.

Раскрывая воззрения сторонников "историко-структурного" метода, обратимся к ведущему представителю этого течения - Кардозо. Видный социолог с широким кругозором прошел сложную эволюцию. В начале своей научной карьеры (конец 50-х - начало 60-х годов) Кардозо верил, что национал-реформистский курс местной буржуазии может привести к серьезным позитивным сдвигам и даже к реорганизации латиноамериканского общества в области экономики и политики. "Считалось, - отмечал он

впоследствии, - что благодаря созданию крупных государственных предприятий и развитию сельского хозяйства, стимулируемого аграрной реформой, станет возможным продвижение по пути индустриализации, укрепление слоев национального предпринимательства и расширение участия народа в политике. Господствовавшие тогда экономические воззрения, прежде всего Селсо Фуртадо, позволяли уяснить - в духе доброй сепалистской традиции - необходимость преодоления ряда структурных препятствий. Выдвигавшаяся альтернатива предполагала наряду с укреплением внутреннего рынка (как предпосылки развития) усиление национальных центров принятия решений"¹⁰⁶.

Кардозо принадлежал к сепалистскому течению (точнее, к его левореформистскому крылу, возглавлявшемуся С.Фуртадо) не только по идеямому убеждению, но и по формальному признаку - в 1964-1967 гг. он был заместителем директора Института экономического и социального планирования (ИЛПЭС) при ЭКЛА. Однако еще до прихода в ИЛПЭС у Кардозо зародились сомнения в обоснованности сепалистских установок. Это произошло, когда бразильский ученый занялся исследованием местных предпринимательских кругов и их роли в экономическом развитии латиноамериканских стран. Он обнаружил, что "национальное предпринимательство все более явно вступало в спор с иностранными группами". Позднее из этого последовал вывод о нереальности проекта "национально-буржуазного развития" и о тенденции к "субкапитализму" - деформированному капиталистическому обществу¹⁰⁷.

Постепенно Кардозо отдалялся от левореформистского крыла сепалистов и в поисках ответа на ключевые вопросы латиноамериканской действительности (прежде всего на вопрос о зависимости) обратился к методологии марксизма. Отражением этих поисков стала книга, написанная им совместно с Фалетто и первоначально опубликованная в 1967 г. ¹⁰⁸.

Сотрудничая и дискутируя с Дос Сантосом, Бамбиррой и Марини, Кардозо и Фалетто, а затем присоединившийся к ним Серра принимали "платформу зависимости". Но, критикуя детерминистский подход своих коллег и оппонентов, они больше апеллировали к марксистской диалектике. Именно недостаточное ее использование объявлялось пороком зависимостистских построений. Исходя из этого определялась собственная цель - поставить "теорию зависимости" на ноги исторического материализма. Действительно, в отличие от зависимостистов, чьи заимствования из марксизма ограничивались в основном политической экономией, Кардозо и его единомышленники пополнили свою методологическую базу, обратившись к философскому наследию. Это позволило справиться с некоторыми теоретическими задачами, которые не давались их коллегам. Группа Кардозо настаивала также на "конкретном анализе" исследованной зависимости, но не в смысле отказа от теории и не в смысле апологии эмпиризма. Предполагалось - в противоположность зависимостистскому подходу - придать анализу зависимости конкретно-исторический характер соответственно динамике реальных общественных процессов. Иначе говоря, рассмотреть зависимость через синтез конкретного в общем¹⁰⁹.

Чем же характеризуется "историко-структурный" метод? Разбираясь в его сути, необходимо предупредить: используя понятие "структурный", группа Кардозо отнюдь не идентифицировала свой метод со структурализмом. "Речь идет о том, - замечал Кардозо, - чтобы представить структуры как отношения между людьми". Такова общая формула, но есть и пояснения - "отношения между классами, группами и институтами". Подразумеваются "общественно сложившиеся структуры", которые в то же самое время рассматриваются как "процессы", т.е. как структуры, "исторически включенные в движение, меняющее их состав". Таким образом, включает бразильский ученый, предлагается <<метод, который требует "реконструкции" исторических структурных отношений>>¹¹⁰.

По мнению Кардозо, <<идея зависимости... не сводится к категории общего порядка, растворяющей различия между отдельными элементами, образующими ситуацию зависимости. Она также не является плодом умозрительного воспроизводства одного или многих отношений между классами, государствами, экономиками. Это - "синтез осмысления", позволяющий выразить способ соединения и увидеть тек-

стуру многообразных отношений, которые иерархизируются и сочленяются в определенной структурной совокупности>>¹¹¹. Совместный труд Кардозо и Фалетто, по их мнению, выявляет "исторические формы зависимости, исходя из того, каким образом классы, государства и производство включаются в международный порядок"¹¹².

Прокламировав необходимость рассмотрения зависимости в ее диалектическом движении, сторонники "историко-структурного" метода справедливо подчеркивали, что "изменение форм зависимости (и, разумеется, ее содержания) не означает ослабления зависимости"¹¹³. Они сделали принципиальный вывод: "До тех пор, пока политическая практика не уничтожит неравенства между классами и между нациями в присвоении, категория зависимости полностью сохранит свое значение"¹¹⁴. Таким образом, подчеркивалась общественная обусловленность зависимости, отвергалась ее трактовка как вневременного феномена. Соответственно известная формула Дос Сантоса - "обуславливающая ситуация зависимости" - рассматривалась несколько иначе - как ситуация, предполагающая "артикуляцию между мировой экономикой и местными экономиками, между международным господством и классовым господством в каждой зависимой стране"¹¹⁵.

Что касается самой категории зависимости, то мнению Кардозо сводится к следующему: <<Не думаю, что категория (а я использую этот термин, не придавая ему иного смысла по сравнению со словами "идея", "понятие") зависимости имеет такой же *теоретический статус* (курсив Кардозо.- *Авт.*), как и центральные категории теории капитализма. Причина очевидна - нельзя помышлять о зависимости без понятий "прибавочная стоимость", "экспроприация", "накопление" и т.д. Идея зависимости находит свое определение на теоретическом поле марксистской концепции капитализма>>. Вместе с тем, считает бразильский ученый, "нет оснований отрицать существование собственного теоретического поля, хотя оно и находится в границах, подчинено марксистской теории капитализма; в нее-то и вписывается исследование зависимости"¹¹⁶.

В совместной книге Кардозо и Фалетто зависимость определяется как "специфическая форма артикуляции внешних и внутренних факторов". Позднее Кардозо дал более развернутую интерпретацию: "формы артикуляции между зависимыми странами (классами, государствами и экономиками) и странами империалистическими. Такова область возможной теории зависимости, которая... не являясь альтернативой по отношению к теории империализма, служит лишь ее дополнением"¹¹⁷.

Для депендентистов, отмежевавшихся в свое время от упрощенчества Франка, доминирующим "уравнением" теоретических построений осталась все же жесткая связь между зависимостью и отсталостью. Хотя они и сделали диалектический шаг в раскрытии содержания зависимости, вторая часть "уравнения" долгое время сохранялась в статике. Попытки Марини дать дополнительные разъяснения через формы прибавочной стоимости не увенчались большим успехом. Кардозо тогда обратил внимание на уязвимость позиции коллеги: "Интерпретация Руй Мауро Маринии относительно исходной природы отношений зависимости как воспроизводства эксплуата-

ции через абсолютную прибавочную стоимость и использование дешевого сырья требует известной поправки". Главный его аргумент - новая форма зависимости, возникающая в ходе индустриализации периферийной экономики, основывается на эксплуатации относительной прибавочной стоимости. Позднее, полемизируя с Марини по поводу его тезиса о "сверхэксплуатации"¹¹⁸, Кардозо и Серра не без иронии замечали: «На примере интерпретации темы "сверхэксплуатации труда" (или прибавочной стоимости, которая якобы никогда не бывает относительной) видно, как то, что не удалось доказать в прошлых исследованиях, встречает еще большие трудности при попытке построения общей теории периферийной системы современного капитализма»¹⁹.

Кардозо решительно отвергал расхожие утверждения, будто в Латинской Америке имеет место лишь рост без развития, т.е. без структурных изменений¹²⁰. Логика "историко-структурного" подхода выносила на передний план бином "зависимость - развитие". Именно на этой основе сложилась концепция "зависимо-ассоциированного" развития. Речь шла о возможности заметного экономического прогресса на периферии при закреплении новой схемы международного капиталистического разделения труда, при которой ТНК начинали выносить в зависимые страны отдельные звенья современного промышленного производства. По этой концепции, параллельно происходит "интернационализация" внутреннего рынка и органическая - но на подчиненных условиях - ассоциация местного капитала (частного и государственного) с международными монополиями. Подобная ассоциация сказывается и на изменении состава правящего блока и на механизме власти.

Итогом многолетней научной работы Кардозо стала сложная социологическая модель. Правда, нельзя сказать, что после книги, изданной в 1969 г. в соавторстве с Фалетто, элементы обновленной модели были сведены воедино в каком-то одном исследовании, давая полное представление о содержании "зависимо-ассоциированного" капиталистического общества. Они рассредоточены по различным публикациям бразильского ученого. Попытку систематизировать его взгляды по состоянию на конец 70-х и начало 80-х годов предпринял известный колумбийский социолог Хорхе Грасиарена, подготовивший обзор произведений Ф.Э.Кардозо для мадридского научно-теоретического журнала "Критическое мышление"¹²¹.

Основные компоненты модели Кардозо были представлены в обзоре Грасиарены следующим образом. Экономическая база общества определяется гетерогенной и неполной индустриализацией латиноамериканской периферии. Та зависит от технологии, контролируемой центрами МКХ. Буржуазия латиноамериканской периферии уже ассоциирована на подчиненной основе с транснациональным капиталом. Рабочий класс неоднороден. В его составе выделился пролетариат "современного сектора" (передовые промышленные предприятия, модернизированные анклавы по добыче и первичной переработке минерального сырья, агроиндустриальные комплексы), который занимает привилегированное положение относительно основной массы трудящегося населения (как по материальному так и по социальному статусу-

су). Тем временем уделом этих основных масс и в городе, и в деревне остается относительная бедность или крайняя нищета. Особое место в социально-классовом составе "зависимо-ассоциированного" общества занимает масса населения (в принципе относящаяся к категориям наемных работников), которую не способен абсорбировать рынок рабочей силы в зоне современных форм занятости. Ее трудовой потенциал используется лишь частично (неполная занятость), получаемые доходы низки и нестабильны.

Далее, обращает на себя внимание категория псевдомелкой буржуазии. В отличие от традиционно понимаемой она представлена кадрами служащих среднего и низшего звена, рядовой бюрократией государственных ведомств и транснациональных предприятий. Крестьянство рассматривается как социально гетерогенная совокупность. Расслоение усиливается под воздействием модернизированного сектора сельской экономики.

Государство занимает ключевое место в социологических построениях Кардозо. Это своего рода ствол модели "зависимо-ассоциированного" капитализма. Он структурно сочленяет различные "элиты" (национального частного предпринимательства, транснационального бизнеса, представленного в конкретной стране, профбюрократии, профессиональных коллегий и офицерства) с государственной бюрократией. Последняя непосредственно выполняет функцию сочленения, направляя и в то же время совершенствуя хозяйственный механизм. С одной стороны, государство является производителем товаров и услуг, с другой - регулятором и охранителем капиталистического накопления (рынка, основанного на господстве частной собственности). Государство "зависимо-ассоциированного" общества во многих случаях принимает форму авторитарного политического режима с прямым участием военных в осуществлении власти¹²².

Изложение взглядов Кардозо, данное Грасиареной, представляет довольно емким. Но все же существует потребность в дополнениях. Выдвинув вместе с Фалетто концепцию "зависимо-ассоциированного" капиталистического общества в конце 60-х годов, Кардозо в середине 70-х годов неоднократно подчеркивал: ее предназначение - отразить то, что ранее не учитывалось "теорией зависимости". В ведущих странах региона исчерпала себя стратегия импортзамещающей индустриализации и популистская политика. Возобладали новые императивы экономического и политического развития, связанные с освоением внутреннего рынка транснациональным капиталом и изменениями в составе "блока власти". То, что депендентисты трактовали как модель "новой зависимости", в интерпретации Кардозо, Фалетто и их единомышленников прозвучало как "ассоциированная зависимость". По мнению Кардозо, "плодами развития" стали пользоваться уже иные социальные и экономические силы и в иных формах. В его постановке ведущую роль взяли на себя крупные государственные и многонациональные предприятия, а также местные частные предприятия (ассоциировавшиеся либо с первыми, либо со вторыми) и представлявшие их социальные группы. "Эти социальные агенты и образуют то, что в других случаях я называл треугольником зависимо-ассоциированного развития"¹²³.

Позднее "треугольник" Кардозо все больше напоминает "бином". Начинают отчетливо доминировать два полюса - государственный и транснациональный, и сила их притяжения как бы разрывает "угол", занимаемый местным частным капиталом. Кардозо апеллирует к фактам распределения фонда инвестиций и объема производства крупных предприятий между тремя рассматриваемыми компонентами в Бразилии, Мексике и Венесуэле к середине 70-х годов, когда доля государственных корпораций существенно повысилась, доходя до трети и даже до половины общих показателей. Кардозо обращал внимание на то, что в ранг крупнейших международных корпораций попали только государственные предприятия - "Петробраз", "Вале до Рио Досе", "Пемекс" и "Петровен"¹²⁴.

Рассматриваемая тенденция, по мнению Кардозо, взяла свое начало в политике "чилинизации", проводившейся правительством христианского демократа Эдуардо Фрея с 1967 г. "Предполагалось то, что ранее не было характерно для латиноамериканской государственной традиции: отношения с иностранными предприятиями строятся уже не путем ассоциации с местной буржуазией, а с самим государством, и не столько с ним самим как выражением политического порядка, сколько с созданными им госпредприятиями, которые начинали действовать как корпорации"¹²⁵.

Между тем, согласно представлениям группы Кардозо, в процессе вхождения государства в его новую роль проявляется сложное диалектическое противоречие: «... само проникновение многонациональных корпораций требует государства, которое способно обеспечить их ресурсами для накопления. Иными словами, национальное богатство необходимо для иностранного частного накопления. Но процесс противоречив: чтобы выполнить такую задачу, государство должно укрепить себя и расширить свои функции как в административной, так и в экономической сфере, подпитывая тем самым потенцию суверенности. Сталкиваясь с политическими вызовами угнетаемых классов, стремящихся к радикальной перестройке общества, это регулятивно-предпринимательское государство милитаризируется, становясь сильнее и автократичнее. В этой точке может произойти определенное ослабление связей между государством и его социальной базой, что экономически правящие слои могут воспринять как риск "бонапартизации" государства. Восприятия подобного риска варьируются от призрака нового Перона до "мифа перуанизма", который поведет армию к союзу с народом. Получая практику суверенности и осуществления функций предпринимательства, способствующего как международному, так и местному накоплению, предпринимательно-репрессивное государство отчуждается от нации (в понимании экономически господствующих слоев, что, по Кардозо, не равнозначно понятию "народ". - *Авт.*). Таково специфическое противоречие, которое проявляется при нынешней форме зависимого развития Латинской Америки»¹²⁶.

Из теоретических построений Кардозо и его единомышленников следует, что экономически охранные функции государства, характерные для периода 40-х и 50-х годов, замещаются функциями прямого вмешательства в производство, и не только в инфраструктурной обла-

сти ради "обобществления издержек", но в ряде случаев и в высокорентабельных секторах, благодаря чему государство обретает солидную экономическую силу. Первоначально это вполне соответствует интересам ТНК, но затем, переходя определенную грань, возросшая экономическая сила государства, подкрепляющая его относительную автономию, начинает создавать почву для конфликтов с этой другой доминирующей силой.

Сторонники "историко-структурного" подхода предупреждают против однозначной трактовки этого процесса и возникающих конфликтов. Они могут сопровождаться разными политическими последствиями, часто приводя к правоавторитарным режимам хотя бы и с осложненными отношениями с ТНК. В определенном смысле Кардозо и Фаллетто предвидели поворот к демократизации 80-х годов, говоря о закономерной эрозии авторитарного государства, отчуждавшегося от общества.

Характеризуя этот тип государства, складывавшийся в зависимо-ассоциированном обществе в 60-х и 70-х годах, Кардозо и Фаллетто отмечали особое значение в нем полуформальных структур - "бюрократических колец", по их терминологии. Эти "кольца" как бы сочленяют интересы бюрократии иностранных, частных национальных и государственных предприятий, а также других крупных "социальных агентов". Они как бы подменяют собой традиционные приводные ремни политических партий в механизме осуществления власти, имея общую точку опоры - государственную машину. "Кольца" менее долговечны, но более гибки и динамичны по сравнению с партийно-политическими организациями¹²⁷.

В послесловии 1978 г. для переиздания своей книги Кардозо и Фаллетто вводят дополнительные разъяснения. "Бюрократические кольца, формирующиеся вокруг высших функционеров (министров, генералов и т.д.), сочленяют текущие интересы предприятий, государственных организаций, прессы, иногда профсоюзов, репрессивных органов и т.д. с целью проведения определенной политической линии по специфическому вопросу, решения какой-то проблемы или достижения определенной политической цели. Эти полуформальные структуры подменяют в рамках авторитарно-бюрократической системы более стабильную и представительную с точки зрения выражения классовых интересов организацию через партии. При централизованных режимах, где позиция верхов является определяющей для состыковки интересов... бюрократические кольца, похоже, представляют особо важную форму политической артикуляции, которая, хотя за государством (или за теми, кто его олицетворяет) остается право вето (поскольку ключевая фигура - функционер может быть смещен и соответственно разрушится кольцо), устанавливает связи между гражданским обществом и государством"¹²⁸. Складывается впечатление, что речь идет об аналоге "групп давления" - термине и понятии, уже установившихся в современной социологической литературе.

Проследившая эволюцию "зависимо-ассоциированного" общества, Кардозо справедливо обращает внимание на изменение экономических и социально-политических интересов и противоречий. Процесс этот естествен и неизбежен. Но в оценке бразильского ученого иной

раз звучат пессимистические (или ностальгические?) ноты. Ведь раньше, отмечает он, интересы и противоречия проявлялись довольно четко и хорошо обнаруживали потенциальных субъектов прогрессивных перемен. Теперь же социальный узел все больше запутывается, "ассоциируя" не только интересы местной буржуазии, но и средних слоев, различных мелкобуржуазных групп и даже части рабочего класса. В этом Кардозо и Фаллето усматривали результат осуществления модели "зависимо-ассоциированного" капитализма, транснационализации внутреннего рынка. По их представлениям, "ассоциация" в ряде случаев достигает такого уровня, при котором антагонистические общественные противоречия дробятся на локальные конфликты между отдельными слоями, группами, элитами.

В свое время Кардозо осудил сетования Марини на "консерватизм рабочих" и его надежду на "революцию маргиналов". Подобные тезисы, подчеркивал Кардозо, возможно, и содержат грамм истины, но малоубедительны теоретически и малоэффективны практически¹²⁹. Он считает, что в конечном счете самое уязвимое звено в конструкции депendentистов - неспособность ответить на вопрос о том, кто будет историческим субъектом преодоления зависимости, да и вообще прогрессивных перемен в Латинской Америке¹³⁰. Что же предлагает в качестве ответа сам Кардозо? Рассматривая возникшие в последнее время "альтернативистские" теории, он делал вывод, который, впрочем, звучит и как признание собственных затруднений. <<Вот она, ахиллесова пята современных идей об альтернативном развитии: революции без субъектов или реформы со скрытыми субъектами. Возможно, для тех, кто задается вопросом "для чего?", и даже для тех, кто задумывается - "для кого?", на горизонте и вырисовывается ряд альтернатив. Остается узнать: кто и как их осуществит. Но, разумеется, несправедливо требовать от теоретиков решения проблем, на которые не может указать как на объективную возможность и сама практика - мать теории>>¹³¹.

В последних публикациях Кардозо и других авторов той же тенденции "черный ящик" современного субъекта прогрессивных альтернативных перемен в Латинской Америке постепенно наполняется содержательными и конкретными выводами. Это происходит в рамках теоретического осмысления опыта 80-х годов по демократизации политических режимов во многих странах региона¹³². При этом заметно стремление выйти за рамки узкоклассовых трактовок, выявлять объективные совпадения интересов разнородных социальных сил и их равнодействующую, обеспечивающую продвижение к гуманистическим целям демократии и социальной справедливости. При этом вывод, звучащий в работах Кардозо и Фаллето в 70-х годах, не дезавуировался в последнее десятилетие. "... В действительности противоборство идет не между корпоративизмом и демократической традицией, а между технократическим элитизмом и таким видением процесса формирования индустриального общества для масс, которое способно предложить то, что, будучи народным, является также специфически национальным. Такому обществу по силам трансформировать стремление к более развитой экономике и демократическому строю в создание структур, которые сойдутся в государстве, выража-

ющем жизненность подлинно народных сил, способных найти социалистические формы для общественного устройства будущего"¹³³.

Оценивая применение "историко-структурного" метода к исследованию "зависимо-ассоциированного" общества, нельзя не заметить, что в результате на ряде направлений удалось продвинуться дальше депendentистов. Ведь анализ особенностей капиталистического развития Латинской Америки заметно пополнился заимствованиями из философского арсенала марксизма, включая грамшианскую традицию. Это позволило лучше понять естественноисторическую обусловленность зависимости, ее диалектический характер, социальную проекцию. И надо отдать должное Кардозо и его единомышленникам. Они не пытались (как это было присуще депendentистам и околодепendentистским исследованиям первого этапа) придать понятию зависимости несвойственные ей функции центральной категории для "периферийной" версии марксизма. Нет у них и стремления поставить "теорию зависимости" во главу угла при осмыслении всех современных реалий Латинской Америки. Группа Кардозо попыталась представить зависимость не только как "обуславливающую" (прибегая к терминологии Дос Сантоса), но и как "обусловленную ситуацию". Заслуга сторонников "историко-структурного" подхода состоит, на наш взгляд, и в том, что они наряду с депendentистами способствовали выявлению внутренних факторов зависимости, ее преломлению через внутриобщественные классовые отношения, но особенно - через политическую надстройку.

Но есть и другая сторона. Во-первых, нельзя не заметить: их диалектика не всегда последовательна. Вопросы отрицания зависимости, трактовавшиеся, кстати, в работах некоторых депendentистов, не прозвучали должным образом, не подверглись серьёзному осмыслению в произведениях Кардозо и его единомышленников. Заметно, что их диалектика имеет ограничение, которое объясняется избранным ракурсом анализа. Ведь он проводился преимущественно в одной плоскости - в рамках отношений между периферией и центрами МКХ. Недостаточно учитывалась общемировая реальность, другие компоненты мировой макросистемы, тот факт, что и подтверждение и отрицание (нейтрализация) зависимости в новых условиях определяются более сложным взаимодействием разнородных факторов.

Отстаивая свою идею о сочетаемости зависимости и развития, Кардозо (в том числе в совместной книге с Фалетто) напрасно приписывал "стагнационную версию" классикам марксизма. Получалось, что он "ломился в открытую дверь". Призывая к диалектике, не заметил ее у других. В подтверждение достаточно напомнить об одном - о трактовке Марксом противоречивых последствий английского колониального господства в Индии.

Создавая теоретическую модель "зависимо-ассоциированного" капиталистического общества, Кардозо и Фалетто неоднократно предупреждали о необходимости рассмотрения "конкретных ситуаций зависимости". В дальнейшем была предпринята попытка в рамках общей для Латинской Америки модели выделить определенные типологические группы на основе "историко-структурных" различий в формировании национальных общественных систем¹³⁴. Но на этом

пути авторам, к сожалению, не удалось существенно продвинуться вперед (и тем самым они мало отличаются от депендентистов). Кардозо и Фалетто сами признавали, что не смогли серьезно проработать "многие важные аспекты исторического развития в целях выявления различий в процессе формирования обществ отдельных стран, такие, например, как масштабы и характер системы рабовладения, которое существовало в прошлом, вопрос о наличии многочисленного индейского населения во многих странах региона, а также о большем либо меньшем значении европейской иммиграции"¹³⁵. Вслед за этим признанием приходится констатировать, что в построениях Кардозо и Фалетто действительно доминировал обобщенно региональный подход.

5. ВОСПРОИЗВОДСТВО "КАПИТАЛИЗМА СУБРАЗВИТИЯ"

Спектр взглядов на характер общественного развития в Латинской Америке, на ее место в системе МКХ слишком широк для того, чтобы получить полное отражение в одной - пусть и обширной - монографии. Ограничение исследовательской задачи неизбежно. Но сузив ее, мы, разумеется, не можем обойти воззрения ученых, которые в объяснении латиноамериканских реалий стремились опираться на традиционную методологию марксизма, применяя также теоретические подходы, выработавшиеся в 60-х и 70-х годах обществоведами Советского Союза, восточноевропейских стран, Кубы.

Круг этот довольно представительен. К нему относятся авторы, связанные с коммунистическим движением, и те, кто, не имея с ним принципиальных расхождений по научно-теоретическим вопросам, в силу тех или иных причин (несогласие с тактикой конкретной компартии, нежелание связывать себя политическими обязательствами и идеологической "дисциплиной", личные мотивы и т.д.) предпочитали сохранять независимый статус. Таких авторов нередко относят к "неангажированному университетскому марксизму".

Пользуясь демократическими завоеваниями университетской автономии, реагируя на интерес прогрессивного студенчества к познанию теории марксизма, они настойчиво стремились к распространению этого учения, влияли на научную жизнь своих стран. Примером этого является школа экономистов и социологов, сформировавшаяся в Национальном автономном университете Мексики (УНАМ) в 50-60-х годах. Часть ее представителей сгруппировалась впоследствии вокруг журнала "Эстратегия", который издается с 1974 г. и ставит своей целью "применение революционной теории к анализу действительности"¹³⁶. Среди них имена Алонсо Агиляра Монтеверде, Фернандо Кармоны, Хорхе Карриона и ряда других ученых, широко известных и в Мексике, и за ее пределами. Не имея возможности для детального анализа произведений всех представителей этой группы, мы обратимся к работам А.Агиляра, библиография трудов которого, пожалуй, наиболее обширна.

А.Агиляр, принадлежащий ныне к старшему поколению мексиканских обществоведов (он родился в 1922 г.), почти три десятилетия отдал преподаванию в УНАМ. Был директором Института экономических исследований при УНАМ. В настоящее время

один из ведущих исследователей этого института и член редакционного совета журнала "Эстратегиа".

На мировоззрение Агиляра, видимо, повлияло то, что он был близок к выдающемуся государственному деятелю Мексики генералу Ласаро Карденасу в последний период его жизни. Пример Карденаса, его политика на посту президента (1934-1940 гг.) и последующая общественная деятельность не могли не сказаться на формировании молодого ученого. К исследовательской работе Агиляр приступил еще в 40-х годах. Первые публикации посвящены формированию банковской системы Мексики, финансированию экономического развития, рынкам капиталов и ценных бумаг. Но уже на исходе 40-х годов Агиляр расширяет круг научных интересов, обращаясь к общим проблемам социально-экономического развития Мексики и к вопросам политической экономии капитализма. Начало систематической работы в этой области связано с критическим анализом концепций ведущих экономистов западного мира. Он выступил против механистического историзма теории стадий Ростоу, против воззрений Нурске, Мюрдаля, Барре и Гэлбрейта, которые сводили причины застоя на периферии МКХ к метафизическим "порочным кругам", объяснявшимся недостатком накоплений, инвестиций и доходов. Другой аспект - полемика с представителями сепализма, в которой Агиляр стремился показать ограниченность этой школы из-за сведения многих противоречий к сфере международного обмена и игнорирования их социально-классовой природы. Наиболее плодотворный период в творчестве мексиканского ученого начался во второй половине 60-х годов. Именно тогда вышли в свет его основные труды¹³⁷, в которых формировалась его концепция относительно характера капиталистического развития Мексики и Латинской Америки в целом.

Комментируя взгляды мексиканского ученого, сразу же предупредим о тонкостях понимания широко используемого им термина "subdesarrollo". В советской литературе его обычно переводят как "слаборазвитость" или "отсталость". А это наводит на мысль о стагнационном состоянии определяемого объекта. Между тем в трактовке Агиляра (как, впрочем, и многих других современных латиноамериканских авторов) заложен иной смысл. Речь идет о процессе - подчиненном и зависимом развитии, которое порождает деформации и подвержено торможению. Для более точной передачи смысла мы будем пользоваться понятием "субразвитие". "Речь не идет о том, - говорит Агиляр, - что субразвитие означает некую статическую ситуацию. Субразвитие - это конкретное выражение капиталистического развития в определенных исторически специфических формах"¹³⁸.

В подходе к исследованию капиталистической эволюции Латинской Америки Агиляр отвергает несколько крайностей. Во-первых, он возражает против идеи автоматического переноса капиталистических отношений из метрополий на периферию. Во-вторых, отмежевывается от авторов, которые произвольно разделяют метрополию и периферию, представляя последнюю неким "полуфеодальным заповедником". В-третьих, мексиканский ученый подвергает критике попытку трактовать буржуазное общество, складывающееся на периферии, как простое подобие капитализма в его традиционных центрах¹³⁹.

Опираясь на положение К. Маркса об определяющем значении конкретно-исторических условий в формировании общественных систем, Агиляр акцентирует внимание на закономерной специфике в вызревании буржуазных обществ на латиноамериканской почве. «Капитализм не развивается здесь по классическому европейскому образцу. Наши страны никогда не знали "совершенства" в функционировании рынка, никогда не проявлялся здесь процесс, который провел бы их от классического сберегательства и свободной конкуренции к "экономике процветания" или "обществу благоденствия", как характеризуют иные авторы стадию, достигнутую крупными индустриальными государствами Запада»⁴⁰.

Отношение Агиляра к определению времени возникновения капиталистического строя выражено в его подходе к характеру мексикан-

ской революции. По мнению Агиляра, накануне - в конце правления Порфирио Диаса - мексиканское общество уже приобрело буржуазные черты. «... Когда мы говорим, что в последние годы порфириата господствующим способом (укладом. - *Авт.*) производства стал капиталистический, мы, разумеется, не пытаемся утверждать, будто он был единственным, а просто *господствующим*. Нет претензии и на то, чтобы трактовать сей факт как абсолютно свершившийся, нечто статическое и безальтернативное. Ни в коем случае! В мексиканском обществе капитализм не утверждается вдруг и неожиданно. Его возникновение и превращение в господствующий способ производства - это кульминация длительного, неравномерного и болезненного процесса, в коем производственные отношения пробивают себе путь шаг за шагом, неравномерно, часто сталкиваясь с большими трудностями, посредством глубоких и почти всегда насильственных прорывов» Далее Агиляр поясняет : "... Когда капитализм превращается в господствующий способ производства, он, без сомнения, предстает как центральный феномен - историческое свершение, которое структурно обуславливает развитие и соответственно основные противоречия социально-экономического процесса в Мексике. Но это не означает, что с той поры не происходят серьезные сдвиги, которые конкретным образом меняют и подталкивают развитие системы. На послереволюционном этапе индустриализация и аграрная реформа уже не предвзвоят, а сопровождают и выражают поступательное развитие капитализма (равно как и встречающиеся ему препятствия), несут с собой перемены, недооценивать которые было бы серьезной ошибкой с социально-экономической, но прежде всего с политической точки зрения"¹⁴¹.

Раскрывая позицию Агиляра, целесообразно привести дополнительное уточнение. Он подчеркивал: "Если мы не осознаем, что Мексика 1910 г. была капиталистической страной, но также и то, что существовавшая здесь капиталистическая структура... оказалась деформированной, неуравновешенной, зависимой и слабой, оставалась доиндустриальной, а во многих отношениях отличной от классического капитализма и даже противоположной ему, тогда не удастся понять основные противоречия, которые, отражая конкретную классовую структуру и определенный характер производства, предопределяли весь ход Мексиканской революции, а также невозможно будет понять и важнейшие факторы, воздействовавшие на субразвитие такой страны, как наша"¹⁴².

Предлагая в 1968 г. в книге "Диалектика мексиканской экономики" периодизацию развития капитализма (а она, по существу, подтверждена в 1986 г. в процитированной выше статье), Агиляр полагал, что с определенными коррективами ее можно проецировать на весь регион¹⁴³. Между тем позицию Агиляра разделяют далеко не все мексиканские экономисты и историки (утверждение капитализма относится как на более раннее, так и на более позднее время). На наш взгляд, в определенной степени теоретическое решение рассматриваемой проблемы затруднено в испаноязычном обществоведении (как, впрочем, и в целом ряде других случаев) из-за того, что понятие "способ производства" не конкретизируется в категории уклад. Таким обра-

зом (вольно или невольно), игнорируются неизбежные, исторически объективные вариации "способа производства". Все сводится к этой одной (modo) категории высшего уровня без дополнения на среднем уровне абстракции (уклад). В результате образуется брешь в цепи от абстрактного к конкретному, которая и препятствует более четкому пониманию смены стадий формационного движения. Другое сомнение в постановке вопроса Агиляром связано с возможностью проекции "мексиканской периодизации" (хотя бы и с коррективами) на весь регион. Как представляется, рассмотрение общерегионального исторического опыта через призму "своей страны" нередко мешает латиноамериканским авторам увидеть многовариантность исторического и формационного развития в контексте относительно однородного (стадийно и по характеру социально-экономической динамики) региона, коим является латиноамериканская периферия МКХ. Таким образом, если уж сам Агиляр признает необходимость определенных корректив, они должны иметь не второстепенный, а принципиальный характер.

Что касается центрального элемента теоретических воззрений Агиляра, то им является концепция "капитализма субразвития". Если не как концепция (в строгом смысле), то как формула научного определения "капитализм субразвития" довольно широко принят в латиноамериканской обществоведческой литературе. Агиляр же наполнил его значительным теоретическим содержанием. Для него это объективно предопределенная форма развития капитализма в особых исторических условиях, которые характеризовали положение Латинской Америки на протяжении нескольких веков и отличают ее сегодня.

Мексиканский экономист считает, что запоздание капиталистического развития - фактически вплоть до конца XIX века - перекрыло путь "автономно-естественному" формированию буржуазного общества на латиноамериканской периферии. Ее эволюция неизбежно подчиняется новым императивам - мирового капиталистического хозяйства и международного господства монополистического капитала. А среди важнейших черт специфики "капитализма субразвития" особое значение Агиляр придает зависимости, которая, по его мнению, именно на империалистической стадии становится подлинно "структурной". Речь идет не только о национальноособенном в развитии капитализма, а об историческиособенном, распространяющемся на весь регион. И это общерегиональное качество связывается прежде всего с зависимостью (хотя и не только с ней).

Между тем в самой трактовке зависимости мексиканский ученый не сводит ее смысл лишь к важнейшей специфической черте. Зависимость для него - фактор определенной модификации в действии законов, присущих капитализму. "Раз уж признается, что капитализм не развивается аналогичным образом в Англии и Германии, Франции, России и Японии, а в каждом случае принимает определенные специфические формы, то тем более необходимо понимать: зависимость (особенно с началом империалистической фазы) - один из исторических феноменов, который накладывает глубокий отпечаток на формирование субразвития и даже на модификацию некоторых законов"¹⁴⁴. При этом модификация отнюдь не приравнивается к особым законам,

которые выражали бы некий "периферийно-капиталистический" способ производства. "... Законы общественного развития - как общие, так и специфические - не действуют единообразно в различном историческом контексте, и это не отрицает значения таких законов"¹⁴⁵.

Придерживаясь принципа историзма, Агиляр и зависимость трактует прежде всего как *историческую категорию*. Каждому этапу (колониальному, домонополистическому постколониальному и империалистическому) соответствует свой тип зависимости. Подлинно *структурный ее характер* на империалистической стадии Агиляр объясняет рядом обстоятельств. Во-первых, она проявляется практически во всех общественных структурах базиса и надстройки. А формы зависимости, присущие различным сферам, тесно переплетаются и взаимообуславливаются. Во-вторых, империалистическое господство и подчинение реализуется именно структурно, т.е. по самым различным направлениям и путем проникновения внутрь общества зависимых стран. В-третьих, само существование этих стран, их эксплуатация на основе зависимости есть имманентный структурный элемент всей системы империализма. "Красной нитью" для теоретических размышлений Агиляра стало воспроизводство качеств "капитализма субразвития" с определенным обновлением его содержания на очередном витке исторического развития, но при сохранении ряда базовых структурных характеристик.

Разрабатывая эту концепцию в социально-классовом аспекте, он сначала пришел к выводу о том, что буржуазия, формирующаяся на латиноамериканской периферии, представляет собой "доминирующий-доминируемый" класс. Иными словами, он стал пользоваться характеристикой, имевшей широкое хождение в леворадикальной литературе. Но уже в самом начале позиция Агиляра не означала солидарности с упрощенцами, лишавшими всю местную буржуазию собственного лица, не видевшими у нее своей воли и каких-либо самостоятельных интересов. В дальнейшем концепция мексиканского ученого насыщается более диалектическим содержанием. "Общий кризис капитализма, - писал Агиляр, - и развитие государственно-монополистического капитализма толкают эти (транснациональные.- *Авт.*) корпорации в наши страны в поисках наилучших условий деятельности. Но поскольку такие условия почти всегда сопряжены с интенсификацией эксплуатации людей и ресурсов, с безудержным перекачиванием фондов за границу, даже определенные фракции буржуазии чувствуют себя уязвленными такой политикой. Хотя и робко, с колебаниями и почти всегда в вербальной форме, они все же поддерживают националистические и антиимпериалистические требования или, по крайней мере, дают им ход"¹⁴⁶.

В то же время в трактовке мексиканского ученого чувствовалась настороженность: "Не склонны ли мы, - вопрошал Агиляр, - видеть в отдельных разногласиях (помимо всего прочего, вполне объяснимых и неизбежных) источник или признак потенциальных противоречий, чье реальное значение гораздо меньше того, которое им пытаются придавать не только известные пропагандисты и идеологи буржуазии, но даже представители рабочего движения, включая левые организации?"¹⁴⁷.

Позднее Агиляр выразил свою позицию более определенно. Согласно уточненной формуле, в современных условиях противоречия между местной буржуазией и силами империализма не исчезают, но в целом имеют второстепенный характер. Латиноамериканская буржуазия инкорпорируется, притягивается к транснациональному монополистическому капиталу, располагается все ближе к нему. Поскольку же местный монополистический капитал, рассуждал Агиляр, образует теперь наиболее важный компонент олигархии, должны устанавливаться связи, которые, очевидно, скажутся на развитии освободительного процесса. "Однако это не значит, что у такой буржуазии интересы идентичны интересам империализма. Было бы ошибкой игнорировать их различия. Всегда существуют реальные противоречия, которые выражают достаточно объективные расхождения. И для освободительной борьбы крайне важно признать данный факт. Ведь использование вероятных противоречий, пусть и второстепенных, может весомо содействовать продвижению, консолидации и успехам освободительной борьбы"¹⁴⁸.

Среди ряда модификаций, присущих "капитализму субразвития", мексиканский ученый выделяет модификацию (под воздействием зависимости) основополагающего противоречия - между трудом и капиталом. "... Противоречие буржуазия - пролетариат проецируется на внешний фактор и приобретает более сложную конфигурацию, в определенном смысле треугольную". Это противоречие, считает он, как бы "расходится по двум линиям: во-первых, пролетариат - местная буржуазия (подразумеваются отношения с частным и государственными капиталами, которые, в свою очередь, тесно связаны между собой) и, во-вторых, пролетариат - иностранная буржуазия, чье прямое участие в производственном процессе с каждым разом становится все большим и которая, в свою очередь, поддерживает близкие отношения с капиталом зависимой страны"¹⁴⁹.

Если говорить о теоретико-философском содержании зависимости и ее отношении к системе политэкономических категорий, то в этом вопросе мексиканский ученый руководствуется следующим. "Мне представляется, - пишет он, - что введение структурной зависимости в теоретическое объяснение латиноамериканского субразвития может сыграть решающую роль в углублении исследований этого процесса, но только если строго определить ее природу, значение и трактовать не как независимую переменную, подменяющую те, от которых кому-то хотелось бы избавиться по своей прихоти, а как историческую категорию, позволяющую вникнуть в производственные отношения, во внутреннюю динамику системы, в факторы, которые обуславливают накопление капитала, в социальную структуру, классовую борьбу и, наконец, в основные внутренние и интернациональные противоречия"¹⁵⁰.

И в этой связи Агиляр полемизирует с Кардозо. Раскрывая ход полемики, не хотелось бы подменять аргументацию и манеру мексиканского ученого собственным изложением. От этого пострадает ощущение самой дискуссии. Рискуя навлечь обвинения в цитатомании, мы постараемся все же передать полемику из первых уст. Итак, комментируя тезис Кардозо о теоретическом статусе зависимости, Агиляр

подчеркивал: «На наш взгляд, мы действительно не можем возвести феномен зависимости в ранг основополагающей категории капиталистического способа производства. Но аргумент, к которому прибегает Кардозо, представляется спорным и двусмысленным. Ведь если справедливо то, что трактовка зависимости немыслима без учета других категорий, в равной мере недопустимо утверждать - отталкиваясь от подобного тезиса - будто это доказывает невозможность постановки вопроса об исторической категории, столь же объективной, закономерной и проясняющей, что и другие, используемые историческим материализмом. Иными словами, то, что он предполагает или признает для других отношений и связанных с ними явлений, будто бы не имеет для нее (зависимости. - Авт.) ни смысла, ни тем более значения. С полным основанием могут спросить о категориях, которые Кардозо называет *центральными*: а могли бы мы говорить, например, о прибавочной стоимости без понятия эксплуатация или накопление капитала, могли бы мы говорить об империализме без *понятия* монополия и не учитывая изменений в строении капитала, общей эволюции капитализма? Гораздо более убедительной представляется позиция автора, когда... он замечает, что "идея зависимости находит свое определение на теоретическом поле марксистской концепции капитализма". Думаю, с этим можно было бы согласиться, хотя все же подобный постулат больше поворачивает нас к определению зависимости как "идеи", нежели к пониманию ее как исторического феномена, как реальности, претерпевающей глубокие изменения при капитализме и, конкретно, в его империалистической фазе»⁵¹. (Курсив Агиляра.)

Мексиканский ученый критически расценивает позицию Кардозо, доказывающего совместимость зависимости и развития. Сегодня - не без иронии замечал Агиляр - никого не нужно убеждать в том, что латиноамериканские страны индустриализируются, подобно другим периферийным капиталистическим странам. Он согласен с формулой Кардозо - суть этого процесса состоит в "эксплуатации относительной прибавочной стоимости и росте производительности". Агиляр готов признать и другой постулат бразильского ученого - "одновременно существует... процесс изменения зависимости и капиталистического развития". Агиляр с особым ударением подчеркивает: "... это не только так, но и не может быть иначе. То же можно выразить иным образом: *в наших странах зависимость и капиталистическое развитие не только не являются несовместимыми, но, более того, есть два противоположных и неразделимых аспекта одного и того же феномена*"⁵². (Курсив Агиляра.)

Удивительно другое, замечает Агиляр, «почему Фернандо Энрике Кардозо считает, что возможность индустриализации в так называемых "периферийных зонах" капитализма не предвиделась классиками теории капитализма и империализма? Не случилось ли наоборот - в консервативных кругах или даже в радикальной среде долго и напрасно ожидали, что одно лишь капиталистическое развитие обеспечит возможность прогресса и, в частности, индустриализации? Между тем не сам ли Ленин ясно предупреждал, что экспансия империализма не только не будет означать застой, но вызовет ускорение развития производительных сил в тех странах, куда проникают монополии и ино-

странный капитал? Не являлись ли этапами этого процесса именно те периоды, когда при содействии и нередко под контролем зарубежного капитала получали развитие рудно-металлургическое производство, агроиндустрия, энергетика, производство ряда простых промышленных изделий, а затем - производство товаров длительного пользования и даже элементов основного капитала? Не правильнее ли, таким образом, говорить, что каждое изменение в модели международного разделения труда - особенно за последнее столетие - сопровождается адаптацией в отношениях между господствующими и угнетаемыми нациями и что, помимо закрепления за этими зонами (зависимыми странами.- *Авт.*), определенных жестко ограниченных сфер деятельности... им неизменно предназначалось подчиненное нижнее место относительно того, которое резервировали за собой империалистические державы?>53.

Исходя из этого, мексиканский экономист выступал против тезиса Кардозо о том, будто "новый характер зависимости не противоречит хозяйственному развитию зависимых экономик". "Не понимаю, - удивляется Агиляр, - как такой автор, как Кардозо, доходит до крайности в рассуждениях о зависимости, которая не препятствует развитию латиноамериканских стран. Не понимаю, поскольку убежден: если и есть этап, на котором зависимость противодействует развитию, то это именно нынешний"154.

Агиляр подчеркивает: рост производства и производительности труда достигается за счет повышения степени эксплуатации. Вместе с тем, как никогда ранее, сказывается эрозия производственного аппарата, усиливается воздействие международных монополий на распределение хозяйственных ресурсов, ведущее к их ущербному, нередко "антиэкономическому" использованию. Постоянным спутником хозяйственного развития стали хроническая инфляция, задолженность, гипертрофия так называемого третичного сектора, паразитический характер некоторых видов услуг.

Принципиальная позиция мексиканского ученого сводится к следующему. На современном этапе историческая миссия капитализма в Латинской Америке уже не выражается "подталкиванием развития" - даже в той мере, как то было свойственно этой системе в прошлом. В латиноамериканских странах капитализм стремится главным образом к сохранению господствующего социального порядка, к тому, чтобы быть во всеоружии - пусть даже ценой уступок - перед угрозой революции. Агиляр заключает: "Обострение противоречий субразвития - единственная перспектива, которую имеет капитализм в зависимых странах"155. Читатель, как и автор, видимо, заметит (и справедливо), что, отрицая одну крайность - Кардозо, сам Агиляр впадает в другую.

Но вернемся к полемике. Отвечая критикам концепции зависимости, Агиляр подчеркивает: "... если в некоторых случаях при рассмотрении проблемы субразвития зависимость (как понятие и даже как базовая историческая категория) имела неадекватное приложение, прежде всего к империалистической фазе, все равно очевидно: вопрос заключается не в том, чтобы отбросить эту категорию, а в том, чтобы правильно ее использовать"156. И уж в этом - в отрицании редуцио-

низма - с Агиляром нельзя не согласиться.

"Иное дело, - замечает Агиляр, - расценивать зависимость просто как внешнюю переменную... либо усматривать в ней лишь способ соединения, взаимосвязи слаборазвитых стран с внешним капитализмом... Мы должны понять, что в зависимости выражается нечто более глубинное, а именно сама динамика капитализма субразвития, но, разумеется, не как изолированный феномен, а как явление, возникающее в рамках отношений и противоречий мировой хозяйственной системы. Зависимость - крайнее выражение неравномерности развития капитализма, которая, как нам известно, имеет тенденцию к усилению при империализме"¹⁵⁷.

В исследовании теоретических вопросов капиталистического развития Латинской Америки мексиканский ученый отстраняется от концепции среднего уровня развития. Как он считает, эта концепция, получившая распространение с 20-х годов, неприменима к современной латиноамериканской действительности. И не столько потому, что страны региона в подавляющем большинстве еще не достигли среднестатистического уровня капиталистического мира. И, с другой стороны, не потому, что можно отрицать очевидный факт роста производительных сил в Латинской Америке. Сам термин, по мнению Агиляра, может помешать выявлению сути - того, что Латинская Америка в целом продолжает оставаться слаборазвитым регионом, характеризующимся зависимостью, тяжелыми социально-экономическими деформациями и диспропорциями. "Я бы даже сказал, - замечает мексиканский экономист, - что он и не преодолет подобного состояния пока остается в рамках капитализма"¹⁵⁸.

Подтверждение такой постановки вопроса Агиляр находит в кризисе 80-х годов. По его мнению, он наглядно демонстрирует глубокий порок зависимости, присущий капиталистическому обществу латиноамериканской периферии¹⁵⁹. Между тем теоретические проблемы кризиса привлекли внимание Агиляра еще до экономического спада 80-х годов. В январе 1979 г. он представил на семинар по теории развития в Институте экономических исследований при УНАМ фундаментальный доклад, в котором проанализировал эволюцию марксистской концепции кризиса от трактовок самого Маркса и затем Ленина до работ советских авторов середины 70-х годов¹⁶⁰. В этом докладе Агиляр противопоставлял логику В.И.Ленина и Н.И.Бухарина тому, что им трактовалось как непоследовательность Р.Люксембург, Л.Д.Троцкого и И.В.Сталина. Агиляр показывал, как недialeктическое понимание кризиса приводило трех последних к различным теоретическим тупикам (или к упованию на автоматический крах империализма, или к потере веры в возможность построения социализма в одной стране, или к догматизации этой возможности и чисто механического сужения воспроизводственной базы капитализма). Позиция самого Агиляра сводилась к поддержке тезиса о единстве деструктивного и конструктивного начал в периодически закономерных кризисах перепроизводства и перенакопления.

Агиляр пришел к выводу, что новый кризис (хотя оперировал лишь опытом спада 1974-1975 гг. и его ближайших последствий) не относится к числу конъюнктурных, а имеет глубинный структурный харак-

тер. Тогда он считал, что начавшийся кризис следует рассматривать в теоретической перспективе общего кризиса капитализма и в этой связи уделил большое внимание работам Е.С.Варги, В.Л.Выгодского, М.С.Драгилева, Н.Н.Иноземцева и С.М.Меньшикова, опубликованным на испанском и английском языках. Фактически в трактовке мексиканского ученого концепция общего кризиса капитализма нашла свой частный аналог в идее структурного кризиса "капитализма субразвития".

Стремясь к диалектическому пониманию зависимости, т.е. с учетом тех факторов, которые ее закрепляют, и тех, которые ее нейтрализуют, Агиляр считал необходимым вынести анализ за рамки одной системы - капитализма. Оценивая итоги 60-х и 70-х годов в духе своего времени, в согласии с собственными убеждениями и верой в перспективу первичных социалистических моделей, он утверждал: "... Когда в результате продвижения социализма мировая капиталистическая система проявляет тенденцию к сжатию, к утере своей почвы, тогда происходит не только обострение присущих ей противоречий, но и существенное изменение в отношениях зависимости"¹⁶¹. Оценивая последствия изменений в мирополитической обстановке для Латинской Америки, он отмечал, что в атмосфере "холодной войны" и конфронтации двух систем более жестким и настойчивым становится давление крупных капиталистических держав на развивающиеся страны, ведущее к ущемлению их национального суверенитета. Растущее влияние социалистических государств и успехи разрядки, напротив, способствуют движению за национальное освобождение, позволяя в то же время ослабить - а в некоторых случаях и преодолеть - зависимость в странах "третьего мира"¹⁶².

Излишне напоминать, что подобная интерпретация отвечала и нашим представлениям о диалектике в рамках "противоборства и сосуществования двух систем". Но диалектика мирового развития оказалась сложнее. Социализм в той форме, в какой он до сих пор реализовывался на практике, не выдержал историческую проверку на прочность. Разумеется, история еще не сказала своего последнего слова. Иное время определяет свою альтернативу, свою диалектику для нас, для Латинской Америки и мирового сообщества.

* * *

В оценке концепций разработанных латиноамериканскими учеными, советские латиноамериканисты находятся в немалом долгу. И не только потому, что эти концепции изучены недостаточно полно, что изучение не поспевало за ходом обществоведческой мысли в странах региона. Мы долгое время подходили к этим концепциям с позиции монопольных обладателей истины. Между тем наш собственный взгляд был крайне узок.

Существуют, видимо, две основные причины такой узости. Во-первых, мы объективно и субъективно стали жертвами выхолощенного и догматизированного марксизма-ленинизма. Во-вторых, нам не удалось преодолеть последствия более старого "заболевания" - европоцентристского взгляда (принимавшего порой специфическую форму

центристского взгляда (принимавшего порой специфическую форму "москвациентристского") на мировую историю и латиноамериканскую в частности. Справедливые упреки, высказанные по этому поводу известным мексиканским философом Леопольдо Сеа, мы можем отнести и на собственный счет¹⁶³.

Подсознательный "марксистский монополизм" сопровождался крайней политизацией нашей критики "немарксистских концепций". Если латиноамериканские обществоведы, представлявшие компартии, обладали своего рода иммунитетом неприкосновенности, то другие авторы становились объектом "бескомпромиссной критики". Причем, как это ни парадоксально, особо сурово судились не "буржуазные либералы", а люди, искренне вставшие на платформу марксизма. "Вина" их заключалась в том, что выступали они не в той тональности, которая была задана очередным съездом КПСС, не прониклись духом тех примитивных пропагандистских писаний, которые миллионными тиражами распространялись нашими специализированными издательствами в Латинской Америке. Очень деликатно на этот счет высказался А.Агиляр. Посетовав на слабое знание советской научной мысли в левых кругах Латинской Америки, он заметил: "... проявляется тенденция к использованию изданий, которые, имея определенное значение как публицистическое средство, не представляют достаточного научного интереса"¹⁶⁴. Если скороспелые пропагандистские брошюры и книжные образцы стандартизированных исследований находили выход в латиноамериканскую аудиторию, то глубокие творческие работы, публиковавшиеся и в "застойные времена", за редкими исключениями не выдерживали бюрократического отбора. Но -слава богу! - серьезные латиноамериканские ученые, не ограничивались стандартным набором интеллектуальной пищи, которым были вынуждены довольствоваться советские авторы. Порой мы даже не отдавали себе отчет в том, что К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин были изъяты у нас из своего исторического и интеллектуального контекста. Произведения большинства их соратников и оппонентов в рамках одного идейного течения безжалостно "вырубались". Их следы оставались разве что в зеркале трудов самих классиков.

А "непартийные" латиноамериканские марксисты тем временем обращались к наследию марксизма без всяких изъятий, имели возможность проследить ходы теоретической мысли основных представителей ленинского поколения, не говоря уж о богатейшей современной библиографии "несоветского марксизма". Отсюда и немалая доля "вины". Латиноамериканские левые радикалы, вставшие на марксистскую платформу, и не подозревали, что многие их произведения размещались в "спецхранах" советских научных библиотек, тогда как доступ к работам иных вполне буржуазных авторов оказывался свободным.

Выступая в роли ревнителей марксистской истины, мы нередко проявляли элементарную неосведомленность. Отсюда и напраслина, возводившаяся на многих латиноамериканских обществоведов. Но проистекала она и из того, что мы порой рассматривали их "скопом" или же подразделяли согласно когда-то и кем-то приклеенному ярлыку. В итоге "ребенок выплескивался вместе с водой", эволюция взгля-

дов оставалась непонятой. Дело доходило до досадных казусов. Так, Дос Сантосу (равно как и всем прочим левым радикалам, а заодно и социал-реформистам) предъявлялся упрек в том, что он не расшифровывал содержание своего социалистического идеала, предлагавшегося в качестве альтернативы существующему обществу. Между тем Дос Сантос написал ради этого целую книгу ("Бразильский путь к социализму"), выдержавшую два издания¹⁶⁵. Аналогичных примеров немало.

И еще одно уточнение в согласии с замечанием, высказанным А.В.Шестопалом: «Думается, что взгляды того или иного латиноамериканского автора в 60-70-е годы не могут восприниматься как безусловное мерило его прогрессивности. Наша самокритичная оценка истории советского общества, признание противоречивости, подчас кризисности социальных процессов в разных странах социализма сегодня далеко превосходят критические замечания в адрес социализма со стороны латиноамериканских леворадикальных теоретиков»¹⁶⁶.

Работая в жанре критики теоретических концепций, советская латиноамериканистика, к сожалению, внесла свой, правда "скромный", вклад в наше доморощенное политическое сектантство - то, которое отделяло от нас многих сторонников творческого марксизма и незадогматизированного социалистического идеала, которое косвенно вело к дроблению левых сил в Латинской Америке, к расколам латиноамериканских компартий.

Сегодня нам необходим иной подход - внимательное и непредвзятое отношение к зарубежной теоретической мысли и не для того, чтобы своевременно "отмежеваться", а прежде всего для того, чтобы своевременно уловить конструктивные элементы в оценке латиноамериканской действительности, соотнесенной с общемировыми реальностями, чтобы учесть в собственной работе неоправдавшийся опыт теоретических построений.

Руководствуясь таким подходом, обратимся к итогам разбора избранных нами концепций. При всем различии рассмотренных взглядов обращает на себя внимание продвижение мысли в определенной последовательности. На первом этапе осуществляются поиски теоретической модели, адекватно отражающей особенности национальных социально-экономических систем, их региональной совокупности и характер отношений с центрами МКХ. На втором этапе тот, кто поставил перед собой задачу создания "региональной модели", ощущал необходимость более широкого взгляда - не только и не столько в рамках взаимоотношений центра и периферии, сколько с учетом общемирового контекста, универсальных процессов современного мироисторического развития.

Однако если для создания "региональных моделей" (моделей латиноамериканской периферии МКХ) предпринимались интенсивные аналитические и теоретические поиски, то в области их конкретизации на внутрирегиональном типологическом уровне активность была значительно меньшей и принесла пока скромные результаты.

Недостаток дифференцированного подхода и неудачи в дезагрегации общерегиональной модели на типологические подмодели нередко приводили к механической проекции представлений, основанных на

изучении исторической практики Латинской Америки, на весь "третий мир" (и наоборот: от него - к Латинской Америке). Одна из причин связана, на наш взгляд, с недооценкой историко-генетической "наследственности", с узкотехнократическим либо с узкоклассовым ракурсом научного анализа и теоретических построений. В результате приходится констатировать: многовариантность естественноисторического движения в рамках латиноамериканской периферии МКХ все еще не нашла достаточно разработанной интерпретации (и методологически, и с точки зрения конечного истолкования).

При известной (и объяснимой) ограниченности взглядов тех или иных авторов, при слабостях их конструкций в тех или иных аспектах мы не можем не сделать однозначный вывод: латиноамериканская теоретическая мысль внесла в современное обществоведение солидный вклад, который еще в полной мере не осознан в мировой и советской литературе. Один из его важных компонентов - создание различных вариантов теоретической модели латиноамериканской периферии МКХ и принципиальных схем ее отношений с центрами МКХ. Эта работа (в ее конструктивной части, а не в упрощенческих трактовках) имела не только академическое значение. Она так или иначе способствовала становлению универсального мирополитического сознания, переводу идей о необходимости демократизации международных отношений в практическую плоскость.

Нельзя не обратить внимание на внушительное присутствие "зависимости" практически во всех (за очень малыми исключениями) теоретических построениях латиноамериканских обществоведов. Что это? Общее болезненное поветрие или навязчивое стремление перенести ответственность за отсталость и деформации на "внешние силы"? Конечно, в какой-то мере подобные мотивы сказываются через мировоззренческие и субъективистские позиции авторов. Однако "житейское" объяснение явно не работает в поиске действительной причины. Она же коренится в объективном характере зависимости, в сильном влиянии этого фактора на процесс исторического развития латиноамериканских стран. Вправе ли ученый, тем более латиноамериканец, игнорировать эту реальность? Ответ очевиден. Внимание к феномену зависимости и придание этой категории высокого теоретического ранга вполне объяснимы.

Здесь уместно сослаться на авторитет Леопольдо Сеа, блестяще показавшего соотношение объективного и субъективного в истории Латинской Америки и выражение ее объективной специфики через научное сознание. В трактовке Сеа зависимость есть универсальное понятие, находящее свое осуществление как в области действительно-го, так и в области идей, культуре в целом с широким, цивилизационным смыслом. "Направление этой истории... определялось осознанием своей зависимости, подлежащей отрицанию, и формой осуществления такого отрицания. В этом суть феномена, который был обозначен как латиноамериканская философия - своя собственная, аутентичная философия человека Латинской Америки, пришедшего к осознанию собственной действительности"¹⁶⁷.

Латиноамериканские обществоведы имеют несомненные заслуги в определении сути зависимости как теоретической категории при всех

возможных и необходимых претензиях к ее истолкованиям. Советская же научная литература проявила в этом несомненное отставание. Термин "зависимость" даже не включен ни в философскую, ни в политэкономическую энциклопедию. И это парадоксально, поскольку в произведениях Маркса и Ленина термин встречается довольно часто и фактически выполняет функцию категории, помогающей выразить позицию по концептуальным вопросам.

Преодолевая первоначальный схематизм и односторонность, латиноамериканские обществоведы-марксисты сумели диалектизировать свое понимание зависимости, отказаться от "стагнационной версии", показать историческую смену форм зависимости в сочетании и подвижном противоречии с тем, что выносится на передний план процессом социально-экономического развития. В политэкономическом (а не общеполитическом) истолковании зависимости и отношений "центр-периферия" МКХ при известных достижениях ограниченность оказалась большей. Есть основание говорить и об определенных искажениях, которые, на наш взгляд, связаны с переходом на всеобщепотребительный термин "избыток" и обужением сферы употребления других категорий, характеризующих сущностные результаты общественного производства и обмена. К сожалению, мало использовался потенциал теории стоимости. Так, обойдена вниманием проблема соотношения национальных и интернациональных стоимостей. Поэтому нередко результаты их несовпадения механически заносились на счет прямой эксплуатации, основанной на отчуждении прибавочного продукта.

Следует в заключение добавить, что в задачи монографии не входило изучение теоретических позиций ученых, исходя из их партийной принадлежности. Можно было бы, конечно, специально остановиться на исследованиях авторов, представляющих точки зрения коммунистов. Ведь они традиционно уделяли рассматриваемой теме особое внимание. Однако такой анализ, хотя порой и дисперсный, и в духе своего времени - комплементарный, встречается в работах многих советских латиноамериканистов. Учитывая это, мы адресуем заинтересованного читателя к иным изданиям. Но вместе с тем нельзя не вспомнить еще раз о том, что в латиноамериканской обществоведческой литературе последних десятилетий весомо представлены авторы, чья политическая деятельность была связана с коммунистическим движением. В их ряду достаточно сослаться на имена Э.Агости, Л.Пасо и Х.Фучса (Аргентина), Ж.Пьера-Шарля (Гаити), Т.Варелы и Х.Сильвы Кольменареса (Колумбия), Р.Бартры, Э.Семо и С. де ла Пеньи (Мексика), Р.Арисменди (Уругвай), Х.Кадемартори, О.Капуто и Э.Рамиреса Никоча (Чили), в книгах и статьях которых тема особенностей капиталистического развития рассматривалась в общем плане либо по отдельным аспектам.

Иное дело - ограниченность научно-теоретических сил латиноамериканских компартий, а в известной мере и их скованность. Думается, многое объяснялось превратно понимавшейся идеологической и политической дисциплиной. Но все же и при такой дисциплине теоретические позиции латиноамериканских коммунистов относительно общества, сформировавшегося в их странах, не вписывались в какой-то

единый стандарт. Вариации были довольно значительными. Причем симптоматично, что в малых и менее развитых государствах обычно преобладала концепция "зависимого капитализма", в более развитых и крупных - концепция "среднеразвитого капитализма". Иными словами, подход определялся своеобразием собственной страны в рамках общелатиноамериканских особенностей. Вопрос принципиального свойства - в какой мере национальный опыт может служить для региональных обобщений? Непродуктивными оказывались попытки таких обобщений, если они не предварялись типологическим рассмотрением страновых ситуаций.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МУТАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Оценивая итоги развития латиноамериканских стран, мы обычно констатируем их социально-экономическую общность - принадлежность к периферии мирового капиталистического хозяйства. Но правомерность подобного утверждения неотделима от необходимости учета особого качества большинства стран региона - значительной зрелости общественных отношений в базисе и надстройке. Эта зрелость, несомненно, отличает латиноамериканскую периферию от основного массива афро-азиатского мира. Применительно к Латинской Америке в целом речь должна идти о той части периферии, которая уже значительное время характеризуется не только внешней включенностью (через международные связи и анклавные вкрапления современного предпринимательства) в мировую капиталистическую систему, но и родством с ней многих внутренних структур.

Вместе с тем сохраняется принципиальное отличие от развитой зоны МКХ - центров системы. Мы, с одной стороны, определяем его отставанием производительных сил и явной асинхронностью изменения их элементов, запаздыванием технологического обновления и неравномерностью диффузии технических новшеств, загрязнением общества архаичными укладными структурами, маргинализацией значительной части населения, сильно выраженными социальными и экономическими диспропорциями. С другой стороны, это отличие мы связываем с подчиненным участием стран региона в международном разделении труда (МРТ) - преимущественно на его нижних этажах, когда "сравнительные преимущества" МРТ представлены главным образом дешевизной сырья и рабочей силы, слабым экологическим контролем, когда роль национальных экономик сводится к поставкам продовольственных и сырьевых промышленных товаров, полуфабрикатов или к исполнению отдельных функций в сложных производственных системах, организуемых ТНК (роль частичного производителя). Мы также отмечаем, что страны региона, относящиеся к периферии МКХ, служат преимущественно объектом приложения ссудного и предпринимательского капитала из центров МКХ. По данной причине, а также как результат отставания и деформации производительных сил, значительного разрыва между уровнями интернациональной и национальной стоимости, как итог космополитизации и паразитизма местных господствующих слоев происходит непропорциональное присвоение и распределение создаваемого продукта. Значительная его часть теряется для целей расширенного воспроизводства на национальной основе.

Между тем мы все больше убеждаемся, что обобщенная социально

-экономическая характеристика региона и его места в МКХ, будучи необходимой при всех обстоятельствах, явно недостаточна как для анализа, так и для политической практики. Серьезное исследование предполагает максимальный учет многовариантности естественно-исторического процесса, что, разумеется, не должно приводить к крайности - замкнутости на национальной специфике, при которой "за деревьями не видно леса".

1. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АВТОХТОННЫХ И ПРИВНЕСЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ

Бытует мнение, согласно которому самостоятельное развитие индейских народов Америки и их цивилизаций прекращено европейским завоеванием, что социально-экономические структуры, сложившиеся здесь в доколумбову эпоху, были полностью разрушены, а их преемственная связь с современностью прервана. Высказывая подобные суждения, нередко ссылаются на известные тезисы основоположников исторического материализма¹. Но при этом игнорируется то важнейшее обстоятельство, что речь шла именно о самостоятельном развитии, а не об отрицании возможности и вероятности интеграции отдельных звеньев исходной общественной системы, определенного синтеза социально-экономических структур. Между тем ознакомление с другими теоретическими положениями Маркса и Энгельса убеждает в необходимости иной трактовки, в понимании их диалектической позиции. Наиболее явственно это обнаруживается, пожалуй, при разборе Марксом различных типов колониальных завоеваний в докапиталистическую эпоху².

Изучение конкисты в Латинской Америке со всей очевидностью показывает, что ее общественно-исторические последствия оказались весьма многообразными, а дальнейшая эволюция получила разную направленность. Отчего это зависело? Раньше всего от принципиально различных качеств автохтонных социально-экономических структур, совокупность которых для определенного типа общества мы условно именуем "матрицей". Соответственно уровню общественного развития, характеру сформировавшейся системы производственных отношений эти матрицы по-своему реагировали на завоевание, проявляя либо большую, либо меньшую устойчивость, либо вообще неспособность к выживанию. И, видимо, уже здесь в момент зарождения Латинской Америки как таковой следует искать корни многовариантности развития общественно-экономических систем региона.

Далее расхождения порождались внешней обусловленностью (характером привнесившихся производственных отношений). Различие в содержании "имплантируемых" (по выражению А.В.Бобровникова³) производственных отношений выявляется по источнику, по происхождению и по времени имплантации. Понятно: одно дело Голландия и Англия с уже свершившейся буржуазной революцией, другое - Испания и Португалия в условиях позднего феодализма и монархического абсолютизма. Между тем и в зоне иберийской колонизации нельзя не видеть существенных различий, связанных с местом (природная

обусловленность хозяйственного освоения колонизируемых территорий и соответствующая модификация, приспособление привносимых производственных отношений) и временем (производственные отношения, привнесенные из иберийских метрополий в начале XVI в., - это одно, в XVII в. - другое). Немаловажное обстоятельство - диффузия влияния переносимых структур. Она зависела от того, относится данная зона к центрам колонизируемых территорий либо к их периферии. В последнем случае "жесткость" насаждаемых структур была значительно меньше. В то же время существовало больше возможностей для самостоятельной, естественной эволюции благодаря ослаблению волевой детерминации со стороны метрополии.

Отсюда исторически происходят различные типы колоний. Исчерпываются ли они в Латинской Америке двумя типами, указанными Марксом (колония в собственном смысле и колония-плантация)? Изучение конкретного исторического материала показывает, что диапазон был шире. Маркс имел в виду колонии буржуазных метрополий. На территории латиноамериканского региона преобладал другой тип метрополии. Конечно, при внимательном рассмотрении нельзя не видеть схожесть отдельных элементов и форм (прежде всего в колонии-плантации), но в целом мы имеем иное качество. Самое лучшее тому доказательство - заметное расхождение в последующем путей развития отдельных стран региона и различные темпы формирования капиталистических производственных отношений, не говоря уж о сравнении с севером полушария.

Если посмотреть на этническую карту современной Латинской Америки и Карибского бассейна, то сразу бросятся в глаза большие (иногда диаметральные) различия стран региона по сочетанию в составе населения расовоэтнических компонентов. Есть страны с явным преобладанием индейского населения (Гватемала, Боливия и Парагвай) или явным преобладанием двух компонентов - метисного (смешением индейцев и потомков европейцев) и индейского при весьма значительной доле последнего (Перу, Эквадор, Мексика, Сальвадор, Никарагуа, Гондурас). Есть страны с преобладанием населения африканского происхождения (Барбадос, Ямайка, Гаити, Гранада, Доминика). В другом случае весомый афронегроидный компонент растворен смешением с европеоидным (Куба, Доминиканская Республика, Бразилия, Пуэрто-Рико). Население ряда стран характеризуется уравновешенным распределением между основными этнорасовыми компонентами (Колумбия, Венесуэла, Панама). Есть страны с явным (или даже подавляющим преобладанием) европеоидного компонента (Уругвай, Аргентина, Коста-Рика).

Можно смело говорить о том, что для всемирной истории Латинская Америка - уникальный случай равнопредставленного участия основных этнорасовых компонентов человечества и вместе с тем - по странам - различных их композиций. А за этим стоят не только прерывности миграций, но и различия социально-экономических структур, типов хозяйственной и общественной эволюции.

Итак, выяснение вопроса о расхождении путей социально-экономического развития в Латинской Америке целесообразно начинать с исходного момента в образовании новых - латиноамериканских - ис-

торических общностей, прибегая главным образом к данным об этнодемографическом распределении как к источнику наиболее полной фактологической информации по первым четырем векам латиноамериканской истории.

Обращаясь же к сущности коренных социально-экономических структур накануне европейской колонизации, мы обязаны констатировать прежде всего значительный диапазон уровней общественного развития - от кочевого (охота и собирательство) образа существования родовых групп до раннеклассовых "империй", основывавшихся на довольно высокой культуре земледелия. В тех зонах, где господствовал родо-племенной строй, примитивные общественные структуры не выдержали столкновения с европейской цивилизацией и в социальном, и в физическом смысле. Этносы с родовой организацией сохранили самое себя и выжили лишь в редких случаях - тогда, когда не входили в зону колонизации или ушли от преследования завоевателей, скрывшись в труднодоступных районах.

Для зон социального и физического распада первобытнообщинного строя вполне справедлив тезис о прекращении самостоятельного развития. Трагическим уделом селившихся (или кочевавших) здесь этносов стал "геноцид" и в меньшей мере насильственная ассимиляция. Именно в этих районах (а спустя несколько веков и в странах) происходила "имплантация" базисных и надстроечных структур. Опирируя современными географическими понятиями, можно говорить, что именно таким образом сформировалась первооснова общества в островных государствах Карибского моря, в Коста-Рике, отчасти на Атлантическом побережье Колумбии и Венесуэлы, в преобладающей части Бразилии, Уругвае, на большей части территории Аргентины и в центральной зоне Чили.

Более сложной была ситуация в районах плотного заселения - в зонах "высоких" и близких к ним цивилизаций. А именно здесь осела основная масса конкистадоров, здесь они основали свои колониальные центры. Как известно, наиболее высокого цивилизационного уровня достигли в Новом Свете кечуа и аймара (андский ареал) и майя и ацтеки (мезоамериканский ареал). Следующую (по нисходящей) ступень общественного развития занимали чибча и муиски (Колумбия), затем - гуарани (Парагвай) и тупинамба (Северо-Восток Бразилии)⁴.

Итогом нашего анализа является вывод о пяти основных ступенях. Какова их общественная суть? Нижние ступени вряд ли могут вызвать серьезные расхождения в оценках. Иное дело - высокие цивилизации. До сих пор в советской латиноамериканистике преобладали расплывчатые дефиниции типа "раннеклассовое общество" либо малообоснованные фактами выводы о раннерабовладельческом обществе или о коллективном рабстве. Вместе с тем обходился или же игнорировался вопрос о типологической схожести с теми общественными образованиями, которые К.Маркс относил к "азиатскому способу производства"⁵, упоминая, в частности, Перу и Мексику⁶.

Если не считать отдельных параллелей В.И.Гуляева⁷, то в своем подавляющем большинстве советские латиноамериканисты дружно "воздерживались" даже от упоминания термина "азиатский способ производства" (АСП). "Заговор молчания" можно понять применительно к тому времени, когда в советском обществоведении существовал негласный запрет на эту концепцию. Но его уже нельзя объяснить в современной

обстановке. Замалчивание АСП не означало, однако, отсутствия различий во взглядах (причем существенного) при определении общественной сути высоких цивилизаций доколумбовой Америки. Но полемика шла главным образом по линии признания либо непризнания рабовладельческой окраски инкского, ацтекского или майанского государств.

В.А.Кузьмишев определял инкское общество как раннеклассовое, не вдаваясь в расшифровку этого понятия, но отвергая рабовладельческую версию⁸. Ю.А.Зубрицкий, с одной стороны, пытался обосновать дефиницию рабовладельческой деспотии, подобной тем, которые существовали на Древнем Востоке. С другой стороны, не находя фактов, подтверждающих существование многочисленного класса рабов, он говорил о двухукладном переходном обществе, в котором разлагался первобытнообщинный и наступал рабовладельческий уклад⁹.

"Чаша весов" в итоге склонялась в пользу тех, кто отрицал серьезное значение рабства. В этой связи можно привести мнение И.К. Самаркиной по поводу янакунов - единственной "рабоподобной" социальной группы Тауантинсуйю. "К разряду янакунов, - писала Самаркина, - относились разные категории жителей с различным социальным статусом; единственным отличительным признаком их положения является отрыв от общины... социальное назначение этого слоя еще до конца не определилось, он носил промежуточный характер, свойственный обществу с незавершенным процессом классовой дифференциации. Правящая каста постепенно обростала челядью, и это является свидетельством развития классовых отношений в обществе Тауантинсуйю. Однако нет оснований утверждать, что упрочивались именно рабовладельческие отношения"¹⁰.

Что же предлагалось Самаркиной для определения общественного устройства инкского государства? То, что отдельные элементы феодального способа производства складывались при господстве общинных отношений и неразвитости рабовладельческих. "Социальный строй Тауантинсуйю, - писала она, - был уже антагонистическим, но с нечетко выраженной классовой структурой. Основной формой эксплуатации было изъятие большей части продукта, создававшегося в общинах, государственной властью. В рамках этой формы развивались рабовладельческие и протофеодальные элементы... Отношения господства-подчинения, эксплуатация населения общин деспотическим государством, военно-аграрной бюрократией и складывающейся прослойкой крупных земельных собственников отражают своеобразие переходной эпохи раннеклассового общества, для которой характерен известный симбиоз различных тенденций развития"¹¹. Тут же делался вывод, что положение индейской общины в государственной системе инков как производственной, административной, судебной и податной единицы придавало ей особую устойчивость, что сильная централизованная власть также не способствовала складыванию феодально-иерархической структуры.

Этот вывод как бы дезавуирует содержание предыдущих. Такое впечатление не случайно: в формуле И.К. Самаркиной заложено неразрешимое противоречие. Не случайно и то, что она даже не затрагивала вариант АСП в своем анализе долгой дискуссии по трактовке общественно-стадиальной принадлежности Тауантинсуйю: <<"Многоукладный" характер экономической структуры дает основание для многовариантной трактовки его формационной сущности. Споры о том, было ли общество рабовладельческим, феодальным (раннефеодальным) или доклассовым, продолжаются и по сей день>>¹². Похоже, к версии "двухукладности" Зубрицкого можно добавить гипотезу "трехукладности" (сочетание общинных, рабовладельческих и раннефеодальных отношений).

Единственным, кто среди латиноамериканистов нарушил "заговор молчания" по поводу АСП, был А.Ф.Шульговский, опубликовавший в 1970 г. в сборнике ИЛИА АН СССР статью, посвященную обществам доколумбовой Америки в свете марксовской концепции докапиталистических формаций. По его мнению, "достаточно убедительно доказано, что так называемый азиатский способ производства нельзя ограничить географическими рамками какого-то района в мире, что эти формы с определенной закономерностью возникают на разных континентах. И, наконец, действительно большое своеобразие государственных образований, основанных на восточном способе производства, обогащает наше представление об общественных формациях"¹³.

Для того чтобы определиться в наших заключениях, вспомним о ключевых элементах примерной модели АСП, которая явствует из реалий Древнего Востока. Первое - базу общества образует сельская соседская земледельческая община с коллективным владением основ-

ным средством производства - землей. Второе - частной земельной собственности еще не существует, есть лишь общинное и в меньшей мере частное владение и пользование землей. Земельная же собственность сконцентрирована в национальном масштабе. Третье - занятие земледелием (как важнейшим видом производства и жизнедеятельности в целом) сочетается в общине с домашним ремеслом. Это создает замкнутый хозяйственный цикл и в основном самообеспечивающуюся структуру. Четвертое - подобная община постоянно самовоспроизводится и преимущественно в прежних параметрах. Расширенное воспроизводство осуществляется путем образования новых общин по традиционному стандарту на незанятых землях. Пятое - необходимость объединения общин ради совместной защиты от стихии и нападений извне, а также для создания общих условий воспроизводства (ирригационные сооружения, требующие кооперации массового труда) при крайней натуральности хозяйства и замкнутости общинных ячеек обуславливает возникновение централизованного государства, приобретающего деспотический характер. Шестое - деспотия осуществляет крупномасштабную кооперацию труда (ирригационные, оборонительные и культовые сооружения, транспортные пути). Седьмое - деспотическое государство узурпирует высшее право собственности на землю и водные ресурсы, контролирует "внешнюю торговлю". Восьмое - социальные носители верховной власти присваивают часть создаваемого в обществе продукта в порядке реализации своего приоритетного права собственности и политического господства в форме натуральной ренты, которая совпадает с налогом (рента-налог).

При сопоставлении этой модели со структурами высоких американских цивилизаций мы обнаруживаем совпадение по большинству пунктов с определенными отклонениями, которые вполне укладываются в рамки конкретной специфики. Не случайно в зарубежном марксистском обществоведении (латиноамериканском в том числе) немало сторонников концепции АСП в определении базиса высоких цивилизаций доколумбовой Америки¹⁴.

Противникам применения термина АСП к доколумбовой действительности Латинской Америки, сторонникам малозначащих формул "раннеклассовое общество", "раннерабовладельческое общество" или "коллективное рабство" можно предъявить немало весомых аргументов. Среди них - несостоятельность утверждения, будто накануне конквисты общества высоких цивилизаций находились уже на закате, в состоянии распада и были чуть ли не готовы к переходу в стадию классического рабовладения либо даже к феодальной (!?) раздробленности. Всемирная история просто не знает подобных "галопирующих" темпов общественной эволюции. Как инкское, так ацтекское и майанское общества просуществовали в своем определенившемся качестве лишь несколько веков. Известные аналоги - Шумер, Древний Египет, Древняя Индия, Древний Китай - имели гораздо более продолжительную жизнь. Кроме того, речь, конечно, может идти о закате конкретного государственного образования или его крахе (таких примеров немало и в доколумбовой Америке и в Старом Свете). Но крах отдельного государства не исключает образования нового на прежней социально-экономической основе. Путать крушение конкретного государ

ства с исчерпанием определенной стадии общественного развития совершенно неправомерно.

Судя по исследованию некоторых советских авторов, к АСП можно подходить как к курьезу или как к не самой удачной "догадке" Маркса. Допустим. Но тогда почему же этот "курьез" повторяется, причем повторяется почти "один к одному" и независимо - как по времени, так и в пространстве - на основе собственной эволюции и в "ином мире"?

Другой вариант интерпретации: к концепции АСП можно было бы относиться как к теоретическому отражению переходного периода от первобытнообщинного строя к рабовладельческому. Но тогда возникает вопрос: почему на Востоке АСП не привел к классическому рабовладению? Рассматривая подобный вариант теоретической интерпретации, не приходится говорить о естественноисторической проекции доколумбовой Америки: путь этот был перекрыт европейскими "инопланетянами". Но все же в порядке гипотезы допустимо предположение об автономной эволюции. Проведем с этой целью логический эксперимент. "Сотрем" ради него евразийский и африканский материки с мировой карты или исторически-стадийно отложим "встречу двух культур", уподобив ее "столкновению" Запада и Востока в XVII-XIX веках. На наш взгляд, подобная гипотеза, учитывая восточный прецедент, по крайней мере не исключает вариант эволюции высоких цивилизаций Нового Света по типу восточных обществ.

В дискуссии по поводу формационной принадлежности "восточных общественных структур", возобновившейся среди советских востоковедов в 1987-1988 гг.¹⁵, Л.С.Васильев затронул вопрос о необходимости уточнения предварительного рабочего термина, который ввел Маркс. По мнению Васильева, учитывая то, чем располагала наука того времени, идея АСП была "гениальным прозрением", но ее обоснование и теоретическая проработка не были исчерпывающими и законченными как в силу недостаточности научной информации, так и в силу поглощенности Маркса другими теоретическими интересами¹⁶. Автор полностью разделяет такое объяснение, но вместе с тем не может полностью солидаризироваться с определением, которое сам Васильев предлагает в развитие концепции АСП. Он считает, что правомерно говорить о государственном способе производства, который имеет "бесконечное множество конкретных вариантов"¹⁷.

Суть производственных отношений и других общественных структур высоких цивилизаций древней Америки передается определением - государственно-общинный способ производства (ГОСП), поскольку оно соединяет два базовых элемента. Именно таким термином предпочтительнее, на наш взгляд, пользоваться при характеристике формационно-стадиальной принадлежности андийских и мезоамериканских обществ накануне конквисты. Что касается субандийского ареала (чибча, муиски), то в данном случае адекватна такая оценка, которая фиксирует переходное состояние на довольно высокой ступени приближения к ГОСП. Соотнося наше определение с марксовской пятичленной схемой формационной стадийности, мы полагаем (не с точки зрения исторической, а с точки зрения историко-логической последовательности), что ГОСП занимает свое "генетическое" место между

первобытнообщинным и рабовладельческим строем.

Результаты нашего изучения социально-экономического устройства доколумбовых обществ накануне европейского завоевания мы можем представить картой-схемой (рис. 1) и табл. 1.

Таблица 1

Территориальное распределение общественных структур накануне конкисы

<i>I группа.</i> Общества типа ГОСП (государственные образования). Мексика (центральная и южная), Гватемала, Белиз, Гондурас, Сальвадор, Перу (горная часть), Боливия (горная часть), Эквадор (горная часть), Чили (крайний север), Аргентина (северо-западный "угол").
<i>II группа.</i> Переходные общества высшей и низшей ступени: а) высшая ступень (протогосударственные образования): Колумбия (центральная зона); б) низшая ступень (племенные союзы): Парагвай, Бразилия (северо-восточная часть), Венесуэла (андская часть), Никарагуа, Коста-Рика, Панама.
<i>III группа.</i> Первобытнообщинный строй (ПОС) высшей и низшей ступеней: а) оседлые земледельческие племена (производящие общества): Колумбия (побережье Атлантики), Венесуэла (побережье Атлантики), Антильские острова (частично), Чили (центральная зона); б) кочевые племена (присваивающие общества): Бразилия (амазонский бассейн и южная часть), Перу (сельва), Эквадор (сельва), Венесуэла (сельва в бассейне Ориноко), Гайана, Гвиана (фр.), Суринам, Аргентина (равнинная часть), Уругвай, Чили (южная часть).

Каково же соотношение различных стадийно-формационных ступеней к моменту появления испанцев и португальцев в Новом Свете? Как уже отмечалось, определить его можно лишь одним способом - через численность населения, вовлеченного в те или иные общественные структуры. По известной нам зарубежной и советской литературе такая попытка еще не предпринималась. Автор предлагает свою гипотезу, которая основана на систематизации фрагментарных данных, встречающихся в различных исторических исследованиях, на их сопоставлениях и перепроверке. По итогам этой работы можно предложить табл. 2, где пропорции распределения населения по соответствующим ступеням общественного развития гипотетически представлены в трех вариантах - по максимальной, средней и минимальной оценкам¹⁸.

Из произведенных подсчетов следует, что абсолютное большинство населения (почти 2/3) приходилось на государственно-общинные образования. Еще около 1/10 обитателей доколумбовой Латинской Америки составляли население тех общественных образований, которые по многим типологическим чертам приближались к стадии ГОСП. Десятая приходилась также на переходные социально-экономические системы низкой ступени. Первобытнообщинный строй в общей сложности охватывал, видимо, чуть больше 10% населения региона. При этом свыше 1/2 этой доли приходилось на производящие общности и менее 1/2 - на присваивающие.

Автор понимает, что указанные пропорции и численные значения имеют главным образом иллюстративный смысл. Хотя в произведенных расчетах использовались в качестве поправочных коэффициен-

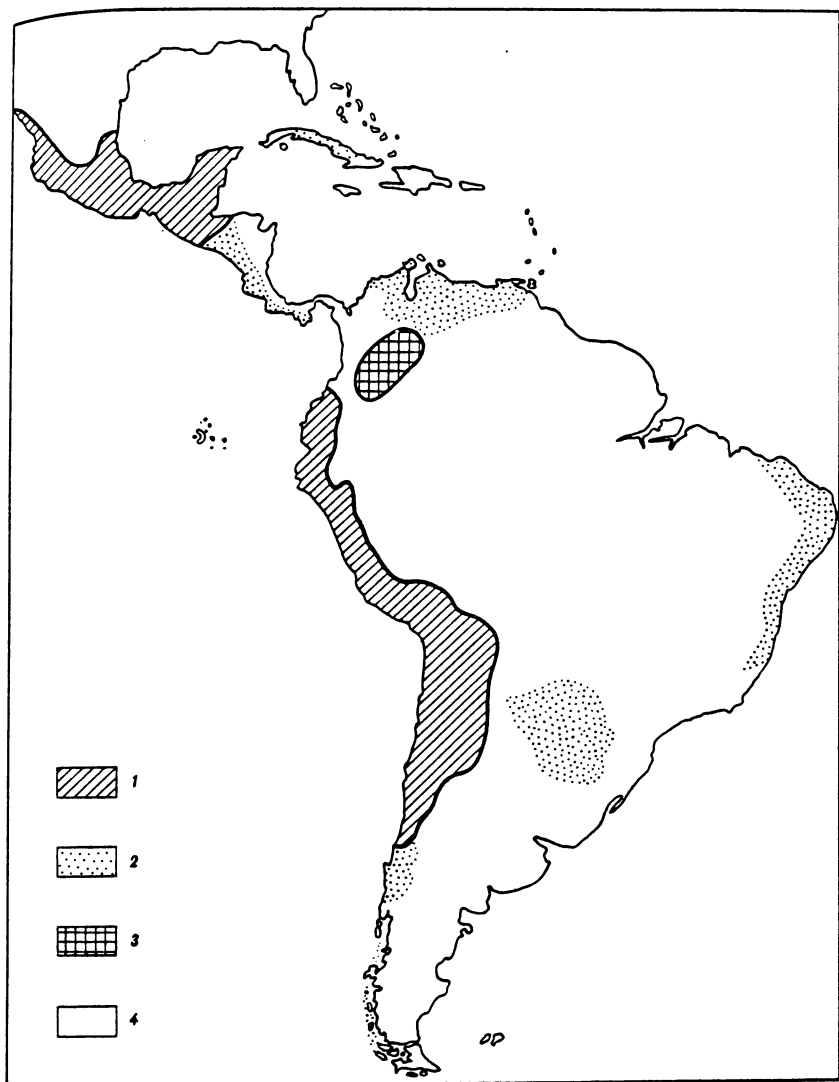

Рис.1. Территориальное распространение различных общественных образований накануне европейского завоевания

1. Преобладание государственно-общинных структур
2. Структуры развитой производящей общины
3. Переходные структуры близкие к государственно-общинным системам
4. Зоны преобладания структур родовой общины.

тов показатели зарегистрированной в отдельных зонах плотности населения, а также учитывались возможности получения продукта соответственно уровню развития производительных сил, которые определяют границы демографического воспроизводства, все эти корректировки носили ориентировочный характер. Углубление подобного анализа с применением методов математического моделирования, несомненно, даст более четкую и достоверную картину.

Таблица 2

Гипотеза распределения автохтонного населения Латинской Америки по типу общественных образований к началу европейской колонизации

Тип общества или стадийная ступень	Процентное распределение	Оценка абсолютной численности населения, млн человек		
		минимальная	средняя	максимальная
Общества типа ГОСП	67,5	0,8	8,9	27,0
мезоамериканский ареал	37,5	6,0	0,5	5,0
андийский ареал	30,0	4,8	8,4	2,0
Переходные общества	20,0	3,2	5,6	8,0
высокая стадия	10,0	1,6	2,8	4,0
низкая стадия	10,0	1,6	2,8	4,0
Первобытнообщинный строй	12,5	2,0	3,5	5,0
производящие общности	7,5	1,2	2,1	3,0
присваивающие общности	5,0	0,8	1,4	2,0
Итого	100,0	16,0	28,0	40,0

Рассмотрев формационно-стадийную принадлежность общественных структур доколумбовой Америки, мы выяснили, по существу, автохтонные компоненты последующей (колониальной) мутации или, по выражению эквадорского ученого Агустино Куэвы, то, что представляли собой автохтонные "матрицы", входившие в соприкосновение с "матрицами", носителями которых являлись конкистадоры. "Включение Латинской Америки в мировую капиталистическую систему, - отмечал Куэва, - не осуществляется в некоей пустоте. Оно проходит на основе уже существовавшей здесь социально-экономической матрицы, которая затем перемальвалась, вступая в тесный контакт с европейским и североамериканским капитализмом на его домнополистической ступени"¹⁹.

Теперь обратимся к содержанию структур, переносившихся из колониальных метрополий. Давая общую оценку метропольных обществ, целесообразно прибегнуть к авторитетному мнению известных советских историков - А.Н.Чистозвонова и М.А.Барга. Они полагают, что процессы, протекавшие в Европе в XIV-XV вв., отнюдь не определялись неким общим фатальным кризисом феодализма. "Повсеместные конъюнктурные колебания определялись (в значительной степени или целиком) той глубокой внутренней перестройкой сеньориального строя, ремесла и рынка, которая являлась следствием дальнейшего роста товарного хозяйства, подведившего феодальный строй к грани ранних форм капитализма, при одновременном упадке поместно-серважных и сословно-средневековых форм"²⁰.

А.Н.Чистозвонов и М.А.Барг подчеркивают, что XIV-XV века бы-

ли периодом острого противоборства сил социально-экономического прогресса с еще безраздельно господствовавшим феодализмом, который не только достаточно гибко приспособлялся к новым условиям, но во многих случаях вел интенсивное наступление против всех попыток подорвать его основы. По их мнению, к исходу XV в. в историческом процессе Западной Европы сложились тенденции поступательного, замедленного, а также осложненного и регрессивного характера. Первая, по их мнению, четко обнаружилась в Нидерландах, Англии и Франции, вторая и третья - в Испании и германских землях, третья - в Италии. А.Н.Чистозвонов и М.А.Барг убеждены, что спорадическое возникновение очагов раннего капитализма в конце XIII и XIV в. лишь предвещало эпоху капитализма, но не было ее формационным началом²¹. Вместе с тем они отмечали, что "развитие производительных сил, техники и технологии, общественного разделения труда пошло к той ступени, на которой возникает их резкое несоответствие с изжившими себя феодальными формами производственных отношений. Тенденции буржуазного развития с конца XV в. были связаны уже с этим феноменом и знаменовали непосредственное приближение зари капитализма"²².

Используя характеристики А.Н.Чистозвонова и М.А.Барга, мы можем повторить, что две иберийские державы с конца XV в. и на протяжении XVI в. были оплотом феодализма в Европе, отражая тенденции "замедленного, осложненного и регрессивного характера". Более того, на первом этапе благодаря колониальному грабежу феодальные структуры здесь даже упрочились и консолидировались.

Испания дала пример ускоренного общественно-экономического развития на стадии позднего феодализма. К причинам ускорения можно отнести обогащение народов Испании передовой по тем временам арабской культурой, затем национально-освободительный подъем в форме реконквисты и эффект консолидации испанской государственности на исходе XV века. На начальном этапе утверждения испанской государственности важную роль сыграла католическая церковь. Это ярко проявилось в ходе реконквисты. Неудивительно, что затем церковь стала одним из движителей колониальной экспансии. Но в последующем, превращаясь во все более консервативный институт, церковь во многом становилась тормозом общественного развития страны.

На рубеже XV-XVI вв. в Испании сложились уникальные условия для внешней экспансии: накопление в ходе реконквисты военной мощи и военного опыта; превращение страны в крупнейшую морскую державу; возникновение массы "лишних людей" к концу реконквисты (а затем и на протяжении XVI-XVII вв.), ставших обильным "человеческим материалом" для осуществления колониальных захватов.

Рассматривая влияние испанской метрополии на ее американские колонии, необходимо, конечно, учитывать не только иностранные торгово-экономические интересы, которые опосредованно реализовывались через испанский квазифеодальный колониализм. Нужно также видеть внутренние социально-экономические различия в Испании, ее многоукладность, в частности в территориальном разрезе. Действующими лицами колониальной экспансии были не только ко-

ролевские солдаты и офицеры, чиновники и священники или просто искатели фортуны. В американских колониях реализовали свои интересы также купцы и даже отдельные промышленники (каталонские). Однако преобладающими в стране, несомненно, оставались позднефеодальные структуры, а в ее внешних связях - интересы отнюдь не буржуазной монархии.

В общих чертах можно говорить о схожести исторического пути и общественной эволюции двух иберийских государств. Было в основном синхронным и их стадийное продвижение. С этой точки зрения как источник "экспортировавшихся" производственных и общественных отношений Португалия и Испания довольно близки. Вместе с тем, португальское господство оставляло в Бразилии несколько больший простор для хозяйственного развития (в том числе и элементов капиталистического уклада). Это объясняется ранним ограничением крепостничества в самой Португалии, меньшим диктатом церкви, более значительной ролью торгового капитала в колониальной экспансии, не столь жестким ограничением метрополий внешней связью колонии - в силу подчинения Португалии Англии.

Полемика по вопросу о социально-экономическом содержании колониальной экспансии в Новом Свете имеет давнюю историю. Немало авторов пытались интерпретировать ее с позиции безусловной предопределенности капитализмом. Среди них аргентинец Серхио Багу, опубликовавший в конце 40-х годов фундаментальную монографию по сравнительной истории американских колоний. Значительно и число бразильских ученых, придерживавшихся аналогичной точки зрения (Р.Симонсен, У.Бастос, И.Ранжел, К.Прадо Жуниор)²³.

Свою позицию С.Багу сформулировал следующим образом: "То, что возникает в испанской и португальской Америке, - это не феодализм, а колониальный капитализм. Далекая от того, чтобы возродить феодальный цикл, Америка была удивительно быстро вовлечена в уже начавшийся в Европе цикл торгового капитализма, которому она придала поразительные жизненные силы, закладывая таким образом предпосылки для периода промышленного капитализма, утвердившегося спустя несколько веков. Вместе с тем американский колониальный капитализм - строй с неясными очертаниями, с некоторыми признаками феодальной окраски"²⁴.

Между тем есть немало аргументов в пользу противоположной точки зрения. Мексиканец Серхио де ла Пенья, приводя ряд доказательств, приходит к обоснованному заключению: "По сравнению с тем, что происходило в остальной Европе... Испания была наиболее развитой страной на континенте к концу XV и началу XVI в."²⁵ Он говорил о значительной торговле, о зачатках промышленности, об использовании довольно передовой по тем временам технологии, заимствованной у арабов. Но это не помешало ему сделать следующий вывод: "С началом колониальной экспансии - после того, как было осуществлено завоевание континента в первой половине XV в., - в Америку переносились формы производства и социальной организации с полуострова, но не зарождавшиеся там вместе с еще слабым мануфактурным производством, а те, которые были преобладающими, т.е. формы феодально-цехового характера"²⁶. Этот нюанс очень

важен в полемике со сторонниками "колониального капитализма" и полностью подтверждается при анализе колониальных общественных структур.

Характеризуя суть колониальной экспансии в Новом Свете, обычно исходят из содержания эпохи, но нередко генерализируют его, распространяя на все направления этой экспансии. Подобная постановка вопроса представляется упрощенной. Эпоху, на которую приходится начало колонизации Нового Света, с полным основанием связывают с динамичным продвижением капитализма. При этом ссылаются на то, что за спиной португальских и испанских колонизаторов, а затем и англосаксонских пионеров стояли интересы нарождавшегося капитала. Между тем применительно к времени Великих географических открытий нельзя говорить о капитализме как формации. Можно вести речь лишь о вызревании капиталистического уклада в наиболее передовых по тому времени странах. Напомним, что колонизация Америки испанцами и португальцами началась еще до первой крестьянской войны в Германии и реформации, за пять-семь десятилетий до начала первой в истории буржуазной революции - нидерландской, за полтора столетия до второй буржуазной революции - английской и почти за три века до третьей - французской.

Строго говоря, период конкиты относится к эпохе возникновения первых базовых условий капиталистического производства, т.е. первоначальной расчистки хозяйственного пространства для буржуазного предпринимательства. В то время буржуазные отношения представлял главным образом торговый капитал. И именно он (а не производственный) прямо либо косвенно подталкивал внешнюю экспансию. Торговому капиталу особо тесны национальные рамки. Он черпает дополнительные силы в международной экспансии. Нелишне также напомнить, что иберийская колонизация началась еще в домануфактурный период. (Ф.Энгельс, как известно, датировал этот период 1550-1770 годами²⁷.) Но даже мануфактуру нельзя считать по-настоящему капиталистическим предприятием. Это определенная ступень подготовки к развитию фабрики - уже капиталистической формы организации производства. В строго научном смысле время колонизации Америки (тем более иберийской колонизации) приходится на переходный период от феодализма к капитализму, который интерпретировался К.Марксом как эпоха первоначального накопления капитала. А ее обычно обозначают (для Западной Европы) рамками XVI-XVIII вв.²⁸

В подтверждение целесообразно обратиться и к надстроечным институтам, в частности к такому признаку, как установление абсолютной монархии. А абсолютизм справедливо воспринимался как отличительный признак исторически переходных ситуаций²⁹. Между тем, когда в Америке осуществлялась первая фаза колонизации (и даже на протяжении всего колониального периода), в Европе - ведущем центре мировой цивилизации того времени - господствовал абсолютизм (в преобладающем числе государств). Он начал сходиться с исторической сцены лишь во время, относящееся к завершению первого этапа колонизации в Америке, да и то в немногих европейских странах (Голландия, Англия). Для Испании же символично то, что установление абсо-

лютистской монархии в масштабах всей страны точно (до года) совпадает с первой экспедицией Колумба.

Итак, колонизация Америки приходится на переходный период от феодализма к капитализму, причем на его первую фазу. Колониальную экспансию на Запад подталкивал торговый капитал, вызревший в недрах феодализма, т.е. та сила, которая и стремилась, по существу, к созданию мирового рынка и действительно заложила его первые основы. Но этот вид капитала сам по себе еще не способен революционизировать общественный базис. Он легко уживался и даже сочетался с феодальными структурами. Оценивая первый век колонизации, следует учитывать, что он был преимущественно "иберийским". А это однозначно говорит о преобладающем влиянии позднего феодализма на первом этапе колониального освоения Америки. В следующем, XVII в. наступает пора колониализма иного типа. Его осуществляют метрополии, более продвинувшиеся в формационном смысле. Англия и Голландия почти завершают период "внутреннего" первоначального накопления, вступают в мануфактурную стадию капитализма. От них несколько отстают Франция, опережая, однако, иберийские метрополии.

2. МЕТАМОРФОЗЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭПОХИ

В подтверждение тезиса о невозможности повторения в колониях метропольных производственных отношений априорно можно сослаться на следующие обстоятельства. В ходе колонизации образовалась иная социально-классовая структура, и система производственных отношений могла быть адекватной лишь этой иной структуре. Нельзя игнорировать другой императив - соответствие производственных отношений производительным силам. Система производительных сил, складывавшаяся в американских колониях, не позволяла "прививаться" переносимым производственным отношениям в чистом виде. Ведь это потребовало бы иной - метропольной материальной базы. Переносимые отношения могли реализоваться в колониях, лишь претерпев метаморфозу, вступив в специфическую смесь. Следует учитывать и особое влияние надстройки на формирование в колониях производственных отношений, производительных сил и на процессы классового образования. Во многом она действовала как структура, "вынесенная" за пределы самого общества. Собственная надстройка выступала в усеченном виде. Симптоматично невыполнение в колониальной практике многих правовых и политических установлений короны (особенно на первом и последнем этапах колониальной эпохи). Это, с одной стороны, говорит о невозможности внедрять в колониях то, что соответствовало лишь представлениям, сложившимся в метрополиях, с другой - свидетельствует о расхождении интересов местных и метропольных господствующих слоев. Наконец, совершенно очевидно, что метрополии и колонии могли реагировать на детерминацию складывавшегося мирового рынка только различным образом. В каждом случае по-своему это отражалось (обратным ходом) на модификации внутренних структур.

Формирование общественно-экономической системы колониальной Латинской Америки, с одной стороны, начиналось с "репартиментов", т.е. с распределения среди конкистадоров покоренных индейцев, с другой - с установления даннических отношений. С репартиментов начал уже Колумб. Кроме того, по его приказу каждый индеец, живший на контролируемой территории, должен был раз в три месяца выплачивать подать золотом и серебром от 1/2 до 2/3 унции. (До завоевания Мексики (1519 г.) и Перу (1526 г.) Испания получала золото только из карибской зоны.)

В районах первоначального освоения, где еще не сложились классовое общество и устойчивая земледельческая культура, стихийно, как бы помимо воли метрополитных верхов устанавливались рабовладельческие отношения. Для первых испанских и португальских поселенцев обогащение становилось возможным, если не путем вульгарного ограбления, то лишь на основе принуждения индейцев к труду на нолоявленных хозяев. А это оказывалось реальным только после лишения туземцев личной свободы и обращения их в рабское состояние. В свою очередь, экономически земля могла реализоваться не иначе, как в соединении с подневольным трудом. Именно поэтому в колониях (карибская зона) частная собственность на субъект труда опережает частную собственность на объект и всеобщее средство производства - землю. Что же касается короны, то ей требовались не рабы как таковые, а податные индейцы. В период конкисты не испытывала особой нужды в рабах и церковь. Она также была заинтересована в данниках, а затем - в системе, обеспечивающей получение постоянного дохода в форме десятины.

Примером появления раннего - "стихийного" рабства может служить карибское побережье Венесуэлы. После того как здесь обнаружилось, что золота у индейцев немного и его уже не возьмешь ни грабежом, ни обманом, ни обменом, появился промысел по ловле жемчуга, в котором стали использовать индейских невольников. В дальнейшем применение рабского труда распространилось на земледельческие и строительные работы, на домашнюю прислугу. Согласно данным, систематизированным венесуэльским обществоведом Ф.Брито Фигероа, к 1570 г. в Венесуэле белое население европейского происхождения достигло 11,7 тыс. (в том числе крупные хозяева - 80 человек), покоренные индейцы, принуждавшиеся к хозяйственному обслуживанию колонистов, - около 50 тыс. На 1580 г. последняя категория оценивалась им в 60 тыс. Число рабов-негров и мулатов к 1570 г. достигло 5 тыс. Численность же "диких" индейцев, по данным того же автора, была не менее 300 тыс.³⁰

Как пишет Брито Фигероа, рабовладельские отношения распространялись, подобно раковой опухоли, поражая все большую массу населения, и, по существу, вне прямой связи с тем, способствовала или препятствовала тому политика метрополитных верхов. Раз образовавшись, рабовладельческая система вбирала в себя все новые континенты, слои и группы. Так, племена "независимых" индейцев, вступавшие в союзнические отношения с белыми поселенцами, постепенно попадали к ним в долговую кабалу и, чтобы откупиться, расплачивались пленниками, захваченными у других племен. Начинаясь цепная реакция порабощения, которая шла от европейских поселенцев к ближайшим племенам, от тех - к более дальним и т.д. Рабовладельческие отношения устанавливались даже в среде европейского населения. Долговое или кабальное, а также "контрактное" (временное) рабство отмечалось на многих островах Карибского моря.

В испанской Америке самые первые меры по сочленению индивидуального (колонистов) и государственного (монархия метрополии) интересов были связаны с введением так называемых капитуляций (capitulaciones). В рамках этого института корона представляла от-

дельному конкистадору (обычно высокого ранга) определенные привилегии, требуя взамен соответствующие обязательства. В дальнейшем система увязки интересов двух сторон нашла окончательное закрепление в энкомьенде. Смысл этого института заключался в том, что энкомьендеро получал под свою "опеку" (покровительство) группу индейского населения. Он выполнял по отношению к "опекаемым" функции осуществления публичного права, от имени высшего суверена, но в индивидуальном порядке - явление примерно того же порядка, что и в средневековой Европе, где подобную роль выполнял феодальный сеньор. Так же как и тот, энкомьендеро имел военно-охранные обязанности - задачи по обеспечению безопасности во вверенной местности, которые надлежало выполнять за собственный счет. Там, где индейцы были быстро "усмирены", военно-охранные функции превращались в формальность, в иных случаях (например, в Чили) - в тяжкий груз, чреватый серьезным риском. Согласно законоположениям об энкомьенде, часть прибавочного продукта, изымавшегося у индейцев, передавалась короне. Соответственно энкомьендеро функционировал в качестве агента-посредника в сборе ренты-налога. Это, несомненно, напоминает автохтонную государственнообщинную систему.

Согласно презумпции верховенства короны в праве на земли, завоеванные в Америке, "Законы Индий" сформулировали основные принципы поземельной политики. Так, на территории Тауантинсуйю земли Инки ("императорского" клана) становились королевскими, земли Инти (жречества) передавались католической церкви. Общинные же участки формально не подлежали перераспределению. Таким образом, субъекты собственности (владения) были заменены частично. Последний субъект (община) остался прежним. Уже в 1536 г. ордонанс Карла V ограничивал произвол и притязания конкистадоров. Ордонанс разрешал занимать с дозволения короны лишь "пустующие земли". При этом предписывалось "не причинять вреда индейцам" и использовать земельные угодья лишь "при их добровольном согласии". "Новые законы" (1542-1543 гг.), которые прокламировали признание общинной организации, налагали запрет на обращение индейцев в рабство и объявляли их подданными испанской короны. В названных юридических актах просматривалось явное стремление короны создать податное население и оградить свой верховный суверенитет, высшее право собственности от чрезмерных appetitов "зарывавшихся" конкистадоров.

Итак, на первом этапе энкомьендеро просто превращали индейцев в своих рабов. Но в дальнейшем вмешательство метрополии сделало индейцев своеобразными подданными короны. В результате энкомьендеро вынуждены были играть как бы посредническую роль между королевской властью и индейцами. Формально их основной функцией в колониальной хозяйственной системе стал сбор подати. Таким образом, короне все-таки удалось добиться реализации главного экономического интереса - обеспечить многочисленную массу податного населения. (Индейцы вносили налог, как правило, в натуральной форме, а энкомьендеро должен был выплатить его казне в денежной форме.)

История энкомьенды - это история постоянной борьбы интересов

короны и представляющей ее колониальной администрации с интересами креольской верхушки. По сути дела то была борьба за право собственности (или за большую квоту в экономической реализации права собственности и владения). Первоначально корона рассматривала энкомьенду как временное "попечение", но в дальнейшем вынуждена была уступить шаг за шагом, закрепляя "опеку" за креольскими семьями, делая ее наследственной. В 1514 г., после того как энкомьенда давалась лишь на несколько лет, установлено право передачи ее второму поколению. В 1629 г. оно продлено на третье поколение. Признанием установившегося де-факто частнонаследственного владения стала отмена энкомьенды в 1718-1720 гг. Тогда же был введен прямой подушный налог на индейцев, которые юридически объявлялись свободными.

К.Маркс, говоря о завоевании Индии, отмечал, что "английское вмешательство... разрушило эти маленькие полуварварские, полудицилизованные общины, уничтожив их экономический базис, и таким образом, произвело величайшую и... единственную социальную революцию, пережитую когда-либо Азией"³¹. Несмотря на все свои преступления, подчеркивал Маркс, Англия оказалась "бессознательным орудием истории, вызывая эту революцию"³². В испанской Америке произошло иначе. И в этом видится различие взаимодействовавших при колонизации компонентов (как в Испании и Англии, так в Индии и Америке). Если английскому обществу (ко времени завоевания Индии) общины были чужды и оно их отторгло, то для испанского они не являлись сугубо инородным телом. Напротив, феодальным структурам, сохранившимся в Испании, общины исторически были довольно близки. (В иной конкретной ситуации это доказал российский феодализм, который, так же как испанский, имел "восточную окраску".) Особенности социального строя Испании определялись как чертами "восточного политического деспотизма", так и своеобразием земельных отношений, в которых еще сохранялись пережитки общинной организации.

"Социальная организация, основанная на энкомьенде, обнаружила эффективность в тех районах, где индейское население было относительно плотным и достигло определенного уровня в материальной культуре и социальной стратификации. Наличие здесь местного правящего класса, который традиционно присваивал прибавочный продукт, позволявший финансировать войны и общественные работы, благоприятствовало введению энкомендарной системы. На практике энкомендеро, контролировавший определенную индейскую общину, стремился добиться от ее предводителей того, чтобы они увеличивали изъятие продукта сверх обычной нормы, передавая большую часть ему - новому господину. В тех же районах, где уровень материального развития индейцев был очень низок, возможности для изъятия продукта с помощью их традиционных предводителей не существовало. Здесь энкомьенда не могла функционировать как система, опиравшаяся на общинную организацию, и прямо эволюционировала к различным формам рабства, принуждая людей к тяжелым работам и на таких условиях, к которым они не были приспособлены"³³. В этом видится одно из важнейших объяснений явного расхождения путей

развития мезоамериканской и андийской зон с бразило-карибской.

В Бразилии возникновение первичных колониальных структур связано с разделом (1534-1536 гг.) разведанной территории на 13 капитаний, передававшихся в порядке пожалования на наследственное владение донатариям - доверенным лицам португальской короны. Соответствуя феодальной традиции, высшие права собственности на земли капитаний сохранялись за метрополитанской монархией. Но вместе с тем донатарии наделялись самыми широкими распорядительными функциями. Представляя верхушку португальских колонистов, они были вправе перераспределять подвластные земли в пользу своего окружения на правах сесмари. Этот порядок, установившийся в Португалии еще в период реконквисты, предполагал временное пользование, при котором владельцу сесмари отходила шестая часть доходов от полученной земли. Владельцы сесмари находились в отношении вассальной зависимости от донатария, что выражалось главным образом в обязанности при военной угрозе вступать в его дружину вместе с родственниками и зависимыми людьми мужского пола. Вместе с тем они пользовались правами подданных португальского короля, освобождались от налогов, не оговоренных в донатарном акте. Владельцы сесмарий могли вступать в свободную торговлю за пределами капитаний; торговля с иностранцами (если она осуществлялась через португальский флот) облагалась обычной пошлиной.

Показательно, что феодальная по своему характеру донатарная система не смогла привиться на бразильской почве. Через два десятилетия после раздела на капитании общее число колонистов не превышало трех тысяч. Фактически колонизация закрепились лишь в 2 из 13 капитаний - Байе и Пернамбуку (в основном благодаря эволюции сесмарий в плантационные сахаропроизводящие плантации)³⁴. А.П.Караваев справедливо отмечал, что "...предоставлением сесмарий и другими акциями португальская корона создала лишь верхнюю часть социальной пирамиды конструируемого феодального общества, но эта пирамида была лишена основания. В колонии отсутствовало зависимое крестьянство, ведущее самостоятельное хозяйство на чужой земле, т.е. целый общественный класс, эксплуатация которого обеспечивает получение земельной ренты при феодальном способе производства. Более того, первоначально в стране не было даже социального материала, из которого мог бы сформироваться этот класс"³⁵. Индейцев, обитавших на атлантическом побережье, невозможно было использовать в качестве крестьянской рабочей силы. Не чувствуя особой привязанности к наделу, не ощущая ценности земли, они массами покидали владения колонистов. Воспрепятствовать этому могло лишь насильственно поддерживаемое рабское состояние. Но последнее вело к их вымиранию и, кроме того, не гарантировало от побегов в девственных условиях колонии. Социально-экономическое устройство Бразилии с неизбежностью эволюционировало к плантационному хозяйству, опиравшемуся на "импортную" рабскую рабочую силу.

Наряду с энкомендарно-общинной системой важнейшим социально-экономическим компонентом колониального общества стало рудничное хозяйство. На протяжении трех веков колониальной истории добыча драгоценных металлов знала немало взлетов и падений. Для

первых лет конкиссты характерно вульгарное их изъятие у индейцев или (значительно реже) неравноценный обмен. В последующем испанцы занялись упорным поиском месторождений, но добыча ограничилась алювиальным (намывным) золотом. Известные индейцам (а от тех - испанцам) речные месторождения истощались довольно быстро. К середине XVI в. на передний план выходит добыча серебра, которое становится основным несельскохозяйственным продуктом вплоть до начала XVIII в. (до открытия бразильского золота). В отличие от добычи алювиального золота, быстро пришедшей в упадок, производство серебра получило гораздо большее развитие и доминировало то в одних, то в других районах практически на всем протяжении колониального периода. В отличие от энкомендарной системы рудничное хозяйство велось на основе четко выраженного права короны в форме пятаины, установленной уже в 1504 г.

Подлинный переворот в серебряной металлургии произошел в 70-х годах XVI в. после введения техники ртутного амальгирования³⁶. Стало выгодно использовать ранее непригодную руду с малым содержанием металла. К тому времени в Верхнем Перу (Боливия) в Уанкавелике уже было открыто крупное ртутное месторождение. Оно затем покрывало практически все потребности южноамериканских разработок серебра (главный район - Потоси в Верхнем Перу), а частично и мексиканских. Рудник Уанкавелике в отличие от серебряных разработок принадлежал непосредственно короне. Благодаря этому осуществлялся косвенный контроль за крупнейшей отраслью колониальной экономики в испанской Америке.

Частные владельцы рудников должны были осуществлять довольно крупные по тем временам капиталовложения, особенно в гидравлические сооружения. 20% (пятина) серебра должно было прямо передаваться короне, а 80% - оставаться в руках частных хозяев. Разумеется, речь идет о брутто показателе. В дальнейшем путем косвенного налогообложения, неэквивалентной внешней торговли, государственного перераспределения происходило уменьшение доли владельцев рудников.

Хотя производство драгоценных металлов обслуживало в основном метаморфозу прибавочного продукта для перемещения в Европу, оно имело эффект экономического "мультипликатора". Районы добычи благородных металлов, прежде всего серебра, выполняли, по выражению С.Фуртадо, роль "полюсов развития". Подобные "полюса" (в Перу, Боливии, Мексике) представляли спрос на продовольствие, грубое полотно и тягловый скот. Это приводило к образованию хозяйств-спутников. Таков пример Чили, первоначальное освоение которой было связано с добычей золота. Затем колониальная экономика нашла здесь опору в "экспорториентированном" сельском хозяйстве, работавшем на перуанский и боливийский рынки. Аналогичная ситуация сложилась в северной зоне Аргентины, где индейское население было довольно плотным. Эта зона превратилась в поставщика грубоотканого полотна и тяглого скота для Верхнего Перу.

Таким образом складывалась сеть межрайонных хозяйственных связей. "Интеграционный четырехугольник" (Перу-Боливия-Чили-Аргентина) имел динамический полюс в производстве серебра, а его

базой стала энкомендированная рабочая сила индейцев на основе горной миты - системы, перенятой испанцами у инкского государства. Однако далеко не везде мог сложиться подобный бином. Он образовался в Боливии, отчасти в Перу, в Мексике. Аналогичных условий не было в Гватемале и других странах Центральной Америки, не говоря уж о Карибах и впоследствии переселенческих колониях юго-востока континента (Аргентина, Уругвай).

Эпоха процветания серебряного производства в испанской Америке завершилась примерно в середине XVII в., прежде всего для Верхнего Перу. Правда, Мексика после этого еще будет знать период расцвета, связанного с добычей и экспортом серебра, в последнем (XVIII) веке колониальной эпохи. Упадок серебряного производства означал дезинтеграцию динамического полюса, возникшего в южноамериканском "четырёхугольнике". Ослабление динамического полюса имело серьезные последствия для последующего общественного развития. С уменьшением спроса на продукцию сельского хозяйства, а также на рабочую силу индейцев для рудного дела и перевозок начала терять былое значение энкоменда. Атрофия рынков, которые ранее позволяли реализовать прибавочный продукт в денежной форме, осуществить перевод его части метропольному государству, сделала эти задачи трудновыполнимыми.

Упадок системы, построенной вокруг полюсов, производящих благородные металлы, обусловил децентрализацию экономической деятельности и общественной жизни, процесс, который привел к превращению частной земельной собственности в базовый институт всего социального строя. Ослабление связей, установившихся благодаря полюсу развития в Верхнем Перу во второй половине XVI и первой половине XVII в., и упадок серебряного производства, сопровождавшийся ослаблением испанского государства, имели самые серьезные последствия для колониальной империи. К началу XVII в. испанцам пришлось отказаться от периодической перегонки флотов (морских караванов). Пришлось также пойти на серьезные торговые уступки Англии, чье присутствие стало ощущаться в Пуэрто-Бельо (Панама) и Буэнос-Айресе. Уже в 1713 г. по условиям Утрехтского мира англичане обосновались в новом торгово-экономическом центре Южной Америки, получив здесь монополию на работоторговлю. Буэнос-Айрес превратился в "ворота" Верхнего Перу, доступ куда раньше был закрыт из-за жесткой регламентации внешней торговли, проводившейся испанцами.

В Бразилии длительная задержка в обнаружении золотых месторождений объяснялась тем, что туземное население практически не знало металлов. Здесь колонисты не могли воспользоваться сведениями индейцев в отличие от зон высоких цивилизаций в испанской Америке, где добыча и способы переработки были хорошо ведомы туземцам. Обнаружение золота относится лишь к началу XVIII в. Оно вызвало серьезные изменения общих тенденций хозяйственного развития в португальской колонии. Возникли значительный рынок тяглового скота, а также возможность применения рабочей силы, недоиспользовавшейся в свертывавшемся к тому времени сахарно-тростниковом хозяйстве (конкуренция Карибов). Река Сан-

Франсиску, соединяющая скотоводческий район Северо-Востока с горнорудным (Минас-Жерайс), превратилась в важную транспортную артерию. Образование полюса развития вокруг производства золота и алмазов послужило мощным импульсом для бразильской экономики. В отличие от производства сахара (доступного лишь тем, кто оказывался в состоянии мобилизовать крупные финансовые ресурсы) алювиальное золото могло добываться как кустарным, так и промышленным способом. Португальская иммиграция после открытия месторождений золота осуществлялась в гораздо больших масштабах, чем на протяжении двух предшествовавших веков. В результате начал складываться городской образ жизни, сформировался продовольственный рынок в добавление к уже образовавшемуся рынку тяглового скота, который обеспечивался поставками из южных районов. Скот предназначался для обслуживания транспортной системы, связывавшей золотодобывающий район (Оуру-Прету) с портом Рио-де-Жанейро. Таким образом, в XVIII в. рудный полюс благоприятствовал формированию хозяйственных связей между северо-востоком, центром и югом бразильской территории. Можно считать, что национальный рынок стал складываться именно в тот период. В свою очередь, это открыло путь для образования капиталистического уклада, создавая также материальные предпосылки для усиления стремлений к политической независимости.

Особым элементом социально-экономической системы стали церковные миссии и "редукции", контролировавшиеся монашескими орденами. Представление об их роли могут дать наблюдения А.Гумбольта. Суммируя свои впечатления от путешествий в испанскую Америку в конце XVIII - начале XIX в., он писал: "В тропиках земледелие не требует больших участков. Белые продвигаются медленно. Монашеские ордена создали свои поселения между владениями колонистов и территорией свободных индейцев, белые колонисты, в свою очередь, стремятся проникнуть с другой стороны на территорию миссий. В этой длительной борьбе светская власть непрерывно старается освободить покоренных индейцев из-под власти монахов, и миссионеры мало-помалу заменяются священниками. Белые, а также люди смешанной крови, поощряемые коррехидорами, селятся среди индейцев. Миссии становятся испанскими деревнями, и индейцы совершенно забывают свой родной язык. Таково поступательное движение цивилизации от побережья в глубь страны, движение медленное, задерживаемое человеческими страстями, но верное и единообразное"³⁷.

Хотя редукции (миссии) занимали более скромное место по сравнению с другими хозяйственными ячейками (за исключением мелкого патриархального хозяйства "свободных" земледельцев), они, несомненно, выражали важные особенности колониальной социально-экономической системы. Кроме того, они по-своему подтверждали симбиоз различных общественных отношений в колониальную эпоху. При этом, конечно, следует подчеркнуть, что религиозные редукции присущи были в основном испанской Америке. Меньшую роль (как и в целом для католической церкви) они сыграли в формировании колониальных обществ Бразилии и в неиспанской части Карибов.

Самые крупные редукции были созданы иезуитами на протяжении

XVII и XVIII вв. (рис. 2). Орден иезуитов был основан в 1534 г., а уже в 1566 г. его эмиссары появились в Новом Свете. Действуя энергично и организованно, они оттеснили на второй план францисканцев, доминиканцев и августинцев. Орден иезуитов получил от испанской короны немалые привилегии. Так, "Законы Индии", запрещавшие поселение иностранцев в испанских колониях, для иезуитов, среди которых были выходцы из многих европейских стран, делали исключение. Иезуитский орден заметно отличался от других католических орденов своим "полусветским" характером. Ватикан дал иезуитам право носить светскую одежду, освободил от многих религиозных предписаний, признал их ответственность только перед иерархами своего ордена.

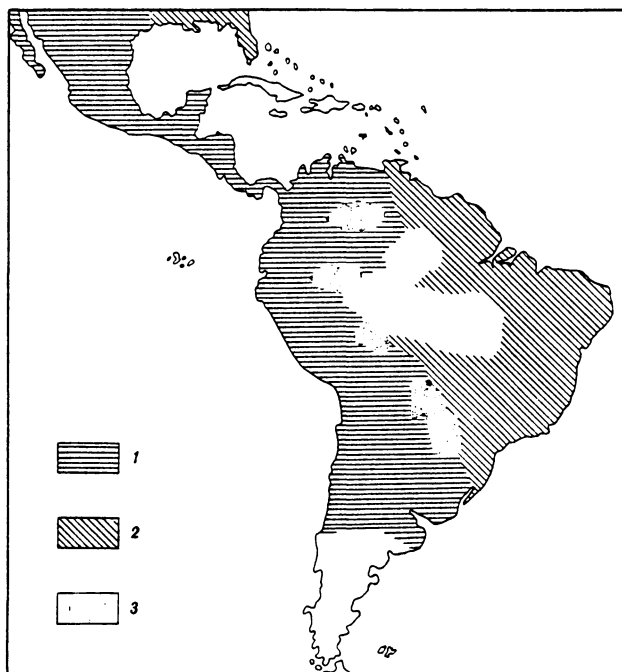

Рис.2. Основные районы размещения иезуитских миссий и редуций

1. Зоны испанской колонизации
 2. Зоны португальской колонизации
 3. Основные районы расположения миссий и редуций
- (Приводится по схеме Э.Астесано.)

Особый размах экспансия иезуитов приобрела в бассейне Ла-Платы, где она развернулась с начала XVII века. Иезуиты получили свободу действий на обширной территории, которая охватывала (по современным понятиям) восточную часть Парагвая, западную часть бразильских штатов Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул, аргентинскую провинцию Мисьонес и часть провинции Корриентес. Освоение иезуитами этой зоны заселенной преимущественно индейцами гуарани (низшая стадия переходных структур либо высшая стадия ПОС), осуществлялось путем создания особых поселений в форме редуций, которые были удачно охарактеризованы

В.М.Селивановым как "религиозно-государственные образования"³⁸. В общей сложности в бассейне Ла-Платы иезуиты создали 30 редуций. По одним сведениям, численность их населения в 1706-1710 гг. составляла 100 тыс. человек, а к 30-м годам XVIII в. повысилась до 140 тыс. По другим - она достигла 150 тыс., причем число самих иезуитов не превышало 400 человек³⁹. По оценке же Э.Астесано, к середине XVIII в. в 30 иезуитских редуциях Ла-Платы насчитывалось до 300 тыс. индейцев⁴⁰.

Иезуитам удалось, на наш взгляд, добиться оптимального сочетания, с одной стороны, хозяйственного строя общины гуарани и ее социальных традиций, а с другой - религиозно-административной надстройки, порожденной поздним феодализмом, и дозированного внедрения европейской технологии. Под руководством иезуитов в редуциях были созданы мастерские по производству почти всех изделий, необходимых в хозяйственной деятельности. Более того, известно, что существовали мастерские по изготовлению музыкальных инструментов. Некоторые мастерские, основывавшиеся на сложном разделении труда, преобращались в мануфактуры. Э.Астесано придерживается той точки зрения, что иезуитский орден был организатором производства для рынка. "Миссии продавали в своих агентствах, расположенных в городах колонии, йерба-мате, дерево, ткани, изделия прочих промыслов... конечной целью было массовое производство. Массовое производство и ограниченность в потреблении объясняют эту систему, ее высокую рентабельность при низких издержках"⁴¹. Вместе с тем отмечалась характерная деталь - иезуиты всячески противились участию индейцев в торговых сделках, дабы не пробудить в них стремление к прибыли и понимание эксплуатации, которой те подвергались.

Орден включил в систему управления редуциями родовую верхушку гуарани и даже выделил ее по сравнению с прежним положением. При сохранении многих элементов общинного самоуправления иезуиты ввели жесткую регламентацию всего уклада жизни местного населения. Основой оставалось, конечно, земледелие. Но его продуктивность удалось резко поднять благодаря соединению европейской агротехники того времени с традиционными трудовыми навыками гуарани.

После изгнания иезуитов стала меняться экономическая и социальная ситуация в зоне редуций. Хозяйственная деятельность пришла в упадок. Об этом свидетельствует, например, поголовье скота в департаментах Сантьяго и Канделярия. В 1769 г. она превышала 516 тыс., а к 1788 г. опустилась до 244 тыс. голов. Начала сокращаться и численность населения. В 13 парагвайских миссиях в 1767 г. она составляла 44,5 тыс., в 1784 г. - 19,5 тыс., а в 1801 г. - лишь 14 тыс.⁴². В индейских поселениях появились пришлые испанцы, которые ранее туда не допускались. Это были купцы и землевладельцы, поначалу арендовавшие землю, а затем присваивавшие ее. Королевский указ 1803 г. отменил существовавший в редуциях и миссиях порядок коллективного владения землей. Она подлежала передаче отдельным семьям. После ликвидации редуций и миссий в Парагвае увеличилось число мелких и средних хозяйств, часть которых оказалась вполне жизнеспособной.

Особенность раннего португальского колониализма связана с тем, что маленькой метрополией (с населением, не превышавшим 1 млн человек) приходилось прибегать к "точечному" закреплению в форме военно-торговых факторий. В колониальном режиме португальцев доминировала принудительная посредническая торговля, жесточайшее налоговое обложение туземного населения и работоторговля. Смысл колониальной экспансии португальцы видели в добыче пряно-

стей и доставке их в Европу, где они сбывались по баснословным ценам. В широких масштабах рабовладельческое плантационное хозяйство (производство сахара, кофе, табака и т.д.) распространилось лишь в одной португальской колонии - Бразилии.

В отличие от Индии, где производились продукты с высокой стоимостью на единицу веса (такие, как специи и тонкие ткани), в Америке, кроме драгоценных металлов, конкистадоры не нашли ничего, что могло бы стать предметом выгодной торговли, удобным для перевозки в Европу. Португальцы, которые в первые два века колониального присутствия в Америке не обнаружили драгоценные металлы на занятых землях, пытались преодолеть тупик, занявшись тропическим земледелием с использованием опыта, полученного на атлантических островах с середины XV века. Встретив редкое население, непригодное для работы на сахарных плантациях, португальцы обратились к ввозу африканской рабочей силы, что требовало значительных вложений и ограничивало частную инициативу кругом тех лиц, которые были в состоянии привлечь крупные финансовые средства. В Бразилии действия португальцев в большей мере имели характер "колонизации", нежели "конкисты". Неудивительно, что социальные структуры, возникавшие здесь на первом этапе, имели существенные отличия от тех, которые формировались в испанской Америке.

Вопрос о плантационном рабстве довольно хорошо изучен в нашей научной литературе. Наибольшее внимание было уделено историческому опыту юга США. Позднее этот феномен рассматривался применительно к Бразилии и Карибам⁴³. В большинстве случаев исходят из того, что плантационное рабство нельзя относить ни к рабовладельческому, ни к капиталистическому способу производства. Однако рабство в колониальной версии плантационного хозяйства несомненно связано с капиталистической системой, создавшей мировой рынок. Маркс, как известно, обращал внимание на следующее: формальный характер включения рабской системы в капиталистический оборот; рабский труд в конечном счете служит целям производства прибавочной стоимости; плантатор руководствуется интересом получения капиталистической прибыли, но это особый капиталист, ибо в данном случае капиталист и земельный собственник соединены в одном лице; способ производства, осуществляющийся в плантационном рабстве, есть капитализм, который "прививается" рабству; плантационное рабство представляет аномалию в рамках капиталистического производства.

Необходимо уточнить: плантационное рабство выражало особый уклад, обусловленный мировым капиталистическим рынком, уклад эпохи раннего капитализма (времени господства торгового капитала), в определенном смысле - квазикапиталистическую форму производства. То была широкомасштабная кооперация труда на низком уровне производительности труда. Продукт этого труда реализовывался лишь на внешнем рынке. В Бразилии XVI-XVII вв., справедливо отмечал Б.И.Коваль, не было условий для превращения денег в капитал. Здесь золото и серебро были преимущественно не капиталом (несмотря на денежную форму), а обычным товаром, который производился невольниками для мирового рынка. В лучшем случае благородные

металлы превращались в сокровища. Но как только золото попадало в Европу, оно сразу же могло быть использовано в качестве капитала⁴⁴. Это дает основание говорить о внешней товарности плантационного хозяйства, использовавшего рабский труд. Но следует обратить внимание на то, что товарность распространялась и на продукт, и на одушевленное средство производства. Таким образом плантационное рабство имело как бы двойную связь с мировым рынком.

Автор склоняется к точке зрения А.П. Караваяева, который трактует рассматриваемый феномен как "колониальное рабство", являвшееся побочным продуктом распространения капиталистического способа производства⁴⁵. Вместе с тем целесообразно уточнение: в колониальном (или плантационном) рабстве следует усматривать регрессию капитализма, выражавшуюся в использовании докапиталистических форм эксплуатации при определенных конкретно-исторических условиях. Есть основания говорить не просто о побочном продукте, а о побочном укладе капиталистического способа производства в его ранних формах, когда тот проецируется на инородную (добуржуазную) социально-экономическую среду через посредство мирового рынка.

Уклад, сформировавшийся на основе плантационного рабства, имел специфические формы и разное значение в общественно-экономической жизни колоний позднефеодальных и раннебуржуазных метрополий. В последнем случае (Вест-Индия) этот уклад превратился, по существу, во всеобщую форму производства и общественной жизни. Это обнаруживается в крайней степени поляризации колониального общества. К концу XVIII - началу XIX в. отношение белого свободного и несвободного (негритянского и мулатского) населения доходило до одного к десяти. Промежуточная прослойка служилого люда была крайне малочисленной. Да и она в конечном счете заменялась небелыми - лично зависимыми неграми и мулатами. Поляризация усугублялась феноменом абсентеизма, при котором владельцы плантаций предпочитали "цивилизованную жизнь" в метрополии. В конце XVIII в. в английской Вест-Индии только в одной из десяти плантаций проживал ее владелец⁴⁶.

В Бразилии, а также испанских владениях в Карибах уклад плантационного рабства, хотя и оказался господствующим, сочетался с другими социально-экономическими структурами. Используя этносоциальную статистику, можно полагать, что охват населения этим укладом чаще всего не превышал 1/3 населения, доходя до 1/2 в отдельных случаях. Удельный вес уклада в совокупном продукте соответствующих колоний, несомненно, был больше, особенно в периоды расцвета плантационного хозяйства. И он, разумеется, абсолютно преобладал в экспорте.

В Бразилии рабовладельческая плантация, ориентированная на экспорт сахара-сырца, вступает в стадию упадка во второй половине XVII в. после почти векового процветания⁴⁷. Это происходит одновременно с упадком серебряно-рудничного хозяйства и энкомьенды в испанской Америке. Причиной упадка рабовладельческой плантации в Бразилии стали подрыв бразильской монополии на производство тростникового сахара и последующее падение цен (практически двукратное во второй половине XVII в.) на этот продукт. Тем временем

производство в английских и французских Антиллах быстро возрастает (вторая половина XVII в.).

Политика меркантилизма закрыла большую часть европейских рынков для сахара, вывозимого из Бразилии и ряда испанских колоний. Потеря рынков, ухудшение условий сбыта вызвали дезинтеграцию полюсов экспортоориентированного аграрного производства и "натурализацию" плантационного хозяйства. Инволюцию "натурализации" претерпели и те хозяйства, которые поставляли мясо, тягловый скот и дрова прибрежным плантациям. Эти хозяйства превратились в полузакрытые имения. Их трудящееся население состояло в основном из лиц индейского происхождения в отличие от крупных плантаций побережья, которые использовали африканскую рабочую силу. Тем не менее в этих имениях не сохранялась общинная организация индейцев по той простой причине, что здесь она была рудиментарной и до конкисты.

В системе производства, приходившей на смену экспортоориентированной плантации (как и в случае испанской Америки после распада бинома "энкомьенда-рудник"), прослеживалось стремление к получению прибавочного аграрного продукта в натуре как при различных поборах, так и в форме трудовой повинности. В одних случаях правящий класс устанавливал отношения с традиционными верхами индейской общины (испанская Америка), в других - с индивидами, создавая соответственно основу для бинома "латифундия-община" или "латифундия-минифундия", которые стали определяющими элементами социально-экономической структуры латиноамериканской деревни. Две формы хозяйствования постепенно сближались в процессе фрагментации индейской общины в минифундии по мере присвоения латифундистами общинных земель коллективного пользования. В итоге большая часть сельского населения была включена в систему мелких хозяйственных единиц - автономных с точки зрения ведения производства, но подверженных прямо либо косвенно (косвенно - в случае сохранения традиционной индейской верхушки) жесткому контролю со стороны господствовавшего класса, что обеспечивало изъятие прибавочного продукта в той форме, которая ближе к феодальной (эффект рефеодализации).

Уникальный для Латинской Америки случай - Коста-Рика. Ее периферийное положение относительно колониального центра Новой Испании, довольно умеренный, приемлемый для европейцев климат, редкое коренное население (в основном на первобытнообщинной стадии) обуславливали постепенное маргинальное заселение территории малоимущими колонистами, которые создавали небольшие земледельческие хозяйства натурального и полунатурального типа. Намного позднее (и в основном уже за рамками колониального периода) мелкое и среднее хозяйство, производившее продовольствие для собственного потребления и внутреннего рынка, дополнилось здесь экспортоориентированным хозяйством - (не столько крупным, сколько средним) - плантационного типа (кофе).

Патриархальное хозяйство колонистов получило определенное распространение в ряде южноамериканских стран еще в колониальный период (можно говорить о некоторых районах Чили, Аргентины.

Уругвая, Бразилии, Венесуэлы и Колумбии), но нигде оно не выходило на передний план, нигде не определяло основу производства. Уникальная ситуация (наряду с Коста-Рикой) наблюдалась на Барбадосе, где мелкие хозяйства проявили редкую устойчивость, обслуживая местные потребности и покрывая спрос, создававшийся судоходным транзитом⁴⁸.

Мелкое хозяйство патриархального типа было способом жизнеобеспечения малоимущих колонистов - креолов, метисов, немногих свободных мулатов и других смешанных этнических категорий. Имея, как правило, маргинальное значение, оно выполняло и вспомогательные функции, подключаясь в тех или иных комбинациях к крупным хозяйственным образованиям. В колониальной Бразилии хозяйства такого типа, именовавшиеся "роса", велись на семейной основе. Позднее, по мере экспансии латифундий и натурализации части крупных хозяйств, получила распространение мелкая издольная аренда. При этом семейный труд нередко сочетается у мелких и средних арендаторов с использованием труда нескольких рабов.

Земельные пожалования от имени короны (монаршья милость - мерсед) производились с той же подоплекой, что и пожалования индейцами (энкомьенда), являясь стимулом к частной деятельности, которая прокладывала путь конкисты и обеспечивала организацию производства и передачу прибавочного продукта в пользу короны. В таком узле сочленялись частные интересы колонистов и государственно-монархические. С.Фуртаду подчеркивал: "Земля не привлекала сама по себе. Но потребность в аграрном избытке могла создать источник значительных доходов, получаемых с энкомендированного населения"⁴⁹. И здесь мы находим принципиальное отличие от североамериканских колоний (США и Канада), где частная собственность на землю становилась изначальной основой социально-экономической системы. Вместе с тем в замедленном распространении частной собственности во владениях иберийских метрополий (прежде всего Испании) мы видим важное отличие от классических западноевропейских образцов феодальной собственности.

О специфическом процессе формирования частной собственности (особенно на землю) пишут многие латиноамериканские историки. Среди них - аргентинец Леонардо Пасо⁵⁰. При этом можно заметить: темп образования частной собственности первоначально был значительно меньше именно в периферийных районах колониальной Америки (в Аргентине и Уругвае - в том числе, но также и в Чили). Но затем он опередил там процесс, протекавший в старых колониальных центрах.

Корона позднефеодальных метрополий теряет почву в колониях не только под воздействием внешних факторов, но и в значительной мере как результат наступления частной собственности на землю, концентрировавшейся в руках креольских верхов. После ликвидации энкомьенды частный контроль земельной собственности позволил продолжить изъятие прибавочного продукта, производимого индейцами (и рабами-неграми), уже в большей мере в пользу местных господствующих слоев. Также в большей мере прибавочный продукт должен был бы реализовываться на месте. Между тем общественная эволюция

обнаружила тенденцию к преобладанию изолированных и полуизолированных хозяйственных систем. Огромные полунатуральные хозяйства (часто сопряженные с мелкими образованиями) функционировали довольно автономно относительно государственной (колониальной) власти. Их внешние контакты были невелики в экономическом отношении, а в социальном - ограничивались средой имущих верхов. Частная собственность на землю становилась базой господства малочисленного меньшинства, выделявшегося в этническом и культурном отношении на фоне общей массы населения. Креольская землевладельческая элита приобретала замкнутый, кастовый характер. Крупные частнособственнические (полунатуральные, полуфеодальные) хозяйства-латифундии надолго становятся отличительной чертой экономики и общества во многих районах Латинской Америки.

Ключевой фактор формирования колониальной экономики - ее политико-административная детерминация по линии внешней торговли. Но, конечно же, внешняя детерминация и соответствующая ей юридическая и административная регламентация имели различную степень воздействия на протяжении первых трех веков. Очевидно, что четвертый век колониализма, характеризовался серьезным ее ослаблением. Кроме того, она по-разному сказывалась на различных странах, внося свой "вклад" в расхождение путей социально-экономического развития.

Особенно жестко регламентировалась внешняя торговля испанских колоний. В чем же проявлялась детерминация (и регламентация) по линии внешней торговли? Во-первых, она осуществлялась только в определенное время года, во-вторых, велась через два порта в испанских колониях и один порт в метрополии, в-третьих, допускалась только на кораблях под военной охраной. Наконец, нельзя забывать о фактически антииндустриальном законодательстве для колоний, об ограничениях на диверсификацию аграрного производства - запретах на возделывание культур, конкурировавших с сельским хозяйством метрополии. Причем государственные запреты и финансовые барьеры применялись для предотвращения экономического обмена не только с внешним (неметропольным) миром, но и между различными частями испанской Америки.

Фуртадо замечает: "Если присмотреться к данным об этой торговле, то выяснится, что импорт товаров из Испании покрывал лишь небольшую часть поставок драгоценных металлов, осуществлявшихся частными лицами. Ориентируясь на средние величины по продолжительным периодам, можно обнаружить, что стоимость драгоценных металлов, отправлявшихся за границу частными лицами, была в четыре раза больше, чем стоимость импорта. Таким образом, очевидно: труд, прилагавшийся на земле Америки, своей главной целью имел создание потока ресурсов, накапливавшихся затем в Испании. Издержки же производства могли покрываться на месте в связи с монополизацией энкомендированной рабочей силы, которая обеспечивала производство продовольствия для работников рудников и транспортную инфраструктуру. Поэтому импорт из Испании, по сути, выражал форму, в которой энкомендерос использовали свой собственный доход... Если бы этот доход реализовывался на месте - в виде

личного потребления, а также производительных или непродуцируемых инвестиций, то объем импорта оказался значительно больше. Крупное позитивное сальдо в торговом балансе колоний показывает, что класс энкомендеро позволял себе сбережение значительной части доходов, переводившихся затем в Испанию"⁵¹.

После упадка рудничного хозяйства и усиления английского проникновения испанцы пытались реагировать на изменившуюся ситуацию, диверсифицируя производство и либерализуя торговлю. Они, в частности, стали создавать торговые компании с функциями развития отдельных видов хозяйственной деятельности, завоза африканской рабочей силы, для освоения рынков новых товаров и т. д. Однако сфера действия таких компаний ограничивалась карибской зоной, где имелись особо благоприятные условия для получения ценных продуктов тропического земледелия. Между тем трудности доступа на европейские рынки, непосильная конкуренция с торговым капиталом раннебуржуазных государств низводили результаты деятельности таких компаний до локального, частного по своему значению эффекта.

Появление в XVIII в. двух новых вице-королевств (Новая Гранада и Рио-де-ла-Плата) в испанской Америке свидетельствовало об усилении интереса к торговой и сельскохозяйственной деятельности - в той же мере, как образование вице-королевств Новая Испания (с центром в Мексике) и Новая Кастилия (с центром в Перу) на заре колониальной эпохи говорило о преобладавшем интересе к горнодобывающей отрасли.

Экономическая реализация специфических производственных отношений, сложившихся в колониальном обществе, выражалась и в специфическом распределении создававшегося здесь продукта. В испанской Америке, где произошло соединение энкомендарно-общинной системы с рудничным хозяйством, производившим непосредственно денежный товар (драгоценные металлы), казалось бы, могли довольно быстро развиваться рыночные отношения. Помимо владельцев рудников и приисков на рынок выходили и энкомендеро. Речь идет не только о личных потребностях, но и о том, что, собирая индейскую подать преимущественно в натуре, энкомендеро обязаны были сдавать ее казне в денежной форме.

Немецкий исследователь Х.Дитерих дает следующие пояснения парадоксальной ситуации. Напоминая, что поступавший колониальный прибавочный продукт на 63% состоял непосредственно из денежного товара, Дитерих подчеркивал: «Тот факт, что столь высокая доля наличного прибавочного продукта была прямо произведена в денежной форме, которая не требует предварительного включения в сферу обращения для прохождения "метаморфозы" (по Марксу) через другие товары, и то, что благодаря этому она пригодна для экономических операций любого рода, дали эффект, противоположный динамичному развитию системы производственных отношений. Другими словами, высокая доля, которая приходилась на "обособившуюся меновую стоимость" в составе наличного прибавочного продукта колониального общества, усугубляла тенденции к расточительству, к непродуктивному использованию наличного прибавочного продукта в ущерб его превращению в производительный капитал»⁵². Все это Дитерих под-

тверждает, определяя потери по различным каналам производства и обращения. Он также привлекает внимание к ярко выраженной склонности к тезаврации золота и серебра, к избыточному непродуктивному потреблению церкви и колониальной бюрократии. В дальнейшем, не имея широких возможностей для реализации своей ликвидности, креольская верхушка стала склоняться к "накоплению земель", что означало омертвление богатства.

На ту же особенность реализации (но на первом этапе колонизации) обращает внимание С.Фуртадо. "В отличие от феодальных господ, которые получали прибавочный продукт от подвластного населения с использованием его в пределах примерно той же местности, целью испанца, пошедшего на конкисту или получившего энкомьенду, было присвоение продукта, который он мог бы перевести в Европу. Будь то из-за приверженности нормам потребления, которым удовлетворял лишь импорт из Европы, или потому, что, участвуя в американской аванюре, в качестве конечной цели он преследовал получение прочного экономического и социального положения в Испании, энкомендеро не был заинтересован в присвоении прибавочного продукта, реализуемого лишь на месте. Его неизменное желание - пустить в ход этот избыток - открывать, производить и затем вывозить драгоценные металлы. Кроме того в течение первого века колонизации в Америке ничего не могло производиться из того, что нельзя было бы сбывать в Европе"⁵³.

Представляя в общих чертах расстановку социально-классовых сил колониального общества и их роль в специфических производственных отношениях, мы можем говорить о примерных пропорциях в распределении колониального дохода. Но конкретные подсчеты ставят крайне трудную задачу. Уникальный аналитический эксперимент провел испанский ученый Х.Бедойя. Он решил установить доли прибавочного продукта, которые приходились на тех или иных "агентов производства", осуществлявших непосредственное присвоение. Методологические (не говоря о фактологических) сложности в этом случае очевидны. Ведь нужно осуществить реконструкцию действительного процесса присвоения (не в сфере обращения, а в сфере производства), прибегая к данным, которые характеризуют перераспределение прибавочного продукта, в первую очередь к данным, обозначающим часть, присваивавшуюся государством.

Как же действовал Бедойя? Сначала он выяснил общую стоимость колониального "прибавочного труда" (прибавочного времени), выраженную в драгоценных металлах. Как известно, пятая часть ("пятина") этой стоимости принадлежала короне в форме "ройялти" (выражаясь современным языком) или в порядке "регалии" (в терминах испанской Америки). Остальная часть (четыре пятых) определялась им как "наличное колониальное богатство" или совокупная подлинная "покупательная способность" колонии. Далее учитывалась доля, "улавливавшаяся" фискальными средствами (налоги, сборы, пошлины и т.п.). Она вычиталась, и к разности добавлялась та часть фискальной доли, которая путем перераспределения возвращалась в сферу колониального обращения, составляя, таким образом, сумму реальной годовой покупательной способности (драгоценные металлы = деньги) колониального общества. Эта сумма дополнялась частью прибавочного продукта, овеществленной в продуктовой ренте. На этой основе подсчитывался объем всего колониального прибавочного продукта с тем, чтобы далее перейти к последнему шагу - определению реального распределения. В итоге получалось, что 35% среднегодового прибавочного продукта испанских колоний приходилось на долю испанских поселенцев и их потомков, 9% отходило церкви, 29% потреблялось колониальной бюрократией и 27% изымалось метрополией⁵⁴.

Комментируя расчеты Бедойи, Дитерих замечает, что в них преуменьшена доля церкви, особенно результаты присвоения, осуществлявшегося в редукциях монашеских орденов, а также значение различных даров и подношений. Нам остается добавить еще одно обстоятельство - в колониях местные господствующие слои и социальные верхи метрополии присваивали не только прибавочный продукт, но и часть необходимого

Прямое доказательство - массовое вымирание индейцев.

Между тем в любом случае (при больших либо при меньших коррективах) подсчеты Х. Бедой убедительно иллюстрируют крайнее неравенство в распределении доходов, существенные диспропорции даже в том, что касается распределения внутри господствующих слоев, при котором креольские верхи чувствовали себя явно ущемленными. Подспудно накапливавшееся на этой основе недовольство рано или поздно должно было прорваться наружу. Креольская элита готовилась предъявить свои права на большую часть совокупного прибавочного продукта, изымавшегося метрополией. До поры до времени консервативные тенденции, находившие богатую питательную среду в ибероамериканских колониях, откладывали этот прорыв. Ведь инерция и стагнационность (особенно в гибридных колониях) имели глубокие социально-экономические корни.

Социально-экономическая история колониальных обществ выявляет ряд цепочек модификаций или ряд метаморфоз. Первая метаморфоза имеет в качестве своей автохтонной матрицы первобытнообщинный строй в двух вариантах. Конкиста приносит прежде всего репартименты, эволюционирующее затем в испанской Америке, в энкомьенду⁵⁵. Однако в данном случае энкомьенда не может реализоваться в силу неприспособленности и гибели первой производительной силы. Довольно быстро (со второй половины XVI в.) происходит замещение местной рабочей силы ввозной. При этом первенствует институционализация частной собственности на одушевленный компонент факторов производства. Иными словами, сначала устанавливается частная собственность на рабочую силу, неотчуждаемую от ее носителей, и лишь в ходе дальнейшей эволюции устанавливается собственность на землю. На этой основе формируется своего рода феодально-рабовладельческая модель, которая по мере втягивания в мировой рынок трансформируется в буржуазно-рабовладельческую модель.

Указанная тенденция проступает особенно явственно с переходом части Карибов под контроль раннебуржуазных метрополий. Здесь образуется классовое общество с крайней степенью поляризации, что выражается в жестком этносоциальном делении. Поляризация усугубляется феноменом абсентеизма среди классовой верхушки колоний. Что касается испанской части Карибов, то здесь переход плантационного хозяйства в буржуазно-рабовладельческую форму заторможен опосредованным подключением к мировой торговле нарождающегося капитализма. Дали себя знать военно-политические и административные перегородки, которые устанавливала позднефеодальная метрополия. Промежуточная траектория первой метаморфозы прослеживается в бразильском варианте, где внеэкономические перегородки позднефеодального образца также сказывались, но не носили столь жесткого характера и легче преодолевались, учитывая гораздо более сильное влияние на Португалию и ее американскую колонию торгового, а затем и промышленного капитала раннебуржуазных государств.

"Привязывая" первую метаморфозу к конкретным странам, можно говорить об атлантическом побережье Венесуэлы и Колумбии, о Доминиканской Республике и Гаити, о Ямайке и Барбадосе, о Тринидаде и Тобаго, других мелких островах Карибского бассейна, об атлантическом побережье Гайаны (три колонии), о бразильском Северо-Востоке, о Кубе (исторически более поздняя метаморфоза). В завершающем столетии колониальной эпохи проявляется особая ситуация Сальва-

дора, где энкомендарно-общинная система эволюционирует в товарную (но не рабовладельческую) плантацию (производство индиго).

Вторая метаморфоза имеет в качестве автохтонной матрицы общество, основанное на ГОСП. Здесь энкомьенда быстро приживается (напомним, что "империи" Мексики и Перу завоевываются в 20-30-х годах XVI в., когда юридически оформляется энкомьенда). Этот институт, выведившийся из системы феодального вассалитета, довольно органично накладывался на общинный базис. В подобной органичности можно усматривать проявление закона отрицания отрицания. Рабовладельческий строй отрицает ПОС или ГОСП как "первобытный абсолютизм"⁵⁶. Феодализм отрицает рабовладение, но, будучи отрицанием отрицания, он родственен ПОС или ГОСП.

При второй метаморфозе формируется довольно устойчивая феодально-общинная модель (или энкомендарно-общинная). Эта модель функционирует в двух вариантах. В одном она вступает в "интеграционную связь" с рудным хозяйством, образуя единую систему экономического (и внеэкономического - мита в Перу, "мандамьенто" в Центральной Америке и Мексике) обмена. При данных условиях энкомендарно-общинная модель постепенно и частично обретает товарную форму, опосредованно включается в мирохозяйственные связи. В другом варианте она функционирует почти автономно и тогда консервируется в натурально-патриархальных формах.

В обоих случаях происходит, с одной стороны, постепенное утверждение частной собственности "под крышей" энкомьенды, с другой - эрозия индейской общины. В зависимости от природной обусловленности и аграрной специализации (земледелие, скотоводство) модель эволюционирует в двух направлениях: эстансия и асьенда (fazenda - в бразильском варианте). В варианте асьенды образуется устойчивый консервативный биом "латифундия-минифундия", который доживает до нашего времени.

Первый вариант второй метаморфозы присущ Мексике, Перу, Боливии (в отдельных случаях - Колумбии). Интегрированная энкомендарно-общинная система действовала в северной и центральной части Чили, а также в северо-западной части Аргентины. Вторым вариантом метаморфозы реализовался в большей части Центральной Америки (прежде всего в Гватемале, а также в Сальвадоре⁵⁷, Гондурасе и отчасти в Никарагуа).

Особым случаем, укладываемым в рамки феодально-общинной системы, является миссионерно-общинная модель (редукция). Она имела вкрапления - порой весьма существенные - во многих частях иберийской Америки. Как правило, редукции оставались второстепенным элементом колониальной социально-экономической системы. Лишь в одном случае его можно считать системообразующим. Так случилось на территории, входящей ныне в границы Парагвая. При этом если в большинстве случаев миссионерно-общинная модель была подобна патриархально-натуральной форме энкомендарно-общинной модели, то в Парагвае (плюс сопредельные зоны Аргентины и Бразилии), редукции приобрели интегрированную форму и довольно выраженную внешнюю товарность.

Третью метаморфозу можно назвать периферийной и незавершенной

ной (на протяжении первых двух веков колониальной эпохи). Речь идет о социально-экономических преобразованиях на аргентинско-уругвайской равнине, в южной половине Чили, южной части Бразилии, а также в Коста-Рике. Практически повсеместно европейской колонизации здесь предшествует ПОС. Структуры позднего феодализма в силу удаленности от колониальных центров не могли устанавливаться в жесткой форме. Колонизация проходила с большими задержками. Преобладало образование хозяйств натурально-патриархального типа. Граница сельскохозяйственного освоения продвигалась медленно фактически до конца XVII в. Хозяйственная колонизация в большинстве случаев (равнинные районы Аргентины и Уругвая, юг Бразилии) осуществлялась на основе скотоводства свободного содержания. Формирование частной собственности на землю было заторможено. Первоначально оно подменялось частной собственностью на скот. Ускорение экономического развития, отмечающееся в XVIII в., в значительной мере предопределялось влиянием торгового капитала.

Рассмотрение основных форм хозяйственной деятельности колониальной эпохи и соответствующих социально-экономических структур позволяет выделить ряд общественных укладов. Вариант выделения уже был предложен в коллективной монографии "Капитализм в Латинской Америке". По мнению Э.Э.Литавриной, можно говорить о пяти укладах: общинно-натуральном хозяйстве (индейские общины в наиболее отсталых районах континента); феодальном укладе (энкомьенда, мерсед, сесмария); рабовладельческом укладе (плантационное хозяйство, горные разработки); мелкотоварном производстве (городские ремесленные промыслы, хозяйство крестьян-колонистов); зачатках капиталистического уклада главным образом в форме торгового капитала⁵⁸.

На наш взгляд, приведенная схема нуждается в уточнении. Причина связана, во-первых, с необходимостью учета большего разнообразия укладных структур, во-вторых, с неадекватностью некоторых традиционных понятий в применении к превращенным, модифицированным или гибридным структурам, возникшим в колониальной Америке. Наконец, целесообразно разграничение укладных структур по их историческому значению и близости к тому или иному социально-экономическому "генотипу".

Как представляется, на основе проведенного анализа можно говорить, во-первых, об основных системообразующих укладных структурах в зоне колонизации (гибридном квазифеодальном и товарно-рабовладельческом укладах), во-вторых, об остаточных системообразующих структурах вне зоны колонизации (производящая и присваивающая общины), в-третьих, о второстепенных восходящих структурах (протокапиталистическом или раннебуржуазном производстве города и деревни), в-четвертых, о второстепенных нисходящих структурах (полунтегрированная производящая община, натуральное семейное хозяйство в периферийных зонах колонизации). Схема, конкретизирующая различные формы укладных структур, представлена в приложении 1. Проведенный анализ позволяет также составить типологическую группировку колоний, образовав-

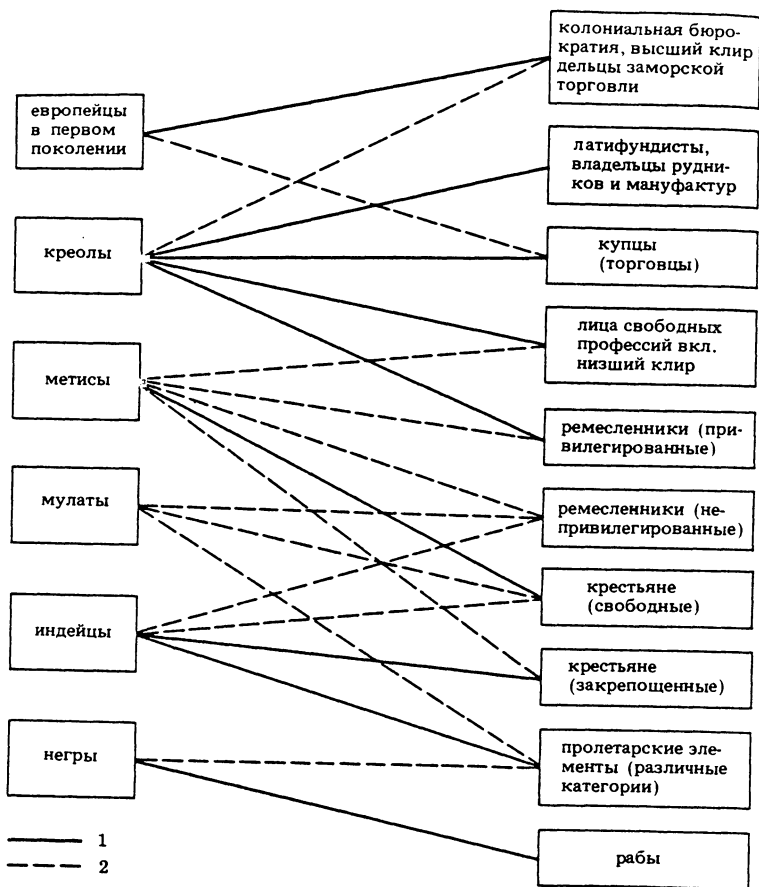

Рис.3. Связь этнического и социального составов колониального общества
 1.Первичная принадлежность.
 2.Вторичная принадлежность. (Приводится по схеме М.Коссока.)

шихся на территории, относимой ныне к Латинской Америке и Карибскому бассейну (см. приложение 2). Главным критерием этой типологии является преобладание и сочетание тех или иных укладных структур, характер социально-экономических метаморфоз, которые претерпевало колониальное общество.

На следующей ступени анализа мы можем произвести типологию различных моделей колониального общества, исходя из того, какие укладные структуры преобладали в той или иной части Латинской

Америки и Карибского бассейна. Это опять же мы в состоянии сделать с помощью демо- и этносоциальной статистики, учитывая, что социальная структура колониального общества приняла форму кастово-сословного этнорасового деления. Базой такой работы стала систематизация автором фактических данных из большого круга источников, а затем реконструкция этнорасового и этносоциального состава населения по странам региона к концу колониального периода. Систематизированные данные представлены в приложениях 3 и 4. В интерпретации представленных там цифр следует учитывать, что данные по социально низшим этнорасовым группам несколько приуменьшены. На колониальной статистике сказывалось стремление представителей этих групп к завышению своего статуса. Ключом к интерпретации статистических данных в социально-классовом отношении служит схема, составленная известным латиноамериканистом, немецким историком М. Коссоком⁵⁹ (см. рис. 3).

Для гибридных колоний характерно явное преобладание индейского (как правило, свыше 1/2 населения) и метисного (в пределах от 1/4 до 1/2) компонентов. Доля креолов была довольно высокой лишь в тех зонах, которые относились к старым центрам колониальной администрации (Мексика, Перу). Здесь население европейского происхождения составляло 18-20%. В гибридных обществах колониальной периферии эта доля гораздо скромнее - менее 8%. Крайне низкая доля негритянского и мулатного населения (за исключением Гондураса) неопровержимо свидетельствует о малом значении рабовладельческих отношений.

Таблица 3

Значение различных типов колониального общества к исходу колониального периода по доле в совокупном населении региона

Тип общества	Численность населения млн человек	% к итогу
Гибридные колонии	10,74	50,0
Плантационные колонии	7,15	33,2
- позднефеодальных метрополий	5,16	24,0
- раннебуржуазных метрополий	1,98	9,2
Полугибридные - полуплантационные колонии	2,01	9,3
Полугибридные-полупереселенческие (априорно) колонии	1,59	7,4
Итого	21,49	100,0

По распространенности (см. табл. 3) за преобладающим гибридным типом колониального общества (примерно половина населения региона) следовали плантационные колонии (около трети населения), которые на территории Латинской Америки и Карибов были представлены двумя вариантами: владениями позднефеодальных (иберийских) метрополий, на долю которых приходилось порядка 24% населения, и владениями раннебуржуазных метрополий с удельным весом в общем

населении региона немногим более 9%. Для обоих случаев характерно преобладание негритянского населения и минимальная роль индейского. Однако в первом случае значительным все же был удельный вес метисов (континентальные территории) и жителей европейского происхождения (свыше 1/3 - на Кубе и Пуэрто-Рико, около 1/4 - в Санто-Доминго). Во-втором случае пропорции иные. Негритянское население составляло подавляющее большинство, как правило свыше 2/3, а с мулатами - более 90%. Исключением является Барбадос, где удельный вес жителей европейского происхождения доходил до 15% при такой же доле мулатов. Различия двух вариантов проступят более рельефно, если мы обратимся к удельному весу рабов. В первом он обычно не превышал трети общего населения и лишь в Бразилии доходил до половины. Во втором варианте эта доля колебалась в пределах 70-90%, свидетельствуя о крайней поляризации общества⁶⁰.

В колониях смешанного типа (полугибридных-полуплантационных и полугибридных-полупереселенческих) этнорасовый состав и удельный вес населения, находившегося в рабской зависимости, отражал то или иное сочетание разных укладных структур. Доля рабов в Венесуэле доходила до 15% в 1800 г., в Колумбии составляла свыше 5% в 1776 г., в Аргентине в конце XVIII в. не превышала 6%, а в Чили накануне независимости выражалась лишь 3%. Совершенно незначительной была эта доля в Коста-Рике. Вместе с тем здесь довольно высокими оказывались доли метисного (порой превосходя показатели гибридных колоний) и белого населения. В колониях смешанного типа, особенно в полугибридных-полупереселенческих, отмечались самые высокие для региона доли населения европейского происхождения. Комментируя представленные данные, нельзя не обратить внимание, с одной стороны, на сохранившуюся в конце колониального периода близость Чили к гибриднему типу, а с другой - явное "выпадение" Коста-Рики из ряда центральноамериканских колоний.

Итак, рассматривая итоги социально-экономического развития в колониальную эпоху, мы имеем полные основания для выделения весьма различных общественных образований. Но при всех различиях существовало, конечно, общее - то, что еще в колониальную пору резко отделило латиноамериканские общества всех типов от американского севера. Иное социально-экономическое качество позднее позволило США и Канаде уйти далеко вперед по сравнению со своими южными соседями, несмотря на то что Латинская Америка была на целое столетие старше и, казалось, к исходу XVIII в. обладала гораздо большим демографическим, экономическим и культурным потенциалом.

Внутрирегиональные различия, заложенные еще доколумбовыми социально-экономическими матрицами, подтвержденные и умноженные эволюцией трех колониальных столетий, проявились затем в процессе освободительной войны, в том, как она разворачивалась в каждой стране и к каким результатам там пришла. В этой связи нас не должна смущать почти континентальная синхронность освободительных антиколониальных войн. Совершенно очевидно, что эта синхронность происходит не от одинаковой подготовленности, равной зрелости внутренних предпосылок (экономических, социальных,

политических) завоевания политической независимости, а от одинаковости и одновременности возникновения внешних предпосылок. И это для большинства случаев можно считать унифицирующим условием достижения политической независимости, на что обращал внимание один из зачинателей советской латиноамериканистики историк В.М.Мирошевский⁶¹.

М.Коссок вполне резонно обращал внимание на многообразие сил, участвовавших в "антиколониальных революциях". Он пишет: "антифранцузский, антииспанский и антипортугальский фронт был готов вобрать в общие ряды оппозиции, хотя бы временно, разнородные и даже антагонистические слои"⁶². Из этой констатации следует мысль, важная для понимания сущности общественных переворотов, осуществлявшихся под знаменами национального освобождения. Под ними могут выступать и консервативные, исторически реакционные социальные силы. В Латинской Америке на рубеже XVIII и XIX веков в антиколониальном движении с буржуазными элементами, с немногочисленной революционно-демократической интеллигенцией сошлись креольские помещичьи слои, метисный и мулатный городской плебс. Индейская же крестьянская масса отнюдь не всегда принимала сторону креолов. Чаще она оставалась пассивной. Но иногда использовалась и рылястами.

Для прояснения сути дела большое значение имеет определение основных течений в освободительном движении. Это делает М.Коссок. В его трактовке представлены следующие течения: революционно-демократическое, креольско-республиканское, креольско-либеральное и консервативное⁶³. Первое ассоциировалось с самостоятельным активным участием народных масс, с социальным и политическим радикализмом, который в наибольшей мере отвечал требованиям решительной борьбы с колониальной системой. Второе характеризовалось непримиримой позицией, исключавшей политический компромисс с метрополией. В ряде случаев это течение оказалось преобладающим и получило значительную поддержку масс. Третье представляло в основном умеренный реформизм и - не отказываясь от независимости как политической цели - стремилось к компромиссу с колониальной державой. Отчасти это объяснялось переплетением интересов, отчасти стремлением дистанцироваться от пугающего революционного радикализма "снизу". Четвертое выражало откровенное неприятие активности масс, которое шло от "комплекса" принадлежности креолов к аристократическим верхам. Это течение сформировалось как результат прямого противодействия выступлениям народных масс или угрозе, которую для консервативных креольских кругов несла либеральная буржуазная революция, проектировавшаяся из метрополии. По сути дела, подчеркивал М.Коссок, представителям этого течения независимость нужна была для защиты статус-кво⁶⁴.

Освободительный процесс приобретал различные формы в зависимости от конкретного сочетания социально-экономических условий и политических факторов. Каким образом осуществился процесс политического освобождения в тех частях региона, где преобладали гибридные квазифеодальные структуры? Ситуация, сложившаяся в Перу, в полной мере отражает инертность социально-экономического

развития вице-королевства на предшествовавшем этапе, то, что здесь в традиционном центре колониальной администрации с более значительными результатами удавалось противодействовать утверждению буржуазных тенденций. Сказывалась удаленность Перу от перекрестков трансатлантической торговли и соответственно слабость ее "разлагающего" влияния. Ход событий определялся здесь тактикой осторожного выжидания исхода боев между повстанцами и роялистами в эпицентрах антиколониальной войны. Развязку принесли, по существу, внешние силы - экспедиционные отряды из Новой Гранады и Риоде-ла-Платы. Далее, обращаясь к первым результатам получения независимости, вполне закономерно следует считать минимальные изменения в политической надстройке и фактическую неизменность в социально-экономическом строе.

Аналогично развивались события в периферийных колониальных зонах с господством гибридных квазифеодальных структур, прежде всего в Центральной Америке и Эквадоре. Свообразие можно отметить в Боливии. Здесь после "серебряного бума" довольно значительным оказался слой городского метисного плебса, который серьезно пострадал от упадка рудничного хозяйства. Пожалуй, этим и объясняется начало освободительного процесса как движения городских низов. С его подавлением процесс трансформировался в затяжную "герилью", ведущуюся отдельными, изолированными друг от друга повстанческими отрядами. Но и в Боливии в итоге возобладала консервативная креольская фракция, сохранившая прежний социально-экономический строй.

Иной характер приняли события в Мексике. В центре старого вице-королевства на последнем этапе колониальной истории возобновилось хозяйственное оживление, вызванное вторым "серебряным бумом". Это способствовало большему (по сравнению с другими зонами распространения гибридных квазифеодальных структур) развитию товарно-денежных отношений. Сказалась и относительно большая вовлеченность центра Новой Испании в международные торговые связи. С другой стороны, к XVIII в. восстановился механизм демографического воспроизводства индейской части населения, ускорились процессы метисации. Усилилось давление снизу на структуру власти, базировавшейся на крупной земельной собственности и эксплуатации индейских общин. Все это впоследствии придало антиколониальной войне отчетливо социальную окраску. Более сложное переплетение общественных противоречий в Мексике наполнило освободительный процесс и более радикальным содержанием, что проецировалось затем на длительный исторический период - вплоть до революции 1910-1917 гг.

Показательно, что в Мексике, для которой было характерно сочетание всех четырех (по М.Коссоку) идейно-политических течений, война за независимость началась как социально-революционное движение крестьянских масс и городского плебса (тенденции, олицетворявшиеся М.Идальго и Х.Морелосом). Но симптоматично и то, что в конечном счете завоевание политической независимости, осуществленное на волне повстанческого движения низов, было реализовано в интересах креольских верхов, связанных преимущественно с квази-

феодальными структурами. Тем самым обнаружилась недостаточность социально-экономических предпосылок для буржуазной трансформации.

В зоне гибридных квазифеодальных обществ наиболее радикальный характер приобрел освободительный процесс в Парагвае. Имеются все основания говорить о преобладании здесь революционно-демократического и креольско-республиканского течений. Бурный, скоротечный процесс приводит здесь к установлению революционной диктатуры, опиравшейся на низы и "средние слои" - мелкобуржуазные, крестьянские массы, отчасти средних землевладельцев метисного происхождения. По мнению Дитериха в латиноамериканской истории первой половины XIX в., Парагвай - единственный пример победы социально-революционного течения⁶⁵. Рожденному в горниле антиколониальной войны, ему удалось утвердиться у власти и осуществить не только политические, но и далеко идущие социально-экономические преобразования. Правомерно увязывать такой итог с особым поворотом общественной истории Парагвая на предшествовавшем этапе, с иной структурой собственности и соответствующим социально-классовым составом, с ранним и весьма своеобразным процессом метисации, способствовавшим вовлечению низов в политическую жизнь.

Там, где преобладало товарное рабовладение, можно выделить несколько ситуаций. Во-первых, взрывное разрешение туго переплетенных разнородных противоречий, внутренних и внешних (Гаити), во-вторых, довольно плавный, почти эволюционный переход от колониального к суверенному статусу (Бразилия), в-третьих, сохранение колониального статуса в вестиндских владениях Испании и раннебуржуазных метрополий (за исключением Гаити), в-четвертых, бурное зигзагообразное течение освободительной войны (Новая Гранада).

Разнородные противоречия, лежащие в основе антиколониального движения, в интегральном виде проявились, пожалуй, лишь в Гаити. Там нашли свое место и революционная борьба классов - рабов против рабовладельцев, и расовый конфликт, поскольку антагонизм хозяин - раб совпадал с антагонизмом белый-черный, и антиколониальное движение гаитянцев против французов и, наконец, разразилась гражданская война.

Что касается Бразилии, то здесь сепаратистские настроения креольской верхушки на время были удовлетворены теми изменениями, которые связаны с переносом сюда королевского двора из метрополии (1808-1822 гг.). Ранее своего рода амортизатором противоречий послужила существенная либерализация внешней торговли, при которой Португалия открыла "шлюзы" для коммерции местных производителей и посредников с английскими купцами и промышленниками. Неудивительно, что взрывы недовольства низов были изолированы, локализованы и подавлены, не слившись в общенациональное движение, как это произошло в других частях региона. Все это в дальнейшем обеспечило относительно "спокойный" переход к независимости от метрополии, обладавшей гораздо меньшей военной силой по сравнению с Испанией.

На Кубе и Пуэрто-Рико антиколониальные настроения сопостави-

мы с теми, которые проявлялись в других частях испанской Америки. В конце XVIII - начале XIX в. здесь также отмечались серьезные волнения низов, прежде всего рабов. Как и везде, обнаруживалось стремление креольских верхов к перераспределению власти и колониального дохода. Однако военная сила испанцев в Карибах (при наибольшей близости к метрополии), главным образом военно-морская, оказалась достаточной, чтобы контролировать положение в карибских колониях. Можно говорить и о том, что в кругах креолов-рабовладельцев сказались опасения, лишившись военной поддержки Испании, потерять свои позиции (подобно тому, как это произошло в Гаити) в случае восстания черных рабов.

Характеризуя ситуацию в небольших вест-индских владениях раннебуржуазных метрополий, можно утверждать, что здесь к началу XIX в. вопрос о политической независимости еще не стоял на повестке дня. Интересы малочисленного слоя белых рабовладельцев практически не расходились с интересами метрополий. Напомним в связи с этим о феномене абсентеизма, при котором родиной социальных верхов оставалась метрополия, а не колония. При этом право собственности осуществлялось "заочно". Даже современный этнический состав неиспаноязычной Вест-Индии свидетельствует о том, что белое население слабо укоренялось, а соответственно слишком мала была база для проявления сепаратистских устремлений в политически активном населении. Кроме того, следует учитывать, что значительная часть колониальной экономики контролировалась торговыми компаниями с обезличенными собственниками, интересы которых опять же идентифицировались с правящими кругами метрополий. В вестиндских владениях раннебуржуазных держав преобладали не политические и даже не экономические противоречия, а социально-расовые антагонизмы. Но стихийные "прорывы" последних довольно легко подавлялись превосходящей военной силой при солидарности белых верхов и имперской администрации и при пассивности малочисленных промежуточных слоев.

Острый, конфронтационный характер приняла война за независимость в атлантической зоне Новой Гранады, где сомкнулись самые различные противоречия колониального общества (по остроте конфликта эта ситуация близка гаитянской, но отлична от нее по составу и весу основных противоречий). Социальная поляризация плантационного рабства, эффект распространения товарно-денежных отношений, благодаря чему возникли новые социальные слои, тяготевшие к колониальному строю, недовольство своим положением креольской землевладельческой аристократии, внешнее влияние либеральных идей в новом торговом центре испанской Америки (Каракас-Гуайра) - все это обусловило накопление большого взрывчатого материала. Вместе с тем велико было и противодействие метрополии. А в этом районе она могла мобилизовать значительные силы и довольно быстро восстанавливать боевые потери. Показательно, что в Венесуэле война за независимость, начавшаяся как конфликт между креольскими рабовладельцами и "гачупинами" - представителями колониальных властей Испании, быстро переросла в социальную войну, приобретавшую крайне ожесточенный характер и приведшую к физическому уничто-

жению большей части креольского рабовладельческого класса, вообще к огромным людским потерям, а в конечном счете к серьезному разрушению производительных сил.

Иной итог получен в других колониях, выдвинувшихся в экономическом развитии к концу XVIII в. Однако и в применении к этим случаям трудно говорить о "социально-буржуазном характере" войны за независимость.

Рассматривая аргентинскую ситуацию, целесообразно обратиться к книге З.И.Романовой, посвященной развитию капитализма в Аргентине. Романова полагает, что "революция 1810 г. носила социальный характер. Это не было верхушечной акцией креолов, как это представляют некоторые исследователи, а явлением широкого общественного значения. Оно возникло на основе происшедших глубоких внутренних сдвигов, и прежде всего в результате зарождения роста буржуазии"⁶⁶. Действительно, для подобного заключения Аргентина дает больше оснований, чем другие страны региона, но "буржуазной версии" все же недостает ряда важных признаков. В этой связи содержание и цели движения 1810 г. определяются Романовой как буржуазные не столько по силе буржуазии, которая "в тот переходный период еще не оформилась как класс", сколько из-за отсутствия должного противодействия, поскольку здесь "не было и сильного класса, способного защитить феодальный уклад"⁶⁷. Ссылаясь затем на довольно быстрое (уже через год после начала войны) возобладание консервативной фракции в руководстве антиколониальным движением, З.И.Романова склоняется к более обоснованной трактовке, которая связана с концепцией многоступенчатого осуществления буржуазной революции. "Революция 1810 г. оказалась частичной, незавершенной, и эта незавершенность сказывалась в первую очередь в области аграрных отношений, где не произошло радикальных преобразований. Монополия испанской короны на землю сменилась монополией крупных частных собственников, монополией латифундистов"⁶⁸.

Равнинная часть бассейна Ла-Платы (включая Пампу и Восточный Берег, т.е. Уругвай) действительно отличалась слабой закрепленностью квазифеодальных социально-экономических структур и политических институтов. Еще в колониальный период здесь появились элементы свободной переселенческой колонизации. К концу XVIII в. развернулся процесс распространения товарно-денежных отношений, укреплялся торгово-ростовщический капитал. Крупные скотоводческие хозяйства вовлекались в международную коммерцию. Налицо явное отличие от тенденций, преобладавших в остальной испанской Америке. Но даже с учетом этого необходима осторожность в трактовке социального содержания освободительной войны.

Ситуация в Уругвае напомнила ситуацию в Аргентине. Впрочем, как до, так и во время антиколониальной войны события на Восточном Берегу трудно отделить от того, что происходило в аргентинской части лаплатского вице-королевства. В Уругвае события, связанные с колониальной войной, приняли довольно радикальный характер, особенно на первом этапе, отражая самое активное участие низов в повстанческом движении. Как подтверждение влиятельности революционно-демократического течения можно воспринимать аграрные преобразо-

вания 1815 г., проводившиеся лидером повстанческого движения Х.Артигасом (экспроприация собственности крупных помещиков - противников движения и раздел их владений в пользу неимущих повстанцев). В дальнейшем освободительный процесс принял совершенно особый оборот, не имея аналогов в других частях региона. Борьба патриотических сил развернулась на два новых фронта - против аннексионистских притязаний португальских властей Бразилии, с одной стороны, и Буэнос-Айреса - с другой. Почти десятилетний период португальской оккупации и подчинения Бразилии принес явную регрессию - реставрацию крупного землевладения и полукрепостнических отношений.

Весьма влиятельными оказались революционно-демократическое и креольско-республиканское течения в Чили. Они нашли опору в новых социальных слоях, вызревавших в недрах нестабилизировавшегося гибридного квазифеодального общества на исходе колониального периода благодаря более активному втягиванию в межколониальную и международную торговлю. Социально-экономическую подготовленность к осуществлению прогрессивных преобразований продемонстрировала политика О'Хиггинса. Его реформы, подвергшиеся коррективам при переходе власти к следующим правителям молодого государства, в наибольшей мере (по сравнению с другими странами региона) сохранили первоначальный буржуазно-демократический импульс.

3. РАЗНОВРЕМЕННОЕ И РАЗНОХАРАКТЕРНОЕ ВЫЗРЕВАНИЕ БУРЖУАЗНЫХ СТРУКТУР

Приступая к рассмотрению постколониального периода, необходимо, во-первых, учитывать серьезное разрушение производительных сил в ходе боевых действий. Ведь в ряде случаев (как, например, в Венесуэле) молодые государства были отброшены далеко назад относительно того уровня экономического развития, который они имели накануне войны за независимость. Во-вторых, в процессе освободительной борьбы руководство антиколониальных сил вынуждено было опустошать казну и "вычищать" частную ликвидную наличность для финансирования повстанческой армии и широкомасштабных военных действий. Аналогичным образом поступали и роялисты, стремившиеся упредить повстанцев. Известно, что из Новой Испании в 1821-1823 гг. было отправлено "денежного" металла на сумму 20 млн фунтов стерлингов. За 1819-1825 гг. из вице-королевства Перу только корабль британского военного флота вывезли драгоценные металлы на сумму в 27 млн фунтов стерлингов⁶⁹.

В-третьих, с первых лет своего существования молодые латиноамериканские государства попали в долговую зависимость от крупнейших банкирских домов Европы, главным образом английских. Унаследовав прежние долги, молодые государства вынуждены были в еще больших масштабах прибегать к внешнему кредитованию для восстановления механизма государственного управления, для налаживания финансов и денежного обращения, для восстановления расстроеной

хозяйственной жизни в целом. Между тем займы предоставлялись на ростовщических условиях. Реально от европейских банкирских домов латиноамериканские республики получали не более 60% номинального объема кредитов, неся затем финансовые обязательства по всей сумме, обозначавшейся в кредитных соглашениях.

В-четвертых, после изгнания испанцев и португальцев на экономике молодых государств не мог не сказаться разрыв прежних связей. Ведь нарушение отношений с колониальными метрополиями отнюдь не сразу компенсировалось налаживанием торговых отношений с другими европейскими державами. Переход оказался довольно плавным лишь в немногих случаях (прежде всего в Бразилии, в меньшей степени - в Чили и Аргентине). В других случаях (Эквадор, Перу, Боливия, центральноамериканские республики) не одно десятилетие давала себя знать изоляция молодых государств в международной торговле. Пользуясь современной терминологией, можно утверждать, что в то время имела место маргинализация Латинской Америки на мировом рынке. По оценке Т. Гальперина Доньи, нигде в Латинской Америке объем внешней торговли 1850 г. не имел сколько-нибудь существенно превышения над уровнем 1825 г.⁷⁰

В-пятых, ликвидация прежних колониальных ограничений, развитие торговых отношений с новыми заокеанскими партнерами воздействовали на развитие капиталистического уклада неоднозначно. Первые десятилетия политической независимости характеризовались упадком многих мануфактурных предприятий и ремесленных мастерских. Местные производители ослабли, пострадав от послевоенной разрухи, от расстройств локальных рынков, сформировавшихся к исходу колониального периода. Их продукция не выдерживала конкуренции с европейскими товарами, которые получали свободный доступ в молодые латиноамериканские государства.

Как правило, первый этап независимого развития обнаруживал устойчивость прежних укладных структур. Порой в той обстановке, когда наблюдались нарушение товарно-денежного обращения и распад былых хозяйственных связей, когда раннекапиталистический уклад испытывал серьезные затруднения, отмечалось даже усиление консервативных социально-экономических тенденций. Начало постколониальной истории дает немало оснований для вывода о том, что в многоукладной общественной системе молодых государств нередко отмечалось регрессивное изменение соотношения сил. На какое-то время чаша весов склонялась в сторону докапиталистических укладов. Автор солидарен с выводом А. Куэвы, который заключил: "условия первой фазы нашего независимого развития были далеки от того, чтобы напрямую подталкивать разложение докапиталистической матрицы; она характеризовалась движением в противоположную сторону"⁷¹.

Казалось бы, завоевание политической независимости прекратило принудительное изъятие продукта в пользу колониальной метрополии, в молодых государствах появилась возможность избавиться от роли объекта первоначального накопления капитала, возникали условия для перевода этого процесса в собственное русло. На деле же "декапитализация" продолжалась на иной основе - на базе долговой

зависимости и неравноправности внешнеторгового обмена, а формированию рынка наемного труда препятствовали почти непоколебленные архаичные социально-экономические структуры.

Вплоть до середины (а во многих случаях и до последней трети) XIX в. в сельском хозяйстве, оставшемся абсолютно преобладающей сферой производства и занятости, происходило укрепление позиций помещичье-крепостнических кругов, вступавших в союз с компрадорской буржуазией и иностранным торгово-банковским капиталом. Консервативные силы получали возможность диктовать свои условия в экономической и общественно-политической жизни молодых государств.

Именно XIX в. следует считать апогеем традиционной полуфеодальной, полукрепостнической латифундии. В регионе почти повсеместно разрасталась крупноземельная частная собственность, освободившаяся от внешней регламентации и постепенно освобождавшаяся от препятствий, создававшихся общинными структурами. Латифундии наступали на мелкое патриархальное хозяйство или интегрировали его путем экономического и внеэкономического подчинения. Одновременно отступал общинный уклад, а мелкокрестьянский воспроизводился в урезанном виде. Товарно-рабовладельческий уклад, продолжая играть существенную роль в отдельных странах (Бразилия) и колониях (Куба), но в общерегиональном масштабе явно сходил с исторической сцены (см. приложение 5).

Отражая ситуацию многоукладной равновесности и отсутствие явных политических доминант, постколониальная история Латинской Америки дает пример хронической нестабильности. Среди главных причин - недостаточное развитие внутреннего рынка, создающего первичную основу для утверждения буржуазных структур и цементирующего национальную государственность. Поэтому вполне закономерен распад ряда первоначальных государственных образований. В 1839 г., просуществовав немногим более полутора десятилетий, разделились на четыре части Соединенные Провинции Центральной Америки. К 1832 г. на территории Великой Колумбии, провозглашенной в 1819 г., образовались три новые республики - Венесуэла, Колумбия и Эквадор. В 1844 г. от Гаити отделилась Доминиканская Республика. От Объединенных провинций Ла-Платы отошел Восточный Берег - будущий Уругвай. Унитарный проект в масштабах всей Латинской Америки, вынашивавшийся "отцами-основателями" первых республик - Боливаром, Сан-Мартинем и их сподвижниками, остался не более чем благой идеей. Центробежные тенденции настойчиво проявлялись и внутри государств, сохранивших свою целостность. Во многих странах стержнем политической жизни XIX в. стало противоборство унитаристов и федералистов. Оно воспроизводилось и на локальном уровне, обнаруживая себя в феномене касикизма, соперничестве "полковников" - крупных землевладельцев, осуществлявших жесткий политический контроль в пределах определенной местности. Все это указывало на слабую подготовленность социально-экономической почвы для утверждения буржуазных структур.

До середины или даже до последней трети XIX в. внутренняя соци-

ально-экономическая ситуация в странах региона, как правило, определялась равновесием исторически нисходящих и восходящих укладных структур. Качественные изменения больше чувствовались во внешнеэкономических связях. Ведь торговля была освобождена от политических перегородок. Новым элементом этих связей стал ссудный капитал. Между тем в первые десятилетия независимого существования ни торговля, ни внешнее кредитование не создавали серьезных предпосылок для обуржуазивания внутренних структур. Приобретая неэквивалентный и паразитический характер, они часто действовали в обратном направлении - нарушали неустойчивый механизм национального накопления.

Радикальные изменения во внешнеэкономической детерминации стали фактором второй половины XIX в. Их подготовил промышленный переворот в развитых странах того времени и его модифицирующее воздействие - с определенным временным разрывом - на мировой рынок. С усугублением раздела стран на промышленных и сельскохозяйственных экспортеров стало меняться содержание международного товарообмена. Перевод морского судоходства на паровые двигатели, распространение железнодорожного транспорта и телеграфной связи, резкое повышение спроса на металлоносное сырье и продовольствие для растущего городского населения - все это создавало условия для гораздо более глубокого втягивания Латинской Америки в мировой рынок. Достаточно напомнить: тоннаж мирового морского флота увеличился с 6,7 млн т в 1840 г. до 12,8 млн в 1860 г. и до 43 млн т в 1913 г. При этом произошло резкое сокращение тарифов, в большинстве случаев на 70-90%⁷².

Иными словами, уменьшилось препятствие географической удаленности, сдерживавшее вовлечение ресурсов Латинской Америки в активный хозяйственный оборот основных полюсов мировой экономической динамики. Тем временем в старых центрах капитализма вызревали предпосылки для внешней экспансии нового типа, основывающейся не только на торговле и вывозе ссудного капитала, но и на вывозе производительного предпринимательского капитала.

В новых условиях на рубеже двух столетий отмечается общая динамизация внешнеэкономических связей латиноамериканских стран, приходящая на смену в целом сдержанному росту внешнего обмена на протяжении ряда десятилетий. И применительно к этому этапу речь следует вести о включении не только в мировую торговлю, но и в более интегральную систему - мировую экономику. В ее рамках латиноамериканские экономики сохраняют свое периферийное, подчиненное положение, накладывающее особый отпечаток на формирование национальных хозяйственных и социальных организмов. И они приобретают ряд общих типологических черт. В.В.Вольский выделил среди них пять основных: затаянное образование предпосылок для утверждения капиталистического способа производства как результат колониального наследия и ущербного первоначального накопления; определяющее воздействие иностранного капитала на всех стадиях формирования буржуазного общества; относительная слабость местного капитала и противоречивость его отношений с иностранным; неадекватное развитие капитализма в городе и деревне, консервация

докапиталистических структур с соответствующей многоукладностью; особая роль государственного капитализма, призванного компенсировать дефекты внутренних буржуазных структур и выражающего в определенных ситуациях антиимпериалистические тенденции⁷³.

Традиционный тезис - запоздалое развитие капитализма в Латинской Америке. Однако запоздание не было одинаковым. Известны различные критерии достижения капиталистической зрелости со своими преимуществами и недостатками. Трудно выделить тот, который удовлетворял бы всем требованиям и опирался на достаточно протяженный статистический ряд, охватывающий весь период утверждения капиталистического уклада и проецируемый на современность. Не пренебрегая другими характеристиками, хотелось бы привлечь внимание к динамике роста городского населения и к различиям во времени перехода большинства населения к городскому образу жизни, а соответственно и к городскому рынку.

Кривые роста ряда крупных городов Латинской Америки (рис. 4) сразу же привлекают внимание к одновременности и к различной скорости продвижения по капиталистическому пути. Точки же перехода к преобладанию городского населения выявляет многоступенчатую последовательность (см. приложение б). В двух странах региона (Аргентина и Уругвай) этот переход совершился уже в 20-х годах; в Чили - на исходе 30-х, в Венесуэле и на Кубе - в конце 40-х, в Мексике - на рубеже 50-х и 60-х годов. К середине 60-х годов он состоялся в Бразилии, во второй половине того же десятилетия - в Колумбии и Перу. Конец 70-х и начало 80-х годов отмечены превышением городского населения над сельским в Никарагуа, Панаме, Доминиканской Республике. Конец 80-х и начало 90-х годов - время перехода для Эквадора, Коста-Рики, Ямайки и Суринама. В остальных случаях он лишь ожидается: в Сальвадоре, Тринидаде и Тобаго, на Барбадосе, в Гватемале, Гондурасе, Боливии и Парагвае - в конце 90-х и начале первого десятилетия следующего века, в Гайане - в конце первого, а в Гаити даже во втором десятилетии XXI в. (см. приложение б). Как видим, дистанция между первым и последним эшелонами выражается целым столетием.

Хронологический разрыв в достижении определенного уровня урбанизации, конечно же, не является точным отражением одновременности превращения капиталистического уклада в ведущий либо системообразующий. Интерпретировать этот разрыв можно лишь с рядом существенных поправок, в частности относительно стран, где деревня претерпела значительную капиталистическую трансформацию в результате модернизации плантационного хозяйства либо влияния нетипичных для региона фермерских элементов. Среди них немало "опоздавших" в урбанизации - Сальвадор, Коста-Рика, Барбадос, Тринидад и Тобаго.

Учитывая существенные расхождения в наступлении "капиталистического времени", трудно обойтись стандартным объяснением, пригодным для любого латиноамериканского или даже "третьемирского" случая, по поводу наследия колониализма и неоколониализма, подчинения национальной экономики интересам ТНК и т.д. Требуе-

ся ответ на вопрос о конкретных причинах, причем не только торможения или деформации, но и одновременности ускорения капиталистического развития.

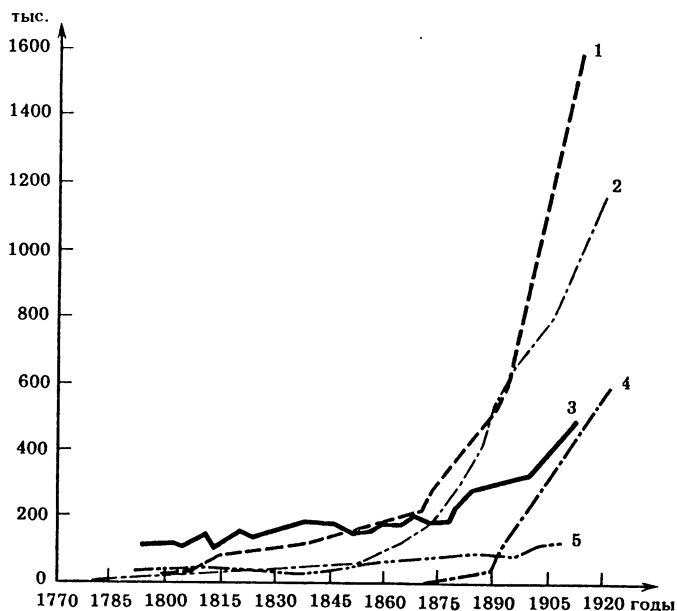

Рис.4. Динамика роста населения крупных городов Аргентины, Бразилии, Мексики и Перу (с конца 18 до начала 20 в.) (Приводится по: Urbanization in 19-th century. Latin America: Statistics and Sources. Los Angeles, 1973, P.67)

1. Буэнос-Аэрес. 2. Рио-де-Жанейро.
3. Мехико. 4. Сан-Паулу. 5. Лима.

Ранний для региона старт, а затем резкое ускорение развития оказались возможными там, где квазифеодальные структуры были слабее, где не могло надолго утвердиться рабовладение, превратившееся в XIX в. в серьезное препятствие для накопления капитала, где иммиграция восполнила недостаточное первоначальное накопление, а естественные условия создавали исключительные преимущества для получения прибавочного продукта и участия в международном разделении труда. Показательно, что Аргентина и Уругвай на рубеже двух веков - прошлого и нынешнего - по темпам экономического роста вошли в число мировых лидеров (опережая, кстати, США), а к 20-м годам и по среднестатистическому уровню жизни. Таким образом, можно говорить о прецеденте прорыва из круга слаборазвитости. Но при этом следует заметить: основой экономического благополучия стала аграрная рента, реализовывавшаяся на мировом рынке. Даже при серьезной торгово-финансовой зависимости, даже при изымании значительной части доходов в пользу иностранного капитала остававшаяся часть оказывалась весьма значительной. Однако, будучи дифференциальной, базирующейся на естественном плодородии, эта рен-

та, хотя и продержалась ряд десятилетий, с неизбежностью убывала по мере технологического совершенствования сельскохозяйственного производства в странах-потребителях. Соответственно теряли свой динамизм экономики Аргентины и Уругвая, техническому прогрессу которых мешали довольно консервативные структуры землевладения.

Выделяя группу стран с ранним капиталистическим стартом, нельзя, однако, ограничиваться Аргентиной и Уругваем, забывая о двух других прецедентах, связанных с особыми историческими обстоятельствами. Пример необычно быстрой консолидации национальной экономики и подготовки внутренней почвы для вызревания капиталистического уклада продемонстрировал Парагвай. Объясняя этот феномен, необходимо напомнить об особенностях предшествовавшего этапа. Во-первых, еще накануне войны за независимость экономическое развитие пошло по пути утверждения мелких и средних хозяйств. Соответственно квазифеодальные структуры не создавали столь серьезных препятствий для экономического развития, как в других частях Латинской Америки. Во-вторых, не могла не оставить следа довольно эффективная хозяйственная организация иезуитских редукий. Далее, следует обратить внимание, с одной стороны, на малочисленность европейского компонента в этническом составе, с другой - на раннюю и интенсивную метисацию⁷⁴. Соответственно можно говорить об узости социально-этнической базы консервативных сил. Интенсивная гомогенизация парагвайского общества невольно убирала часть кастово-сословных перегородок, которые консервировали общественную структуру в других латиноамериканских странах, устраняла изоляцию, отчуждение большинства населения.

Что касается диктатуры, установленной сразу же после обретения независимости, то наряду с "негативом" по социально-политической форме нельзя не видеть "позитив" по социально-экономическому содержанию. Диктатура обеспечила ту стабильность, которой было лишено большинство молодых латиноамериканских государств на протяжении всего прошлого века, но особенно в первые десятилетия независимого существования. Политика изоляционизма, проводившаяся в Парагвае до середины столетия, лишая выгод внешнего обмена, в то же время имела рациональный смысл, поскольку выражала реакцию на враждебное окружение, на аннексионистские устремления правящих кругов Аргентины и захватнические интересы Бразилии. Изоляционизм позволил окрепнуть структурам нового типа, которые серьезно пострадали в других государствах региона, проводивших политику "открытой экономики".

В годы правления Х. Франсии (1814-1840) церковь лишилась прежних привилегий и была подчинена государству, ограничивались интересы креольской помещичьей верхушки. Повысился социальный статус метисной массы, возникли возможности для продвижения выходцев из низов по ступеням социальной лестницы. Власти практиковали конфискацию крупных землевладений с передачей их государственным хозяйствам. К концу 60-х годов XIX в. из общего фонда обрабатываемых земель только 17% оставалось в частной собственности. Остальная площадь, принадлежавшая государству, передавалась мелким и средним хозяйствам на правах аренды⁷⁵. Правительство активно стимулировало развитие земледелия, особенно диверсификацию продовольственных и технических культур, поддерживало ремесла, разработку ценной древесины, переработку скотоводческой продукции в готовые изделия (сушеное мясо, животные жиры, кожаные изделия). При поддержке государства основывались мануфактуры.

Все это создавало довольно прочную экономическую базу, закладывало инфраструктуру внутреннего рынка. И когда в 50-х годах произошел отход от политики изоляционизма, страна совершила рывок. Мощным фактором развития стала внешняя торговля, дававшая значительный актив. Были открыты порты, поощрялась иммиграция лиц с профессиональной подготовкой. Появились предприятия современного технического уровня. Основывались верфи, началась прокладка железнодорожных путей, росла сеть грунтовых дорог, организовывалась телеграфная связь. Парагвай впервые в регионе дал опыт активного развития госсектора экономики. Наряду с этим к середине столетия здесь уже формировалась буржуазная элита, определявшая политику государства в период правления К.Лопеса и А.Лопеса (1840-1870 гг.). Подобные факты дают немалые основания для вывода, к которому пришел М.С.Альперович: "Парагвайская экономика сделала в 40-50-х годах существенный шаг вперед и стала самым богатым и процветающим государством Южной Америки"⁷⁶.

Парагвайский "эксперимент" был прерван внеэкономическим фактором - жестокой войной 1864-1870 гг., которую при явном неравенстве сил пришлось вести на два фронта - аргентинский и бразильский. Парагвай потерял почти половину своей территории и более половины населения. Наступила продолжительная разруха, которую страна не могла преодолеть в течение десятилетий. Произошла реставрация латифундистской системы, в промышленной сфере возобладали иностранный капитал. Конечным итогом стал переход Парагвая в последний эшелон капиталистического развития.

Другой случай раннего, но не прерванного развития капитализма представляет Чили. Важной предпосылкой опережения других стран региона была активизация экономической жизни колонии в конце XVIII - начале XIX в. Положение Чили отличалось активным включением в мировую торговлю (особенно с середины XIX в.). Об этом свидетельствовало - от противного - довольно сильное воздействие, которое оказали на нее мировые кризисы 1857 и 1874 гг. Нельзя не обратить внимание и на особый характер основных политических течений: либералов и консерваторов. Консерваторы выглядели умереннее, в их позициях проявлялся и буржуазный интерес, что, в частности, можно было бы объяснить значительной товарностью чилийских латифундий. Либералы же обладали более значительным влиянием на политическую жизнь по сравнению с тем, которое они имели в других странах. В конечном счете оказался возможным "конструктивный компромисс" между двумя течениями. А это позволило провести ранние буржуазно-демократические преобразования, расчистив путь к ускорению экономического развития.

Важная материальная предпосылка - разнообразие сырьевых ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот. Прежде всего речь идет о месторождениях угля (основы "фабричной цивилизации"), которого не имело большинство стран региона. Кроме того, на раннем этапе чилийский экспорт приобрел довольно диверсифицированную структуру (медь, селитра, уголь, серебро, продукция сельского хозяйства и рыболовства). Можно утверждать, что в XIX в. Чили избежала крайней монокультуры и моноспециализации экспорта - традиционного

порока латиноамериканских экономик. Когда в Калифорнии и Австралии было обнаружено золото, Чили оказалась в тихоокеанской зоне в привилегированном положении. За короткий период она превратилась в стратегического поставщика продовольствия на западное побережье США, проникла на австралийский рынок. Чилийская экономика получает мощный дополнительный импульс. С. Фуртадо подчеркивал: "нельзя не видеть того, что условия внешних рынков, оказавшихся доступными для Чили, создавали исключительную конъюнктуру. В тихоокеанской зоне ни одна другая латиноамериканская страна не обладала сопоставимыми потенциями в области сельского хозяйства и такой же традицией экспорта в этой отрасли. Учитывая же возможности транспорта того времени, с ней не могла конкурировать ни одна атлантическая страна - будь то латиноамериканская или нет"⁷⁷.

Консолидация молодого чилийского государства на базе относительного консенсуса в правящих кругах при более осязательном - чем в большинстве других стран региона - влиянии буржуазных и прокапиталистических элементов создала условия для ускорения экономического развития. По некоторым оценкам, за четыре десятилетия после провозглашения независимости совокупный продукт более чем утроился⁷⁸. А это означает, что в среднегодовом исчислении он возрастал примерно на 2,8% - показатель весьма высокий для своего времени.

В исследовании специалистов ИЛА АН СССР "Капитализм в Латинской Америке" обращено внимание на раннее проявление в Чили тенденции перехода от мануфактуры к фабрике (вторая половина XIX в.). Это подтверждается ссылками на значительное развитие медеплавильной, строительной, деревообрабатывающей, легкой и пищевой индустрии⁷⁹. К 50-м годам относится начало железнодорожного строительства, появление торговой и фондовой бирж, первых банков. С середины века формируются крупные состояния чилийской буржуазии - кланов Каусиньо, Урменета, Осса, Эдвардсов, Матте. Их образование связано не только с посредничеством и легкой промышленностью. Оно основывалось также на предпринимательстве в горнорудной промышленности, железнодорожном строительстве, морском судоходстве и внешней торговле. Параллельно формировалась среда наемного труда.

Уже к 1865 г. доля городского населения в Чили составляла 22%⁸⁰. Эта цифра дает хотя и косвенное, но достаточно убедительное свидетельство того, что уровень развития капиталистических отношений был достаточно высок на общелатиноамериканском фоне.

Еще одной важной особенностью можно считать раннее проникновение иностранного капитала непосредственно в сферу производства. Речь идет о вывозе английского предпринимательского капитала в форме прямых инвестиций, что для других стран стало обычной практикой лишь в последней четверти XIX в. При этом многие англичане, осуществлявшие ввоз капитала, оседали в Чили. По данным 1849 г., более 50 английских коммерческих фирм занимались здесь внешне-торговыми операциями. В 1860-1875 гг. в Соединенное королевство направлялось 56-58% чилийского экспорта, а от 34 до 41% импорта покрывалось английскими товарами. В 1878 г. на британские капиталы приходилось 13% вложений в чилийскую горнодобывающую промышленность, в 1884 г. - 34, а в 1901 г. - 55%⁸¹.

Экономическая сила, накопленная благодаря быстрому продвижению по капиталистическому пути, подтвердилась в ходе Тихоокеанской войны (1879-1884 гг.), в которой Чили одержала убедительную победу над Перу и Боливией. Разумеется, за Чили стояли английские интересы, но в том-то и дело, что англичане делали ставку на сильную сторону. Война оживила предпринимательскую деятельность. Новые фракции чилийской буржуазии поднялись на военных поставках, которые способствовали развитию обрабатывающей промышленности, включая металлообработку. Чилийская террито-

рия продлилась на север, включив районы с богатейшими месторождениями силитры, которая пользовалась повышенным спросом на мировом рынке.

В.Бамбирра полагает, что первый опыт индустриализации в Чили относится к последней четверти прошлого столетия. В подтверждение она приводит данные, согласно которым с 1870 по 1907 г. доля средств потребления в чилийском импорте уменьшилась с 89,6% до 48,5%. Это свидетельство роста производства в местной обрабатывающей промышленности. На следующем этапе, за 1908-1928 гг., объем промышленного производства Чили увеличился на 84%⁸².

Уже в прошлом веке в Чили сложился достаточно влиятельный слой собственной буржуазии, не только торгово-посреднической, но и промышленной. Последняя (наряду со средними городскими слоями) довольно энергично отстаивала свои интересы, о чем свидетельствует политика президента Х.М.Бальмаседы (1886-1891 гг.). "Используя противоречия между империалистическими странами, он стремился к ликвидации английской монополии в добыче силитры и к увеличению ее производства за счет национального капитала, в том числе за счет государственного сектора"⁸³. Свержение Бальмаседы ослабило политические позиции радикальных фракций чилийской буржуазии, продемонстрировав ограниченные возможности "национального проекта" в развитии капитализма при наступлении эпохи вывоза капитала.

Итак, мы имеем образец раннего и бурного, но прерванного и даже повернутого вспять капиталистического развития, представленный парагвайской историей прошлого столетия. Что касается Чили, то она дала пример раннего и вместе с тем равномерно-поступательного развития капитализма. Этому способствовали диверсифицированная внешнеторговая активность, обладание ценными ресурсами индустриальной эпохи, меньшая чем в Аргентине и Уругвае, но весьма значительная по сравнению с прочими государствами региона европейская иммиграция.

Описывая постколониальную ситуацию в своей стране, аргентинский автор Н. Минсбург подчеркивал: "Интересы асендадо-латифундистов и торговцев-импортеров превратили свободу торговли в свободу импорта. Это означало неограниченную возможность для ввоза иностранных товаров, которые и наводнили местный рынок. Такая политика вызвала застой и разорение"⁸⁴. Подобная либерализация имела место и в Чили, но в меньших масштабах. Интересы местного предпринимательства, имевшие более серьезную поддержку, оказали сдерживающее влияние на государственную политику. Неслучайно капиталистическое развитие Аргентины - а также Уругвая - на первом этапе (до 80-х годов XIX в.) характеризовалось меньшим динамизмом, чем в Чили. Но в последней четверти прошлого века в обоих государствах отмечалось резкое ускорение, фактически качественный скачок. Темпы экономического роста существенно превзошли чилийские показатели того же периода. И в начале следующего века Аргентина и Уругвай намного опережали тихоокеанскую республику.

Классик научной литературы по экономической истории Аргентины А.Дорфман полагает: "К концу XIX в. предприятия прежнего докапиталистического типа, кустарная промышленность теряют свое значение по сравнению с промышленностью нового типа. Часть ее состояла из предприятий иностранного капитала, ориентировавшихся

на экспорт. Возникновение других обязано инициативе оседавших в стране иностранцев, которые сыграли важную роль в последующие десятилетия, или ряда местных предпринимателей. Эти виды предпринимательства означали рождение аргентинской промышленности в подлинном смысле слова⁸⁵.

Показательны результаты переписи 1895 г., согласно которой иммигранты являлись владельцами 85% промышленных предприятий. Общий итог определялся тем, что обрабатывающая промышленность давала от 5 до 10% совокупного продукта, привлекая чуть больше 15% рабочей силы, занятой в аргентинской экономике. Эта доля соответствует, с одной стороны, показателям, которые были достигнуты странами монокультурной экономики с низким уровнем индустриализации лишь к середине XX в. (например, центральноамериканскими), с другой - уровню промышленного развития южноевропейских государств конца прошлого столетия. В общей сложности в обрабатывающей промышленности Аргентины было занято 155 тыс. человек. Если к этой цифре добавить занятость кустарных предприятий, то она более чем удвоится. Ведь их удельный вес составлял порядка 40-50% от общей численности занятых в данной отрасли⁸⁶.

Что касается сельского хозяйства, то еще в 20-х годах прошлого столетия крупным резервом распространения товарных отношений стало вовлечение в хозяйственный оборот обширных "пустующих земель" - зон обитания малочисленных индейских кочевых племен. Реформы Б.Ривадавии предусматривали передачу государственных земель в частную аренду сроком до 20 лет с возможностью ее возобновления при условии активного хозяйственного использования - так называемый энфитеусис. Однако просуществовала эта система лишь до 1840 г. Казалось бы, энфитеусис открывал перспективу развития аграрного капитализма по "американскому пути". Однако ранее уже утвердилась система крупного землевладения, и новыми возможностями воспользовались латифундисты и земельные спекулянты. Это благоприятствовало усилению позиций земельных магнатов и в политической власти, а соответственно вело к задержке буржуазно-демократических преобразований⁸⁷. Но, конечно, при всем при том торможение развития капитализма в аргентинской деревне оставалось менее сильным, чем в большинстве латиноамериканских государств. Со второй половины XIX в. проявляется тенденция к обуржуазиванию латифундий, расширяются масштабы использования наемного труда (прежде всего в скотоводстве), крупные собственники начинают передавать землю средним арендаторам, ведущим товарное хозяйство.

З.И.Романова делает вывод о том, что с середины прошлого столетия капиталистический уклад стал ведущим⁸⁸. Еще первая аргентинская перепись (1869 г.) показала, что городское население составляло 28% общей численности жителей. В 50-60-х годах началось железнодорожное строительство. Раньше определяющее значение имел иностранный ссудный капитал, с середины века - предпринимательский. На 1865 г. английские капиталовложения в Аргентине составили 23 млн ф.ст. На государственные ценные бумаги приходилось 56,3%, прямые инвестиции в железнодорожный транспорт составляли 28,6%, в банковское дело - 6,4%, в городской транспорт - 3,2% и в коммунальные услуги, связь и другие отрасли инфраструктуры - 5,5%⁸⁹.

Трудно переоценить роль, которую в первоначальном накоплении капитала и формировании буржуазного общества играла европейская

иммиграция. Наиболее интенсивный приток переселенцев отмечался в последней четверти XIX в. и первой четверти XX в. Тогда в страну ежегодно прибывало около 100 тыс. иммигрантов. До начала 30-х годов по абсолютному числу иммигрантов Аргентина находилась на втором месте в мире после США, а по относительному значению (в сопоставлении с общей численностью населения), вероятно, выходила на первое место, не считая Уругвая. За 1856-1882 гг. в страну въехало в общей сложности 6,4 млн человек, что составляло 10% международной миграции за тот же период. К концу XIX в. Аргентина принадлежала к числу мировых лидеров по приросту населения, опережая даже США⁹⁰.

Полная статистика демографического роста (по большинству стран региона), имеющаяся с первых лет XX в., помогает ощутить резкое отличие развития Аргентины (а также Уругвая) от основного массива Латинской Америки (см. приложение 7). Ведь демографическая и экономическая динамика последней трети прошлого и первой трети нынешнего века при существовавшем тогда механизме общественного воспроизводства находились в довольно тесной корреляционной связи (в отличие от последующего времени). В отдельных случаях для сравнительного анализа по первой половине XX в. мы можем апеллировать и к динамике валового производства (см. приложение 8). Но ее региональная статистика становится достаточно репрезентативной для более позднего времени, давая полную картину лишь со второй половины 40-х годов.

Траектория социально-экономического развития Уругвая напоминает аргентинский вариант. Разница в том, что, во-первых, ускорение начинается здесь несколько позднее, но затем экономическая динамика быстро нарастает, превосходя по ряду параметров аргентинскую. Во-вторых, экспорториентированная аграрно-промышленная модель при определяющей роли свободного переселенчества выступает здесь в более чистом виде.

В 70-х и 80-х годах прошлого века в Уругвае проводится активная политика огораживания, приобретающая всеобщий характер. К этому времени почти полностью завершается экспроприация непосредственных производителей. В Аргентине, учитывая значительные отличия между провинциями, непосредственные производители еще сохраняли возможность восстановления независимого экономического статуса. В Уругвае она была исчерпана уже к периоду "милитаризма" (1875-1885 гг.). Здесь складывается уникальная для Латинской Америки ситуация, при которой владельцы рабочей силы не имеют иной альтернативы, кроме ее продажи. Причем прекращение "пути к отступлению" для непосредственных производителей совпадает с активным включением Уругвая в мировой рынок.

Формирование рынка рабочей силы происходило в исторически кратчайшие сроки. При этом максимальным оказалось влияние миграции и на процесс накопления капитала, и на формирование нации. В 80-х и 90-х годах иммиграция осуществлялась как целенаправленный импорт наемной рабочей силы, как своего рода капиталистическое предприятие. Показательно, что среди иммигрантов число мужчин вдвое превышало число женщин. По переписи 1889 г., экономически активное население Монтевидео на 78% состояло из мужчин-иностранцев старше 20 лет⁹¹. В социально-классовом отношении уругвайское общество уже к концу XX в. приобрело классическое деление: на капиталистических предпринимателей, наемных рабочих и землевладельцев-рентополучателей. Столь "чистого" деления

не знали и многие европейские общества того времени.

В последней четверти прошлого века отмечался быстрый рост числа промышленных предприятий. До 1876 г. в стране было основано 137 предприятий, с 1876 по 1900 г. - 577, с 1901 по 1914 г. - 1272, с 1915 по 1919 г. - 1009, а с 1919 по 1930 г. - 4408. Если в 1897 г. в промышленности и торговле было занято 30 тыс. наемных работников, то в 1908 г. только в городах их насчитывалось 70 тысяч. Они составляли треть городского экономически активного населения⁹². За 1903-1930 гг. на промышленных предприятиях численность рабочих и служащих увеличилась с 37 тыс. до 93 тыс., а объем вложенного капитала - с 66 до 273 млн песо⁹³.

Исключительно высокая дифференциальная рента, получаемая сначала в скотоводстве, а затем в земледелии, довольно развитые производственные отношения, не отягощенные докапиталистическими пережитками, создали условия для высокой нормы накопления. За первую четверть этого века Уругвай достиг наивысших показателей по размеру душевого дохода, входя в отдельные годы в тройку мировых лидеров. Несмотря на торможение развития в последующий период, страна и в 50-х годах оставалась в ведущей "десятке". Даже в 1970 г. она все еще обладала (по курсу 1934 г. в 34 долл. за тройскую унцию) самым крупным золотым резервом в Латинской Америке - 15-16% общерегионального объема. В подушевом исчислении он превышал 55 долл., тогда как в США составлял 54 долл., Англии - 19, Венесуэле - 36, Аргентине - 6, Мексике - между 3 и 4, в остальных странах Латинской Америки - в среднем около 3 долл.⁹⁴.

Уругвай и Аргентина имели к 60-м годам самую высокую в регионе долю занятых в промышленности - около 25%. Однако в Уругвае фабричный сектор приобрел несколько большее значение. Среднерегиональная доля занятых на предприятиях обрабатывающей промышленности с персоналом в 20 человек и выше достигла на рубеже 50-х и 60-х годов уровня 43% при доле той же группы по объему производства в 66%. В Уругвае эти показатели составили соответственно 55 и 75%, а в Аргентине - 49 и 65%⁹⁵.

Данные о структуре фабричного производства подтверждают особо раннюю "зрелость" уругвайской экономики. Уже в 1930 г. на 2,5% промышленных предприятий с активами более 300 млн песо (или 0,5 млн долл. 1934 г.) приходилось 61% всего капитала⁹⁶. Перепись 1936 г. показала повышение степени концентрации. Если взять группу предприятий, имевших свыше 50 работников, то окажется, что более половины занятых здесь работников относилось к 17 предприятиям, где персонал превосходил 500 человек. При этом 40% общего числа занятых группы приходилось на 9 предприятий с персоналом свыше 1 тыс. человек. "Эти цифры, - отмечает Ф. Мура, - не только исключительны для Латинской Америки, но удивительно близки к европейским стандартам"⁹⁷.

Подводя итог рассмотрению "уругвайского пути", можно говорить, что в рамках Латинской Америки он в наименьшей мере отягощен докапиталистическим бременем и по результатам развития к 30-м годам нынешнего века ближе всего к западноевропейским моделям. Причем восхождение к этому уровню заняло небывало короткий исторический срок. Перед нами один из мировых рекордов скорости развития, превосходящий показатели и таких "рекордсменов", как США в конце прошлого и начале нынешнего века. Высокая дифференциальная рента, реализовывавшаяся на мировом рынке, в сочетании с масированной трансплантацией готовых элементов капиталистического накопления объясняют этот феномен, который по своим результатам был не менее впечатляющим, чем скачок нынешних новых промышленных стран из Юго-Восточной Азии.

Следующая волна ускорения - с последних лет прошлого века и с началом нынешнего - захватила те страны региона, где стержнем

хозяйственного развития стала плантационная монокультура, включенная в экономику восходившего центра МКХ - Соединенных Штатов. Речь идет о плантационном хозяйстве нового (для того времени) типа, основанном на прямых инвестициях иностранного капитала, о такой экономической модели, при которой происходит если не преобладающее, то значительное замещение национального субъекта собственности. В этом случае хозяйственная система зависимой страны становится, по существу, функцией экономики господствующей страны.

В наиболее "чистом" виде подобный тип развития обнаружил себя в экономической истории Кубы. Вместе с тем данная модель стала определяющей (хотя в меньшей мере и при особых вариациях) для многих стран Карибского бассейна и Центральной Америки (Коста-Рика, Сальвадор, Доминиканская Республика, отчасти Атлантическое побережье Колумбии и Венесуэлы). Ее элементы мы находим в экономике Бразилии, Мексики и Перу, позднее - Эквадора. Аналогичные структуры с ориентацией на европейские рынки мы обнаруживаем в колониальных экономиках Вест-Индии. Вместе с тем, пожалуй, нигде, кроме Кубы, модель плантационной монокультуры не проявилась в столь интегральном виде, подчинив себе всю хозяйственную систему и, по сути дела, общественную жизнь. Все это дает основание считать Кубу первой половиной века образцом неоколониальной зависимости, при которой экономическое подчинение сочеталось с ограничением политического суверенитета.

Середина прошлого столетия отмечена на карибском острове тяжелым кризисом плантационного рабства, с одной стороны, началом технической революции в сахарном производстве - с другой. Речь идет об усовершенствованиях в технологии переработки тростника и в транспортировке продукции с началом железнодорожного строительства. Первая железнодорожная линия - 2,7 км - была открыта на Кубе в 1837 г. (через 12 лет после Англии). Темпы расширения железнодорожной сети постепенно нарастают, достигая пика в последнее десятилетие века.

В 80-х годах XIX в. начинается активное проникновение американского капитала, прежде всего в сахарную промышленность. Уже в 1896 г. его инвестиции оценивались в 50 млн долл., в 1906 г. - 160 млн. Данные на 1919 г. - 518,1 млн, или вдвое больше, чем в 1914 г.⁹⁸. К 1923 г. общий объем капиталовложений достиг 1200 млн долл. Если в 1903 г. на производство сахара приходилось 23% общей суммы американских инвестиций в кубинскую экономику и 11% - на железнодорожный транспорт, то к 1928 г. доля первой отрасли превысила 53%, а второй опустилась до 8%.⁹⁹ К 1905 г. на Кубе насчитывалось уже около 13 тыс. граждан США, владевших земельными угодьями, стоимость которых оценивалась в 50 млн долл. Под контролем американского капитала находилось 29 сахарных заводов, которые перерабатывали 21% всего урожая тростника. К тому же времени в руки американцев попадает и табачная промышленность: ими контролировалось до 85-90% экспорта табачных изделий¹⁰⁰.

Автор многих исследований по экономической истории Кубы Х.Ле Риверенд выделил в дореволюционном развитии ее экономики два

крупных этапа. Первый (1898-1925 гг.) определялся им как этап быстрого роста "доминируемой экономики", связанного с резким укреплением позиций американского капитала. Основа этого роста - увеличение экспорта, прежде всего сахара. Происходит деформация хозяйственной системы, эволюционировавшей в сторону "монопроизводства". В сахарной промышленности наблюдается быстрая концентрация: в массовом порядке закрываются старые заводы, плантации переходят в собственность крупных компаний.

Второй период (1926-1958 гг.) - кризисный. Начало его связано с возобновлением в странах-потребителях политики жесткого протекционизма и с обострением конкуренции между производителями сахара. Это изменение начинает ощущаться на Кубе в 1925-1926 гг. после того как пройден апогей, когда кубинский сахар покрывал 50% рынка США. С тех пор открывается цикл кризиса. Страна испытывает затруднения в размещении своей продукции. Экспорт и производство приходят в состояние застоя, а с 1927 г. начинают сокращаться. Откат назад выражается в уменьшении экспорта, производства, цен, в прекращении инвестиций. Последствия мирового кризиса и "великой депрессии" 30-х годов усугубляет уже проявившийся собственный структурный кризис кубинской экономики.

Если показатели экспорта 1919-1923 гг. взять за 100%, то объем экспорта 1932 г. составит лишь 18%. В 1922-1923 гг. Куба давала 52% сахара-сырца, импортируемого в США. К 1927-1930 гг. эта доля опустилась до 49%, а к 1933 г. - даже до 25%. Сокращение производства сахара началось в 1926-1927 гг. Сбор тростника 1932-1933 гг. составил лишь половину сбора 1922 г.¹⁰¹ Своего пика производство сахара-сырца достигает в середине 20-х годов. Рекорд в 5,2 млн тонн (1925 г.) удается перекрыть лишь в 1947 г., когда Куба вышла на уровень 5,7 млн т. Абсолютный предреволюционный пик - 7 млн т в 1952 г. Низшая точка отмечена в 1933 г. (менее 2 млн т). Кривая производства дублируется в экспорте. Пик - 1925 г. (4,8 млн т). Испытыв некоторый спад, экспорт в 1929 г. почти возвращается к рекорду (4,5 млн т). После 1930 г. физический объем экспорта сахара-сырца не превосходит 3 млн т вплоть до 1943 г. Максимум повторился лишь в 1948-1949 гг. и далее оставался непревзойденным до конца 50-х годов¹⁰².

Такова в общих чертах траектория движения неокOLONиальной экономики плантационно-монокультурного типа, которая дала пример ускоренного развития в первой четверти этого века. Непосредственно вслед за ней происходит ускорение развития на основе анклавной модели. Применительно к ней речь может идти о господстве нефтедобывающего комплекса (Венесуэла), горнорудного анклава (Боливия) или стратегического транспортного узла (Панама). Особенности данной модели определяются "отгороженностью" капиталистического развития в границах анклава от национальной социально-экономической среды и преобладанием "вертикальных" хозяйственных связей (анклав - центр МКХ). Между тем анклавный путь предполагает создание хозяйственной инфраструктуры (пусть и односторонней), и в этом со временем сказывается его воздействие на национальную экономику в целом. В остальном же диффузия развитых рыночных отношений задерживается. Лишь после накопления определенной "критической массы" общественного капитала (как это произошло в Венесуэле после второй мировой войны), а также по мере изменения условий воспроизводства (внутренних и внешних) происходит диффузия капиталистических отношений на основной массив национальной экономики. При этом обычно в поддержке процесса

модернизации особое значение приобретает роль национального государства.

После продолжительного застоя экономическая и социальная ситуация в Венесуэле и в последней трети XIX в. менялась крайне медленно. Хотя реформы А.Гусмана Бланко (1870-1888 гг.) содействовали становлению местного предпринимательства, возросшая затем политическая нестабильность, каудилизм, отсутствие элементарного правопорядка, кровопролитные гражданские конфликты вновь задержали развитие страны. По-своему это отражалось в динамике населения. Его прирост оставался очень низким. С 2,3 млн человек в 1891 г. (в 1873 г. было 1,8 млн человек) оно выросло лишь до 2,4 млн к 1920 г. При этом доля городских жителей составила всего 12-13%¹⁰³. С началом XX в. рост внутренней и внешней торговли все же способствовал созданию небольших фабричных предприятий - табачных, мыловаренных, текстильных, по производству стройматериалов, продовольственных продуктов и напитков, первых электростанций. Однако по темпам развития промышленности страна все еще отставала от многих других латиноамериканских государств.

Венесуэльская история, пожалуй, особо отмечена вмешательством внешних сил. В первой половине XIX в., когда во влиянии на южноамериканскую республику почти безраздельно доминировали англичане, экономическая зависимость характеризовалась определяющей ролью вывоза товаров и ссудного капитала. Последнее превращалось в своего рода международное ростовщичество. Позднее англичане стали проявлять интерес к установлению контроля над производством и экспортом кофе и какао, скотоводством, что требовало уже прямых инвестиций. В последней трети XIX в. начало ощущаться влияние американского, французского и немецкого капиталов. На рубеже двух веков Венесуэла стала объектом острого соперничества в получении концессий на разработку минеральных ресурсов, подрядов на строительство железных дорог, в покупке земель, пригодных для плантационного хозяйства. На исходе столетия это соперничество привело к первому "венесуэльскому кризису" - конфликту по поводу принадлежности левобережья р. Эссекибо, которое Англия включила в состав Британской Гвианы. Уже тогда, в 1895 г., в спор решительно вмешались США. Очередное обострение противоречий великих держав, спровоцированное стремлением Германии закрепиться на подступах к будущему Панамскому каналу, военно-политический нажим на Венесуэлу с целью получить неоплаченные долги привели в 1902-1903 гг. ко второму "венесуэльскому кризису".

Президент С.Кастро (1900-1908 гг.) пытался противодействовать иностранному вмешательству. Это вызвало ответную реакцию, и с помощью США у власти утвердился очередной "андино" - представитель консервативных помещичьих кругов отсталых северо-западных районов вице-президент Х.В.Гомес. Его правление продлилось 27 лет. Столь долго жестокая диктатура Гомеса могла продержаться лишь благодаря прямой поддержке иностранного капитала, заинтересованного в гарантированной эксплуатации нефтяных месторождений. Промышленная добыча на них началась в 1914 г. Первоначально в отрасли господствовал англо-голландский капитал, но с 20-х годов его стал энергично вытеснять американский. В 1912 г. инвестиции США составляли 3 млн долл., в 1938 г. - 247,2 млн. Накануне второй мировой войны уже 61% всех иностранных инвестиций приходился на долю американского капитала, 31% - англо-голландского, 8% - французского, немецкого и других¹⁰⁴.

Ускоренное развитие нефтедобывающей промышленности меняло облик венесуэльской экономики. Если в первой четверти XX в. опре-

деляющую роль играло сельское хозяйство, а ведущими статьями экспорта оставались кофе и какао, то с 1926 г. главенство бесповоротно переходит к нефти. Страна занимает второе место в мире (после США) по добыче нефти и первое по экспорту. С ростом добычи и вывоза нефти, естественно, усиливалось влияние международных связей на экономическую жизнь страны. Приобщение нарождающейся венесуэльской буржуазии к внешнеторговым и внешнефинансовым сделкам, ее участие (хотя и скромное) в получении дохода от нефтяной промышленности привели к увеличению местного торгового и ростовщического капитала, а затем и переливу части этого капитала в легкую промышленность. В крупных городах появилась своя промышленная буржуазия. Складывался и рабочий класс, прежде всего в нефтедобывающей индустрии. В 1921 г. там было занято около 20 тыс. рабочих-венесуэльцев. Особенность, подчеркивавшая анклавный характер развития капитализма, состояла в том, что пролетариат формировался в основном вне связи с национальной буржуазией, ибо нефтедобывающие и обслуживавшие их предприятия, где концентрировался пролетариат, принадлежали иностранному капиталу.

Если в 1926 г. в венесуэльских городах проживало 15% населения (т.е. меньше, чем в Аргентине и Чили в 70-х годах XIX в.), то в 1941 г. - уже 34%. По данным на 1926 г., в сельском хозяйстве было занято почти 3/5 трудоспособного населения. К 1941 г. осталось примерно 1/2. В то же время доля занятых в промышленности, строительстве, ремеслах и энергетике поднялась до 18,5%, а в торговле установилась на уровне 8%. До 30-х годов иммиграция была невелика. За 1890-1932 гг. на постоянное жительство в Венесуэлу прибыло всего лишь 60 тыс. человек. Основой демографического роста было естественное увеличение¹⁰⁵.

Первые три десятилетия XX в. Венесуэла находилась среди стран региона с наиболее низким приростом населения. Выравнивание со среднерегиональным темпом произошло в 30-х годах, но уже в 40-х к Венесуэле переходит латиноамериканское лидерство, которое она сохраняла вплоть до 70-х годов¹⁰⁶. И именно на этот период "падает" значительный иммиграционный приток. Разумеется, о динамике экономического развития правильнее судить по темпам прироста валового внутреннего продукта. Статистика ВВП, к сожалению, появляется лишь с 30-х годов. Но, дополняя картину с начала века косвенными данными, можно заключить, что фаза наиболее динамичного роста, существенно превосходящего среднерегиональные показатели, относится к периоду, начинающемуся с середины 40-х годов и завершающемуся в середине 60-х годов. Тогда среднегодовой прирост ВВП установился на уровне 9-11%¹⁰⁷.

Для уточнения положения Венесуэлы в общелатиноамериканском контексте можно воспользоваться данными о доле населения, проживавшего в городах с числом жителей от 20 тыс. и выше. На 1900 г. этот показатель составлял в Венесуэле 8,5% при среднерегиональном уровне в 10,9%. В течение двух последующих десятилетий разрыв даже увеличился (1910 г. - 9,0 и 13,2% соответственно; 1920 г. - 11,7 и 15,5% соответственно). Это означает, что Венесуэла в то время уступала не только Аргентине, Уругваю, Чили и Кубе, но также Бразилии, Мексике и Коста-Рике, опережая лишь наиболее отсталые страны Центральной и Южной Америки. Скачок происходит на десятилетнем отрезке до 1930 г., когда Венесуэла несколько превзошла среднерегиональный показатель (19,4 и 18,0% соответственно)¹⁰⁸.

Эволюция венесуэльского общества и его экономики с конца XIX в. дает пример трудного становления капиталистического уклада первоначально в русле формирования плантационной модели. Она постепенно выделяется на общем фоне хозяйственной среды, но не доминирует подобно кубинскому случаю. Ситуация, складывавшаяся на рубеже двух веков, напоминает то, что одновременно наблюдалось в Колумбии и ряде центральноамериканских стран. В третьем и четвертом десятилетиях века происходит переход от слабо выраженной

плантационной модели к ярко выраженной "анклавно-добывающей". Особое стратегическое значение нефти для второй фазы развития индустриальной цивилизации придает венесуэльской анклавной модели гипертрофированный характер. Но постепенно по мере изменения мирохозяйственной и мирополитической обстановки, по мере внутреннего созревания новых социальных и политических сил возникают предпосылки для перераспределения горной ренты (реализующейся на мировом уровне), при котором увеличивающаяся ее часть вовлекается в национальный хозяйственный оборот. В 60-х и 70-х годах на этой основе начинается процесс диверсификации венесуэльской экономики, ключевую роль в котором выполняет государственный сектор.

Путь Мексики, которая к концу XIX в. достигла определенной буржуазной зрелости, был затем значительно более "пологим". Графической иллюстрацией "пологости" может служить сопоставление кривых роста численности жителей крупнейших городов Латинской Америки (см. рис. 4). Капиталистический уклад в этой стране ничего не получал в готовом виде. Он прокладывал себе дорогу через массу препятствий, через острые социально-политические конфликты, через революцию, реализовывавшуюся "в несколько раундов". Консервативные "гены" гибридного квазифеодалного общества долго сопротивлялись буржуазному обновлению, несмотря на то что внешняя детерминация социально-экономического развития в мексиканском случае подталкивала к капиталистическому развитию гораздо сильнее, чем в однотипных латиноамериканских обществах.

Давая периодизацию экономической истории Мексики, А.Агиляр выделил отрезок от 50-х до 90-х годов XIX века. Он рассматривал его как решающий для формирования в стране буржуазного общества, период, в рамках которого в Мексике завершается эпоха первоначального накопления. Тогда, подчеркивал Агиляр, как следствие включения в мировой рынок и под воздействием "либеральной реформы", открывшей фазу массового обезземеливания крестьян и выталкивания их на рынок рабочей силы, долгое развитие торгового капитала достигает кульминации и рождается новое общество. В последних пятилетиях XIX в. капиталистические отношения приобретают такое значение, которое позволяет утверждать, что "капитализм превратился в господствующую общественную систему"¹⁰⁹.

Но до этого экономическое развитие страны испытало торможение - результат материальных разрушений и людских потерь во время антиколониальной войны. В 1827 г. по сравнению с 1810 г. годовой национальный продукт сократился практически втрое - с 228 млн до 78 млн песо¹¹⁰. Затем обострение противоборства либералов и консерваторов вылилась в гражданскую войну 1857-1860 гг., известную под названием "войны за реформу". Она также привела к серьезным потерям и задержке экономического развития. В итоге весь постколониальный период вплоть до 70-х годов XIX в. характеризовался довольно медленным ростом промышленного производства. Его среднегодовой прирост в 1817-1835 гг. составлял 1,4%, а в 1836-1868 гг. - всего лишь 0,7%¹¹¹.

Реформы, провозглашенные Б.Хуаресом и законодательно оформленные в 1859 г., предусматривали отчуждение церковного имущества, передачу его в руки государства для последующей продажи частным лицам. При этом предоставлялись значительные льготы. Реформы ускорили разложение общины и расчищали, казалось бы,

социальное пространство для капиталистического уклада. Период от либеральных реформ Б. Хуареса до правления Порфирия Диаса (1877-1910 гг.) - "порфириата" действительно характеризовался активным формированием условий, необходимых для первоначального накопления. При этом необходимо учитывать, что Мексика в отличие от других "индейских" стран с господством гибридных квазифеодальных структур, став в силу геополитического положения ранним объектом активного соперничества на уровне мировой политики, быстрее втягивалась в международные экономические связи. Особо, хотя и весьма противоречиво, сказалось на ее развитии то, что она первой попала в зону влияния восходящего, наиболее динамичного на то время центра МКХ. С одной стороны, непосредственное соседство с крупным и быстро растущим рынком не могло не благоприятствовать вовлечению мексиканских продуктов во внешнеторговый оборот, переносу на мексиканскую почву новых методов производства и предпринимательской деятельности. С другой стороны, в ряде отраслей экономическая экспансия с севера подавляла ростки собственного предпринимательства, а агрессивная военно-политическая экспансия США неоднократно приводила к сокращению национального экономического пространства. Достаточно напомнить, что в итоге к середине прошлого столетия Мексика лишилась практически половины своей территории.

Важная особенность мексиканской ситуации конца XIX в. связана с тем, что наряду с действительным прогрессом в утверждении буржуазных структур в городах, наряду с раскрестьяниванием деревни происходило и укрепление (за счет разложения общинного сектора) низкотоварной патриархальной латифундии. Этому, способствовал закон 1883 г. о колонизации заброшенных земель, который привел к расширению масштабов экспроприации непосредственных производителей, к массовым захватам общинных земель и к концентрации земельной собственности в руках помещичьей касты. Но одновременно во второй половине прошлого столетия формировался сектор плантационного высокотоварного хозяйства, работавшего на внешний рынок. Он стал важным фактором распространения капиталистических отношений, но вместе с тем и фактором усиливавшейся внешнеэкономической зависимости. Таким образом, во времена "порфириата" происходило параллельное укрепление экспорториентированных плантаций, крупной помещичьей собственности, местной торговой буржуазии и, в особенно явном виде, позиций иностранного капитала, прежде всего в добывающей промышленности, финансах и на транспорте.

В последнее десятилетие правления П. Диаса среднегодовой темп прироста подушевого продукта составлял 3,1%. Эта цифра близка к той, которая была характерна для периода динамичного развития 60-х и 70-х годов этого века. Причем для последнего пятилетия XIX в. среднегодовой прирост ВВП можно оценивать примерно в 4%. Для первого пятилетия XX в. этот показатель составлял около 5%, для второго - свыше 5,5%¹¹². За первое десятилетие нынешнего века производство в горнорудной и нефтедобывающей промышленности - основе экспортного сектора - увеличивалось со среднегодовым темпом в 7,2%. Показательно, что это вдвое превышало темп прироста производства в обрабатывающей промышленности и почти втрое - в сельском хозяйстве¹¹³. Налицо явное отличие от Аргентины и Уругвая, где обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство развивались гораздо более динамично. В целом промышленное производство в Аргентине к 1900-1905 гг. давало 18% ВВП, а в Мексике около 14%¹¹⁴.

Значительные расхождения сохранялись до конца 20-х годов, когда аргентинский показатель поднялся до 23%, а мексиканский лишь немногим превзошел 14%¹¹⁵.

Важной вехой следует считать учреждение в 1864 г. первого коммерческого банка под контролем английского капитала - "Банко де Лондрес и Мехико". Что касается французского капитала, то он ориентировался в основном на торговые операции. Его экспансия опиралась на создание торговых домов: к 1860 г. их уже насчитывалось 44. Тем временем американский капитал еще недостаточно окреп для того, чтобы осуществлять крупные инвестиции в мексиканскую экономику, хотя уже отмечалось его проникновение в горнодобывающую промышленность¹¹⁶. В период правления П.Диаса сеть железных дорог Мексики увеличилась с 0,9 до 24 тыс. км. К концу прошлого века в этом виде транспорта стали преобладать американские капиталы. Сюда была инвестирована 1/2 всех американских капиталов, вложенных в Мексику, или 110 млн долл.¹¹⁷. К исходу первого десятилетия XX в. в горнодобывающей промышленности страны было размещено около половины всех английских капиталов, вложенных в эту отрасль во всей Латинской Америке. Но к началу XX в. английский капитал стал уступать свое место американскому. К 1910 г. американцы контролировали уже преобладающую часть добывающей промышленности Мексики. На рубеже двух веков предметом острого интереса иностранного капитала стала эксплуатация мексиканских нефтяных месторождений.

Накануне революции 1910-1917 гг. в стране было зарегистрировано около 4 тыс. промышленных предприятий, но подавляющее большинство имело кустарный характер. О недостаточном динамизме обрабатывающей промышленности и о слабой ориентации индустриального производства на внутренний рынок свидетельствует сопоставление темпов роста двух отраслей. Так, за 1877-1910 гг. объем производства в обрабатывающей промышленности увеличился в 2,7 раза, а в горнодобывающей - в 9 раз¹¹⁸.

Революция 1910-1917 гг., расчистив путь для дальнейшего развития капитализма, тем не менее сказалась на нем неоднозначно. Разруха и огромные людские потери в который раз подорвали производительные силы Мексики. Восстановительный период затянулся на многие годы.

Крупная латиноамериканская страна, соседствующая с ведущей капиталистической державой, развивалась под знаком отстаивания демократических завоеваний революции и противодействия экономической экспансии с севера. В этих условиях особое значение приобрела деятельность государства как гаранта экономического суверенитета и непосредственного организатора в процессе формирования производственных структур. Вместе с тем мексиканское государство взяло на себя и роль протектора национальной буржуазии, прямо и косвенно стимулируя образование новых предпринимательских слоев. Этот вопрос достаточно хорошо исследован в работах И.К.Шереметьева. Его социально-политические аспекты рассмотрены в трудах А.Ф.Шульговского и Е.Г.Лапшева¹¹⁹. Нам остается добавить, что к середине нынешнего столетия Мексика подошла со сложной социально-экономической системой, которую трудно свести к однородной типологической модели. Многоотраслевой хозяйственный комплекс, крупный внутренний рынок, сохранение больших экономических и социальных диспропорций, различий между отдельными штатами и районами осложняют однозначную дефиницию.

Такая же трудность возникает при попытке охарактеризовать путь Бразилии. На протяжении XIX в. экономическое развитие страны имело относительно "плавную" траекторию. Кривая роста пошла круто вверх лишь в самом конце века. По оценке А.П.Караваяева, за 1851-1875 гг. среднегодовой прирост ВВП держался на уровне 2,9%, а

в 1876-1913 гг. - 3,2%¹²⁰.

Хотя первые десятилетия постколониального периода бразильская экономика прошла более благополучно, чем многие другие латиноамериканские экономики, в дальнейшем она стала испытывать серьезное торможение, вызванное падением конкурентоспособности рабовладельческой плантации. А.П.Караваяев подчеркивал: « Параллельно с главным рабовладельческим укладом в стране существовали другие докапиталистические уклады, как правило весьма примитивные и базировавшиеся на производственных отношениях, не отличавшихся большой чистотой и определенностью с социально-экономической точки зрения. Это первобытный уклад (независимые индейские племена в "глубинке"); натурально-патриархальный рабовладельческий (некоторые земледельческие и скотоводческие хозяйства Сан-Паулу, Мараньяна и некоторых других районов Северо-Востока в XVI-XVIII вв.); натурально-патриархальный мелкокрестьянский (переселенцы-крестьяне прибрежных районов Санта-Катарины и Риу-Гранди-ди-Сул, а также первые немецкие колонисты на юге страны в XVIII-XIX вв.); полуфеодальный (скотоводческие фазенды и эстансии Северо-Востока, Юга и Минас-Жерайса, натуральные и полунатуральные латифундистские хозяйства на периферии рабовладельческого уклада) и др. Именно с этими, как правило, нерабовладельческими укладами было связано вплоть до последней четверти XIX в. большинство населения Бразилии, в то время как в высокотоварных, ориентированных на экспорт отраслях, где использовался рабский труд, было занято его меньшинство»¹²¹. Но, заметим, именно эти отрасли оказывали тогда решающее воздействие на бразильскую экономику, а кроме того, "меньшинство" в отдельные периоды составляло все же большинство¹²².

В конце века стали повышаться темпы демографического роста. В 1872 г. численность населения составляла 10,1 млн, а в 1900 г. - 17,3 млн человек. В последнем десятилетии XIX в. среднегодовой темп прироста в целом по стране был несколько меньше 2%, а в штате Сан-Паулу достиг 5%. Из 610 тыс. иммигрантов, которые прибыли в Бразилию за этот период, почти все осели в этом штате. Эти данные лишь подчеркивают то, что развитие Бразилии определялось не одной, а несколькими моделями (Северо-Восток - эволюция рабовладельческой плантации; Минас-Жерайс - рудное дело с использованием рабского и свободного труда; Юго-Восток - кофейная плантация; Юг - переселенческая колонизация, близкая "уругвайскому пути").

Одновременно шло расширение железнодорожной сети и экспорта. За 30 лет (1880-1910 гг.) протяженность железных дорог увеличилась с 3,4 тыс. до 21,3 тыс. км. Экспорт кофе поднялся с 4 млн мешков (по 60 кг) в 1880 г. до примерно 10 млн в 1900 г., а накануне первой мировой войны составил 16 млн мешков. За тот же период экспорт какао возрос с 6 тыс. до 40 тыс. т, а натурального каучука - с 7 тыс. до 40 тыс. т¹²³.

Хотя в годы первой мировой войны и до конца 20-х годов в Бразилии отмечалось явное ускорение развития, процесс индустриализации начался здесь с запозданием не только по сравнению со странами первого эшелона, но и по отношению к Мексике. опережая к 1929 г. Чили и Колумбию по доле обрабатывающей промышленности в ВВП, она отставала от Мексики, имея менее 12%. При этом бразильский показатель вдвое уступал аргентинскому¹²⁴.

Качественный рывок в своем экономическом и социальном развитии Бразилия совершила в 30-х и 40-х годах. Основой для него послужили определенные накопления в аграрном секторе (главным образом

в кофейном хозяйстве) и в молодой легкой промышленности, получившей развитие в 20-е годы, а также расширение рынка наемного труда, пополнявшегося иммигрантами в южных штатах. В годы "великой депрессии", а затем во время второй мировой войны императивом создания собственного промышленного потенциала стало нарушение традиционных экономических связей с ведущими индустриальными державами, обеспечивавшими потребности Бразилии в инвестиционных товарах, а также многих промышленных изделиях потребительского назначения. Социально-политические условия для перехода к промышленному капитализму были созданы в результате преобразований "нового государства" Ж. Варгаса, отражавшего интересы восходивших групп бразильской буржуазии, преобразования, которые многие исследователи характеризуют как социальную революцию "сверху". Следующий раунд капиталистической модернизации, завершивший по многим параметрам цикл традиционной индустриализации и создававший многоотраслевой хозяйственный комплекс, вернулся уже в 60-х и 70-х годах.

Колумбия относится к тем странам, которые занимают в регионе промежуточное положение по времени утверждения господства капиталистического уклада. Первый его "прорыв" связан с экспортноориентированным плантационным хозяйством в начале нынешнего столетия. Но эта отрасль не стала, как на Кубе, определяющей для всего экономического и социального массива страны. Что касается индустриализации, то она делает в Колумбии первые шаги (производство потребительских товаров) лишь после первой мировой войны.

Всему этому предшествовал долгий "разбег". Как и в большинстве стран региона, первая половина прошлого столетия характеризовалась заторможенным конфликтным развитием. Ситуация стала меняться к середине века. Закон 1850 г. наряду с ликвидацией рабства и ряда наиболее одиозных феодальных пережитков нанес сильный удар по индейским общинам, разрешив свободное отчуждение их земель. Так же как и в других частях региона, конец прошлого и начало нынешнего века связаны в Колумбии с активным железнодорожным строительством. Путевая сеть за полтора десятилетия после 1885 г. увеличилась с 236 км. более чем вдвое. Затем вновь удвоилась в период до 1915 г., а к 1930 г. возросла в 2,5 раза, достигнув 2,7 тыс. км¹²⁵.

В 20-х годах складываются предпосылки для старта индустриализации в основном по линии создания легкой промышленности. В. Бамбирра полагает, что индустриализация в Колумбии начинается лишь во второй половине десятилетия¹²⁶. В 1925-1929 гг. подушевое потребление росло со среднегодовым темпом в 3,4%. При этом объем инвестиций в расчете на душу населения увеличился почти вдвое. Промышленные мощности возросли за тот же период более чем на 1/2. Вместе с тем о скромном месте, которое все еще занимала промышленность в колумбийской экономике, говорит распределение инвестиций. В 1925 г. на долю промышленности приходилось 8% валовых капиталовложений, а в 1929 г. - 9,8%. После перерыва, вызванного последствиями кризиса, в 1933-1939 гг. среднегодовой прирост промышленного производства повысился почти до 11%. Накануне же кризиса 30-х годов среднегодовой прирост промышленного производства не достигал 3%. Следующий период активного промышленного роста - 1945-1950 гг. Тогда этот показатель поднялся до 13,5%¹²⁷. Таким образом, Колумбия перенесла трудности 30-х и 40-х годов с меньшими издержками по сравнению со многими другими латиноамериканскими госу-

дарствами.

Ускорение промышленного роста совпадает с расширением масштабов деятельности иностранного капитала. За 1920-1929 гг. инвестиции США в Колумбии увеличились в 9 раз. Вытеснив английский капитал, американцы заняли ведущие позиции в колумбийской экономике¹²⁸. Между тем если господство иностранного капитала установилось в экспортоориентированном плантационном хозяйстве и в железнодорожном строительстве, то в легкой промышленности, обслуживавшей локальные рынки, оставался определенный простор для местного предпринимательства.

Однако в отличие от Мексики и Бразилии предпосылки развития промышленного капитализма в Колумбии оказались недостаточными для того, чтобы использовать особую конъюнктуру 30-х и 40-х годов. Индустриализация, осуществлявшаяся при слабом участии иностранного капитала и госсектора, ориентированная на ограниченный местный спрос, долго удерживалась в рамках производства элементарных потребительских товаров. Серьезное ускорение промышленного развития с появлением отдельных звеньев производства средств производства наступает лишь со второй половины 60-х годов.

Траектория социально-экономического развития Перу подтверждает консерватизм ее общественных структур, сформировавшихся на гибридной квазифеодальной основе. Автор исследования об особенностях капиталистического развития в Перу А.В.Бобровников подчеркивает, что в 20-30-е годы прошлого века в результате изоляции страны от мирового рынка происходила даже натурализация сельского хозяйства. Он приводит данные, согласно которым в 1820 г. из всей суммы экспорта в 6,3 млн песо около 48% приходилось на долю сельскохозяйственной продукции. К 1838 г. при общем сокращении объема экспорта до 1,6 млн песо (т.е. практически вчетверо) доля в нем аграрной продукции уменьшилась до 2%¹²⁹. Натурализация сельского хозяйства способствовала усилению "гамонализма" - системы олигархической власти латифундистов¹³⁰. В итоге происходит своего рода рефеодализация деревни.

Политическое освобождение не привело в Перу к сколько-нибудь заметному ограничению влияния церкви. В ее пользу продолжала взиматься десятина. Робкая секуляризация, после которой доходы церкви стали регламентироваться государством, относится лишь к 1859 г. Не подвергся серьезному преобразованию и такой феодальный институт, как цеховое ремесло. Формально он был упразднен в 1836 г., но далеко не во всех видах хозяйственной деятельности. Действительно кризис цехового ремесла наступил к середине XIX века. И связано это в основном с наплывом импортных товаров. Но при всем при том многие цеховые ("гремьяльные") объединения оказались довольно устойчивыми и выжили до начала нынешнего века.

Очень трудно складывались в Перу устойчивые связи и разделение труда между городом и деревней, т.е. слабы были основные предпосылки внутреннего рынка. Рабство негров и взимание подушной подати с индейцев были отменены лишь через три десятилетия после получения государственного суверенитета - в 1854 г. Формально все виды личной зависимости были упразднены в 1861 г. Но и после этого

из-за недостатка рабочей силы и социальной неподготовленности к аренде отмечалось возвращение к старым формам эксплуатации. В латифундиях Косты (наиболее развитой части страны) во второй половине XIX в. применялся труд не только наемных пеонов. Восстанавливался институт янаконов - лично зависимых работников. Показательно и то, что в 1920 г. были возрождены отдельные элементы дорожной "миты".

Индийская община постепенно вытеснялась, но не уничтожалась латифундистами, которые по-своему были заинтересованы в ее выживании. Не случайно она получила официальное признание по конституции 1920 г. Сохранение общинных структур отвечало и чисто утилитарным потребностям иностранных компаний. Ведь благодаря общинам, покрывавшим часть издержек на воспроизводство рабочей силы, и формам найма, который опосредовался общиной, цену рабочей силы удавалось удерживать на низком уровне. Особо долгая жизнь общины - одна из важнейших отличительных черт эволюции перуанского общества. К концу 30-х годов официально признанный статус имели 700 индейский общин, за которыми числилось 6 млн га земли. В 1964 г. было зарегистрировано 1650 общин с земельными владениями в 7,8 млн га. Общее количество по состоянию на конец 60-х годов оценивалось в 4-4,5 тыс., а численность связанного с ними населения - примерно в 2 млн человек¹³¹.

Серьезное воздействие на ускорение экономического развития и первоначальное вызревание буржуазных структур оказали бум гуано и начавшаяся разработка месторождений селитры (середина 40-х - конец 70-х годов). Тогда заметно продвинулся процесс накопления денежных капиталов. Соответственно формировался один из элементов первоначального накопления, но по-прежнему задерживалось развитие второго - наемной рабочей силы. Косвенное свидетельство отставания Перу в распространении капиталистических отношений дает изменение степени урбанизации (вновь адресуем читателя к графику роста крупнейших городов четырех латиноамериканских стран; см. рис. 4). В 1836 г. при общей численности населения в 1,4 млн человек в городах проживало не более 5% перуанцев. Согласно переписи 1876 г., численность населения увеличилась до 2,7 млн. Доля же городского населения повысилась лишь до 7%¹³².

Период значительного экономического прогресса пришелся на время правления Р.Кастильи (1845-1851; 1855-1862 гг.), который опирался на компрадорскую буржуазию и пытался ограничить притязания помещичьих кругов-гамоналов. Между тем история Перу показывает, что в прямую конфронтацию эти силы не вступали. Интересы молодой (главным образом торговно-посреднической) буржуазии, поднимавшейся на волнах гуанового бума, сочленялись с интересами владельцев патриархальных латифундий. Поскольку к середине прошлого столетия стали складываться предпосылки для перехода к капиталистическим формам хозяйствования, часть перуанских дельцов, обогатившихся на посреднических операциях с гуано, начала вкладывать свои сбережения в сельское хозяйство Косты, строительное дело и банки. Но среди сфер приложения капитала все еще преобладала торговля. А.В.Бобровников обращает внимание на явное пре-

обладание интереса к торгово-финансовым операциям. По его данным, за четыре десятилетия (40-70-е годы) в Перу возникло несколько десятков небольших предприятий по производству предметов потребления и стройматериалов и в то же время свыше 2 тыс. торговых домов и более 80 ссудных касс, 12 коммерческих банков и страховых компаний. Когда США, парализованные гражданской войной, были выключены из мирового рынка сахара и хлопка, спрос на эти продукты резко повысился. Это благоприятствовало производителям и экспортерам сахара-сырца и хлопка из других латиноамериканских стран. Новая конъюнктура сказалась и на Перу.

За три десятилетия - с начала 50-х до конца 70-х годов - в стране было проложено более десятка железных дорог, установлен первый телеграф, открылась коммерческая навигация по Амазонке, существенно пополнился морской флот. Но, поскольку это финансировалось в основном заемными средствами, стремительно нарастал внешний долг. За 1850-1876 гг. задолженность только английским кредиторам увеличилась до 55 млн ф.ст., т.е. примерно в 15 раз.

Восполняя узость рынка наемного труда, препятствовавшую производительному использованию капитала, правящие круги после отмены рабства стали практиковать ввоз законтрактованных китайских рабочих - кули. В 1849-1853 гг. прибыло только 2,5 тыс. китайцев, а за 1861-1872 гг. - 60 тыс. К концу века общая численность китайцев, работавших на строительстве железных дорог, разработках гуано, а главным образом (до 90%) на плантациях Косты, достигла почти 100 тыс. человек¹³³.

Тихоокеанская война нанесла тяжелый удар по перуанской экономике. Страна потеряла богатейшие месторождения селитры, а также - на ряд лет - залежи гуано на островах, которые оккупировала чилийская армия. То, что подтолкнуло развитие капитализма в Чили, отбросило назад перуанскую экономику. Во второй половине 70-х и начале 80-х годов она вошла в полосу глубокого кризиса, преодолеть который смогла лишь к началу XX в. В период кризиса разорились многие перуанские банки, торговые компании и промышленные предприятия, возникшие во времена гуанового бума. Доходы перуанского правительства в 1876-1896 гг. сократились в 10 раз. Поскольку оно не могло погасить огромную задолженность английским банкирам, пришлось подписать кабальный договор Грейса (1889 г.), по которому англичанам (держателям долговых обязательств перуанского правительства) предоставлялись долгосрочные концессии на государственные железные дороги, разработки гуано, на некоторые шахты и нефтяные месторождения, а также обширные участки плодородной земли и право сбора части таможенных пошлин. Кризис, ослабивший государство и местную буржуазию, облегчил проникновение иностранного капитала и захват им господствующих позиций в перуанской экономике.

К концу XIX в. в преимущественно кустарной промышленности занятость доходила до 50 тыс. человек. Более значительной была численность работников полусвободного найма в аграрном секторе (от 60 до 80 тыс. человек) - в основном на плантациях Косты. В то же время трудовая деятельность по меньшей мере двух третей населения была связана с различными формами натурального хозяйствования¹³⁴.

Промышленный переворот пришел в Перу с явным запозданием даже по латиноамериканским меркам. Начавшись в конце прошлого века, он растянулся на несколько десятилетий нынешнего столетия.

При этом осуществлялся промышленный переворот в ином порядке по сравнению с классическими образцами Западной Европы. А.В.Бобровников обратил внимание на то, что сначала он затронул строительное дело и транспортную систему, а также - отчасти - наиболее прибыльные отрасли сельского хозяйства. Лишь затем промышленный переворот охватил текстильное, швейное, кожевенное и пищевое производство. Объяснение связывается, с одной стороны, с "имплантационным" характером переворота, со стремлением иностранного капитала модернизировать в первую очередь инфраструктуру для облегчения вывоза ценных сырьевых ресурсов, с другой - со спецификой накопления капитала в условиях Перу. Дело в том, что крупные перуанские коммерсанты, приступившие к расширению сферы деятельности в 80-х годах прошлого века, сохраняя прежние предпочтения, вкладывали средства главным образом в банковское и страховое дело, в торговлю недвижимостью, другие посреднические операции. На следующей ступени их привлекли перспективы строительства и транспорта, а в ряде случаев и экспортный сектор аграрного производства. Но прежде всего "очаговая" модернизация сельского хозяйства стала возможной благодаря "перенакоплению капитала" в руках крупных землевладельцев, связанных с внешним рынком. Сказался исключительно высокий спрос на рубеже двух веков. За 1887-1919 гг. многократно увеличился экспорт сахара и хлопка¹³⁵. Отмеченную особенность нельзя считать "привилегией" Перу. В той или иной степени она проявилась в целом ряде латиноамериканских стран, подчеркивая периферийную обусловленность процесса периодического технологического обновления.

Начало XX в., отражая некоторые изменения в правящем блоке, связано с рядом реформ в области налогообложения, денежного обращения (переход на золотой стандарт) и в системе образования. Это послужило стимулом к оживлению деловой активности и взрыванию буржуазных структур в период между первой мировой войной и кризисом 30-х годов. Показательно, что за 1919-1929 гг. число рабочих, занятых в фабрично-заводском секторе обрабатывающей промышленности, увеличилось с 29 тыс. до 58 тыс., в добывающей - с 22 тыс. до 32 тыс. Меньше оказался прирост сельскохозяйственных рабочих - с 72 тыс. до 84 тыс. К началу 20-х годов в Перу уже существовали предприятия национальной буржуазии, контролировавшие значительную часть внутреннего рынка потребительских товаров. Так, 15 текстильных фабрик перуанских промышленников обеспечивали половину национальных потребностей в хлопчатобумажных тканях и треть - в шерстяных¹³⁶.

По мнению В.В.Зубенко и К.С.Тарасова, исследовавших эволюцию перуанской экономики, превращение товарного производства в капиталистическое, а капиталистического уклада в господствующий произошло в Перу в первой трети XX в.¹³⁷. Данное утверждение, на наш взгляд, требует уточнения. Видимо, правильнее относить это не к первой трети XX в. вообще, а к ее исходу. При этом нельзя игнорировать наступившее позднее торможение экономического развития Перу.

Оно прослеживается и на динамике иностранных инвестиций, которая, кстати, на общерегиональном фоне выглядела довольно скромно. Достаточно напомнить, что к началу века совокупные вложения английского и американского капитала в перуанскую экономику не превышали 30 млн долл. На прочих инвесторов приходилось не более 5-7 млн долл. Существенный прирост отмечался позднее - во втором и

третьем десятилетии века. Накануне "великой депрессии" 30-х годов накопленная сумма иностранных инвестиций поднялась примерно до 300 млн долл.¹³⁸ Показательно, что после этого капиталовложения американских инвесторов, пройдя не только через стагнацию, но и сокращение, превзошли "рекордный" 1929 г. лишь к началу 50-х годов. Почти прекратилось предоставление новых внешних кредитов. В результате внешний государственный долг Перу в 1931-1950 гг. уменьшился с 95,4 млн до 83,3 млн долл. Одновременно вдвое снизились темпы роста внешней торговли¹³⁹.

Подводя черту, можно сказать, что в итоге общественно-экономической эволюции Перу сошлись латифундиарно-общинные, анклавные и плантационные структуры при сохранении большой инерции консервативных традиций (в том числе военно-клерикального характера), при особо сильном проявлении паразитических тенденций в высших господствующих слоях, уходящих своими корнями в аристократию и бюрократию гибридного квазифеодального общества.

Вместе с тем нельзя не заметить, что еще большую инертность в социально-экономическом обновлении проявили страны, общественная история которых также связана с господством гибридных квазифеодальных структур, но которые занимали маргинальное положение относительно экономических и политических центров колониальной Америки, а затем во многом сохранили подобное положение в постколониальный период. В число государств, где обнаружился наибольший консерватизм в продвижении по капиталистическому пути, входит Гватемала. Ее исторический опыт можно с полным основанием воспринимать как классический образец выживания гибридных квазифеодальных структур, сочетавшихся с общинным укладом, который воспроизводился в толще индейских этносов, доминировавших в составе населения вплоть до середины нынешнего столетия.

Серьезных социально-экономических изменений страна не знала до последней четверти XIX в. Плантационные хозяйства, появившиеся во второй половине века, долго оставались очаговыми вкраплениями в архаичном массиве низкотоварных латифундий, латифундиарно-общинных комплексов и независимых податных общин труднодоступных районов. До конца века в Гватемале и других преимущественно индейских странах с однотипным социально-экономическим устройством подавляющее большинство населения удовлетворяло свои потребности в основном в рамках натурального хозяйства, а спорадические обменные отношения сплошь и рядом осуществлялись с помощью эквивалентных товаров. Иными словами, денежная форма стоимости еще не стала здесь универсальной. Х. Уиллок, никарагуанский социолог, отмечает, что до наступления XX в. бобы какао продолжали использоваться в его стране как мера стоимости и средство платежа. При нехватке денежных знаков владельцы сеньоры чеканили собственные монеты. Во внутреннем обороте имели хождение старый испанский песо, перуанский соль и песо Чили; позднее появился американский доллар¹⁴⁰.

Символично то, что в Гватемале с приходом к власти реакционного правительства Р. Карреры произошло юридическое восстановление (закон 1851 г.) принудительного труда индейцев. Единый статус национального гражданства, провозглашенный здесь после оформления государственного суверенитета, фактически не действовал для ин-

дейцев - подавляющего большинства населения. Законодательно гражданский статус был подкреплён лишь два десятилетия спустя декретом либерального правительства.

Между тем со второй половины прошлого века пробивалась тенденция к эрозии общины. Решающую роль сыграл закон 1877 г. об отмене общинной собственности на землю. Он открыл путь для наступления помещичьего хозяйства и товарной экспорториентированной плантации на традиционный социально-экономический и в целом жизненный уклад коренного населения. Одновременно (в 70-х и 80-х годах) подобный процесс разворачивался в других "индейских странах" Центральной Америки - Гондурасе и Никарагуа. Но во всех трех случаях утверждение структур буржуазного типа наблюдалось значительно позже, чем в Сальвадоре, который уже на исходе колониального периода вступил на путь, определявшийся развитием экспорториентированного плантационного хозяйства, а также в Коста-Рике, где относительная слабость латифундизма и большой удельный вес мелкого и среднего землевладения создавали особые условия для формирования внутреннего рынка. Экономическую эволюцию двух последних стран во второй половине XIX в. подтолкнуло распространение культуры кофе. Местные производители, выходявшие на мировой рынок, впервые получили серьезный источник накопления.

Во всех государствах центральноамериканского субрегиона расширение прежде узкой базы буржуазного уклада тесно связано с превращением этого района в объект вывоза предпринимательского капитала к концу прошлого столетия. Степень расширения определялась интересом, который та или иная страна представляла для иностранного капитала, и варьировалась в зависимости от внутренних предпосылок для распространения структур нового типа. Неудивительно, что эффект оказался гораздо более значительным в Коста-Рике и Сальвадоре при сохранявшемся отставании Гватемалы, Гондураса и Никарагуа.

Итак, утверждение капиталистического уклада с конца прошлого - начала нынешнего столетия происходило при неоспоримом господстве иностранного капитала. Но оно имело локальные очертания, приобретая характер территориальных анклавов. Экспансия опиралась на двух китов - транспортное строительство и банановый бизнес американских предпринимателей. При этом в отдельных государствах оба вида хозяйственной деятельности часто монополизировались в руках одной корпорации, как это показывает история компании "Юнайтед фрут". Возможности для вызревания буржуазных структур на собственной основе оставались, пожалуй, в зонах кофейного производства, где сохранялись условия для предпринимательства местных аграриев и сбытовиков. Другая сфера местного предпринимательства - торговое посредничество и ростовщичество. Зачатки промышленности неизменно подавлялись импортом. Фактически вплоть до середины нынешнего века тип развития, преобладавший в Центральной Америке, сохранял формы, которые без большого риска можно было бы квалифицировать как "зависимый капитализм".

Получив импульс развития буржуазных отношений в самом конце XIX в. и начале XX в. как результат монокультурного и локально-анклавного втягивания в мировой рынок, центральноамериканские

страны испытали ускорение экономического роста в 20-х годах. Примером может служить Гондурас, где в 1927-1928 гг. годовой прирост ВВП достигал или превышал уровень 10%. Косвенно о том же свидетельствует повышение темпа естественного прироста населения в ряде государств субрегиона (см. приложения 7 и 8). Между тем в любом случае экономическая динамика оставалась крайне нестабильной, завися от капризной конъюнктуры внешнего спроса на один-два товара. Кризис 30-х годов и последовавшая продолжительная депрессия тяжело сказались на всех центральноамериканских странах. На региональном фоне особенность их положения заключалась в том, что предпосылки накопления капитала оказались совершенно недостаточными, чтобы провести замещение импорта промышленных товаров даже в потребительском секторе.

Следующий раунд ускорения отмечался после второй мировой войны, когда наблюдалось общее повышение темпов прироста производства и соответственно ВВП. В основе этого - резко расширявшийся спрос на продукцию тропического земледелия на восстановленных рынках в центрах МКХ. Среднегодовой темп прироста ВВП во второй половине 40-х годов превысил 7% в Коста-Рике, Гондурасе и Доминиканской Республике. Он оказался выше 10% в Сальвадоре и Эквадоре, который по типу развития схож с некоторыми центральноамериканскими государствами. В то время низкие показатели еще характеризовали развитие Гватемалы. Но со второй половины 50-х годов повышенные темпы прироста ВВП устанавливаются и здесь. В большинстве центральноамериканских стран конъюнктура динамичного роста продляется до 70-х годов.

Между тем за синхронностью послевоенного ускорения стоит принципиальное отличие Коста-Рики и Сальвадора. Переход к господству капиталистических отношений, преодоление былых препятствий для их диффузии за пределы локально-анклавных границ осуществились здесь гораздо раньше, чем в других странах субрегиона, - на уровне 20-х и 30-х годов. В Никарагуа, Гондурасе и Гватемале переход задерживался до послевоенных десятилетий. При этом особая инертность, заторможенность эволюционного процесса обнаруживались, как уже подчеркивалось, в Гватемале, которая и поныне сохраняет наиболее существенный удельный вес докапиталистических и раннекапиталистических структур. Значительная часть индейских этносов до сих пор пребывает здесь в состоянии натуральной замкнутости, ограничиваясь минимумом товарного обмена.

Но все же экстремальный случай заторможенности социально-экономического развития предстает постколониальной историей Гаити. Первая в Латинской Америке социальная революция и самое раннее политическое освобождение привели не только к ликвидации рабовладельческих отношений, но и к радикальному изменению системы землевладения уже на начальном этапе. После конфискации земель французской короны и белых поселенцев в руках молодого государства оказалось свыше 2/3 общего фонда обрабатываемых площадей. Однако затем решение аграрного вопроса пошло по пути "приватизации". Из нового офицерства и чиновничества сформировалась "темнокожая" помещичья каста, приобретающая все более консерва-

тивные черты. В условиях долгой изоляции от внешнего мира произошла своего рода феодализация хозяйственного и жизненного уклада.

* * *

Подводя итог историческому экскурсу, можно констатировать наличие самых различных траекторий общественной эволюции, которые, имея ряд сходных - периферийных качеств, выстраиваются в довольно широкую гамму путей и форм вхождения в буржуазное общество индустриальной эпохи. Ставя на переходе от анализа к синтезу задачу выделения наиболее типичного во всех этих траекториях, можно говорить о нескольких наиболее "чистых" образцах, которые заслуживают возведения в ранг категории "пути капиталистического развития". На наш взгляд, за эмпирическую основу вычленения ряда "путей" может быть принята совокупность доминирующих черт, определявших уругвайский, кубинский и гватемальский варианты социально-экономической эволюции, а также тип развития, особо отмеченный анклавной гипертрофией добывающей промышленности и представленный несколькими (не совсем "чистыми") моделями в историческом опыте таких стран, как Венесуэла или Боливия.

Когда же речь заходит о государствах, не вошедших в число "репрезентативных" для какого-либо "пути", то в одном случае имеется в виду, что их исторический опыт может трактоваться как определенное сочетание различных вариантов при разной пропорции их представительства, а соответственно и близости к тем или иным "чистым" образцам. Другой случай - страны, представляющие атипичные для региона или же уникальные траектории и формы развития. Что касается первого, то, например, бразильский опыт (и в историческом и в территориальном разрезе) можно представить как сочетание ряда черт кубинского (северо-восток и юго-восток) и уругвайского (юг) путей, а также модели, которая связана с системообразующей ролью хозяйственного комплекса, сложившегося на базе добывающих производств. Мексиканский опыт допустимо рассматривать как совокупность черт рудно-анклавной модели и гватемальского пути с небольшими вкраплениями структур, которые присущи кубинскому пути. Но применительно к обеим странам (и Мексике, и Бразилии) речь должна идти о дополнительном важном качестве, обусловленном крупными размерами страны и объемным внутренним рынком, создававшими естественные возможности для формирования к середине нынешнего века многоотраслевого хозяйственного комплекса. В своей основе траектория общественно-экономического развития Аргентины почти совпадает с уругвайским путем, но все же, имея в виду северо-западные провинции, нельзя игнорировать определенные вкрапления гватемальского типа. Хозяйственная и социальная эволюция Чили предстает как комбинация трех основных компонентов - элементов гватемальского (север) и уругвайского (юг) путей, а также - особенно с конца XIX до середины XX в. - модели горнорудного анклава. Колумбийский случай вплоть до середины нынешнего столетия допустимо рассматривать как сочетание кубинского и гватемальского вариантов,

но с учетом того, что здесь особое значение имело развитие легкой промышленности, ориентированной на локальные рынки. Процесс формирования хозяйства и общества в Эквадоре изначально и преимущественно выглядит как аналог гватемальского пути, затем появляются ареалы плантационного экспорториентированного хозяйства и, наконец, уже в 70-х годах этого века добавляются анклавные структуры нефтедобывающего комплекса. Перуанский опыт можно, как уже отмечалось, рассматривать в контексте сосуществования латифундиарно-общинных и сугубо общинных структур, а также плантационной и анклавной моделей. В ряду латиноамериканских стран особняком стоит Панама. В ее общественно-экономической истории сочетаются анклавно-транспортный комплекс (господствовавший, но не определявший формы бытия основного социального массива), модель экспорториентированного плантационного хозяйства, латифундиарно-общинные и сугубо общинные структуры. К атипичным вариантам развития - на латиноамериканском фоне - относятся ситуации, складывавшиеся в Коста-Рике, Барбадосе и Гаити, попытка объяснения которых была предпринята выше.

Различия в процессах социально-экономической эволюции, во времени и характере буржуазного вызревания общества просматриваются на современных итогах развития, которые отражены пропорциями социального состава населения (а до некоторой степени и расово-этнического состава, учитывая еще неамортизировавшуюся связь между этнической принадлежностью и социальным статусом индивидов и их групп во многих латиноамериканских странах). Однако попытка аргументировать это положение конкретными статистическими выкладками сталкивается с немалыми трудностями.

Прежде всего нужно учитывать, что категории официальной международной и национальной статистики латиноамериканских государств во многих позициях не соответствуют принятым (до сих пор) в нашей научной литературе социально-классовым делениям. Во-вторых, хотя в странах региона и отмечается процесс унификации социально-демографической и экономико-демографической статистики с точки зрения приближения к международным стандартам, степень унификации (а кроме того - точности) далеко не одинакова, что осложняет и внутререгиональные, и внерегиональные сопоставления. В-третьих, при статистической регистрации социального и профессионально-иерархического положения в латиноамериканских странах (хотя и не только в них) на суммарных результатах сказывается субъективизм респондентов, которые произвольно стремятся зависеть свой статус. В-четвертых, при межстрановых сопоставлениях следует проявлять осторожность, учитывая отклонения в долевых пропорциях, которые возникают из-за различий в удельном весе лиц с неустановленной социальной либо профессиональной принадлежностью. В-пятых, интерпретация данных о вершине социальной пирамиды серьезно затруднена тем, что они почти не поддаются статистическому разграничению - по единому стандарту - в соответствии с отношением к исторически различным фракциям.

Автор, разумеется, не является пионером в оценке социально-классового состава (СКС) латиноамериканских обществ. Существует обширная научная библиография (и зарубежная, и советская), которая может служить ориентиром для серьезного исследователя¹⁴¹. В то же время нельзя не заметить тенденциозность, которая по разным идейно-политическим мотивам отражалась на статистических выкладках. Что касается советских исследований, то завышение - до недавнего времени - удельного веса "классовых носителей революционных перемен" не представляется большим секретом. Но, кроме того, несмотря на подчеркивавшееся единство методологической основы, результаты исследований трудно привести к общему знаменателю. Анализ СКС производился отдельными авторами независимо как "по вертикали" (стратификация общества конкретных стран), так и "по горизонтали" (параметры определенного слоя или класса по

большинству латиноамериканских стран) с выбором своего, диктуемого особенностями анализируемого материала, подхода. Но то, что может быть оправдано для решения частной задачи, нередко теряет смысл при выполнении общей - тогда, когда необходимо типологически представить региональную ситуацию в целом. Речь идет не о "среднерегionalных" пропорциях социально-классового состава общества - по той простой причине, что "латиноамериканского общества" в природе не существует. Попытки определить такие пропорции, предпринимавшиеся и в советской латиноамериканистике, мало помогли познанию живой действительности. Они подобны - в ином масштабе - оценкам социально-классового состава мирового населения, которые производились известными авторами леворадикального направления, в частности С. Амином (египтянином по происхождению). Плодотворным представляется другое - единообразное представление статистических данных по отдельным странам с целью выявления сходства и различий и уточнения типологического деления.

Но как при этом миновать "подводные камни" и добраться до "пункта назначения"? Автор, конечно же, не берет за составление универсальной "навигационной карты". Предложена может быть лишь схема выполнения статистической задачи. Смысл ее в том, что в качестве основного действия по определенной методике осуществляется единообразный перевод различных статей статистики экономически активного населения латиноамериканских стран в категории, принятые в советской литературе и исследовательской практике. Это не означает, что для целей нашего анализа непригодны деления, используемые в зарубежной статистике. Напротив, их привлечение может существенно обогатить социологический анализ. Вместе с тем дело не только в нашей привычке к "узкоклассовым категориям". Конечно, в любом случае необходимо обеспечить взаимопонимание и в научной среде, и в читательской аудитории. Но традиционные категории социально-классового состава еще не потеряли своего значения для характеристики латиноамериканских обществ и, помимо всего прочего, обладают - на макросоциальном уровне - способностью к синтезу конкретного, заключенного в общественной действительности.

Операция единообразного перевода может быть произведена, пожалуй, лишь в одном случае - если в качестве исходного материала использовать "шахматные" таблицы, где скрещиваются ряды распределения экономически активного населения по способу использования рабочей силы, с одной стороны, и по профессионально-иерархической принадлежности - с другой. Далее не обойтись без экспертной проверки полученных пропорций с учетом конкретных знаний о конкретных странах и, по крайней мере, двух особых обстоятельств. Как уже говорилось, оценка численного значения социальных и экономических "верхов" (получателей ренты и дохода на капитал) плохо работает в межстрановых сопоставлениях, поскольку вершина социальной пирамиды не поддается единообразному расчленению на исторически восходящие и нисходящие фракции. При тех же межстрановых сопоставлениях во избежание искажений необходимо каждый раз принимать в расчет существенные различия в доле лиц неустановленного статуса. В то же время довольно достоверные результаты, достаточные для выявления типологических особенностей в СКС, дает выделение пролетарских и мелкобуржуазных слоев города и деревни, а также ряда групп наемных работников, которые не связаны с выполнением физических трудовых функций (административно-управленческий персонал, научная и техническая интеллигенция, рядовые служащие). Именно эти категории экономически активного населения представлены нами (см. приложение 9) в сводном виде¹⁴². По образуемым ими соотношениям можно произвести нижеследующую группировку, используя доступные на настоящий момент данные переписей и обследований второй половины 70-х и первой половины 80-х годов.

К первой группе отнесены страны, имеющие наиболее зрелый в регионе и по меркам буржуазного общества индустриальной эпохи самый "чистый" социально-классовый состав, сходный с классическими пропорциями в старых центрах МКХ (Аргентина, Уругвай, Чили). К 70-м годам удельный вес наемной рабочей силы в экономически активном населении (ЭАН) достиг здесь состояния сатuration (статистически на уровне развитых капиталистических стран) и в последующем стал обнаруживать тенденцию к понижению. Доля пролетарских слоев варьируется вокруг трети занятого населения. При этом численность городского пролетариата вдвое превышает численность сельского. Удельный вес крестьянства имеет тенденцию к сокращению (за исключением Чили в 80-х годах вследствие расширения сферы фермерского хозяйства). Он находится на уровне 6-7% в Уругвае и 4-5% в Аргентине. Доля служащих по латиноамериканским

стандартам весьма значительна: от 28-30% в Аргентине и Уругвае до 20% в Чили. Но доля городских мелкобуржуазных слоев много скромнее, чем в большинстве стран региона. В Чили она составляла примерно 13% в 1982 г. и 16% по данным 1986 г.; Аргентине - 14% в 1979 г. и Уругвае - 15% в 1985 г. Вместе с тем привлекает внимание значительный удельный вес инженерно-технических работников и других специалистов. Хотя по СКС страны первого эшелона сохраняют существенные отличия от второго эшелона, а тем более нижеследующих групп, в 80-е годы в социально-классовых структурах Уругвая и Аргентины происходят такие сдвиги, которые подтверждают тезис об их "латиноамериканизации" - сближении с параметрами государств более позднего капиталистического развития.

Подводя сравнения внутри первой группы, следует обратить внимание на особенности СКС Чили, которые, видимо, следует связывать с иным историческим генотипом хозяйства и общества, с одной стороны, а с другой - с процессом рыночной модернизации последнего десятилетия. Привлекает внимание и то, что по основным социально-классовым пропорциям к показателям первого эшелона довольно близка Коста-Рика. От включения ее в высшую группу удерживают меньшая степень зрелости местной буржуазии и иной внутренний состав рабочего класса. В Коста-Рике установилось примерно равенство городского и сельского пролетариата, тогда как во всех трёх странах первой группы численность городских рабочих в 2-3 раза превосходит количество сельских.

Вторая группа, представленная крупными индустриально-аграрными странами (Мексика, Бразилия, Венесуэла), также характеризуется довольно зрелым СКС, но ставшим таковым лишь к 60-м и 70-м годам. Здесь отмечается широкое распространение наемного труда - на уровне 50-60% ЭАН. В то же время социальный состав здесь менее "чист" по сравнению с первым эшелонам. До сих пор ощущается примесь раннекапиталистических укладов, что отражается, в частности, повышенной долей мелкобуржуазных слоев.

Удельный вес рабочего класса уже сопоставим с показателями стран первой группы, т.е. находится на уровне трети ЭАН. Количественно городской пролетариат также существенно превосходит сельский (в Венесуэле даже вчетверо). Удельный вес крестьянства, напротив, значительно больше, чем в первом эшелоне. Он установился на отметке 16-17% в Бразилии, 18-19% в Мексике и около 10% в Венесуэле. Между тем повсеместно отмечается сокращение доли крестьянства. В последние три десятилетия "раскрестьянивание" происходит гораздо быстрее, чем в странах первого эшелона. Что касается мелкобуржуазной массы города, то к настоящему времени ее представительство удерживается в границах 15-20%, и имеет выраженную восходящую тенденцию, что во многом отражает увеличение масштабов маргинализации. В целом же повышенное значение мелкобуржуазных слоев (свыше или около трети ЭАН) указывает на большую гетерогенность СКС по сравнению с государствами первой группы.

К служащим в странах второго эшелона относится порядка 15-25% занятого населения. Самая значительная доля, доходящая до 24% (1986 г.), в Венесуэле, наименьшая в Бразилии - около 16%, в Мексике - примерно 20%. В динамике последних 20-30 лет доля служащих не обнаруживает существенных отклонений. Численность этой категории тесно связана с масштабами госсектора, с ролью государства вообще. А она была довольно высокой и два-три десятилетия назад. Изменения, очевидно, скажутся по итогам последнего десятилетия как следствие процесса приватизации. Но для проверки этого предположения придется подождать до середины 90-х годов, когда в статистических изданиях появятся сводные данные по многим странам региона.

Во втором эшелоне особое место занимает Венесуэла. По крупным социальным делениям она в наибольшей мере близка к первому эшелону, но по зрелости экономических структур, выходящих за пределы нефтяного комплекса, и, например, по весу фабрично-заводского пролетариата уступает двум другим членам второй группы. В то же время по некоторым параметрам социально-классового деления к Бразилии и Мексике близка Колумбия. Сопоставляя колумбийские данные с бразильскими или мексиканскими, обращаясь внимание на то, что общая доля рабочего класса находится почти на одном уровне. Однако сельский пролетариат в Колумбии имеет гораздо больший вес. Что касается промышленных рабочих, то следует учитывать, что доля занятых в современных отраслях и на крупных предприятиях здесь заметно меньше, чем в "тройке" второго эшелона.

Далее, имея в виду степень зрелости СКС соответственно стандартам индустриального буржуазного общества, можно выделить группу малых стран региона. Их роднит

совпадение пропорций по ряду крупных социально-классовых делений. Однако в зависимости от характера профилирующей хозяйственной специализации (аграрной либо анклавно-добывающей и анклавно-транспортной) обнаруживаются существенные различия внутри крупных делений. Речь идет, с одной стороны, о государствах, экономика которых базируется на относительно развитых аграрных структурах, дополняющихся отдельными звеньями фабричного производства (Коста-Рика, Сальвадор, Барбадос). С другой стороны, тому же уровню СКС соответствует ситуация в ряде государств с экономикой анклавного либо анклавно-транзитного типа (Ямайка, Тринидад и Тобаго, Панама).

В рассмотренных странах значительна доля пролетарских масс. Она близка к показателям первого и второго эшелонов. Колеблется эта доля вокруг 30% (от 33-35% в Коста-Рике и Сальвадоре до 29-27% на Ямайке и в Панаме). Между тем в Коста-Рике налицо численное равенство городских и сельских рабочих, в Сальвадоре - преобладание последних. В обществах анклавного типа обнаруживается явное преобладание (в 3-4 раза) городских рабочих. Тринидад и Тобаго - страна, которую также можно было бы отнести к рассматриваемой группе, составляет исключение в силу низкой трудоемкости основной отрасли экономики. Доля служащих и инженерно-технических работников, естественно, больше там, где выше уровень хозяйственного развития или сказывается специализация на сфере услуг. Так, Панама по состоянию на середину 70-х годов имела своеобразный "рекорд" - порядка трети занятых. Значителен этот показатель и на Барбадосе, но меньше на Ямайке и в Сальвадоре, отражая иное строение национальной экономики. Коста-Рика вновь обращает на себя внимание превосходством по доле наемных работников высшей и средней квалификации.

Что касается мелкобуржуазных слоев, то при их весьма высоком удельном весе во всех странах группы (35-40%, за исключением Коста-Рики, где он не выходит за пределы 26%) распределение на крестьянство и городскую мелкую буржуазию различается весьма заметно. Если в Коста-Рике и на Ямайке преобладают сельские слои, то в Сальвадоре и Панаме - городские.

Следующая группа, характеризующаяся запоздалым формированием современных социальных структур не только относительно региональных "пионеров", но и условного среднелатиноамериканского уровня, довольно широка по своему составу. Явное большинство составляют в ней страны с весомым индейским компонентом в этническом составе населения, с общественным базисом, который до сих пор перегружен раннекапиталистическими и докапиталистическими пережитками. На верхней ступени этой группы следует расположить Перу, которая по некоторым параметрам близка к Колумбии (в частности, по доле инженерно-технического персонала), но по другим несомненно тяготеет к большинству членов рассматриваемой группы (Эквадор, Гватемала, Боливия, Парагвай, Гондурас, Никарагуа и Доминиканская Республика).

Во всех странах группы статистика фиксирует скромный удельный вес наемных рабочих (менее 20%, а в отдельных случаях и менее 15% занятого населения) и высокую долю мелкобуржуазных слоев - порядка 40-50%. Последний показатель, непропорционально высокий, обычно указывает на существенную маргинализацию городского населения и на распространенность крестьянского хозяйства патриархального и полупатриархального типов. Вместе с тем, как правило, невелик удельный вес служащих, а также инженерно-технических работников.

Наконец, сопоставление по основным пропорциям СКС подтверждает уникальность гаитянской ситуации. Структура гаитянского общества, как, впрочем, и многие другие параметры, свидетельствует о сходстве этой страны не с большинством латиноамериканских государств, а с отсталыми обществами афро-азиатского мира. С одной стороны, удельный вес пролетарских слоев в составе экономической активной населения Гаити не превышает 6%, с другой - огромен массив мелкобуржуазных слоев, преимущественно крестьянства. На него приходится порядка 60%. В то же время доля служащих и инженерно-технических кадров предельно мала и по латиноамериканским меркам. Она не выходит за пределы 3-4% в первом случае и 1,5% - во втором.

Представленная типологическая группировка далека от совершенства. Многое в ней упрощается. Но все же она имеет аналитическое или хотя бы иллюстративное значение. Для нас важно то, что она помогает показать и подтвердить многовариантность общественного развития латиноамериканских стран, реальные и порой весьма существенные различия в зрелости и сочленениях социальных структур.

Расхождения в итогах общественного развития, отражающиеся в

пропорциях СКС, - закономерный результат продолжительного на- слоения социально-экономических особенностей на всех историче- ских этапах, включая исходный - доколониальный. Историческая "ге- нетика", преемственность развития не перечеркиваются современностью, а соединяются с ней, накладывая свой цивилизаци- онный отпечаток на каждое общество.

Все это наряду с общей, но отнюдь не одинаковой внешней (пери- ферийной) детерминацией развития сказывается в период последнего формационного перехода латиноамериканских стран - к системе про- мышленного капитализма. Соответственно разнятся исторические сроки пребывания в состоянии многоукладного равновесия, время на- рушения этого равновесия в пользу буржуазных структур и утвержде- ния их господства. Констатация запоздалости капиталистического развития в Латинской Америке вполне оправданна. Но также очевид- но, что при определенных внутренних предпосылках и внешних усло- виях в одних странах региона ускорение формационного перехода наступает значительно раньше, чем в других, и реализуется в крат-чайшие исторические сроки, в других надолго затягивается и последу- ющее ускорение отличается скромным темпом. Но в любом случае заметно, что динамика периферийного развития реагирует на общую динамику мировой макросистемы, прежде всего ее капиталистически зрелой части. Периоды высокого динамизма и периоды заторможен- ного развития в мировой экономике по общему правилу повторяются (хотя и с фазовыми отклонениями) в ее латиноамериканской зоне. Большая либо меньшая реакция на влияние общей динамики макро- системы, характер преломления мировых тенденций определяются конкретно в зависимости от типа (пути) развития каждой страны.

ПЕРЕХОД В НОВЫЙ ВЕК

1. ЭКСТРАОРДИНАРНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Сегодня мы с полным основанием говорим о том, что циклический кризис начала 80-х годов ознаменовал существенное изменение общемировой экономической ситуации. Однако серьезные симптомы дестабилизации и торможения хозяйственного роста обнаружались уже в ходе кризиса 1974-1975 гг. в промышленно развитых капиталистических странах. Затем там произошло довольно быстрое восстановление деловой активности, но на менее низком уровне по сравнению с конъюнктурой 1950-1973 гг.

Рассматривая долговременную траекторию экономической динамики в масштабах всего МКХ (а не только его центров), можно с уверенностью говорить о том, что, за исключением времени второй мировой войны, впервые после кризиса 1929-1933 гг. наблюдался столь глубокий и затяжной спад. Неудивительно, что события начала 80-х годов приравнивают к экономическим катаклизмам полувековой давности¹. Для этого есть основания, ибо в обоих случаях перепады имели экстраординарный характер. Вместе с тем очевидны и отличия, связанные с разным историческим и воспроизводственным контекстом, а также с характером проявления кризисных тенденций в различных сферах экономической жизни.

Напомним: валовой продукт ведущих промышленных капиталистических держав за 1929-1932 гг. сократился на одну пятую, промышленное производство капиталистического мира - на четверть, объем мирового импорта - на треть². По сравнению с 1929 г. валовой национальный продукт в расчете на душу населения к 1932-1933 гг. уменьшился во Франции примерно на 10%, в Германии - на 20, а в США почти - на 30%. Уровень 1929 г. был восстановлен в Германии к 1934 г., в США - к 1937 г., а во Франции - лишь накануне второй мировой войны³. Огромных масштабов достигла безработица. К 1933 г. в США насчитывалось 17 млн. безработных, в Германии - 8, Англии - 4 млн. В крупнейших странах развитого капитализма цены упали почти на треть. Заработная плата в США сократилась в среднем на 35-40%. Во многих капиталистических странах кризис фактически привел к парализации банковских и биржевых систем.

Как национальные, так и международные финансы оказались в состоянии тяжелого расстройств. Годы кризиса характеризовались мощной волной цепных банкротств по ту и другую сторону Атлантики. В большинстве капиталистических стран государственные органы вынуждены были прибегнуть к широкомасштабным финансовым интервенциям, а затем отказаться от золотого стандарта. Хотя в 1929-1933 гг. номинальный уровень заработной платы резко упал, реальная

заработная плата пострадала не столь существенно, поскольку потребительские цены понижались примерно в той же пропорции. Наблюдалось также сокращение ликвидности при параллельном уменьшении краткосрочного банковского процента⁴.

Иная ситуация наблюдалась в кризисных фазах 70-х и 80-х годов. Начнем хотя бы с того, что центры МКХ перенесли болезнь кризиса как бы в два приема. Но в целом масштабы спада в производстве и торговле оказались для них меньшими. Увеличилась безработица (до 8-10% совокупной рабочей силы), что, однако, далеко от рекордов 30-х годов. Если первый раунд характеризовался падением ссудного процента, то второй - его резким повышением. Первый раунд ограничился в основном центрами МКХ, второй охватил периферию и получил на ней (особенно в латиноамериканской зоне) гораздо больший размах, чем в развитых капиталистических странах (и в азиатских НИС).

Отличие кризисных потрясений 70-х и 80-х годов связано с эффектом стагфляции - экономического зстоя (или падения), сопровождаемого усилением инфляции. Соответственно отмечалось заметное сокращение реальной заработной платы. Отказ от единого валютного стандарта произошел задолго до обоих кризисных "раундов" (1971 г.). Наконец в 30-х годах выход из кризиса был найден на путях усиления прямого вмешательства государства в экономическую жизнь. А в последнем случае наблюдается уход государства от непосредственного участия в воспроизводстве и переключение его на косвенное стимулирование.

Однако при всех несовпадениях очевидно, что речь должна идти о двух важнейших вехах в экономической истории капиталистической эпохи, разграничивающих качественно различные этапы.

В послевоенный период эффект государственного регулирования, осуществляющегося центрами МКХ не только на внутринациональном, но и на международном уровне, долгое время позволял сглаживать циклические колебания. С наступлением нового этапа, связанного с установлением господства транснациональных корпораций (ТНК) и транснациональных банков (ТНБ), произошло своего рода высвобождение из-под национально-государственного контроля. Транснациональные гиганты стали все чаще выходить из подчинения государственным структурам и навязывать им свою логику экономических действий. В изменившихся условиях обозначился новый "прорыв" рыночной стихии, который был подготовлен перепроизводством товаров и перенакоплением капитала, возникших на стадии повсеместного утверждения индустриальной системы производительных сил по достижении максимальной экономической "отдачи" от поточно-конвейерной технологии.

Как следствие небывалого разбухания международных финансов (причем во все большей мере за счет фиктивного капитала) перенакопление капитала перешло пределы возможностей его хозяйственного использования. Учитывая это, в зарубежной научной литературе стали использовать деление экономики на "финансовую" и "реальную". Обращается внимание на то, что между ними образовался серьезный разрыв, что "финансовая экономика" обрела автономную логику

ку развития. Американский экономист П. Друкер считает, что к середине 80-х годовой объем кредитных и других финансовых операций в мировой экономике достиг 75 трлн долл. - суммы, почти в 25 раз превысившей объем мировой торговли товарами и услугами. К тому же времени в мире обращались ликвидные средства порядка 35 трлн долл., что в 12 раз превосходило годовой оборот мировой торговли товарами и услугами⁵. По данным чилийского исследователя О. Сункеля, международный рынок частных ссудных капиталов, который практически прекратил свое существование на время второй мировой войны, к 1964 г. оценивался в 12 млрд долл., а в 1982 г. его объем превзошел 700 млрд долл.⁶

Очередной "прорыв" рыночной стихии обусловлен резко возросшими масштабами интернационализации экономической жизни. Речь может идти даже о ее качественно новой ступени. Не случайно во время спада обнаружилась высокая степень синхронизации циклических фаз в различных странах. Обращает на себя внимание необычайно быстрая передача импульсов кризиса из центров МКХ на ее периферию, особенно латиноамериканскую. И это прямо подтверждает вывод о резком усилении втягивания Латинской Америки в воспроизводственный механизм центров МКХ на предшествовавшем этапе.

Циклические кризисы начала 80-х годов и середины 70-х переплелись с интернациональными по своему воздействию структурными кризисами, сопровождались обострением глобальных проблем, подчеркнули их возросшее значение. Обнаружились серьезные естественно-природные ограничения хозяйственного развития. С очевидностью проявилась необходимость подчинения экономического роста глобальным императивам.

Необычная глубина и всеобъемлющий характер кризисных потрясений середины 70-х и начала 80-х годов (хотя и в разной мере затронуты практически все отрасли и почти все страны мира) не позволяют трактовать их как ординарные циклические перепады. По всей видимости, на рубеже двух десятилетий подведен итог длительному периоду количественного накопления новых элементов воспроизводства, предварявшему утверждение нового качества, созрела объективная потребность перехода к иным воспроизводственным стандартам.

Как же все это проявилось в Латинской Америке? Преобладающий здесь тип периферийного капиталистического развития (хотя и представленный в разных формах), претерпев определенные изменения и продемонстрировав на предыдущем этапе возможности некоторых отклонений от логики отношений господства и подчинения в МКХ, сохранил многие принципы своего действия. Более того, происходившее в 60-х и 70-х годах ускоренное втягивание региона в экономическую систему, контролируемую центрами МКХ, привело, с одной стороны, ко все большему подчинению его хозяйственной динамики циклическому ходу воспроизводства в центрах, а с другой - к повышению степени уязвимости латиноамериканских экономик от кризисных импульсов, исходящих из центров, и прежде всего от экономики США. Как показывает графическое сопоставление основных макроэкономических показателей за длительный период, в последние два десятилетия наблюдалось сближение траекторий циклического развития хо-

зьяства в центрах МКХ и на латиноамериканской периферии, а также тенденция нарастающей реакции национальных экономических систем региона на спады в зоне высокоразвитого капитализма.

В ходе кризиса 80-х годов, пожалуй, впервые после второй мировой войны экономика Латинской Америки пострадала в большей мере, нежели экономика развитых капиталистических стран. Хозяйственный спад в регионе оказался и глубже, и много продолжительнее. В США и Японии оживление проявилось к концу 1982 г., а в большинстве западноевропейских стран - в 1983 г. Между тем в латиноамериканских государствах симптомы оживления не обнаруживались до середины 1984 г. Выход региона на уровень прироста ВВП в 3,5% (1984-1985 гг.) не означал динамичного оживления, ибо в пересчете на душу населения прирост лишь немногим превышал 1%. Кроме того, региональные показатели увеличивались в основном за счет Бразилии и Мексики, тогда как во многих других странах подъем так и не состоялся. Можно считать, что фазы кризиса и депрессии в центрах капитализма продлились два - два с половиной года, а в Латинской Америке в среднем заняли более трех лет. Последовавшие затем два-три относительно благополучных - по среднерегиональным темпам прироста ВВП - года сменились в 1987 г. торможением экономического роста, а в 1988 его резким падением (до 0,9%), означавшим в душевом исчислении абсолютное сокращение валового продукта (-1,2%). Причем наивысший уровень, достигнутый в 1986 г. (3,7% в целом и 1,5% в подушевом исчислении) серьезно уступал показателям фаз подъема 50-х, 60-х и 70-х годов. Ситуация, создававшаяся в 1989-1990 гг., позволяет с уверенностью говорить о новом циклическом спаде. Изменение регионального ВВП составляло 1,5 и -0,5% в целом, а в расчете на душу населения - 0,6 и -2,8%⁷.

Анализ производства регионального ВВП по различным отраслям и по целевому назначению в его использовании показывает, что кризис начала 80-х годов не обошел ни одной отрасли, хотя и проявился весьма неравномерно. Среди отраслей материального производства в наибольшей мере пострадали строительство и обрабатывающая индустрия. Относительную устойчивость обнаружили сельское хозяйство и добывающая промышленность. Определенная стабильность роста наблюдалась лишь в небольшом (по стоимостному объему) секторе - основных производственных и коммунальных услугах (снабжение электроэнергией, газом, водой). Но это - специфический случай, связанный, в частности, с увеличением "неформальной экономики", о чем речь пойдет дальше.

Между тем в непроизводственной сфере обращает на себя внимание значительный прирост объема финансовых услуг. Финансовая сфера явно выигрывала по сравнению со всеми другими сферами хозяйственной деятельности. Деловая активность в финансовой области во многом объяснялась распространением различного рода спекулятивных операций и осуществлением международных валютно-кредитных сделок. Это контрастирует с положением тех отраслей производственной и непроизводственной сфер, которые в наибольшей мере определяют состояние внутреннего рынка. Здесь фиксируются самые низкие показатели. К концу 80-х годов эти отрасли или вообще не

восстановили предкризисный уровень (строительство), или превзошли его в меньшей мере, чем другие (внутренняя торговля, транспорт).

Хотя по использованию ВВП в регионе в среднем отмечалось весьма ощутимое сокращение объема потребления, это не идет ни в какое сравнение с падением капиталовложений (63% в 1983 г. и 73% в 1987 г. от объема 1980 г.). Доля валовых внутренних инвестиций в использовании ВВП уменьшилась с 23-25% в 1979-1980 гг. до 16% (доходя в отдельных случаях до 10%) к 1988-1989 гг.⁸ Что касается значительного увеличения объема экспорта при существенном (фактически беспрецедентном) сокращении импорта, то это объясняется императивом поддержания минимальной платежеспособности в резко изменившихся условиях.

В отличие от циклического спада 1975 г. кризис начала 80-х годов затронул все страны региона - не только импортеров, но и экспортеров нефти. Качественное отличие от ситуации 1975 г. состоит и в том, что неблагоприятная обстановка во внешней торговле и в производственном секторе беспрецедентно осложнена кризисом внешней задолженности, крайним расстройством национальных финансовых систем. По итогам последнего десятилетия объем совокупной внешней задолженности латиноамериканских стран увеличился более чем в 2,5 раза, достигнув 423 млрд долл. по итогам 1990 г. Инфляция (годовой прирост цен на уровне конечного потребления), которая в среднем по региону не превышала 30% в первой половине 70-х годов и 55% - во второй, в течение 80-х годов колебалась в пределах от 60% в начале десятилетия почти до 1500% в 1990 г.

Если на всем протяжении 70-х годов регион сохранял положение нетто-рецептора финансовых ресурсов, то с 1982 г. он является объектом хронического нетто-оттока. По этой причине за девять лет (1982-1990 гг.) страны Латинской Америки потеряли в общей сложности свыше 223 млрд долл. (сумма по данным в текущих ценах). На всем протяжении 70-х годов государства региона были не только нетто-рецепторами финансовых ресурсов, но и имели (в среднем по региону) довольно значительное отрицательное сальдо внешней торговли. Устойчивый пассив оказался возможным благодаря массивным внешним финансовым заимствованиям на довольно благоприятных условиях. Показательно также, что в 70-е годы произошло резкое превышение притока ссудного капитала над притоком предпринимательского.

В начале 80-х годов обнаружилась крутая инверсия, серьезное изменение тенденций. Пассив внешней торговли сменился крупным активом. Но произошло это вследствие резкого сокращения импорта (главным образом в 1982-1983 гг.). Императивом для него стала необходимость хотя бы минимального восстановления платежеспособности, когда фактически приостановилось новое внешнее финансирование. Резкий спад обнаружился в поступлениях ссудного капитала, уменьшился и приток прямых иностранных инвестиций. Более того, в ряде случаев отмечалась репатриация иностранного капитала. Чаще всего ее осуществляли американские инвесторы. Если же говорить о формах вложений, то особо ощутимыми были репатриации портфельных инвестиций. Нельзя не заметить и то, что кризис начала 80-х

годов отбросил страны региона назад с точки зрения их участия в международном разделении труда. За редкими исключениями структура экспорта регрессировала в сторону сырьевой специализации. Во многих странах доля готовых промышленных изделий в составе экспорта уменьшилась. Кроме того, стал все больше ощущаться эффект маргинализации многих латиноамериканских стран на мировом рынке - вытеснение их с ранее занимавшихся позиций. Если в 1960 г. общий объем экспорта из региона составлял 7,7% мирового экспорта, то два десятилетия спустя эта доля опустилась до 5,5%, а к 1988 г. составила всего лишь 3,9%. В свою очередь, по импорту доля сократилась с 7,6% до 5,9 и 3,3% соответственно⁹.

Кризис начала 80-х годов и последовавший за ним продолжительный период депрессивного состояния экономики выразились в Латинской Америке в тяжелых социальных "издержках" - значительно больших, чем в развитых капиталистических странах. Беспрецедентных масштабов достигло количество банкротств. Одновременно ускорились концентрация и централизация капитала. В выигрышном положении оказалась крайне ограниченная группа местной крупной буржуазии и отдельные фракции предпринимателей и управленческой элиты, непосредственно связанные с преуспевающими ТНК. Подавляющее же большинство местной буржуазии серьезно пострадало от кризиса. Резко (практически беспрецедентно) понизился уровень жизни средних слоев. В бедственном положении оказались малоимущие массы из-за увеличения безработицы и роста дороговизны. Итоговый результат - существенное усиление социальной напряженности. Особое внимание следует обратить на так называемый "неформальный сектор", который в 80-е годы увеличил свой вес в экономике латиноамериканских стран и влияние на общую социальную политическую обстановку.

В современных условиях неприемлема трактовка этого феномена лишь как подпольного бизнеса, связанного с преступным миром и подпадающего под уголовное законодательство. В какой-то мере можно согласиться с аргентинским экономистом Р.Фредiani, который считает, что под "неформальным сектором" следует понимать множество видов хозяйственной деятельности, нерегистрируемых обычной государственной статистикой. Причина - в несовершенстве методики и организации учета производства товаров и услуг и коммерческих сделок, с одной стороны, а с другой - в стремлении субъектов предпринимательства избежать налогообложения и отчислений на социальное страхование или же просто чтобы обойти "обременительный" контроль и бюрократическое регулирование¹⁰. Значительно шире постановка вопроса у перуанца Э.Де Сото - автора нашумевшей в Латинской Америке книги "Иной Сендеро. Неформальная революция". Для него "неформальный сектор" и "неформальность" вообще - следствие глубокого противоречия между консервативной легальной системой, институтами власти, сохраняющими инерцию централизма и бюрократические формы правления, и усиливающимся давлением "снизу" - протестом масс, стремящихся к самостоятельному решению своих проблем на путях экономической предприимчивости и реальной общественной демократии¹¹. Отказываясь от завышения значения "не-

формальности", доходящего до ее идеализации в трактовке Э. Де Сото, с одной стороны, и от заметной технократичности в интерпретации Р. Фредиаки - с другой, автор склонен рассматривать феномен (не в сугубо преступных проявлениях, а в хозяйственных, производственных функциях) как выражение реального противоречия, в которое приходят отживающая конкретная экономико-политическая система и общественная потребность в изменении производственных отношений, форм и механизмов регулирования экономической жизни. В период кризиса, особенно такого глубокого, какой развернулся в начале 80-х годов, как раз и происходит увеличение "неформальности", служа явным симптомом обострения указанного противоречия.

Каким образом определяются размеры "неформальности"? В исследованиях 70-х и начала 80-х годов, в частности по совместной программе ЭКЛА и МОТ (ПРЕАЛК), при выявлении масштабов "неформального сектора" через долю занятого населения обычно исходили из того, что к этому сектору относятся виды хозяйственной деятельности, отличающиеся низкой производительностью. К ним причислялись "работа на собственный счет", т.е. та, которая связана с использованием лишь собственной рабочей силы (за исключением труда специалистов), надомная работа, личные домашние услуги, неоплачиваемый труд членов семей. Все это вычленялось из традиционной статистики экономически активного населения и рассматривалось как "недоиспользование рабочей силы".

Подобные оценки показывают, что в период динамичного развития латиноамериканских экономик (1950-1980 гг.) "недоиспользование" и соответственно предполагаемая занятость в "неформальном секторе" несколько уменьшились в целом по региону (судя по пересчету через коэффициент эквивалентности в показатель недоиспользования рабочей силы). Но затем, в 80-е годы, показатели "недоиспользования" вновь возрастают, достигая рекордных уровней в отдельных странах региона. По подсчетам экспертов ПРЕАЛК, основанных на статистике девяти латиноамериканских стран, "неформальная занятость" в городской сфере хозяйства увеличилась с 24% в 1980 г. до 28% в 1985 г. при повышении уровня безработицы с 6 до 8-9%¹². Учитывая тенденции последнего времени, можно полагать, что к 1990 г. эта доля несколько снизилась, но вряд ли опустилась ниже 26-27% в среднем по региону.

Комментируя разделение занятости на формальную и неформальную, американские специалисты А. Портес и Л. Бентон отстаивают следующий тезис. В настоящее время в Латинской Америке существует две основные формы использования наемного труда. В одном случае наем производится на легальных, институционализированных условиях, а сделки, заключенные между нанимающимися и нанимателями, контролируются государственным ведомством. Эти сделки служат основой для официальных оценок занятости (главным образом в промышленности). Во втором случае заключение контрактов и их расторжение происходят неформально, а потому и не отражаются официальной статистикой. С ортодоксальных позиций занятость второй категории квалифицируется как "недоиспользование" рабочей силы. На самом же деле многие неформально занятые весьма интенсивно используются предприятиями современного сектора. В свою очередь, применение подобного труда сокращает использование работников, привлекаемых на основе формального найма¹³.

Итак, при всем критическом отношении к оценкам размеров "неформального сектора" мы все же можем получить представление о масштабах занятости в этой части экономики. Гораздо труднее определить размер производства. Такую попытку предпринял Р. Фредиаки, оговорившись, что полученные цифры имеют иллюстративное значение. По его данным, на середину 80-х годов отношение оборота "неформального сектора" к ВВП колебалось в пределах от 4 до 20% для развитых капиталистических стран, а для латиноамериканских - обычно от 30 до 40%. Экстремальный случай - Боливия, где неформальная экономическая деятельность по своему объему сравнялась с размером зарегистрированного валового продукта¹⁴.

Интерпретации проблемы "неформального сектора" и его измерения могут быть самыми различными. Для нас же важно обратить внимание на то, что статистическая недооценка неформального производства и неформальной занятости, казалось бы, ставит под сомнение показатели, использованные нами для характеристики спада 80-х

годов. Следует, видимо, признать, что в действительности эти показатели имели бы меньшее отклонение вниз при учете незарегистрированного продукта. Вместе с тем нет оснований сомневаться в том, что общий рисунок траектории экономической динамики и при учете "неформального сектора" должен был бы сохраниться. В любом случае очевидно: существенное расширение "неформального сектора" в странах региона - явное указание на эрозию их экономических систем в последнее десятилетие, на износ существующего хозяйственного механизма.

Суммируя итоги кризисных 80-х годов, целесообразно сопоставить их с последствиями кризиса 30-х годов. Насколько справедливо утверждение о равной значимости двух экстраординарных спадов? В чем сходство и различие их проявлений в латиноамериканской зоне мировой экономики? В поисках ответа обратимся к колебаниям в динамике валового продукта по тем странам региона, для которых имеется сопоставимая статистика (табл. 4). Хотя в обоих случаях падение производства было очень чувствительным, глубина "провала" 30-х годов была существеннее. В свою очередь, 80-е годы отличает более длительное сохранение депрессивных тенденций. В 1934-1937 гг. большинству стран региона удалось восстановить предкризисный уровень ВВП, чего не произошло через равнозначный срок в последнем десятилетии. Очевидно также, что в спаде 80-х годов более существенную роль сыграло ухудшение условий внешней торговли по соотношению цен на экспортные и импортные товары.

Кроме того, обнаруживается разнонаправленное изменение внутренних цен - к понижению в 30-х годах и к катастрофическому повышению в 80-х. В обоих случаях наблюдалось примерно одинаковое сокращение импорта ради выправления платежного баланса. Но в 30-х годах это сопровождалось и уменьшением экспорта (хотя в меньшей пропорции, чем по импорту). В низшей точке (1932 г.) объем экспорта составил 73% от уровня 1929 г. по шести странам региона (Аргентина, Бразилия, Колумбия, Куба, Мексика, Чили), а объем импорта - около 40%¹⁵. В 80-х годах уменьшение объема экспорта было менее значительным и менее продолжительным, что может свидетельствовать о разном влиянии политики протекционизма в развитых капиталистических странах на внешнюю торговлю латиноамериканских государств. В обоих случаях после продолжительного нетто-притока капитала кризис породил инверсию - переход к нетто-оттоку капитала. Вместе с тем очевидно, что фактор внешней задолженности в 80-х годах сыграл более значительную роль.

Сравнивая причины и итоги двух спадов, известный на Западе специалист по международным сопоставлениям экономической динамики А.Мэддисон подчеркивает, что среди слаборазвитых районов мира Латинская Америка была наиболее пострадавшей частью. То же можно сказать и о 80-х годах. В поисках объяснения Мэддисон справедливо выделяет особо тесную привязанность латиноамериканского региона к экономике США - тому центру МКХ, который в кризисные годы продемонстрировал наибольшую нестабильность¹⁶.

Говоря о сходствах и различиях двух экстраординарных спадов, вновь следует подчеркнуть резкий поворот в экономической политике латиноамериканских государств. Но сей поворот был разнонаправленным. В первом случае - в сторону усиления вмешательства государства в экономическую жизнь, непосредственного участия в производстве и переориентации на внутренний рынок; во втором - к

Таблица 4

Сопоставление темпов прироста (снижения) ВВП в 30-х и 80-х годах (в%)

Страна	Диапазон колебаний	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	Изменение за 10 лет
Аргентина	-14,1-+8,1	4,6	14,1	6,9	-3,3	4,7	7,9	4,4	1,2	8,1	1,3	5,7
Бразилия	-3,4-+9,1	0,7	-3,4	-0,6	1,1	5,6	6,8	2,8	9,1	2,6	4,1	32,1
Гондурас	-10,4-+6,5	-0,1	6,5	2,2	-10,4	-6,2	-3,1	-4,4	1,8	-4,4	5,8	-12,8
Колумбия	-2,1-+11,2	3,6	-0,9	-1,6	6,6	5,6	-2,1	11,2	5,3	1,6	6,5	41,1
Мексика	-16,2-+10,7	-3,3	-6,8	3,7	-16,2	10,7	6,6	5,1	10,4	3,4	1,8	12,9
США (ВВП)	-14,7-+13,9	6,7	-9,8	-7,6	-14,7	-1,8	9,1	9,9	13,9	5,3	-5,0	1,8
Страна	Диапазон колебаний	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	Изменение за 10 лет
Аргентина	-6,7-+5,8	-6,7	-5,8	2,6	2,4	-4,4	6,0	2,1	-2,8	-4,5	-2,0	-13,3
Бразилия	-3,4-+8,4	-2,0	0,6	-3,4	5,1	8,4	7,5	3,7	0,0	3,6	-4,0	14,2
Гондурас	-1,8-+5,1	1,0	-1,8	-0,1	2,5	2,0	4,7	4,7	4,9	2,3	-1,0	20,4
Колумбия	+1,0-+7,1	2,3	1,0	1,9	3,8	3,8	6,9	5,6	3,7	3,4	3,5	42,4
Мексика	-4,2-+8,4	8,3	-0,6	-4,2	3,6	2,6	-3,8	1,7	1,3	3,0	2,5	15,2
США (ВВП)	-1,9-+8,5	2,2	-1,9	5,0	8,5	3,4	2,8	3,6	4,4	3,3

Составлено и подсчитано по: Statistical Abstract of Latin America. Los Angeles, 1988. Vol.26. P. 832-857; CEPAL. Balance preliminar de la economia de America Latina y el Caribe. 1990. Santiago de Chile, 19 dic. 1990. P.25.

свертыванию участия государства в экономике и переключению внимания на внешний рынок, либерализацию внешнего обмена.

На всем протяжении 80-х годов экономическая динамика отдельных стран региона была крайне неустойчивой. Причем, распределяя их по темпам хозяйственного роста, приходится говорить о группировке не по степени динамичности развития, а по величине потерь в этом развитии.

Первая немногочисленная группа - это те страны, которым удалось избежать серьезного спада либо преодолеть его к середине десятилетия. По итогам 1981-1990 гг. они имеют прирост подушевого ВВП в пределах 0,4-16%. Среди таких стран - Колумбия, Барбадос, Чили, Парагвай и Ямайка. Вторая группа - государства, где сокращение рассматриваемого показателя оказалось в пределах среднерегиональной нормы (3-10%). К ним относятся Эквадор, Мексика, Бразилия, Доминиканская Республика, Коста-Рика и Уругвай. Третью группу составляют страны со значительным сокращением подушевого продукта (от 10 до 20%). Среди них - Тринидад и Тобаго, Панама, Венесуэла, Гватемала, Гондурас, Сальвадор. В четвертую группу входят страны с падением душевого ВВП, превышающим 20%. Это - Аргентина, Гаити, Боливия, Никарагуа, Гайана, Перу.

Рассматривая приведенную группировку, трудно вывести какую-то общую причинно-следственную связь между масштабом потерь в критические 80-е годы и особенностями национальных социально-экономических моделей или характером экономической политики, проводившейся в той или иной стране региона. Образно говоря, каждая латиноамериканская страна была "несчастлива по своему". Тем не менее можно все же установить некоторые взаимосвязи. С этой целью автором проведено ранжирование латиноамериканских государств по ряду ключевых экономических параметров.

Комментируя итоги сопоставлений, хотелось бы прежде всего предупредить, что не просматривается строгая зависимость между уровнем экономического развития, размером экономического потенциала и глубиной спада, наблюдавшегося в истекшем десятилетии. Сказывалось влияние очень многих факторов. Наименьшие потери от кризиса наблюдались по самым различным причинам. Так, речь может идти о ряде малых аграрных стран, которые слабо втянуты в оборот мировой экономики и в основном на нижних этажах совокупной производственной системы. Соответственно они слабо реагировали на неблагоприятные перепады внешней конъюнктуры. В редких случаях устойчивость национальной экономике придавало улучшение условий внешней торговли (пример - Парагвай). Иногда свою роль играло массивное рециклирование в национальную экономику наркочолларов (Колумбия, Боливия), что "спасало" от более глубокого спада. Нескольким государствам помогла противостоять кризису или преодолеть его последствия определенная адаптация к новым условиям включения в МКХ (Чили, Барбадос, Бразилия). Следует также обратить внимание на фактор внешнеэкономической поддержки, который существенно "амортизировал" спад в таких странах, как Сальвадор и Мексика.

Глубина кризиса по всем странам региона тесно коррелирует с

уровнем инфляции, что является показателем неустойчивости государственных финансов и в определенной мере - внутреннего рынка в целом. Другой тесно коррелирующий фактор - соотношение цен на экспортируемые и импортируемые товары.

В последнее время широкое хождение имеет тезис о пагубной роли избыточного государственного вмешательства в спаде 80-х годов. Порой устанавливалась прямая зависимость между удельным весом госсектора, степенью государственного вмешательства и величиной спада, ухудшением экономического положения в отдельных латиноамериканских странах. Формально такая связь прослеживается, хотя и не в явной форме. Но важно видеть содержание, стоящее за формой государственного вмешательства. На наш взгляд, следует обратить внимание прежде всего на то, в какой мере, в каких масштабах государство занималось "обобществлением убытков". Там, где в хозяйственной деятельности государства наблюдался именно этот крен, там и больше оказывалась, как правило, глубина спада.

Что касается наихудших условий хозяйственного развития в 80-е годы, то они, на наш взгляд, больше были связаны с другими обстоятельствами. Во-первых, это узкая экспортная специализация на товарах, испытавших резкое падение ценовой конъюнктуры. Яркий пример - Тринидад и Тобаго. Во-вторых, острые военно-политические конфликты, парализовавшие хозяйственную жизнь (Никарагуа, Гватемала, Сальвадор, позднее - Панама и Гаити).

Однако в наиболее тесной связи с глубиной спада находятся фактор внешней задолженности и различные показатели долговой нагрузки. Это лишний раз подчеркивает значение долговой проблемы для современного этапа социально-экономического развития латиноамериканских стран.

2. ФЕНОМЕН "ПЕРЕНАКОПЛЕНИЯ" ВНЕШНЕЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

С уверенностью можно утверждать, что внешний долг сыграл важнейшую роль в превращении циклического спада латиноамериканских экономик начала 80-х годов в экстраординарный кризис, а затем - в продлении периода неустойчивой конъюнктуры с преобладанием депрессивных тенденций. Между тем долговая проблема отнюдь не является первичным фактором. Она - производное сложных долговременных процессов, разворачивавшихся в МКХ и на его латиноамериканской периферии на предшествовавшем этапе, а также качественных структурных сдвигов в мировой экономике (а во многом и в мировой политике), которые обнаружились на рубеже 70-х и 80-х годов.

Хорошо известно: внешняя задолженность практически изначально - с провозглашения независимости латиноамериканских республик - стала спутником их экономического развития. Данная связь приобрела устойчивый характер с конца прошлого - начала нынешнего века, когда латиноамериканские страны превратились в постоянный объект вывоза капитала. Время от времени то в одних, то в других

государствах региона возникали долговые кризисы - резкое превышение оттока капитала над его притоком и резкое нарушение платежеспособности. Однако с определенной регулярностью происходили почти синхронные долговые кризисы, охватывавшие значительное число стран региона или их большинство. Так случилось в конце прошлого века и в 30-х годах нынешнего¹⁷. Долговой кризис последнего десятилетия стал для региона практически всеобщим. Правда, этот кризис охватил многие страны и в других частях мира. Но, пожалуй, именно в Латинской Америке он проявился в наиболее тяжелой (по экономическим факторам) форме. И, думается, не случайно кризис внешней задолженности начался с Латинской Америки (мексиканский мораторий - август 1982 г.).

Объяснение долгового феномена 80-х годов следует связывать с причинами трех типов. Во-первых, это - долговременные факторы и тенденции, которые обусловлены самой динамикой МКХ, а также существенным изменением его структур за последние десятилетия. Во-вторых, необходимо учитывать тенденции, порожденные резким изменением международной экономической конъюнктуры на рубеже 70 - 80-х годов. Причины третьего рода сопряжены с особенностями самой латиноамериканской периферии, с возросшей уязвимостью ее хозяйственных систем, особой "предрасположенностью" к долговому кризису.

Повышение степени концентрации производства и капитала, их централизация, усиление общественного характера воспроизводственного процесса, расширение масштабов и ускорение интернационализации экономической жизни - все это вело к разбуханию финансовой "надстройки" над материальным фундаментом производства. Интенсификация хозяйственных связей по всем линиям и все чаще поверх национальных границ требовала увеличения массы ссудного капитала, обеспечивавшего такие связи. Вместе с тем разбухание финансовой сферы было обусловлено и паразитической тенденцией - к опережающему росту фиктивного капитала, к дальнейшему его отрыву от материальной основы. Таков общий контекст МКХ на протяжении 60-70-х годов.

Повышенная задолженность стала обычным явлением. Это выразилось в растущей норме долговой "нагрузки", которую имели отдельные предприятия, компании и государства. Общий объем заимствований на международных рынках капитала в 1986 г. превысил уровень 1972 г. в 16 раз, а уровень 1980 г. - в 2,6 раза. Красноречивы и цифры, характеризующие потребительскую задолженность. К 1986 г. в США по сравнению с 1970 г. долги населения увеличились впятеро, в ФРГ - в 6, во Франции - в 8, в Англии - в 13,5 раза.

Отягощение долговой нагрузки означало рост общей уязвимости экономических систем от резких перепадов конъюнктуры. Между тем довольно равномерный процесс расширения рынка ссудного капитала в 70-х годах отмечен скачком, который связан с энергетическим кризисом, "революцией цен" (прежде всего из-за многократного повышения котировок нефти) и рецелированием экспортных доходов стран - производителей углеводородного сырья.

Еще одно следствие скачка цен (с точки зрения "вклада" в долговой

кризис) - тяжелый удар по развивающимся странам, являющимся импортерами нефти, который им пришлось компенсировать, прибегая к внешним источникам финансирования. Это обстоятельство, недооценивавшееся нами ранее, с полным основанием подчеркивает известный специалист по проблематике "третьего мира" А.Я.Эльянов¹⁸. В том же контексте следует привлечь внимание к недостаточной эффективности использования доступных в то время иностранных кредитных ресурсов, что превращало внешнюю задолженность в "самовоспроизводящийся" феномен.

Итог совокупного действия долговременных и кратковременных факторов - общее перенакопление капитала, особенно в его ссудной форме. А оно привело к существенному понижению "цены" кредитных ресурсов. К середине 70-х годов рыночная конъюнктура складывалась таким образом, что реальный ссудный процент (т.е. номинальный за вычетом инфляционного эффекта) порой оказывался отрицательным. Предложение ссудных средств превысило спрос на них. ТНБ активно конкурировали в переманивании клиентуры, предлагая довольно льготные условия кредитования. При этом как в центрах МКХ, так и на его периферии отчетливо обнаружилась неспособность к полному производительному использованию свободных капиталов.

Между тем во второй половине 70-х годов в центрах МКХ берет начало процесс радикальной технологической перестройки, основанный на последних достижениях НТР, и прежде всего на микроэлектронике. Именно эта перестройка во многом спровоцировала скоротечное изменение общеэкономической и финансовой конъюнктуры к концу 70-х - началу 80-х годов. Радикальная и массивная модернизация производства в передовых промышленных странах вызвала резкое повышение спроса на ссудный капитал, сокращение существовавшего ранее разрыва между предложением и спросом, а затем и превышение второго над первым.

Перепад финансовой конъюнктуры был усилен в конце 70-х - начале 80-х годов военно-политическими факторами - возрождением духа "холодной войны", эскалацией гонки вооружений, стремлением вывести ее на космический уровень, что в США сфокусировалось в программе СОИ. "Адекватно" тогда реагировала противоположная сторона - советская, подбрасывавшая свое горючее в "топку" эскалации. При различии экономических последствий они оказались более чем серьезными в обоих случаях. Что касается американского государства, то возросшее бремя военных расходов превзошло его способность к мобилизации собственных финансовых ресурсов. По оценкам В.Перло, с 1977 по 1987 г. реальная величина (с поправкой на инфляцию) военных расходов США удвоилась, составив 10% ВВП¹⁹. Правящие круги США взяли курс на покрытие финансового дефицита путем перекачивания капитала из других центров МКХ и его периферии. С этой целью стимулировалось увеличение процентных ставок в американских банках и завышение курса доллара.

Общий перелом хозяйственной конъюнктуры в МКХ на рубеже 70 - 80-х годов вызвал "прорыв" рыночной стихии и в валютно-финансовых отношениях. До этого (1971 г.) развитые капиталистические страны уже вынуждены были отказаться от твердого валютного стандарта

бреттон-вудской системы, перейдя на плавающую установку паритетов. Попытки позднее (1976 г.) восстановить былую стабильность посредством "ямайкской реформы" не увенчались успехом. В новых условиях обнаружилась неспособность основных экономических институтов межгосударственного регулирования поддерживать финансовое равновесие.

Экстраординарный циклический кризис начала 80-х годов максимально "реализовал" возросшую уязвимость экономики, накопившей повышенную долговую нагрузку. Неуправляемая внешняя задолженность стала одной из важнейших причин экстраординарной глубины кризиса и его разрушительного характера. Особое значение внешняя задолженность имела для "втягивания" периферии МКХ в экстраординарный циклический спад. И это красноречиво подтверждается примером латиноамериканских стран-дебиторов.

К началу 80-х годов ситуация "дешевых денег", обусловленная и объективными факторами (в том числе за счет разбухания финансовой сферы и тенденции к опережающему росту фиктивного капитала), неожиданно сменилась ситуацией "дорогих денег". К этому латиноамериканские государства оказались совершенно неподготовленными. Можно даже сказать, что в изменившихся условиях подорожал сам процесс экономического развития. Императив "догоняющего роста", который ставился под сомнение в дискуссиях 70-х годов в связи с попытками переориентироваться на удовлетворение "основных нужд" и на принципы "самоподдержки", на новом этапе видоизменяется, но отнюдь не отменяется. А между тем "догнать" становится все сложнее. Ведь в большинстве случаев разрыв между центрами и периферией МКХ имеет тенденцию к расширению, а с учетом современных технологических сдвигов — в особенности.

Для того чтобы догонять или хотя бы не отставать, необходимо технологическое и структурное обновление, особенно капиталоемкое в современных условиях. Тем временем с начала 80-х годов центры МКХ (и прежде всего США) стали "откачивать" капитал к себе. Именно там и в немногих НИС обеспечивается сейчас наиболее прибыльное и сравнительно надежное помещение капитала. А приложение его на латиноамериканской периферии связано с большим риском, с неустойчивостью, неопределенностью ситуации.

Есть основания полагать, что особая "предрасположенность" стран региона к долговому кризису в определенной мере сопряжена со специфическими качествами буржуазного общества, сложившегося на латиноамериканской периферии МКХ²⁰. Объясняя внутренние причины и факторы долгового кризиса в Латинской Америке, следует обратить внимание на деформированность, а в ряде случаев и ущербность существующей здесь системы производительных сил, подчиненное положение региона в международном разделении труда и обусловленное этим заторможенное и "очаговое" технологическое обновление экономики, а также специфику производственного базиса, внутреннего рынка, системы потребностей и механизма накопления. Немалое значение имеет и социальная психология господствующего класса, сказывающаяся на экономической политике правящих кругов.

Рассматривая внутренние истоки долгового кризиса 80-х годов,

следует обратить внимание и на 70-е годы - на тот период, когда происходило значительное обновление производственной базы во многих странах Латинской Америки. Существенное расширение масштабов импорта в значительной мере осуществлялось за счет переноса в регион технологии, уже отработанной в центрах МКХ. Массированный ввоз оборудования, другой техники осуществлялся и местными частными компаниями, и государственными корпорациями, реализовавшими крупномасштабные проекты промышленного и инфраструктурного строительства, и особенно ТНК, которые выносили в регион отдельные звенья своего производственного аппарата - главным образом те, что стали обременительными для центров МКХ в силу их трудоемкости, материалоемкости или экологической опасности. В результате промышленная структура латиноамериканских стран пополнялась относительно новыми и передовыми для них отраслями, но депрессивными для промышленно развитых государств.

При отставании экспорта ²¹ от наращивания импорта в общем торговом балансе региона образовалось крупное пассивное сальдо, которое удерживалось с середины 70-х до начала 80-х годов. Отрицательное сальдо могло покрываться и покрывалось "дешевыми" иностранными кредитами. Центры МКХ были прямо заинтересованы в продвижении своего экспорта и создавали для этого соответствующие финансовые условия.

Но переход к торговому пассиву в большинстве латиноамериканских стран объясняется изменениями не только в производственной базе, изменениями, которые, с одной стороны, продиктовывались собственными императивами хозяйственного развития, с другой - эволюцией международного разделения труда, новыми функциями, придававшимися периферии, и соответствующей переориентацией интересов ТНК. Далеко идущими оказались последствия транснациональной модернизации в сфере потребления. Система потребностей в странах региона все больше формировалась под воздействием "демонстрационного эффекта" и политики международных корпораций, которые, приходя на латиноамериканский рынок, проводили систематическую работу с тем, чтобы привить массовому потребителю "вкус" к своим торговым маркам и фирменным знакам, а соответственно и к западным жизненным стандартам. Подобная "транснационализация" внутренних рынков, достигшая крупных масштабов, подталкивала спрос на продукцию филиалов ТНК, стимулировала нерациональное расширение импорта.

Все эти тенденции пришли в противоречие с возможностями накопления и экспортными потенциалами отсталых и зависимых хозяйственных систем, все еще отягощенных архаичными укладами. Низкая эффективность этих систем на макроуровне обуславливалась и обуславливается сохранением устаревших форм собственности и производственных отношений, высоким паразитическим потреблением элиты, ограниченностью предпринимательской активности местной буржуазии, растратой значительной части национального дохода на репрессивные органы, армию, избыточную государственную бюрократию. К тому же фонд накопления и производственных инвестиций лимитируется значительным превышением перевода за рубеж диви-

дендов и процентов над поступлением ссудного и предпринимательского капитала, утечкой доходов по внутрикорпорационным связям транснациональных предприятий, "бегством" капиталов местной буржуазии в финансовые центры МКХ.

Это противоречие, возникшее в процессе формирования капиталистического общества и обострившееся в 70-х годах, в большинстве случаев стало разрешаться не путем преобразования самой системы (внутрихозяйственного механизма и его связей с центрами МКХ), а преимущественно путем наращивания внешней задолженности. Для латиноамериканской социальной элиты, для представляющих ее интересы правящих кругов финансовые "вливания" извне стали своего рода субститутотом реформ, которые могли бы расширить национальный рынок, упрочить базу для мобилизации внутренних накоплений, ограничить отток капитала в различных проявлениях. Легкий выбор в пользу внешнего долга, раздвигавшего узкие рамки экономического развития в условиях "дешевого" кредита, по своему существу был сделан правящими кругами латиноамериканских государств для того, чтобы избежать трудного для них решения, затрагивавшего коренные интересы олигархических групп. Такой выбор, такое консервативное и, как показали последующие события, конъюнктурное решение неконъюнктурного вопроса в определенной мере соответствовали устремлениям ТНК и ТНБ на этапе, предшествовавшем кризису начала 80-х годов. В условиях перенакопления ссудного капитала они без особых проблем мобилизовывали кредитные ресурсы для масштабированного продвижения экспорта из промышленно развитых стран и для поддержки расширяющейся сети филиалов ТНК, переходивших к освоению внутренних рынков латиноамериканской периферии, а также к созданию там экспорториентированных производств.

Одновременно и в соответствии с изменением политики ТНК и ТНБ происходило навязывание правящим кругам латиноамериканских стран упрощенных неомонетаристских концепций экономической стратегии. Специфическая социальная психология местной буржуазии проявилась в довольно быстром и в определенном смысле "буквалистском" восприятии предлагавшихся схем. Показательно в этой связи сопоставление форм и степени реализации неомонетаристских концепций в Латинской Америке и в центрах МКХ. Экономическая (а тем более внешнеэкономическая) либерализация была там весьма относительной. Она компенсировалась различными протекционистскими мероприятиями, сочеталась с активизацией косвенного государственного регулирования. Во многих же латиноамериканских странах в конце 70-х - начале 80-х годов (прежде всего в Аргентине, Уругвае и Перу), по существу, происходил демонтаж защитного механизма, ослабление регулирующей роли государства, контроля над внутрихозяйственными процессами и внешним обменом. Это способствовало активизации производственной деятельности иностранных компаний, но в гораздо большей степени - активности "кочующего" космополитического капитала, который ищет "горячих денег" в различного рода спекулятивных операциях. В свою очередь, ТНК воспользовались расширением рынка капиталов в самой Латинской Америке, льготным финансовым и коммерческим режимом для

укрепления своих филиалов в странах региона. На этом этапе экспансия ТНК базировалась уже не столько на "свежих" вложениях предпринимательского капитала, сколько на реинвестициях и на широко-масштабном привлечении ссудных средств как на внутренних рынках латиноамериканских стран, так и на международных.

По оценке Центра ООН по транснациональным корпорациям, участие кредитов, полученных филиалами ТНК, в формировании совокупной общей внешней задолженности латиноамериканских стран составило к 1982 г. 10%. Но реальное значение валютной задолженности этих предприятий выявится в том случае, если добавить те финансовые средства, которые были получены филиалами от банковских институтов самих латиноамериканских государств. Если первая цифра составила 38 млрд долл., то вторая - почти 48, т.е. 86 млрд долл. в совокупности²². Между тем многие латиноамериканские исследователи считают, что это не "потолок", нужно учитывать также скрытый и косвенный эффект. Кроме того, очевидно, что в тех странах, где активность ТНК слабо контролировалась, их "вклад" во внешнюю задолженность существенно выше.

Симптомы приближавшегося долгового кризиса стали проступать в конце 70-х годов при ускорявшемся вздорожании ссудных средств. Циклический кризис начала 80-х годов, обозначивший окончательный перелом конъюнктуры, поднял ссудный процент до беспрецедентно высокого уровня. Латиноамериканские страны-дебиторы оказались практически безоружными перед лицом таких изменений. Государства региона мало что могли противопоставить превращению ссуженных им "дешевых денег" в "дорогие деньги", которыми надлежало расплачиваться по накопленным долгам. В итоге разразился беспрецедентный долговой кризис.

Углубившаяся включенность региона в МКХ на основе производства и экспорта сырья (традиционная функция), а также на базе участия в международном разделении труда как "частичного исполнителя" в трудоемких, материалоемких и экологически грязных производствах, как поставщика продукции депрессивных - для центров МКХ - отраслей (новая функция) усилила уязвимость национальных хозяйственных систем относительно перепадов внешней конъюнктуры. Эта уязвимость была умножена возросшей финансовой зависимостью. В таких условиях началась переброска издержек кризиса из ведущего центра МКХ - Соединенных Штатов. Прежде всего это выразилось в массовом оттоке капитала.

Исследование "Морган гаранти траст", опубликованное в 1986 г., показало, что для 18 крупнейших стран-дебиторов бегство капиталов за 10 лет (1976-1985 гг.) составило в общей сложности 200 млрд долл. Причем на Бразилию, Мексику, Аргентину и Венесуэлу пришлось 60% этой суммы. По данным МВФ, общая величина капитала, "бежавшего" из Аргентины, к 1984 г. оказалась равнозначной 72% внешнего долга этой страны²³.

Реагируя на резкое нарушение платежеспособности латиноамериканских государств, крупнейшие кредиторы приостановили новое финансирование ненадежных должников. 1982-1983 гг. - самые тяжелые годы долгового и общеэкономического кризиса. В то время латиноаме-

риканские страны пытались ценой огромных экономических и социальных издержек поддерживать минимальную платежеспособность. Но многие из них вынуждены были приостановить не только амортизацию основной суммы, но и выплаты по процентам. Вплоть до середины 80-х годов происходила мучительная адаптация, которая базировалась в основном на краткосрочных решениях. Правительства латиноамериканских стран оказались "пленниками" неустойчивой конъюнктуры. Постепенно - в основном с преобладанием интересов кредиторов - начал вырабатываться механизм реорганизации долгов. Но этот процесс ограничивался финансовой сферой, не затрагивая глубинных причин долгового кризиса. Поэтому и его преодоление оказалось неосуществленным. Фактически же произошло рассредоточение долгового кризиса во времени, его пролонгация.

Усугублявшаяся несбалансированность американской экономики вынудила правительство США внести существенные коррективы в свою политику. Прежде всего это выразилось в проведении курса на "подешевление" доллара. Расчет делался на повышение конкурентоспособности американских товаров и соответственно на выправление остро дефицитного баланса. Другие меры сводились к поэтапному и дифференцированному ограничению импорта, иными словами, к усилению протекционизма. Вместе с тем в 1985 г. впервые после 1914 г. США стали нетто-должником. По итогам 1989 г. их внешняя нетто-задолженность достигла 600 млрд долл. и имеет тенденцию дальнейшего увеличения.

В эволюции долговой ситуации истекшего десятилетия можно выделить несколько периодов, разделительными границами которых служат 1981-1982, 1985-1986 и 1988-1989 гг. Крутое нарастание внешней задолженности в конце 70-х - начале 80-х годов, когда годовые темпы ее прироста в целом по региону превышали 20%, резко затормозились с изменением конъюнктуры ссудного рынка. Это выразилось в беспрецедентном повышении международных ставок банковского процента²⁴. До 1981 г. перевод процентных платежей по внешнему долгу покрывался положительным сальдо по статье "движения капитала" - нетто-притоком валютных ресурсов. С 1982 г. обслуживание внешней задолженности ведется за счет истощения собственных ресурсов. Долг "съедает" даже искусственно увеличенный внешнеторговый актив. Но и этого оказывается недостаточно. Постоянным императивом обслуживания долга становится рефинансирование внешних обязательств. Немногие новые заемные средства, которые удается получить латиноамериканским дебиторам, почти исключительно направляются на погашение амортизационных и процентных платежей по истекающим срокам.

После того как Мексика в августе 1982 г. объявила о приостановке долговых платежей, прокатилась волна резкого нарушения платежеспособности целого ряда латиноамериканских государств. Так начался первый период - время крайней нестабильности и отсутствия реальной перспективы в урегулировании отношений дебиторов и кредиторов.

Мексиканский прецедент вызвал смятение в стане кредиторов. Ощущалось явное отсутствие приемлемых рецептов для крупномасш-

табных решений, которых требовала действительно критическая ситуация. По мере развертывания долгового кризиса банки-кредиторы и МВФ стали прибегать к практике реорганизации задолженности латиноамериканских стран, опробованной в ограниченных размерах еще в конце 70-х - начале 80-х годов. Она сводилась главным образом к продлению сроков амортизации без нового финансирования. Основная же цель, которую преследовали кредиторы, заключалась в обеспечении условий для продолжения оплаты процентов. С августа 1982 г. по июнь 1985 г. общая сумма реорганизованных долгов 13 стран региона составила 73,4 млрд долл., что было эквивалентно 19% их совокупного внешнего долга²⁵.

На первом этапе кредиторы проводили жесткую политику в отношении должников. В ходе переговоров 1982-1983 гг. средний амортизационный период установился на уровне 7,3 лет, маржа превышала 2 процентных пункта. Комиссионные в среднем взимались в размере 1,18%. Речь шла о безусловном выполнении "финансовой дисциплины". При этом особая роль отводилась МВФ, ставшему координатором действий кредиторов и арбитром "финансовой дисциплины". Процесс реорганизации дорого обошелся латиноамериканским должникам. Кредиторы сумели навязать им жесткие программы "ахусте" (или отладки экономики), которые, надо сказать, в ряде аспектов имели и вполне рациональный смысл. Обычные рецепты в рамках ахусте - сокращение государственных расходов и минимизация бюджетного дефицита, прежде всего за счет затрат на социальные нужды и субсидирование цен на товары первой необходимости; режим строгой экономии, оборачивавшийся ограничением массового потребления; антиинфляционные мероприятия при сдерживании роста зарплаты; либерализация валютного обмена; улучшение условий для частного предпринимательства при ограничении "малозффективного" госсектора.

Первое время в правящих кругах латиноамериканских стран-должников, так же как и в финансовых центрах МКХ, преобладало состояние растерянности. Ситуация неопределенности, естественно, усугублялась глубоким общеэкономическим спадом. Но постепенно в государствах региона стали вызревать собственные подходы. В процессе многосторонних переговоров в рамках ЭКЛА, ЛАЭС и других региональных организаций начинали складываться основы для ряда общих позиций. Итог первого раунда подвела Декларация Кито, принятая главами государств и правительств региона на конференции в Эквадоре (январь 1984 г.). С необычной - для языка официальных региональных форумов - жесткостью в декларации был поставлен вопрос об ответственности за долговой кризис "промышленно развитых государств", ТНБ, международных финансовых организаций, а не только латиноамериканских дебиторов. Сделан однозначный вывод о необходимости встречных шагов для решения проблемы и уточнены основные направления ее урегулирования: ограничение выплат по долговым обязательствам определенным процентом от экспортных доходов стран-дебиторов; сокращение долговых платежей путем снижения ссудного процента, комиссионных, маржи; существенное продление сроков погашения и льготного периода; перевод значительной части долгов в долгосрочные облигации; обеспечение нового внешнего кредитования; повышение уровня платежеспособности латиноамериканских стран путем улучшения условий их внешней торговли, ослабления протекционизма в центрах МКХ.

В течение 1984-1985 гг. напряженность нарастала. Требования, содержащиеся в Декларации Кито, получили подтверждение и развитие на самых различных региональных и субрегиональных форумах. В 1984 г. образована Картаженская группа, объединившая 11 крупнейшего должников Латинской Америки. Большой резонанс получили предложения кубинского руководства. В 1985 г. Ф.Кастро выступил с развернутым обоснованием того, что страны региона не в состоянии выплатить свой долг, и предложил, признав погашение невозможным, осуществить списание, используя для этого 12% от сокращения мировых военных расходов. Декларации латиноамериканских лидеров, получавшие поддержку в других регионах, усилившиеся антидолговые требования снизу - на уровне партий, профсоюзов и общественных организаций - способствовали переводу долговой проблемы из финансово-экономической (на чем стояли МВФ и ТНБ) в политическую плоскость. В сложившихся условиях в центрах МКХ, и прежде всего в США, почувствовали в долговом кризисе не только экономическую

угрозу. Это подтолкнуло выработку новых схем урегулирования долгового кризиса.

Резюмируя сказанное, для первого этапа можно выделить три основные черты: развитие долгового кризиса в условиях неблагоприятной для региона ситуации на рынках ссудного капитала (средний уровень процента - 10-12%, сокращение возможностей для получения "свежих" кредитов и т.д.); сохранение инициативы за кредиторами, их жесткий диктат и постепенное формирование коллективной позиции должников; доминирование "пожарных" мер по урегулированию ситуации в отдельных странах-должниках.

На втором этапе характер отношений латиноамериканских дебиторов с кредиторами меняется. Провозглашение Плана Бейкера на сеульском совещании стран - членов МВФ и МБРР в конце 1985 г. означало признание того, что прежний механизм рефинансирования долгов перестал срабатывать. В документах правительства США и выступлениях его представителей появились дипломатичные признания "неудовлетворенности" программами МВФ, необходимости расширения функций МБРР и ряда региональных кредитных институтов в решении долговой проблемы. С середины 80-х годов начинается некоторое увеличение финансирования латиноамериканских стран по государственной линии. Однако это было не столько проявлением политической воли государств-кредиторов, сколько результатом воздержанности ТНБ от нового финансирования сомнительных дебиторов.

О том, как План Бейкера был встречен в Латинской Америке, свидетельствуют высказывания известного аргентинского экономиста и банковского деятеля А. Феррера. "В этой инициативе, - отметил Феррер, - невольно признается необходимость облегчения процесса ахусте и его увязывания с развитием экономики. Она учитывает, что в будущем рефинансирование просроченных процентов в больших объемах окажется неизбежным. Отныне новые кредиты официальных и частных международных банков поставлены в зависимость от проведения такой экономической политики, которая открывает внутренние рынки дебиторов, либерализирует отношение к иностранным инвестициям и сокращает вмешательство государства в хозяйственные дела. Ряд идей, содержащихся в Плате Бейкера, несомненно, совпадает с решениями, которые необходимы Латинской Америке. Это, например, стимулы для частной инициативы и рационализация государственного управления. Но как общая парадигма экономической политики предложенные меры отражают интересы промышленленных стран и их понимание того места, которое должны занимать в мире латиноамериканские страны. В этом смысле предложенный план возрождает застарелый конфликт подходов и интересов и создает новый вызов осуществлению права каждой страны на выбор пути своего экономического и социального развития"²⁶.

Другое качественное отличие второго этапа - изменение соотношения сил на международном кредитном рынке. США уступают свое лидерство Японии, более существенную роль начинают играть финансовые центры Западной Европы. По данным на конец 1985 г., на японские банки приходилось уже почти четверть всех кредитов, предоставляемых международными коммерческими банками. В 1981 г. зарубежные активы японских банков составляли лишь 11 млрд долл., а к концу 1986 г. достигли 180 млрд долл.²⁷ В том же году впервые после второй мировой войны ни один банк США не вошел в десятку крупнейших финансовых институтов капиталистического мира. Список гигантов возглавили четыре японских, затем два французских и один западногерманский банк. Всего в первой десятке значилось семь японских банков. В списке 50 крупнейших ТНБ, опубликованном в 1989 г., представлены лишь четыре американских банка, столько же, сколько и английских. Представительство от Франции и ФРГ - по пять банков. Общий объем активов 50 ТНБ достиг 8,2 трлн долл., что примерно равно совокупному ВВП США, Англии, Франции, ФРГ и Италии. При этом на японские банки пришлось уже около 60% суммарных активов²⁸.

Выход Японии на передовые позиции как в финансовой области, так и на ряде

направлений промышленного производства, в развитии науки и техники - естественный итог продолжительного динамичного развития экономики с наивысшими для МКХ темпами. Накопление количественных результатов к 80-м годам (а можно было бы и уточнить - к середине десятилетия) дало качественный скачок. Изменения в международной валютно-финансовой и торговой конъюнктуре лишь подчеркнули это новое качество. В 1985-1986 гг. начинается прогрессирующее обесценение доллара и ревальвация иены. Одновременно происходит крутое снижение цен на нефть. Развитые капиталистические страны, являющиеся крупными импортерами этого товара, улучшают свой торговый баланс, особенно Япония. Новая ситуация при ограничении доступа японских товаров в США и Западную Европу заставляет сдерживать развитие экспортного производства в самой Японии, переходить к широкому инвестированию в центрах МКХ и рециклированию активов, накопленных во внешней торговле, в сферу международного кредита.

К середине десятилетия США, хотя и оставались основным кредитором латиноамериканских стран, начали уступать эту позицию (36-37% по сравнению с более чем 40% во второй половине 70-х годов). Вторым по весу кредитором оставалась Англия, которая начала уступать свое место Японии. И наконец, в совокупности финансовые центры Западной Европы вплотную подошли к доле США в латиноамериканских долгах. Рассматривая структуру внешней задолженности латиноамериканских государств, необходимо также учитывать определенный вес их взаимных обязательств. Согласно оценкам на 1989 г., объем этих обязательств в последние годы варьируется в пределах от 12 до 16 млрд долл.²⁹ Речь можно вести о 3-4% совокупного внешнего долга региона.

Другой отличительной чертой второго этапа является этатизация внешнего долга. В данном случае государство выполнило традиционную роль "обобществителя убытков". К середине 80-х годов преобладающая часть внешней задолженности практически во всех странах региона была взята под официальную гарантию. В свою очередь, это удовлетворяло не только интересы частных латиноамериканских дебиторов (укрепляя их финансовое положение), но и иностранных кредиторов, получавших подтверждение ответственности за выполнение обязательств, поставленных под сомнение.

Второй этап проходил на фоне некоторого оживления в экономической жизни ряда латиноамериканских стран. Произошло и кратковременное (1984-1985 гг.) улучшение условий внешней торговли, что возродило оптимистические ожидания. Начал формироваться новый - вторичный рынок долговых обязательств. С использованием этого рынка, образованного ТНБ, которые стремились избавиться от сомнительных обязательств дебиторов из "третьего мира", в ряде стран региона приступили к конверсии внешней задолженности в акции и облигации.

Латиноамериканские дебиторы перешли от деклараций к действиям. Правительства Бразилии и Перу отказались от практики заключения предварительных соглашений с МВФ. В 1985 г. перуанское правительство ограничило платежи 10% экспортных поступлений. Через год Бразилия пыталась установить предел для долговых платежей в размере 2,5% ВВП. На переговорах с кредиторами многие латиноамериканские государства стали более тесно увязывать проблему обслуживания долга с результатами развития своей внешней торговли и экономическим ростом.

Новые моменты в позиции латиноамериканских должников были конкретизированы уже в Декларации Монтевидео, принятой Картахенской группой в декабре 1985 г. Речь, в частности, шла о возвращении ссудного процента к "исторической норме", о разделении долга на "старые" и "новые" займы с дифференцированными условиями погашения, о существенном увеличении кредитов по официальным каналам, расширении кредитования со стороны МВФ для компенсации потерь от ухудшения условий торговли и завышения процентной ставки. Совместная платформа получила дальнейшее развитие на совещании глав восьми латиноамериканских государств в Акапулько (октябрь 1987 г.). Здесь наряду с прежними требованиями выдвинул ряд новых: создать механизмы, позволяющие должникам выходить на вторичный рынок долговых обязательств (т.е. погашать их со скидкой); пересмотреть политику международных финансовых институтов с ориентацией их на цели развития, а не на финансовую стабилизацию; ограничить нетто-отток капитала из региона; увязать долговые платежи с доступом товаров для погашения задолженности наименее развитым государствам. Наконец, участники встречи оговорили свое право в случае необходимости в одностороннем порядке принимать меры к ограничению платежей. Это означало официальное подтвер-

ждение правомерности уже имевшихся прецедентов.

Второй период характеризовался изменением подхода кредиторов по двум аспектам. С одной стороны, за счет вторичного рынка и введения новых схем погашения ТНБ сумели заметно снизить риск прекращения платежей. С другой стороны, они предприняли усилия с целью нейтрализовать политическую интерпретацию долговой проблемы.

Уже провозглашение Плана Бейкера (конец 1985 г.) означало осознание необходимости крупномасштабных международных акций, скоординированного вмешательства государственных органов стран - кредиторов в решение долговой проблемы. Де-факто признав свою неспособность на основной финансовый вклад в решение этой проблемы, США тем не менее стремились оставить за собой руководство процессом коллективного урегулирования. Это противоречило новому соотношению сил и несовпадению интересов различных групп ТНБ. На "долговую арену" вышла внушительная финансовая сила. На сессии ЮНКТАД (1987 г.) эффектно прозвучало предложение Японии о трехлетней "программе помощи" в 30 млрд долл., часть которой предназначалась для несвязанных кредиторов для стран-дебиторов из "третьего мира".

После объявления Плана Бейкера кредиторы начали не только расширять масштабы рефинансирования, но и диверсифицировать формы погашения задолженности. В отличие от первого этапа, когда было осуществлено крупномасштабное рефинансирование только мексиканского долга, со второй половины 1985 г. до конца 1987 г. аналогичные операции были проведены для Аргентины, Бразилии и Венесуэлы. Общие же размеры реорганизации (рефинансирования) за указанный период превысили 204 млрд долл., что эквивалентно половине общей задолженности региона. Прочно вошла в практику конверсия долгов в акции и облигации на условиях вторичного рынка.

Особенности второго этапа - ослабление долгового кризиса при некотором снижении уровня ссудного процента (до 7,5-8,5%)³⁰ и резком расширении масштабов реорганизации латиноамериканских долгов (с явным удлинением сроков погашения), а также определенная диверсификация рецептуры и методов урегулирования. Вместе с тем возможности получения новых кредитов оставались минимальными. В практических мерах по решению долговой проблемы наблюдалась параллельная активность кредиторов и должников.

Между тем произошла "генерализация" долговой проблемы в регионе. Критические ситуации стали возникать в гораздо большем числе стран, включая экспортеров нефти, положение которых резко осложнилось после падения нефтяных цен с конца 1985 года. Когда острота долгового кризиса временно ослаблялась вследствие широкомасштабной реорганизации в одних странах региона (Мексика, Венесуэла, Аргентина), она усугублялась в других (Бразилия, Эквадор, Коста-Рика и т.д.).

Итоги второго периода показали, что не давал позитивного эффекта и радикализм некоторых дебиторов (Бразилия, Перу). В конце концов им приходилось идти на попятный. И лишь тогда наблюдалось встречное движение кредиторов. Об этом свидетельствует история частичного моратория в Бразилии, окончившаяся июньским соглашением 1988 г. Возобновление отношений с МВФ, отход правительства от целого ряда "чрезмерных" требований встретили понимание в финансовых центрах МКХ. В результате была реорганизована половина долга на щадящих условиях (подобно тем, которые были предложены Мексике и Аргентине в 1986-1987 гг.).

Характеризуя третий период, начавшийся на рубеже 1988-1989 гг., следует отметить сохранение сложных внешнеторговых условий, прежде всего все еще неблагоприятного соотношения экспортных и импортных цен для большинства стран региона и соответственно

трудностей в поддержании значительного актива торгового баланса - основного резерва платежеспособности. Вместе с тем в ряде латиноамериканских государств наметилась тенденция к частичному восстановлению притока иностранного предпринимательского капитала. Притом что ТНБ по-прежнему продолжали воздерживаться от нового кредитования латиноамериканских дебиторов, отмечалось некоторое расширение доступа последних к официальным источникам заемных ресурсов. Значительно расширился диапазон методов финансового урегулирования долговой проблемы. С образованием вторичного рынка открылась возможность активного использования конверсии внешней задолженности в акционерной и в облигационной формах. Отработан механизм реорганизации внешней задолженности, облегчились условия рефинансирования. Существенно увеличились сроки амортизации, уменьшилась маржа, до минимального уровня доведены комиссионные, взимаемые банками за реорганизацию задолженности. Дело дошло до официального признания правомерности частичного списания внешнего долга.

Уже на торонтском совещании (июнь 1988 г.) "семерки"- США, Япония, ФРГ, Франция, Англия, Италия, Канада - констатировалось, что практиковавшиеся схемы и методы урегулирования критических долговых ситуаций недостаточны для стабилизации положения в странах-дебиторах "третьего мира" и для нормализации их отношений с основными кредиторами. Большинство членов "семерки" (за исключением США), по существу, подтвердило тезис о нереальности погашения долга многими развивающимися государствами при сложившихся условиях, а также необходимость выхода за рамки традиционных схем и обращения к мерам "политического характера". Более того, впервые на столь высоком дипломатическом уровне руководители крупнейших капиталистических держав заговорили о прямом списании задолженности.

В течение 1988 и 1989 гг. в позициях крупнейших кредиторов отмечалось дальнейшее продвижение. Прежде всего это проявилось в США, которые вынуждены были приблизиться к подходам большинства в "клубе" крупнейших кредиторов. Администрация Дж.Буша произвела переоценку политики по долговой проблеме, предложив План Брейди (март 1989 г.). Подтвердив в нем традиционные тезисы о необходимости "структурных реформ" в странах-дебиторах, об индивидуальном подходе к урегулированию долговых ситуаций и о приоритете апробированных программ реорганизации, она добавила беспрецедентное для проводившейся прежде политики США положение о готовности к реальному сокращению внешней задолженности в развивающихся странах. На это, естественно, сразу же обратили внимание в Латинской Америке. В последнем исследовании ЭКЛА по вопросам внешней задолженности склонность США к действиям, направленным на сокращение латиноамериканских долгов, оценена весьма позитивно - как "подлинное новшество"³¹. Отмечалось, что План Брейди предполагает исправление "асимметричных последствий" осуществления международной стратегии "управления долгами", стимулирование политики реформ в странах-дебиторах и их экономического роста посредством добровольных акций (для каждого случая конкретно) по сокращению задолженности и процентных платежей коммерческим банкам. На этот раз, подчеркивали эксперты ЭКЛА, помимо декларации готовности, выражено намерение осуществить юридические и экономические меры с целью заинтересовать частные банковские институты в участии в подобных операциях. Но

вместе с тем в исследовании ЭКЛА признавалась недостаточность ресурсов, на которые делался расчет в Плане Брейди. По современным котировкам вторичного рынка 30 млрд долл. (как то обещано в плане) государственных ассигнований, мобилизуемых для целей "сокращения", могли бы покрыть лишь 13-14% латиноамериканских долгов и тех средств, которые уходят на их обслуживание³².

Отмечая заметный сдвиг в позициях кредиторов, нельзя не видеть, что реальные возможности уменьшения долгов ограничены как по категориям дебиторов, так и по срокам осуществления подобных операций. Согласно заявлениям, сделанным еще на торонтской встрече, речь может идти о частичном списании и о наименее развитых странах "третьего мира". Это означает, что обозначившейся возможностью смогут воспользоваться немногие латиноамериканские государства. Следует также иметь в виду, что поскольку латиноамериканские долги складываются по большей части из обязательств частным коммерческим кредиторам (в отличие, например, от африканских, где преобладает официальный компонент), постольку и препятствия для списания здесь более существенны.

Тенденции последнего времени убеждают, что в Латинской Америке проблема далека от своего решения. Долговой кризис миновал точку апогея, но страны региона вступили в полосу продолжительного "сосуществования с долгом". Тяжелые последствия такого сосуществования очевидны. Главное - декапитализация латиноамериканских экономик и серьезное торможение их технологического обновления, ограничение уровня жизни и соответственно емкости внутреннего рынка. Вместе с тем нельзя не обратить внимание и на другие аспекты.

Трудно отрицать, что в период относительного динамичного развития 70-х годов привлечение внешних кредитных ресурсов дало определенный эффект. Крупные займы позволили существенно расширить промышленную базу в ряде государств региона, модернизировать многие предприятия, создать новые отрасли. Таких примеров немало в Бразилии, Мексике, Венесуэле и некоторых других латиноамериканских странах. Это происходило как в транснациональном, так и в государственном секторах экономики. Между тем процесс промышленной модернизации оказался далеко не завершенным, не позволил заложить прочную базу платежеспособности латиноамериканских государств, уйти из "опасной зоны" внешней торговли и международного разделения труда, чтобы выйти на направления, обеспечивающие устойчивый и выгодный внешнеэкономический обмен. Не секрет и то, что во многих случаях внешние кредиты использовались для создания благоприятных условий транснациональным корпорациям без должной ориентации на отдачу в потенциал национальной экономики. Немало было и таких случаев, когда крупные заемные средства "растворялись" вследствие их непроизводительного использования, "престижного" применения, коррупции и т.п.

Но за различными прямыми и косвенными последствиями долгового кризиса, за его экономическими и политическими перепитиями можно увидеть и определенную глубинную суть, связанную с новыми условиями функционирования периферийных зон в общей системе МКХ. Так очевидно, что под влиянием долгового императива проис-

ходит своего рода "расчистка" экономического пространства на латиноамериканской периферии для распространения транснациональной организации производства и капитала. Это выражается в значительной либерализации внешнеэкономического обмена, в демонтаже механизма защиты национального производства и внутреннего рынка, в изменении пропорций непосредственного контроля собственности различными секторами (государственным, частным национальным и транснациональным) - во многом как следствие конверсии внешнего долга в акционерный капитал, в понижении издержек рабочей силы до уровня международной конкурентоспособности (фактически с ориентацией на сохранение "сравнительного преимущества" дешевой рабочей силы). Последнее достигается сокращением реальной заработной платы наемных работников не только низшего, но и среднего звена. Важную роль в понижении издержек на рабочую силу играет и рост "параллельной экономики", что также связано с долговым кризисом, ибо попытки государства перераспределять долговое бремя усиливают стремление предпринимательских кругов к уходу в "неформальный сектор". Поскольку же происходит подчинение института государства долговому императиву, существенно меняется логика "поведения" этого института. Становясь гарантом обслуживания внешней задолженности, государство вынуждено пренебрегать многими прежними экономическими и социальными функциями и все больше склоняться к обеспечению общих условий воспроизводства не в национальном, а в транснациональном контексте. Очевидно также, что долговой императив заставляет отказаться от ряда стратегических ориентиров в изменении участия национальных экономических систем в международном разделении труда, искать в нем иные "ниши".

Все это, если не прямо, то косвенно связано с новой волной технологического обновления. Да и в предыдущий период внешняя задолженность была одним из важнейших средств подтягивания латиноамериканской периферии до уровня индустриальной системы производительных сил, когда центры МКХ уже находились на последнем этапе ее развития и вступали в стадию перехода к новой системе - научно-технической или "микрорелектронной".

Рассматривая тему перестройки производства и инкорпорации технического прогресса в экономику латиноамериканских стран, известный чилийский экономист Ф.Файнзильбер отмечал: "Перспектива, которая в этой связи открывается перед развитыми странами и Латинской Америкой, совершенно различна. В развитых странах основная мотивация - международная конкурентоспособность. В Латинской Америке 80-х годов обслуживание задолженности вызвало изменение в производственной структуре, повсеместно склоняя к максимизации торгового актива, что отнюдь не означает обязательного повышения конкурентоспособности. В то время как в развитых странах перестройка производства преследует цель конкурентоспособности, понимаемой как способность укрепить позиции на международном рынке и поддерживать либо повышать уровень жизни населения, в регионе производственная перестройка позволяет создать поток валюты для обслуживания внешней задолженности, сокращая уровень жизни населения. В этом и заключается разница между кон-

курентоспособностью с инкорпорацией технического прогресса и конкурентоспособностью на базе сокращения дохода"³³. Иными словами, с точки зрения общих процессов в МКХ долговой кризис как бы призван заставить латиноамериканскую периферию адаптироваться к новой роли в этой системе, к новым формам экономического подчинения во взаимозависимой, но диспропорциональной мирохозяйственной системе.

3. ИМПЕРАТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБНОВЛЕНИЯ

Основываясь на факте радикальных изменений в науке и технике, рождения новых, более мощных производительных сил, многие советские исследователи уже в 60-х годах делали вывод о революции в производстве, отождествляя научно-техническую революцию (НТР) с производственной. Между тем вплоть до 70-х годов даже в самых развитых странах не наблюдалось массового перехода к технологическому укладу, адекватному новой производственной революции - к комплексно-автоматизированным и научно управляемым системам. Автоматизированные процессы с широким использованием управляющих аппаратов оставались маленькими островами в море машинно-конвейерных производств.

В исследованиях 80-х годов справедливо отмечалось, что НТР, делая свои первые шаги, далеко не всегда и не сразу вела к качественному преобразованию сложившегося производственного аппарата и используемых технологий. В передовых отраслях господствовали привычные, хотя и усовершенствованные технологии. Сохраняли свои позиции классические конструкционные материалы и энергоносители. Прогресс проявлялся главным образом в наращивании единичной мощности агрегатов, технологических линий, транспортных средств, в увеличении их способности перерабатывать (или перемещать) за единицу времени все большую массу первичного сырья и полуфабрикатов, энергоносителей и самой энергии³⁴.

Возможность массовой трансформации производства и утверждения нового технологического уклада возникла позднее - после появления электронных микросхем и микропроцессорной техники. Они начали находить широкое применение в первой половине 70-х годов в производстве военного оборудования, а в гражданском секторе - лишь во второй половине 70-х годов. С другой стороны, действовала экономическая потребность. "Сужение источников экстенсивного роста, нарастание ресурсных ограничений привели к изменению характера технического развития. Сложилась объективные предпосылки для ускоренной материализации накопленного наукой задела, для преобразования на новой технической основе не только отдельных отраслей и производств, но и производственного аппарата в целом. Необходимость перехода к преимущественно интенсивному типу развития предопределила качественный сдвиг в производительных силах, технологический переворот во многих отраслях производства и областях непроизводственной сферы. Все более непосредственное и органиче-

ское соединение научно-технической революции с производством позволяет сделать вывод о ее постепенном перерастании в новое качественное состояние, которое можно было бы охарактеризовать, например, как фронтальный технологический переворот или, точнее, как научно-производственную революцию³⁵.

Именно микроэлектроника дала основу принципиально новому технологическому укладу, поскольку позволила новым техническим средствам проникнуть во все "поры" воспроизводственного механизма. Благодаря микроэлектронике стали возможными быстрая и непосредственная реализация научного продукта в производстве, научное регулирование его развития и научное "авансирование" его прогресса. Начавшаяся производственная революция призвана органично и непосредственно включить науку в воспроизводственный процесс, в полной мере реализовать ее качество как мощной производительной силы. Исходя из этого, представляется правомерным уточняющее определение последнего переворота как революции научно-производственной³⁶. Отражают суть качественной трансформации и некоторые другие определения - информационно-производственная, микроэлектронная революция.

С каким же техническим и научным багажом подошла Латинская Америка к рубежу новой производственной революции? Очевидно, что между двумя экстраординарными кризисами (30-х и 80-х годов) в развитии материально-технической базы здесь произошли сдвиги принципиального значения. В большинстве стран региона осуществлен переход на индустриальную систему производительных сил. Во многих сформировалась собственная сфера НИР. Переход на новую систему производительных сил адекватен тому процессу, который по традиции именуется индустриализацией. В рассматриваемый период он действительно стал определяющим направлением экономического развития латиноамериканских государств, но реализовался в специфической форме импортзамещения. Импортзамещающая модель, разумеется, не является латиноамериканским "изобретением". Она вообще свойственна странам "догоняющего развития". Особенность Латинской Америки связана с периферийно-зависимым типом ее осуществления.

В ходе импортзамещающей индустриализации происходило поэтапное и разновременное продвижение латиноамериканских стран вверх по ступеням совокупной производственной системы. Большинство государств региона прошло первичную стадию замещения традиционных промышленных изделий потребительского назначения (легкая промышленность). Многие включились в производство потребительских товаров длительного пользования. Некоторые (наиболее развитые) освоили выпуск "промежуточных" инвестиционных товаров. В немногих началась сперва сборка, а потом собственное производство транспортных средств (наземных и водных). В странах "большой тройки" освоен выпуск части традиционного промышленного оборудования (металлорежущего, кузнечно-прессового, шлифовального), а также отдельных видов тепловых двигателей, электромоторов, турбин. В 70-х годах там же возникают предприятия электронной промышленности. Однако к началу 80-х годов лишь Бра-

зилии удалось создать относительно автономный комплекс по изготовлению мини- и микрокомпьютеров и периферийных устройств. Стратегия индустриального импортзамещения реализовывалась не только на национальных рынках. В 70-х годах она применялась и в масштабах субрегиональных интеграционных группировок.

Отмечая несомненный технический прогресс (особенно в 60-е и 70-е годы) на путях импортзамещающей индустриализации, нельзя не видеть ряда негативных аспектов. Прежде всего следует обратить внимание на то, что в процессе импортзамещающей индустриализации в странах региона создавались предприятия, слабо приспособленные к саморазвитию. В условиях латиноамериканской периферии МКХ импортзамещение предполагало отгораживание нарождавшейся промышленности от внешней конкуренции высокими таможенными барьерами (национальными либо зональными). Сформировавшись, новые предприятия при продолжении таможенной протекции теряли многие стимулы к обновлению и совершенствованию технологических процессов, применяемого оборудования.

В сложившейся системе индустриальных производительных сил способность предприятия предъявлять спрос на технические новшества и информацию, привлекать специалистов для научного решения производственных задач возникает при крупномасштабном производстве, когда появляются возможности концентрации ресурсов с долгосрочной перспективой. Характерным же признаком латиноамериканских экономик оставался значительный удельный вес мелких и средних предприятий. Однако по мере расширения внутренних рынков и формирования субрегиональных, по мере роста возможностей экспорта готовых изделий благодаря сравнительно низким издержкам производства по отдельным товарным группам в Бразилии, Мексике, Аргентине, а также в Венесуэле, Чили, Колумбии и Перу увеличивалось число достаточно крупных предприятий. Между тем, как показала практика, это мало что давало для активизации НИР производственного назначения.

Объяснение во многом следует связывать с субъектом собственности. Владельцами наиболее крупных и передовых предприятий, как правило, являлись ТНК. В 70-х годах они перешли к массивированному вторжению в обрабатывающую промышленность латиноамериканских государств. При этом ТНК сосредоточили свою деятельность в наиболее динамичных отраслях, требующих крупномасштабного производства и внедрения достижений технического прогресса. Прежде всего их привлекали страны с многопрофильным хозяйственным комплексом, с достаточно емким рынком и относительно развитой инфраструктурой.

Между тем перенос производства из центров на периферию МКХ, осуществлявший-ся ТНК даже в крупных масштабах, отнюдь не означал перемещения НИР. На рубеже 60-70-х годов американские ТНК расходовали на территории США 97,4% всех средств, направляемых на исследования и разработки, и только 2,6% - за границей, но преимущественно в Западной Европе и Канаде³⁷. Статистика конца 70-х и начала 80-х годов свидетельствует, что объем НИР, проводимых за рубежом, увеличился (особенно при инвестировании в промышленно развитых зонах) и доли процента стали приходиться на развивающиеся страны³⁸. Однако если выяснить содержание НИР, производимых в латиноамериканских филиалах, то окажется, что преобладающая часть сводилась к лабораторным испытаниям материалов и контролю качества продукции. Нельзя забы-

вать, что для ТНК смысл участия в развитии современных производств на периферии определяется сравнительными издержками при сохранении контроля над производством, реализацией и распределением научно-технических знаний.

Что касается роста производства на основе местного частного капитала, то и он не создавал достаточных стимулов для технологического обновления. Ведь местные финансово-промышленные объединения, которые контролировали крупные национальные предприятия частного сектора, чаще всего складывались в результате захвата ограниченных внутренних товарных рынков, легко подававшихся монополизации. Не имея "близких" конкурентов, они стремились получить доступную импортную технологию "в пакете". Им достаточно было незначительных улучшений для того, чтобы удержаться на поверхности. В том же случае, когда над ними нависала тень мощного иностранного конкурента, подобные объединения, чувствуя уязвимость своих позиций, обычно находили выход не в укреплении технического потенциала за счет местных ресурсов, а в покровительстве государства и в соглашении с конкурентом и перенимании его технической политики и стандартов.

Многие латиноамериканские социологи полагают, что в процессе периферийного капиталистического развития образовалась буржуазия особого склада, со специфической психологией. Характеризуя буржуа традиционного типа, мексиканский ученый О. Флорес де ла Пенья подчеркивал: что "речь идет о предпринимателе преимущественно в первом поколении; он имеет слабую подготовку, сформировался благодаря самообразованию; от вложения капитала, рассматриваемого как временное, а не долгосрочное предприятие, хочет побольше барыша, а не повышения рентабельности. У него торгашеское происхождение, отсюда склонность к спекуляции и легким деньгам. Недостаток образования и культуры мешает ему стать новатором. Он предпочитает прибыль, основанную на низкой заработной плате, а не на росте производительности"³⁹. В 60-70-е годы на авансцену вышло следующее поколение. Новый буржуа по-своему стремился идти в ногу со временем, в его облике появились технократические черты. Большая часть предпринимателей, придерживаясь прагматической линии поведения, лишилась "националистических" предрассудков и в целом сделала исторический выбор в пользу компромисса и сотрудничества со "старшим" партнером (в лице ТНК) - чаще всего на условиях подчинения.

Нужно учитывать, что периферийным капиталистическим обществам присуща отличная от центров структура спроса и потребления. Покупателем технически сложных и новых товаров являются малочисленные группы населения с высокими доходами, а потребление масс сводится к продуктам, не требующим совершенного производства. А это позволяет с достаточной прибылью сбывать изделия, созданные на базе технологии "вчерашнего дня". Покупатели с высокими доходами, зараженные зарубежной "модой", воспитанные на стандартах западного "общества потребления" и имитировавшие его образ жизни, своим спросом стимулировали механическое заимствование зарубежной технологии. Между тем в латиноамериканских странах именно на эти слои вольно или невольно ориентировались современные предприятия, производящие товары длительного пользования.

Ряд негативных факторов связан с условиями ценообразования. Относительно дешевизна рабочей силы и многих видов сырья, с одной стороны, и сравнительно высокие цены на оборудование - с другой, не стимулировали частный капитал к техническому обновлению в той мере, в какой это происходило в развитых капиталистических странах. Что касается местных производителей, то активная замена рабо-

чих рук техническими средствами часто означала уменьшение одного из их основных конкурентных преимуществ - низких издержек на заработную плату. Для ТНК сокращение доли живого труда на периферийных предприятиях также не имело большого смысла. Во-первых, именно низкие издержки на переменный капитал, как правило, служили основным мотивом перевода части производства на периферию. Во-вторых, технология, которая в центрах уступала место новым, более инженерно- и наукоемким методам производства, еще значительное время продолжала приносить коммерческий эффект на периферии.

Конечно, со временем момент технического обновления неизбежен и для филиалов. Это происходит хотя бы потому, что существует необходимость технологической совместимости центральных и периферийных предприятий. Однако, поскольку обновление на периферии отстает на фазу, перед филиалами практически на стояла дилемма: обращаться к НИР на месте либо брать готовую технологию у головных предприятий ТНК. За незначительными исключениями они шли вторым путем, и не только по причине административного подчинения штаб-квартирам (известно много филиалов, пользующихся большой административной и коммерческой самостоятельностью), возможности получения от них технологии на "родственной" основе или в силу особого сочетания "факторов производства" на периферии, но и вследствие вторичности фазы технологического обновления.

На периферии МКХ государство, преодолевающее инерцию местного частного капитала, традиционно выполняло особые функции, связанные с попытками структурной перестройки экономики "сверху". И Латинская Америка - красноречивый пример. В отдельных случаях с 30-х, а в большинстве с 50-х и 60-х годов в странах региона важнейшим направлением экономической политики государства стала индустриализация. Однако, как подчеркивал О. Сункель, изменения процесса экономического развития в "духе промышленного переворота" - на что делался расчет, когда принимался курс на индустриализацию, - не произошло. По его мнению, "круг развития замкнулся", поскольку политика индустриализации в конечном итоге выродилась в "простой придаток развития производства предметов потребления"⁴⁰.

Концентрация усилий государства на замещении импорта, часто лишь в целях улучшения торгового баланса, ослабляла внимание к вопросам технической политики, которая не увязывалась с необходимостью формирования национального научно-технического потенциала. С образованием в национальной экономике значительного госсектора государство становилось и предпринимателем, владельцем крупных предприятий в наиболее капиталоемких отраслях. Такие предприятия предъявляли спрос и на технические новшества. Но, поскольку усилия государства в производственной сфере не сопровождались соответствующими мерами в научно-технической области, спрос продолжал удовлетворяться за счет ввоза зарубежной технологии.

Когда латиноамериканские страны пошли по пути импортзамещающей индустриализации, значение технологической зависимости повысилось. В процесс переноса зарубежной технологии был вовлечен более широкий сегмент экономики (помимо сырьевого экспортного сектора и обслуживающего его транспорта, также производство на внут-

ренный рынок). По мнению К.Вайтоса (одного из творцов экономической стратегии Андской группы), если в общей сумме капитала, функционирующего в обрабатывающей промышленности латиноамериканского региона к началу 70-х годов, иностранные инвестиции не превосходили 20%, то "импортируемая технология составляла большинство, а в некоторых случаях - в частности в отраслях с высокой технической насыщенностью - и все используемые методы производства..."⁴¹.

По существу, лишь в конце 60-х годов началось вмешательство государства в процесс научно-технического развития. Но нередко это сводилось к административным мерам по созданию центральных ведомств, имеющих довольно ограниченные функции: в основном консультативные и координационные. Не имея реальных полномочий и достаточных средств, они не могли повлиять на изменение направленности НИР, на привлечение производственных предприятий к решению задач технического обновления с опорой на национальные ресурсы.

Общественные условия на латиноамериканской периферии МКХ предопределяли место и роль науки, они же предопределяли как бы непересекающиеся (по параллельным линиям) развитие национальной науки и производства. "Автономное" (в отношении производства) развитие науки сказалось на деформации структуры НИР, проявилось в непропорциональном смещении центра тяжести в сторону "академической" тематики, которая к тому же разрабатывалась в пределах освоения или имитации того, что уже было сделано в центрах мировой науки.

О малой производственной ориентации сферы НИР свидетельствуют пропорции распределения персонала и затрат по основным секторам этой сферы и по типу исследовательских работ. Если в целом сравнивать структуру сфер НИР (по характеру выполненных работ) промышленно развитых и латиноамериканских стран, то обнаружатся диаметрально противоположные пропорции. Структуру НИР можно представить как ступенчатую пирамиду, в основании которой находятся разработки производственного характера (по удельному весу в совокупных материальных и трудовых затратах), выше - прикладные исследовательские работы и на вершине - фундаментальные исследования. В этом случае структура НИР развитых стран будет представлена нормальной пирамидой с широким основанием и суженной вершиной. Структура НИР латиноамериканских стран (разумеется, с определенными отклонениями для каждой из них) будет выглядеть как перевернутая пирамида. "Ступень" прикладных исследований в обоих случаях в общей пропорции будет почти равновелика (относительно). Однако следует иметь в виду, что в ведущих капиталистических странах (таких, как США, Англия и Франция) это связано со значительным удельным весом работ военного характера, большая часть которых зачисляется в разряд прикладных. Но, с другой стороны, необходимо учитывать, что в составе прикладных исследований в странах региона доля строго целенаправленных разработок прямого производственного назначения значительно меньше.

Непроизводственная ориентация НИР сочеталась с недостаточной продуктивностью исследовательской работы. Разумеется, это объясняется значительно меньшими, чем в развитых странах, численностью научных работников и объемом финансирования НИР, иным

лабораторным оборудованием. Но и в том случае, когда берется сопоставимое число исследовательских кадров, показатели эффективности научной работы для Латинской Америки обычно оказываются значительно ниже. Об этом, в частности, можно судить, обратившись к статистике научных публикаций⁴². Конечно, рассматривая ее, следует иметь в виду, что опубликованные работы имеют различное содержание элементов новизны и оригинальности, их конструктивный вклад в научный прогресс далеко не равнозначен. Но это, увы, не поддается точному измерению.

Статистика научных публикаций характеризует состояние в промежуточном звене общей цепи "наука - производство", причем в ближайшем к исходному - "академическому". Между тем эффективность НИР в конечном счете определяется реализацией их результатов в производстве. Из-за отчуждения сферы НИР от сферы производства конечный эффект меньше. В значительной степени это объясняется преобладанием импульсов предложения над импульсами спроса в производственном потреблении научно-технической информации⁴³.

Возможность повышения продуктивности НИР, эффективного использования их результатов определяется барьером "критической массы". В масштабах страны минимальная "критическая масса" научных кадров в 70-х годах оценивалась в 6 тысяч⁴⁴. Этот рубеж к концу 70-х - началу 80-х годов смогли преодолеть лишь Аргентина, Бразилия и Мексика; приблизились к нему Чили и Венесуэла, но довольно далеко отстояли даже Перу и Колумбия. Разумеется, суть дела не в достижении некоего абстрактного индекса "критической массы". Он имеет большие вариации в зависимости от конкретной области, конкретной задачи. "Критическая масса" все больше обеспечивается условиями, при которых усилия научных и инженерных кадров и соответствующие финансовые средства направляются на практическую реализацию, а производственные предприятия непосредственно заинтересованы обращаться к использованию возможностей НИР. Все это предполагает изменение в системе подготовки кадров, в механизме мобилизации и распределения финансовых и материальных ресурсов, в научно-технической политике государств, а также в хозяйственном и информационном законодательстве. Но главное - необходимость серьезных изменений в экономическом базисе, в отношении основных субъектов хозяйственной деятельности к национальной сфере НИР.

Периферийное положение региона характеризуется рядом цифр, которые выражают среднюю степень развитости на различных ступенях совокупного производства - материального и духовного (см. табл. 5). Из приведенных данных явствует: чем выше ступень совокупной производственной системы, чем больше содержание научно-технического компонента в том или ином виде производящей деятельности, тем скромнее участие латиноамериканских стран. Если за "знаменатель" адекватного (на уровне среднемирового) участия в различных видах деятельности принять удельный вес в мировом населении, а за коэффициент развитости - отклонение от этой процентной доли, то для Латинской Америки в целом мы получим следующую пропорцию. Что касается синтетического показателя, характеризующего общий объем хозяйственной деятельности, коим является ВВП, то коэффи-

циент развитости (отставания) составит 0,87; для ступени обрабатывающей промышленности (в целом) - 0,75; с точки зрения обеспеченности кадрами высшей квалификации - 0,30; относительно инвестиций в НИР - 0,22; в позициях продуктивности науки - 0,16.

Таблица 5

Доля Латинской Америки в общемировых показателях по состоянию на начало 80-х годов (в %)

Показатель	Доля
Численность населения	8,0
Объем ВВП (ВВП)	7,0
Продукция обрабатывающей промышленности	6,0
Производство промышленного оборудования	3,0
Компьютерный парк (1)	
ЭВМ всех категорий (по числу)	3,0
крупные ЭВМ (по числу)	3,3
крупные ЭВМ (по стоимости)	2,3
Количество инженеров и научных работников	2,4
Число изобретений, предъявленных к патентованию (2)	2,4
Финансовые затраты на НИР	1,8
Число авторов, опубликовавших научные работы	1,3
Число статей в ведущих научных журналах международного распространения	1,1
Число отсылок в научной литературе (3)	0,6

Примечания:

1 - 1981 г.;

2 - в среднем за 1981-1984 гг.;

3 - ссылки на работы латиноамериканских ученых, опубликованные в 1980 г., в мировой научной литературе за 1980-1984 гг.

Составлено по:

SELA/IBI. El reto informatico y sus implicaciones en America Latina. Buenos Aires, 1988. P. 75-76; SELA. Servicios de datos en America Latina y el Caribe. Buenos Aires, 1988. P. 198-199; BID. Progreso economico y social en America Latina. Informe 1988. P. 307-340; Fainzylber, F. Amerique Latine: restructuration productive et incorporation du progres technique // Revue de l'energie. P., 1988, - 254 - N 406. P.601.

В свое время автором была предложена классификация латиноамериканских государств по уровню научно-технического развития и размеру научно-технического потенциала⁴⁵. Позднее она была актуализирована применительно к концу 70-х - началу 80-х годов в упрощенном варианте⁴⁶. Пользуясь более полными исследованиями, опубликованными в 80-х годах, и уточненной статистикой, представим усовершенствованную схему классификаций. Она опирается на показатели, характеризующие воплощение научно - технических знаний в "средней степени искусности" первой производительной силы, масштабы и уровень развития сферы НИР, внедрение изобретений и усовершенствований в производство - все это при соотношении с общими параметрами производственной системы, экономики в целом, с учетом результатов типологического анализа, проведенного в предыдущих главах. При этом различаются два аспекта. С одной стороны, общий уровень научно-технической культуры (относительная равномерность либо неравномерность ее распространения в социальном массиве), с другой - абсолютные размеры научно-технических потенциалов, которые при значительной величине создают "критическую массу", открывающую перспективу для повышения уровня развития.

Отставание в первом случае может компенсироваться опережением во втором (либо наоборот), что нередко уравнивает шансы научно-технического прогресса стран с разновеликими уровнями экономического развития, численностью населения и суммарным объемом производства. Сопоставления, произведенные по указанным параметрам, позволили составить "шахматную" таблицу (см. табл. 6), в которой по горизонтали дается распределение стран по первому признаку (аспекту), а по вертикали - по второму. При этом "горизонтальное" размещение в трех графах означает принадлежность к типу стран, условно обозначаемому как "гомогенный" (А), "гетерогенный" (В) либо промежуточный (Б). Под этим обозначением подразумевается степень внутренней дисперсности технологических укладов, больший либо меньший удельный вес тех или иных укладов (от высшего к низшему).

Таблица 6

Классификация стран Латинской Америки
по потенциалу и уровню научно-технического развития

А	Б	В
1.	Бразилия	
2. Аргентина	Мексика	
3. Чили	Венесуэла	
4. Уругвай		Перу, Колумбия Эквадор
5. Коста-Рика	Панама	Боливия, Гватемала, Доминиканская Рес- публика, Сальвадор, Никарагуа, Парагвай
6. Барбадос	Тринидад и Тобаго, Ямайка, Суринам	Гондурас, Гаити, Гайана
7.	.Белиз, Сент-Люсия, Антигуа и Барбуда, Доминика, Сент-Винсент и Гренадины, Гренада, Сент-Киттс и Невис	

Первая группа ассоциируется с одной страной - Бразилией. Характеризуя научно-технический потенциал Бразилии, заметно оторвавшейся по научно-техническим показателям от основного массива латиноамериканских стран и даже от Аргентины и Мексики (в течение 70-х годов), необходимо признать, что возникшие здесь возможности научно-технического прогресса оказались весьма значительными даже по мировым стандартам. По объему создаваемого ВВП к концу 70-х годов Бразилия уже занимала 8-е место в капиталистическом мире, следуя за Канадой. По размерам промышленной продукции разделяла 8-10-е места с Испанией и Голландией. К началу 80-х годов Бразилия вошла также в первую десятку производителей и экспортеров военной техники. Это, однако, не означает, что ей в полной мере удалось достичь технического уровня промышленно развитых государств. Она выделилась благодаря большому абсолютному объему материального и духовного производства, продолжая уступать в относительных показателях, в гомогенности распространения современной технологии. Тем не менее в стране образовались мощные и довольно обширные

промышленные зоны, где средний технический уровень производства приблизился к стандартам развитых стран. Речь идет об ареалах Сан-Паулу и Белу-Оризонти. Не будет ошибкой утверждать, что по отдельности промышленный и научный потенциал таких зон сопоставим с потенциалами ряда малых стран Западной Европы. В Бразилии получили развитие многие современные отрасли промышленного производства (в частности, выпуск оборудования для обработки металлов, электротехнических изделий и электронной аппаратуры, широкая гамма химических производств, включая выпуск различных синтетических материалов). На ряде направлений технического прогресса бразильские предприятия приблизились к мировым стандартам (черная металлургия, нефтехимия, бройлерное производство). В 60-х и 70-х годах страна существенно продвинулась вперед в области автомобиль-, судо- и авиастроения. Сложился и военно-промышленный комплекс, где к началу 80-х годов производство велось на довольно высоком техническом уровне⁴⁷.

В крупных масштабах осуществлялось гидроэнергетическое строительство. Благодаря этому бразильские фирмы и их специалисты накопили значительный технический опыт. В середине 70-х годов развернута программа развития атомной энергетики (главным образом в сотрудничестве с фирмами ФРГ). И хотя первоначальные наброски пришлось умерить из-за финансовых трудностей 80-х годов, в стране создан немалый задел в этой области.

Известно, что в ряде случаев молодая бразильская промышленность обходила по производительности труда индустрию некоторых развитых капиталистических стран с традиционно высоким техническим престижем. Так, например, произошло в 1979 г., когда в сталелитейном производстве Бразилия превзошла английский уровень производительности. Но следует отдавать себе отчет в том, что подобные случаи до сих пор относятся к технологиям "второй руки", к тем видам производства, которые уже стали обременительными для центров МКХ и по отношению к которым ими проводилась вполне осознанная политика смещения в периферийные зоны мировой экономики.

Рост промышленного потенциала и повышение технического уровня производства связаны с заимствованием технологии из развитых капиталистических стран, с переходом ТНК к производству отдельных видов промышленной продукции в наиболее индустриализированных зонах на периферии МКХ. В этом отношении Бразилия - преимущественно в 70-е годы - обеспечивала благоприятный инвестиционный климат (учитывая емкий внутренний рынок, развитую хозяйственную инфраструктуру, значительные ресурсы квалифицированной рабочей силы, политические гарантии). Вместе с тем в Бразилии прослеживалась тенденция к увеличению национального компонента в общем объеме используемой индустриальной технологии. Не случайно после энергетического кризиса она стала пионером в переводе автотранспорта на смешанное горючее - бензина и этанола, получаемого из тростниковой биомассы. Более того, с середины 70-х годов бразильские фирмы начали выходить на мировой рынок не только с усовершенствованиями иностранных образцов, но и с собственной технологией. К началу 80-х годов высшие учебные заведения Брази-

лии уже покрывали основную номенклатуру естественно-технических специальностей и значительную часть новых профессий. В ряде университетов сложились свои научные школы. В свою очередь, в производственной сфере стали выделяться немалые ресурсы на усовершенствование профессиональной подготовки персонала предприятий, на переподготовку кадров, а также на создание собственных конструкторских бюро и лабораторий. Все это позволяет говорить о формировании довольно широкой материальной и общеэкономической базы для развертывания НИР на достаточно широком фронте современных направлений технического прогресса. Общая численность специалистов высшей квалификации, занятых в сфере НИР Бразилии к 1980 г., составляла столько же, сколько имел весь регион к началу 70-х годов.

Государство активно воздействовало на развитие НИР, оставаясь до последнего времени основным организатором и источником финансирования. Кроме того, государственные центры продолжали быть главными и непосредственными исполнителями исследовательских и опытно-конструкторских проектов. Вместе с тем в развитии НИР начал участвовать и частный национальный капитал, причем в значительно больших масштабах, чем в странах, занимавших ближайшие к Бразилии места по региональной шкале.

Сохраняя ряд традиционных черт "периферийной принадлежности", Бразилия продемонстрировала при переходе в 80-е годы неординарный потенциал и утвердила свой особый статус в ряду латиноамериканских государств. И это, пожалуй, заметнее всего в научно-технической области. Поясним простейшим цифровым примером: если в совокупном ВВП региона доля Бразилии повысилась до одной трети, то в сфере НИР (по числу занятых специалистов и по финансовым вложениям) - практически до половины суммарных показателей региона.

Думается, показателен и другой факт, касающийся мощи действующих в стране крупных предприятий, которые как раз и обладают возможностями для финансирования и организации НИР производственного назначения. По состоянию на 1989 г. из 500 ведущих корпораций латиноамериканского региона (с учетом филиалов ТНК) 302 приходилось на Бразилию (против 81 для Аргентины и 48 для Мексики). Их вклад в суммарный объем продаж "клуба пятисот" составил 227,5 млрд долл.⁴⁸, т.е. почти 61 %. Другой список 1989 г. - 600 крупнейших корпораций "третьего мира" (без филиалов ТНК) - также показывает, что Бразилия лидировала по числу крупнейших компаний (113) с большим отрывом от других латиноамериканских государств и по числу, и по объему продаж. Однако следующие за ней (по числу) Индия и особенно Южная Корея были представлены корпорациями с большим оборотом. Если в совокупном сбыте 600 участие Бразилии выражалось в 80,3 млрд долл., то Южной Кореи - в 130 млрд (70 корпораций) и Индии - в 76,1 млрд долл. (87 корпораций)⁴⁹.

На общерегиональном фоне Бразилию выделял значительный удельный вес средств производства в составе промышленной продукции (при значительно большем участии национального капитала). В отличие от других стран региона уже отмечалось преодоление отчуждения национальной науки от сферы производства. Не случайно к началу 80-х годов она оказалась единственной латиноамериканской страной, добившейся положительного сальдо во внешней торговле продукцией обрабатывающей промышленности. Она же была единственной в том, что касается активного подключения местных произво-

ителей к развитию самой передовой отрасли - производству микроэлектронного оборудования. К началу 80-х годов бразильские микроэлектронные компании закрепили за собой исходные позиции на внутреннем рынке и стали пробиваться на внешний. В общем компьютерном парке оборудование местного производства уже составляло 2%⁴⁹. В поставках на внутренний рынок микро- и мини-ЭВМ эта доля достигла уже 23%⁵⁰. Во второй половине 80-х годов в общем объеме продаж компьютерной и телекоммуникационной техники доля национальных производителей превысила половину⁵¹.

Ко второй группе отнесены две другие крупнейшие страны региона, заметно различающиеся по характеру, динамике и траектории научно-технического развития. Аргентина (фактически с 20-х годов) долго лидировала в Латинской Америке и лишь в середине 70-х уступила лидерство быстро продвигавшейся Бразилии. Все это время Мексика неизменно находилась на третьей позиции. Однако к началу 80-х годов торможение экономического и научно-технического развития Аргентины, с одной стороны, и довольно динамичный и стабильный рост в Мексике - с другой, сбили потенциалы двух стран, что и дает повод к соединению их в одной группе на хронологическом рубеже 70-80-х годов.

В экономиках обеих стран сложился многоотраслевой промышленный комплекс, в котором уже доминировал машинно-фабричный технологический способ производства в его поточно-конвейерной версии. На некоторых крупных предприятиях начали осваиваться автоматизированные процессы. И в Аргентине, и в Мексике достигнуто самообеспечение по отдельным видам металлообрабатывающего и электротехнического оборудования, а также техники для текстильной, швейной, кожевенной и пищевой промышленности. Налажен выпуск традиционных инструментов и измерительных приборов средней сложности. Значительную часть внутреннего рынка покрывало местное производство бытовой техники, а также сборка (при существенном удельном весе местных компонентов) автомобилей, тракторов, сельскохозяйственных машин. Началось изготовление полупроводниковых схем, простых счетно-решающих устройств и отдельных узлов ЭВМ. Во всем этом видится определенное сходство. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на расхождение в путях формирования электронного производства, отражающее различие более общего порядка - в моделях промышленного и научно-технического развития.

В Аргентине становление отрасли во многом базировалось на собственной основе (возникшей довольно рано по латиноамериканским меркам). Пользуясь сильным таможенным и нетаможенным протекционизмом, а также техническим опытом, полученным начиная с 50-х годов в производстве радио и телевизионной аппаратуры, аргентинские производители приступили в начале 70-х к выпуску микро-ЭВМ по собственному проекту (компания ФАТЕ) и с использованием элементной базы местного изготовления. Резкий переход к неолиберальной политике в 1976 г. нанес зарождавшейся отрасли непоправимый урон. И в дальнейшем господство на аргентинском рынке захватили американские корпорации, которые на субподряде привлекали отдельные местные предприятия. Что касается производства бытовой электроники, то оно в значительной степени переместилось на "импортную платформу", созданную в зоне особого экономического режима на Огненной Земле.

В Мексике же микроэлектроника практически изначально развивалась под контролем иностранного капитала. С конца 60-х годов здесь начали возникать предприятия типа "макиладорас", размещавшиеся в северной приграничной зоне с преференциаль-

ным режимом. Здесь производство начиналось со сборки (или выпуска отдельных компонентов) бытовой техники, предназначенной главным образом для поставок в США. Таким образом - в отличие от Аргентины (Огненная Земля) и Бразилии (Манаос) - в Мексике действовала не "импортная", а "экспортная платформа".

Но сборочные предприятия возникали и на "непреференциальной" территории. Постепенно в производство электроники втягивались местные производители: первоначально на основе субподряда для поставки простых комплектующих изделий, а затем и периферийных устройств. Тем не менее к началу 80-х годов степень вовлеченности местных производителей в электронную отрасль осталась низкой и не может идти в сравнение в разультатами, достигнутыми Бразилией.

Подчеркнув различие в траектории формирования электронной отрасли в Аргентине и Мексике, мы в то же время должны обратить внимание на сближение в итогах, полученных на начало 80-х годов. И это в известном смысле симптоматично, обращая внимание, с одной стороны, на возможность причисления двух стран к одной группе (по параметрам научно-технического потенциала), а с другой - на общую периферийную обусловленность промышленного и технического развития в передовых отраслях.

В обоих случаях с 60-х годов стала применяться электронная вычислительная и информационная техника иностранного происхождения, в основном в банковском деле, государственном аппарате, в вооруженных силах. В производственной сфере ЭВМ использовались преимущественно крупными иностранными фирмами или их филиалами (главным образом при выполнении функций управления, делопроизводства и контроля технологического процесса). В 70-х годах ЭВМ начали приобретать национальные фирмы. Вычислительные центры создавались в ведущих университетах и исследовательских организациях.

И в Аргентине, и в Мексике (в первой - раньше, во второй - позднее) была достигнута довольно значительная степень насыщения хозяйства инженерными кадрами общего профиля. К концу 70-х, началу 80-х годов национальная высшая школа в основном уже выполняла функции кадрового обеспечения многоотраслевого производства, однако в ряде новых специальностей приходилось прибегать к обучению специалистов за рубежом или приглашению иностранных. Решив в той или иной мере проблему количества, система высшего образования начала испытывать серьезные трудности при выполнении задач качественного совершенствования профессиональной подготовки.

К 70-м годам Аргентина и Мексика уже располагали значительной сетью научно-исследовательских учреждений. Их деятельность координировалась специальными правительственными ведомствами (в Аргентине - с 1958 г., в Мексике - с 1970 г.), которые в начале 70-х годов приступили к планированию научно-исследовательских работ в национальном масштабе. На НИР стали выделяться значительные бюджетные средства. Однако в отношении к валовому продукту эти затраты составляли скромную величину. Численность научных работников и специалистов, занимающихся опытно-конструкторской деятельностью, в обеих странах к началу 80-х годов не превышала десятитысячную отметку (в пересчете на эквивалент полной занятости).

В аргентинской и мексиканской сферах НИР был представлен довольно широкий диапазон направлений науки и техники. Нельзя не отметить значительные результаты в биологии и медицине, органической химии, в области сельскохозяйственных наук. В обеих странах были развернуты исследовательские работы по ядерной физике. При этом более активное развитие аргентинского естествознания на предстоящем этапе (начиная с 20-х и 30-х годов), значительный приток научно-технической информации из развитых стран дали себя знать и в таком результате, как присуждение впоследствии высоких между-

народных премий. По состоянию на 1988 г. представителям всех развивающихся государств было присуждено только шесть нобелевских премий в области естественных наук (2% от общего числа), включая три - латиноамериканским ученым. И все они - аргентинцы. В 1947 г. получил премию за открытия в области медицины Б.Оусса, в 1970 г. - химик Л.Ф.Лелуа, в 1984 г. - С.Милстейн за работы в области молекулярной биологии⁵². Как в Аргентине, так и в Мексике НИР все еще сохраняли инерцию "академизма". До половины всех материальных средств и кадров сферы НИР приходилось на работы фундаментального характера, свыше трети - на прикладные исследования и только 10% - на производственные разработки. Что касается структуры НИР по формам ее организац¹, то при сохранении высокой роли университетского сектора, в 70-х годах на первое место (по объему работ и численности персонала) стали выходить государственные исследовательские центры. Наименьший удельный вес имели лаборатории промышленных предприятий. С конца 70-х начала 80-х годов уже отмечалась тенденция к росту доли производственного сектора. Но все же недостаточное развитие производственных НИР оставляло техническое обновление аргентинской и мексиканской экономики в некомпенсируемой зависимости от импорта зарубежной технологии. Этим же объясняется ограниченность собственных возможностей по совершенствованию заимствованной технологии. Как правило, технически совершенное производство базировалось на иностранных стандартах, а передовые предприятия принадлежали ТНК, их филиалам либо смешанным компаниям. Очаги технического прогресса были слабо связаны с национальной хозяйственной средой и потому не могли эффективно воздействовать на обновление производственной базы в целом.

В странах третьей группы (Чили, Венесуэла) сложилось собственное промышленное производство, в котором преобладал машинно-фабричный уклад. Основу индустриального потенциала образовала добывающая отрасль. До 80-х годов Чили и Венесуэла сохраняли жесткую зависимость от внешних поставок средств производства. Вместе с тем наблюдалось усовершенствование технической базы добывающих предприятий, диверсификация обрабатывающей индустрии, улучшение производственной инфраструктуры. Значительное распространение получили искусственные материалы (промышленного и потребительского назначения). При этом нельзя не заметить того, что в наибольшей мере технический прогресс затронул предприятия, работающие на внешний рынок.

Электронно-вычислительная техника начала применяться в основном со второй половины 60-х годов. Как правило, это происходило в тех же сферах, что и в странах второй группы, но в меньших масштабах. Импорт компьютерной аппаратуры начал быстро увеличиваться со второй половины 70-х годов, особенно в Венесуэле, где потребители располагали крупными средствами. За ней следовала Чили. Там при меньших финансовых возможностях, но благодаря накоплению технического опыта и более широкой базе в профессиональной подготовке компьютерная техника получила более многообразное применение. К началу 80-х годов в обеих странах появляются иностранные

сборочные предприятия по выпуску простейших моделей персональных компьютеров, но этот вид производства сохранял весьма скромные масштабы.

Высшая школа обладала довольно широкой номенклатурой специальностей. Вместе с тем отраслевая диверсификация экономики и технологическое обновление производства зависели от существенного пополнения наличных кадров, в особенности по инженерным, сельскохозяйственным и естественно-научным специальностям. В 70-х годах отмечалось снижение спроса на кадры широкого, "классического" инженерно-технического профиля и повышение на кадры с прикладной профессиональной подготовкой в новых отраслях науки и техники. Однако подготовка специалистов с научной ориентацией производилась в скромных размерах. И это являлось серьезным ограничителем для сферы НИР и для повышения качества университетского преподавания. В 70-х годах и начале 80-х этот ограничитель не имел существенного значения в Венесуэле, но по особой причине. Резко возросшие поступления от экспорта нефти создавали условия для привлечения зарубежных специалистов. Это были преимущественно латиноамериканцы из стран с меньшим уровнем жизни и тех, где установились реакционные диктаторские режимы. Чили, напротив, серьезно пострадала от "утечки умов" вследствие массовой эмиграции интеллигенции по политическим мотивам. Ее научный потенциал оказался ослабленным.

К концу 60-х годов Чили и Венесуэла вступили в этап развития науки, организованного в общенациональном масштабе. Созданы государственные органы, ответственные за координацию научно-исследовательской деятельности и выработку долгосрочной политики в области науки и техники (Чили - 1967 г., Венесуэла - 1969 г.). К началу 80-х годов затраты на НИР в отношении к ВВП колебались в странах группы в пределах 0,3 - 0,4%, а численность основного исследовательского персонала - 4-5 тыс. человек. Диапазон НИР оставался довольно узким. С конца 60-х годов в Чили и Венесуэле начались исследования в области ядерной физики, которые, однако, не выходили за рамки традиционных экспериментов и небольших лабораторий. Что касается теоретических исследований, то они носили в основном "имитационный" характер, ориентируясь на освоение достижений мировой науки. Основная их функция выражалась в обеспечении воспроизводства научной культуры. Прикладные и опытно-конструкторские разработки сосредоточивались на узких направлениях. Между тем в распределении ресурсов обнаружилось преобладание работ академического характера и прикладных исследований, не имеющих прямой ориентации на внедренческий эффект. Доля последних составляла в среднем около трети, разработок производственного назначения - 8-10%. В структуре НИР ведущие позиции сохранял университетский сектор, в котором выполнялось свыше 60% исследовательских работ. На государственные центры приходилось менее трети общего объема НИР, в промышленных лабораториях осуществлялось около 10%. Изменение сложившихся тенденций стало ощущаться с конца 70-х годов. Наметилась определенная переориентация НИР на цели производственного применения, наука все боль-

ше начинает выходить за рамки "университетского академизма".

На следующей - четвертой - ступени расположены опять же различные государства. Вместе с тем можно говорить о типологической близости Перу и Эквадора, а также - в меньшей мере - Колумбии. Хотя в последнем случае попытка институционализации научно-технической политики относится к довольно раннему времени (соответствующее правительственное ведомство создано в 1968 г.), возникшие структуры сохраняли формальный характер. Технологическое обновление здесь, пожалуй, в наибольшей мере оставлялось на волю рынка, притока зарубежного "ноу-хау". Показательно, что число специалистов, зарегистрированных в колумбийской сфере НИР, сопоставимо с кадровым потенциалом, которым располагают страны с гораздо меньшим населением и объемом производства. Перу, напротив, пошла (с конца 60-х - начала 70-х годов) по пути активного вмешательства государства в научно-техническое развитие. Это создало предпосылки для расширения сферы НИР, которые в последующем не удалось в полной мере реализовать, в частности, из-за крутого изменения научно-технической политики с конца 70-х - начала 80-х годов.

В обеих странах сильно ощущается технологическая многоукладность, во многом совпадающая с социально-экономической многоукладностью. Однако в крупных городских центрах уже сложились довольно обширные промышленные зоны, где производство ведется с применением вполне современного оборудования.

Абсолютные потенциалы Уругвая и Эквадора оказались к началу 80-х годов примерно равновеликими в силу неравномерного развития на предшествовавшем этапе: заторможенного в первом случае и довольно динамичного - во втором. Значительно выросший экономический потенциал Эквадора, крупные нефтедолларовые вливания позволили обновить производственную базу и резко увеличить масштабы подготовки кадров высшей квалификации, создать ранее отсутствовавшие финансовые и материальные условия для развертывания научно-исследовательской деятельности. В начале 80-х годов государство приняло на себя ответственность за координацию НИР, за проведение политики стимулирования исследовательской работы и технического прогресса, создав специализированное ведомство, аналогичное тем, которые уже существовали в более развитых странах региона.

Уругвай продолжал выделяться высоким средним уровнем образования, сложившимися университетскими центрами, профессиональной культурой инженерных и технических кадров, хотя научный потенциал страны (также как в Чили и Аргентине) серьезно пострадал в период военной диктатуры вследствие массовой эмиграции интеллигенции. (По ряду указанных выше показателей Уругваю близка Коста-Рика - лидер следующего "эшелона".)

Говоря о двух рассматриваемых странах, следует заметить, что при слабой диверсифицированности промышленного производства в профилирующих для национальной экономики отраслях сформировалась группа предприятий с современным техническим базисом. При этом в Уругвайской экономике в целом уже преобладали машинно-фабричные формы производства со значительным удельным весом поточно-

конвейерной технологии. В Эквадоре удельный вес кустарного и мелкого промышленного производства с рудиментарной технической базой оставался очень высоким. Вместе с тем и в уругвайском, и в эквадорском "случаях" состав кадров высшей квалификации, а также финансовая база и техническое оснащение к началу 80-х годов обеспечивали минимальную "критическую массу" для локальной сферы НИР - т. е. той, которая уже позволяла поддерживать воспроизводство и адаптацию научных знаний на высших ступенях системы образования, а также продвижение исследовательской деятельности на ряде направлений, соответствующих традиционной специализации национальных экономик. Сложилась ситуация для использования информационной техники, о чем свидетельствует значительный импорт микроэлектронной аппаратуры.

При весьма ощутимых различиях в пятом эшелоне (здесь, видимо, самый большой статистический "разброс") можно все же говорить о ряде признаков для обобщенной характеристики. Но прежде всего следует заметить, что в данной группе фигурируют страны, где, вопервых, профилирующей отраслью являлась добывающая промышленность (Боливия), во-вторых, те, экономика которых определялась аграрной либо агроиндустриальной специализацией (Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала, Никарагуа, Парагвай). Наконец, представлена наиболее крупная из тех стран региона, которые развивались на основе "транзитной экономики" (Панама).

Ситуацию в странах пятого "эшелона" характеризовало слабое развитие промышленного производства (за исключением отдельных экспортных предприятий). Кустарные мастерские и мелкие фабрики преобладали в промышленной занятости, а в стоимостном объеме продукции их доля доходила до половины. В Коста-Рике и Панаме это проявлялось в меньшей мере. Иной уровень этих стран обнаруживался в образовательной и профессиональной подготовленности трудоспособного населения. Среди жителей старше 24 лет доля тех, кто не имел образования, была меньше 18%, лиц с образованием третьей ступени (полным и неполным высшим и средним специальным) превышала 8% взрослого населения. В остальных случаях доля не имеющих образования колебалась в пределах 20-40%, а с образованием третьей ступени - 2-6%. При этом можно обратить внимание на неожиданно высокий показатель Боливии (более 5%) - парадоксальный при большой доле неграмотных и ярко выраженном преобладании лиц с начальной подготовкой в общем числе тех, кто имеет какое-то образование. В данном случае историческое наследие довольно раннего возникновения ячеек высшей школы и ее демократизации на этапе 50-х и 60-х годов определенным образом компенсировало недостатки других условий научно-технического развития и выровнило боливийский потенциал с потенциалами других стран пятого "эшелона".

На переходе от 70-х к 80-м годам в рассматриваемых странах НИР еще не обособились в полной мере в самостоятельную сферу трудовой деятельности, переплетаясь, как правило, с преподавательской работой в университетах и во многих случаях лишь дополняя ее. Производственный сектор НИР представлен был бедно даже по среднерегиональным стандартам. Специализация НИР обычно ограничивалась

сельским хозяйством, медициной и в отдельных случаях горным делом.

Для всех стран пятого эшелона была очевидна высокая степень зависимости от внешнего притока новой технологии и научной информации и в то же время необходимость существенного повышения собственного уровня для адаптации поступающей технологии и информации.

В еще большей мере это относится к странам шестого эшелона. В ней объединены преимущественно мелкие государства трех типов. Во-первых, страны с контролируемыми ТНК анклавами добывающей или нефтеперерабатывающей промышленности, которые доминировали (в крайнем выражении) в национальной хозяйственной системе (Тринидад и Тобаго, Ямайка, в меньшей пропорции также Гайана). Во-вторых, страны с отсталой аграрной экономикой (Гондурас, Гаити). Наконец, значится Барбадос - пример относительного экономического благополучия, основанного на особых условиях развития сельского хозяйства (в определенной мере фермерского типа), на выполнении транзитных функций (финансовых и транспортных) в международных экономических связях, а в последнее время на сборочном производстве микроэлектроники.

В большинстве случаев речь может идти о крайне узкой специализация в МРТ, практически полной функциональной зависимости технологического обновления от характера включения в МРТ и интереса иностранного капитала. Возможность отклонения от этой функциональной зависимости предопределялась способностью государства осуществлять перераспределение ресурсов, полученных в экспортном анклав, и конъюнктурой на мировом рынке вывозимого товара (нефтепродукты для Тринидада и Тобаго, бокситы для Ямайки, Суринама и Гайаны). Наиболее ощутимо это проявилось на Тринидаде и Тобаго.

Узкая, рудиментарная база обрабатывающей промышленности представлена лишь мелкими предприятиями по производству потребительских товаров краткосрочного пользования и пищевых продуктов ограниченной номенклатуры. Испытав процесс "анклавной" индустриализации и не войдя, по существу, в фазу импортзамещающей индустриализации, многие из рассматриваемых стран вступили в 70-х годах в экспорториентированную индустриализацию особого рода, основанную на "экспортных платформах", создававшихся ТНК для реализации "сравнительных преимуществ" дешевизны рабочей силы и близости крупных рынков сбыта. Речь идет о сборочных предприятиях электронной промышленности, а также производстве одежды, игрушек, спортивных товаров на предприятиях типа "макиладорас", возникших на Барбадосе, Тринидаде и Тобаго, Ямайке и в Гаити. Но и такой производственный сектор, изолированный от национальной хозяйственной среды, не порождал больших стимулов для развития высшего образования и научно-исследовательской деятельности.

Ситуация в англоязычных государствах, отнесенных к данной группе, отличалась своей спецификой в области общеобразовательной и профессиональной подготовки трудовых ресурсов. При минимальной (по региональным меркам) доле неграмотных и большой доле лиц, имеющих подготовку на уровне второй ступени, предельно низок был

удельный вес специалистов высшей квалификации (не более 3%). Иная пропорция наблюдалась в Гондурасе и Гаити. Здесь рекордные для региона показатели неграмотности (свыше 40% в целом и около 65% среди населения старше 14 лет), подавляющее большинство взрослых жителей имели лишь начальную общеобразовательную подготовку. Доля имеющих образование на уровне третьей ступени в начале 80-х годов в Гаити была меньше 1%, в Гондурасе - около 3%. Потребности всех стран региона в кадрах высшей квалификации в большой мере покрывались за счет обучения за границей, что сопровождалось интенсивной "утечкой умов".

Университетские центры Гаити и Гондураса не обеспечивали достаточного качества подготовки специалистов, другие страны только приступили к формированию собственной высшей школы, образовательная сеть филиалов международного Вест-индского университета. Что касается НИР, то можно говорить лишь об отдельных ячейках этой сферы - небольших лабораториях, выполняющих функции изучения и контроля природной среды, технологического процесса на крупных (анклавных) предприятиях, экспериментальных сельскохозяйственных станциях. В целом научно-исследовательская деятельность носила адаптационный характер.

В последнюю группу выделены мини-государства Карибского бассейна с населением менее 150 тыс. жителей и объемом ВВП, не превышавшим 200 млн долл. (по состоянию на 1986 г.). Проблематика этих государств вообще имеет совершенно особое содержание. Не менее специфична она и в научно-технической области. Но при этом рассматриваемые страны довольно однородны по своему составу и их анализ не дает оснований для разделения на несколько типов, которые использовались для характеристики предыдущих групп.

Они отличаются значительным уровнем душевого ВВП, существенно превышающим среднерегиональный показатель. Отраслевая структура экономики ограничена узкоспециализированным экспортным и потребительским секторами сельского хозяйства, а также сферой услуг, работающей на внешних потребителей (иностранному туризму, транспортные, финансово-посреднические услуги). Здесь, разумеется, технологическое обновление находилось в полной зависимости от поступлений извне. Высшая школа практически отсутствует. Профессиональная подготовка наиболее высокого уровня дается в немногих центрах среднего специального образования. Вместе с тем уровень образования взрослого населения довольно высок по общерегиональным меркам. Структура трудовых ресурсов по ступеням полного образования близка к той, которую имели англоязычные страны предыдущей группы. Разница в несколько меньшей доле специалистов с подготовкой третьей ступени. НИР, по существу, не выделялась в особую сферу трудовой деятельности. Единичные случаи подобной деятельности определялись, как правило, иностранными интересами. По классификации ЮНЕСКО в эквиваленте полной занятости число специалистов, работающих в НИР, не превышало двух-трех десятков в каждом отдельном случае.

Характеризуя ситуацию в целом на уровне 80-х годов, можно утверждать, что наиболее развитые страны региона в основном завершили

ли переход к индустриальной системе производительных сил (а значит, и реализовали исторические сдвиги, привнесенные промышленной революцией). На немногих участках, в ограниченных зонах произошел прорыв в развитии производительных сил новой производственной революции. Вместе с тем не будет ошибкой утверждать, что в регионе более четверти производства (по стоимости) осуществлялось еще на экономической базе незавершенного промышленного преобразования (вне машинно-фабричной системы, а тем более ее поточно-конвейерного технологического уклада). Много больше эта доля с точки зрения включенности населения в те или иные производственные структуры. В хозяйственной деятельности незавершенных индустриальных и доиндустриальных форм, по всей видимости, было занято свыше половины латиноамериканцев. Таким образом, к моменту новой производственной революции, развернувшейся в центрах МКХ, его латиноамериканская периферия структурно-технологически "несостыковывалась" с нарождающейся системой производительных сил, с новым воспроизводственным механизмом, со схемой МРТ, формирующей соответственно этому механизму.

В чем технологическая суть структурных сдвигов, реализовавшихся в последние 10-15 лет? В ответе на этот вопрос помогает монография авторов из ИМЭМО АН СССР "Современный капитализм: основные направления и эффективность НТП"⁵³. Опираясь на ее выводы и на результаты других исследований последнего времени, можно констатировать следующее. Смысл современного технологического переворота заключается в том, что индустриальный тип производства с жестким электромеханическим базисом, с расточительным использованием материальных и энергетических ресурсов, с конвейерной системой организации труда и бюрократическими формами управления уже не в состоянии удовлетворить изменившиеся потребности развитого общества, обеспечить его поступательную динамику. Производители отреагировали созданием комплекса наукоемких отраслей, предложивших принципиально новую продукцию. Возможность этого связана с повышением интенсивности инновационно-инвестиционного процесса, в котором реализуются последние научно-технические достижения. На основе микроэлектронной техники и ресурсосберегающей технологии стали формироваться гибкие социально-производственные системы (предполагающие, помимо всего прочего, стратегический менеджмент, персонифицированный маркетинг, участие коллективов в распределении прибыли), которые при изменении спроса быстро переориентируются с минимальными затратами. Распространение ресурсосберегающих технологий ускорило структурную перестройку в центрах мировой экономики, уменьшило удельный вес тяжелых и грязных производств, понизило эластичность потребления материалов и энергии относительно объемов производства.

Общественным потребностям, связанным с массовым спросом на однородную продукцию, соответствовал этап концентрации производства. Усложнение спроса и новые возможности научно-технического прогресса (НТП) преобразуют организационную структуру производства. Отошла в прошлое индустриальная гигантомания,

уменьшились оптимальные размеры предприятий. В условиях резкого замедления экономического роста при усилении тенденции к диверсификации рынков малая индустрия продемонстрировала свою жизнеспособность, основанную на способности к быстрому маневрированию и адаптации к новым требованиям, на интенсивном использовании рабочей силы.

Вклад НТП в экономический рост увеличивается. Он становится главным фактором формирования общественных потребностей. Вместе с тем он ставит под вопрос многие традиционные источники занятости, ведет к диспропорциям в загрузке производственного аппарата и рабочей силы, к повышению напряженности трудового ритма, к структурной разбалансированности ряда важных секторов экономики.

К исходу 80-х годов центры МКХ в основном завершили первый этап реиндустриализации, связанный с изъятием отработанных элементов прежнего технического базиса, с обновлением производственного аппарата и коммерческой проверкой гибких производственных систем. Несмотря на то что диффузия нововведений была еще недостаточно полной, основной производственный капитал подвергся обесценению, прежде всего под влиянием морального износа. Тем самым создавались предпосылки для более сложного этапа реиндустриализации - для широкой электронизации всех сфер хозяйственной и интеллектуальной деятельности, комплексной автоматизации производства, массового распространения информационной технологии и возникновения структур глобального ресурсосбережения.

Итак, можно резюмировать: последние полтора десятилетия технологическое обновление носило преимущественно реконструкционный характер. Это содействовало выводу устаревшего капитала из воспроизводственного цикла. Что касается принципиально новых направлений НТП, то здесь дальнейшее продвижение требует перехода к иному типу инвестиционного процесса - к варианту "чистого" накопления.

Рассмотрим наиболее перспективные направления НТП подробнее. Логика ресурсосбережения ведет от интенсивной добычи сырья, крупнотоннажного производства и массового потребления предметов труда рядового качества к рациональному избирательному использованию предметов труда с более чистой и однородной структурой и принципиально новыми свойствами. Таким образом, на передний план выдвинулась задача максимальной экономии прошлого труда, вложенного в сырьевую и промежуточную продукцию. Если раньше технологическое обновление ориентировалось на сбережение энергии и материалов, оборотных элементов постоянного капитала вообще, то отныне достижения НТП, нацеленные на преобразование предметов труда, превращаются в основной фактор компенсации затрат, вызываемых абсолютным увеличением материальной емкости совокупного общественного продукта, связанных с осложнением природно-геологических условий производства.

Изменения в агроиндустриальном комплексе можно свести к следующему. Во-первых, применение достижений науки и передовых промышленных отраслей (в первую очередь машиностроения и хи-

нии) позволило ему по затратам на НИР и даже по уровню технической насыщенности встать вровень с наукоемкими секторами экономики. Во-вторых, резко повысилась степень интегрированности, взаимодействия составляющих его сегментов. В-третьих, обнаружилось, что индустриальные методы производства, основанные на гибкой автоматизации электронного типа, а также на ресурсосберегающих, замкнутых и экологически чистых технологиях, вполне уживаются с действующими технологиями. И это не лимитируется столь жестко (как казалось ранее) природными факторами. Иными словами, судя по ряду существенных признаков, наблюдается ослабление зависимости от природно-климатических превратностей, ограничений естественного порядка. В-четвертых, благодаря выделению нового направления НТП, прямо отвечающего потребностям аграрно-промышленного комплекса, возникают серьезные предпосылки для ускорения его развития в обозримой перспективе.

В последнее время образовалась совершенно новая сфера экономики - многослойный информационно-индустриальный комплекс. Темпы его роста в несколько раз превышали темпы других секторов экономики. Развитие этого комплекса позволяет резко сократить разрыв между производителем и потребителем, свести к минимуму элементы стихийности. Ведь информационно-управляющие системы дают практическую возможность для формирования заказов на выпуск инвестиционной и потребительской продукции по индивидуальным запросам в жестком режиме времени.

Быстрое развитие индустриально-информационных систем отбрасывает у транспортного комплекса часть его функций по перемещению интеллектуальной продукции, которая теперь может быть доставлена потребителю через информационную сеть. Многие виды работ и услуг могут осуществляться на рабочем месте, оборудованном соответствующими техническими средствами (и даже в домашней обстановке) без использования необходимых ранее средств передвижения. В этой связи уменьшается зависимость размещения передового производства от расстояния относительно центров генерации высокой технологии.

Объем транспортных операций вообще имеет тенденцию к стабилизации. Это объясняется сатурацией рынка транспортных услуг, ростом быстродействия, качества, эффективности и экономичности функционирования транспортных сетей. Короче, речь идет о существенной рационализации транспортной работы. Вместе с тем сказывается уменьшение удельного физического веса единицы перевозимой продукции, миниатюризация промышленных изделий.

Оценивая нынешнюю фазу технологического обновления в целом, можно говорить о том, что происходит переход к технотронному базису производства с повышенным быстродействием экономических связей на всех уровнях, с более тесными связями производителей и потребителей. Такая система предполагает минимизацию лага в цепочке наука - производство - удовлетворение потребностей. Новая система резко повышает требования к согласованности и пропорциональности развития, помогает выявить и эффективно использовать резервы производительности, устанавливает высокие стандарты для дисциплины и культуры производства.

Растущая доступность экономической и научно-технической информации для тех, кто владеет современными средствами, усиливает конкурентную борьбу за завоевание потребителя. Равным образом она усиливается и между отдельными предприятиями, и между отдельными странами. Причем чисто экономическое соперничество замещается технологическим. Можно даже утверждать, что в мировой экономике развернулась своего рода "технологическая гонка".

Как все эти процессы проявились в Латинской Америке, в какой мере и в каких формах технологическое обновление реализовалось в этом районе мира? Прежде всего еще раз следует подчеркнуть довольно очевидный факт - структурно-технологические сдвиги последней волны затронули страны региона не напрямую, а главным образом косвенно. Их вступление в новую производственную революцию до сих пор характеризуется преимущественно отраженными последствиями.

Под влиянием интенсивного обновления производства в центрах МКХ начался процесс изменений в содержании международного обмена товарами и услугами. Практика последнего десятилетия обнаружила серьезное уменьшение роли ряда традиционных сырьевых ресурсов, в том числе тех, на которых держалось участие латиноамериканских стран в международном разделении труда. Очевидный симптом - существенное понижение цен на многие экспортные товары относительно цен импортируемой техники. Внешнеторговая ситуация осложнилась и по причине расширения масштабов электронизации, которая уже привела к рационализации потребления сырья, топлива, материалов, к сокращению оптимальной величины производственных запасов. Рассматривая экстраординарный экономический кризис 80-х годов, мы уже обращали внимание на последствия протекционизма, усилившегося в центрах МКХ. Но он объясняется не только "имперскими поползновениями" в политике Вашингтона - хотя рецидивы такого рода несомненно давали себя знать в отношениях со многими латиноамериканскими странами - и даже не только объективно возникшими диспропорциями во внешнем обмене, которые пыталась исправить администрация США, перекладывая свое бремя на других. На "центральных" рынках все больше ощущалось воздействие новых стандартов - повышенных требований к качеству поставляемой продукции. А к этим стандартам могли подтянуться далеко не все латиноамериканские экспортеры.

Но самая серьезная проблема - парадоксальное для современного этапа торможение технологического обновления в Латинской Америке. Мы уже отмечали резкое уменьшение инвестиционного фонда, что ограничило замещение отработанного машинного парка. В то же время сократились ассигнования на образование, научные исследования и опытно-конструкторские разработки.

В целом по региону государственные ассигнования на нужды образования сократились с 31,4 млрд долл. в 1980 г. до 24,7 млрд в 1986 г. В пересчете на душу населения это означало падение с 88 до 60 долл.⁵⁴ Показательно и сокращение среднегодовых приростов числа учащихся: на второй ступени с 8,1% в 1970-1980 гг. до 3,8% в 1981-1986 гг. и на третьей - с 11,5% до 5,6%. Мы пока не располагаем

сводными данными о затратах на НИР за 80-е годы, но фрагментарные данные по отдельным странам позволяют сделать вывод о резком замедлении роста этих расходов в некоторых из них и о сокращении в большинстве случаев.

С точки зрения научно-технического развития ситуация последнего десятилетия явно контрастирует с тем, что наблюдалось в 60-е и особенно в 70-е годы. Тогда, как правило, происходило быстрое расширение финансовой и кадровой базы высшей школы и научно-исследовательской сферы, росла, диверсифицировалась и укреплялась в организационном и техническом отношении система университетских и исследовательских центров. Число специалистов высшей квалификации, занятых в сфере НИР, в целом по региону удваивалось каждое пятилетие. Затраты на нее, составлявшие 0,5 млрд долл. (по курсу 1975 г.) в начале 70-х годов, через десятилетие превысили 2 млрд долл. За 1971-1980 гг. расходы на НИР в текущих ценах увеличились в 7,5 раза, а кадровый потенциал этой сферы - в 2,3 раза. Это превышало среднемировые показатели, которые для рассматриваемого периода составили 3 (по затратам) и 1,4 раза (по кадрам). В итоге доля Латинской Америки в общемировом потенциале повысилась с 0,8% в 1970 г. до 1,5% в 1975 г., а затем до 1,8% в 1980 г. - по финансовым вложениям, а по количеству научных работников соответственно с 1,5 до 1,8 и 2,4%.

Если говорить об удельном весе в группе развивающихся государств, то по кадрам он поднялся за 1970-1980 гг. с 19% до 23%. Однако по затратам в конечном счете сократился - увеличившись в течение первого пятилетия, опустился во втором. В 1970 г. доля региона составляла 35%, в 1975 г. - свыше 38%, а в 1980 г. - 30%. Последние цифры говорят, во-первых, о некотором замедлении роста сферы НИР уже со второй половины 70-х годов, во-вторых - о более раннем прохождении Латинской Америкой фазы экстенсивного роста этой сферы, в-третьих - о более оправданном соотношении кадрового и материально-финансового обеспечения НИР в остальной части "третьего мира" во второй половине 70-х годов. Однако если за критерий разрыва в уровне развитости сферы НИР принять удельные затраты - в расчете на одного научного работника, то Латинская Америка в среднем продолжает существенно превосходить средний уровень афро-азиатского мира. По указанному показателю отставание от развитых капиталистических стран (в целом) к началу 80-х годов можно оценивать дистанцией в 10-11 лет для латиноамериканского региона, а для группы развивающихся государств в целом - в 16-18 лет.

Автор не располагает сводными данными по итогам истекшего десятилетия. Такого рода информация, как правило, запаздывает на несколько лет. Вместе с тем очевидно, что за 80-е годы, когда в центрах МКХ возобновился интенсивный рост НИР (после некоторого замедления в 70-х годах), а в Латинской Америке - наоборот - замедлился (после ускорения), количественные параметры, характеризующие долю региона в мировом научном потенциале, ухудшились.

Но, разумеется, это слишком абстрактная оценка. Как же разворачивались события в конкретной ситуации? Прежде всего заметим: уже в 1982-1983 гг. в странах региона практически повсеместно прошла

волна резкого сокращения бюджетов государственных университетов и исследовательских центров. Сказалась и повсеместная приостановка крупных государственных инвестиционных программ, в рамках которых выделялись значительные средства на проведение научных, изыскательских и конструкторских работ. На прежнем уровне финансирования дольше продержались престижные частные университеты и лаборатории при крупных фирмах. Но и они к середине 80-х годов стали испытывать серьезные затруднения. Относительное благополучие удавалось сохранять лишь тем центрам, которые были включены в международные научно-исследовательские программы и имели доли солидных зарубежных фондов.

Результаты не замедлили проявиться - сокращение штатов, резкое падение заработков остающихся научных работников (если не номинальное, то реальное - под воздействием небывалой инфляции), отказ от планов по обновлению лабораторного оборудования. Фактом 80-х годов стала невиданная прежде безработица среди специалистов высшей квалификации. Согласно подсчетам экспертов ПРЕАЛК, проведенных на материалах обследований по "домашним очагам" в трех странах региона, за 1980-1984 гг. прирост числа безработных среди трудоспособных, имеющих образование в пределах до среднего включительно, составил в Колумбии 40,6%, в Чили - 72,5%, в Венесуэле - 14,0%. А среди лиц с университетским образованием тот же показатель достиг 81% в Колумбии, 131,8% - в Чили и 264,7% - в Венесуэле⁵⁵.

Во многих научных центрах латиноамериканских стран началась тяжелая борьба за выживание, в ходе которой они теряли немало ценных и перспективных специалистов, ломали свои планы, меняли тематику работ, подстраиваясь к сужавшемуся спросу на НИР, цепляясь как за спасательный круг за субсидии иностранных фондов и международных организаций, пытаясь получить подряды от филиалов ТНК.

Сложившуюся ситуацию мы до сих пор рассматривали с точки зрения собственного научно-технического потенциала латиноамериканских стран. Но, разумеется, нельзя обойти другие источники технологического обновления, которые к тому же в периферийных условиях (а тем более для малых стран) играют определяющую роль. Речь идет о поступлении импортной техники и о прямых инвестициях, связанных с переносом зарубежной технологии. И в том, и в другом случае наблюдалось серьезное сокращение или же по меньшей мере торпование. Что касается беспрецедентного падения зарубежных закупок, то они коснулись не только потребительских товаров "изощренного спроса". Существенно уменьшилось приобретение нового промышленного оборудования. Либерализация внешней торговли, проведенная за последние годы многими латиноамериканскими государствами, расширила поступление преимущественно потребительских товаров (ударив, кстати, по местным производителям), не улучшив ситуацию с поставками инвестиционной продукции. Некоторое увеличение прямых иностранных инвестиций, регистрируемое статистикой во второй половине 80-х годов (после спада и даже репатриаций в первой половине), довольно обманчиво. Ведь в значительной

мере имеющийся прирост - результат конверсии внешней задолженности, а она, как правило, означает не приращение и обновление производственного аппарата, а лишь передачу права собственности на уже установленные средства производства иностранным владельцам в обмен на возвращение долговых обязательств.

Характерным явлением 80-х годов во многих странах региона стала деиндустриализация - свертывание деловой активности в промышленном секторе, сокращение удельного веса обрабатывающей индустрии в общем объеме ВВП. Невольно сужалась база спроса на разработки инженеров и научных работников.

Между тем за явно негативными, порой разрушительными тенденциями последнего десятилетия нельзя не видеть подспудных процессов, связанных с модификацией технико-экономических структур, форм хозяйственной деятельности и технологического обновления. Кризисная ситуация 80-х годов означала ужесточение "естественного отбора". Это выражалось в сужении круга тех стран, которым удавалось поддерживать удовлетворительные темпы роста производства, а внутри национальных хозяйственных систем - к выбраковке неконкурентоспособных предприятий, особенно после либерализации импорта, проводившегося в последние годы.

Аналогичный процесс наблюдается в сфере НИР. Немалые потери в этой области сопровождаются переходом от экстенсивной к интенсивной модели организации исследовательских и опытно-конструкторских разработок. На смену амбициозным государственным научно-техническим программам и субсидированию крупных центров приходит дозированная целенаправленная поддержка конкретных проектов, имеющих заранее определенный практический смысл. В ряде стран региона (Бразилии, Чили, Мексике) начался процесс, уже знакомый по опыту США или Западной Европы, - выделения из университетских лабораторий небольших коллективов, разрабатывающих перспективные технологии и новые продукты. Эти новообразования, переходя на коммерческие условия, привлекают венчурный капитал. Примером может служить формирование ареала венчурных фирм и мелких разработочных предприятий, пополняющихся университетскими кадрами, в бразильском штате Минас-Жерайс, успешная деятельность малых инженерных фирм, создаваемых специалистами Чили, Мексики, Аргентины, Венесуэлы и ряда других стран региона. Одним из новых направлений активной предпринимательской деятельности становится изготовление программного обеспечения для электронно-вычислительной техники - софтвера. В последние годы в его производстве отмечен настоящий бум. На подряде с ТНК или самостоятельно вырастают предприятия, которые, используя разницу в издержках на квалифицированную рабочую силу (в Чили, например, заработок программистов вчетверо меньше, чем в США) и ориентируясь на специфические области применения программного продукта, добиваются впечатляющих результатов. Так, среди покупателей софтвера чилийских фирм "Сонда", "Системас интегралес", "Эттика" находятся компании Индонезии, Мексики, Перу, Коста-Рики, Китая, Франции и даже США⁵⁶.

Очевидно, что новые формы бизнеса, основывающиеся на реализа-

ции науко- и инженероёмкой продукции, будут все больше влиять на развитие национальных сфер НИР в странах Латинской Америки, на их хозяйственные системы. Курс на более открытую экономику, ускоряя разрушение технологически устаревших структур, открывает шлюзы для обновления производственного аппарата в ряде его звеньев, особенно тех, которые сопрягаются или будут сопрягаться с передовыми структурами мировой экономики.

4. СДВИГИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Рассматривая долгосрочную перспективу развития какой-то совокупности государств или отдельных стран, невозможно абстрагироваться от общепланетарного контекста. В любом случае очевидна необходимость всестороннего учета нового качества мировой экономики и политики - глубокой взаимозависимости и определенной целостности. Не оставляет сомнений и то, что это качество, ставшее определяющим в наше время, имеет восходящую тенденцию. Подтверждение растущей взаимозависимости и целостности мы находим не только в интенсификации международных связей. Все большее значение обретают глобальные императивы военно-стратегического, эколого-ресурсного и социально-экономического характера, устанавливающие единые требования к развитию и международной деятельности всех государств независимо от их размера, социального строя, хозяйственной и технологической зрелости, императивы, порождающие универсальные проблемы, которые не поддаются разрешению на национальном уровне.

Вместе с тем новое качество не может иметь идентичные проявления во всех компонентах мировой макросистемы. В случае Латинской Америки нельзя игнорировать принадлежность большинства стран региона к периферии МКХ при всех конкретно-национальных особенностях. Разумеется, долгосрочная проекция экономического развития региона, как сложной совокупности государственно обособленных хозяйственных систем, предполагает учет внутренних потенций, специфики социально-экономических моделей, избираемых стратегий развития, способов включения в МРТ, различий в реакции на общемировые процессы и периферийную детерминацию.

Характеризуя исходный момент прогностического анализа, мы имеем полное основание констатировать крутое изменение в экономических процессах последнего времени. Судя по темпам прироста валового продукта за последние полтора десятилетия, для мировой экономики в целом и ее латиноамериканской части наступил период заторможенной динамики. Это произошло после двух-трех десятилетий довольно активного наращивания производства. Мы уже выяснили, что перелом обозначен двумя циклическими кризисами - середины 70-х и начала 80-х годов, глубина которых беспрецедентна для времени, прошедшего после второй мировой войны. Но в реакции центров МКХ и латиноамериканской периферии на два кризиса заметна существенная разница. Центры болезненнее перенесли первый

кризис, латиноамериканские страны преодолели его с меньшими издержками. Иная ситуация сложилась в начале 80-х годов. Как уже было показано, разрушительные последствия отмечавшегося тогда спада многие страны региона не преодолели до сих пор. Кризисные потрясения середины 70-х (для центров МКХ) и начала 80-х годов (для Латинской Америки) резко выделяются в ряду циклический спадов, которые наблюдались в течение последних четырех-пяти десятилетий. Являясь ординарно-регулярным в рамках традиционного микроцикла, они предстают как экстраординарные в продолжительной ретроспективе.

Историческая роль кризиса предполагает осуществление не только деструктивных, но и конструктивных функций. Разрешая накопившиеся противоречия очередного этапа посредством разрушения отживших звеньев социально-экономической системы, кризис расчищает пространство для утверждения новой воспроизводственной основы. Чем глубже кризис, тем значительней изменения и новое качество, которые он предвещает. Экстраординарная глубина спада начала 80-х годов (в совокупности с кризисом середины 70-х), объясняется прешествовавшим экстраординарным перенакоплением капитала и перепроизводством товаров на прежней, машинно-конвейерной технологической основе, а затем разрешением этих противоречий с переходом на массовое внедрение микроэлектроники. Таким образом, за торможением экстенсивного, "валового" роста скрываются радикальные качественные изменения в самом укладе производства, подготавливающие почву для нового "раунда" ускорения.

Изучение экономической динамики последних десятилетий показывает, что траектория развития мировой экономики во многом повторяет рисунок "кривой Кондратьева", выведенной из статистических рядов по ведущим капиталистическим странам за прошлое столетие и начало нынешнего (рис. 5). В этой связи в современной научной литературе (включая и латиноамериканскую) обращают внимание на значение концепции Н.Д.Кондратьева⁵⁷, как одного из ценных инструментов долгосрочного прогностического анализа⁵⁸. Разумеется, говорить о ее применимости сегодня можно лишь в сочетании с последующими разработками проблемы макроцикличности. Среди них - исследование процессов технологического обновления, проведенное Й.Шумпетером, объяснение Э.Манделя через неравномерность динамики органического строения капитала, нормы прибыли и оборота капитала, трактовка проблемы структурного кризиса в трудах П. Боккара и С.М.Меньшикова⁵⁹, разработки других авторов.

С позиций сегодняшнего дня концепция "макроцикла" несомненно должна восприниматься и критически, и творчески. К этому склоняется большинство обращающихся к ней ученых. Считает так и известный футуролог Амилькар Эррера, руководивший группой специалистов, которая подготовила в 70-х годах первый в Латинской Америке глобальный прогноз (Модель Барилоче)⁶⁰. По его мнению, теория длинных волн или больших циклов применима к долгосрочному прогнозированию прежде всего по следующим причинам. Во-первых, она представляет собой внутренне гармоничную концепцию, во-вторых,

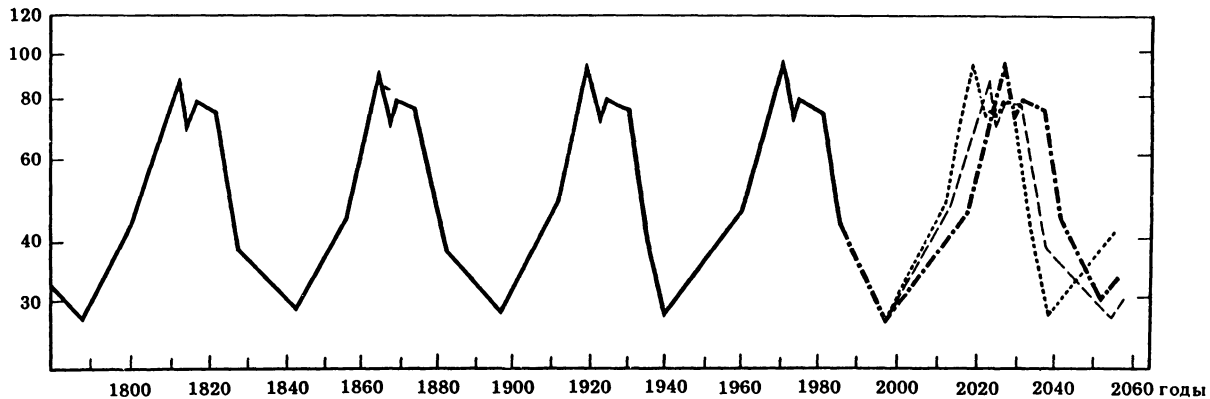

Рис. 5. Условно-теоретическая кривая больших циклов экономической конъюнктуры Н.Д.Кондратьева, продленная на пятую "волну" с вариантами проекции, исходя из очертаний трех предыдущих "волн" (Приводится по: Pring M.J. How to forecast interest rates? N.Y., 1981. P.63.)

не противоречит фактам и, в-третьих, имеет гораздо большую "способность объяснения" по сравнению с любой из предложенных до сих пор прогностических теорий или гипотез⁶¹. Вместе с тем Эррера предупреждает против соблазна простой проекции циклической траектории Кондратьева-Шумпетёра из прошлого в будущее⁶². Он справедливо замечает: очередной большой цикл, открывающийся экстраординарным кризисом, привносит в процесс развития свое особое качество, которое нельзя понять, ограничиваясь одним набором переменных. Каждый раз, считает Эррера, в анализ необходимо вводить факторы, отличающие новый этап и вызывающие отклонения от прежней регулярности процессов и явлений⁶³.

Очевидно, что начавшийся этап отличается взаимодействием гораздо более разнородных компонентов мировой микросистемы (хотя это уже успело сказаться на завершении предыдущего), более активным их участием в реализации воспроизводственных процессов на глобальном уровне. Далее, волна технологического обновления, открывшая нынешний макроцикл, по своему значению несомненно превосходит предыдущие⁶⁴. Она сопряжена с более активной и многообразной диффузией технологического обновления, с универсальным ее воздействием на общественную жизнь. Новая волна вводит дополнительное звено в воспроизводственную цепь между объектом и субъектом труда. Причем замена живого труда овеществленным происходит уже в выполнении значительной части интеллектуальных (в какой-то мере даже эвристических) функций. Широкое распространение эффекта "микроразрушающей волны", резко повышая общую производительную силу труда, преобразуя образ жизни человека, может способствовать и ускорению исторического процесса. Наконец, отныне планетарная цивилизация впервые испытывает столь сильное детерминирующее воздействие глобальных императивов.

Глобальные проблемы современности характеризуются тесным переплетением и взаимообусловленностью. Различные группы этих проблем (военно-стратегических, социальноэкономических и эколого-ресурсных) находятся в подвижном весовом соотношении. Ведь прогресс либо отставание в решении глобальных проблем проявляются неравномерно, как неравномерно и само их назревание. Продвижение в решении одних глобальных проблем будет менять соотношение приоритетов, вынося на передний план другие глобальные проблемы. Диалектика их тесной взаимозависимости такова, что задержка в одних случаях вызывает и обратную реакцию торможения (и усугубления) на тех направлениях, где до этого обозначился позитивный сдвиг.

Что касается военно-стратегического направления, то за последнее время обнаружилась реальная возможность прогресса в деле разоружения и разрядки. Это позволяет заложить в сценарные посылки прогноза достижение на его горизонте той или иной степени демилитаризации мировой экономики. Как же это может повлиять на Латинскую Америку?

В первом приближении можно говорить о вероятности расширения доступа к новому внешнему финансированию, о более быстром наступлении периода диффузии технологии нового поколения на периферию мировой экономики, о создании политических предпосылок

для демократизации международных отношений, для уменьшения бремени военных расходов, ложащегося на национальную экономику. Соответственно могут сложиться условия для большей свободы выбора. Реализацию новых возможностей следует рассматривать в зависимости от темпов и границ глобальной демилитаризации. Разумеется, позитивный эффект глобальной демилитаризации и продвижения по пути плюралистического сосуществования не может проявиться автоматически быстро, не может быть равнозначным для различных регионов и стран. Но управляемость, регулируемость процессов в этой области представляется все же достаточно реальной.

Что касается глобальных проблем эколого-ресурсного характера, то управляемость мировой ситуации на этом направлении представляется более проблематичной. Причем, прогресс в деле демилитаризации, очевидно, будет выдвигать на передний план экологический императив. В Латинской Америке относительно "разреженная" ситуация (в среднем малая нагрузка производственной активности на территории) может смениться критической ситуацией не только в крупнейших агломерациях, как это имеет место сегодня. Ведь регион лишен многих компенсационных механизмов, которыми располагают развитые страны. При этом продолжительная декапитализация подрывает ее способность к капиталоемкой экологической защите. Все это подводит к выводу о вероятности резкого обострения экологической ситуации на подходе к предстоящему веку. На следующем этапе латиноамериканским странам предстоят крупные затраты, чтобы приостановить опасные процессы. Остановить же их в отдаленной перспективе сможет только самое широкое международное сотрудничество при изменении самого воспроизводственного механизма.

Глобальные проблемы социально-экономического характера отличаются исторической инерцией. Казалось бы, они подвластны международному управлению на принципах нового мышления. Но следует отдавать себе отчет в том, что в долгосрочной перспективе и при благоприятном развитии мировых событий управляемыми могут быть глобальные проблемы преимущественно "верхнего среза", т.е. те, которые связаны с наиболее одиозными диспропорциями и деформациями в международных экономических отношениях. На определенное продвижение в решении подобных проблем можно рассчитывать к концу века по мере декомпрессии военно-стратегических противоречий. В частности, можно надеяться на постепенное, хотя и медленное затухание долгового кризиса, который является традиционной реакцией латиноамериканской периферии МКХ на перепад конъюнктуры при переходе к фазе ослабленной экономической динамики очередного макроцикла. Далее, возможен прогресс в обеспечении некоторых гарантий для производителей базовых сырьевых продуктов.

Вместе с тем до конца века трудно ожидать кардинальных сдвигов в материальной основе неравноправия и маргинализации в международных экономических отношениях. Речь идет о существенном разрыве в национальных уровнях производительности труда между промышленными центрами и периферийными экономическими системами. Эта фундаментальная неравномерность, очевидно, сохранится в долгосрочной перспективе. В обозримой же перспективе суще-

ствуют некоторые возможности для того, чтобы возобладала тенденция к сокращению этого разрыва путем мобилизации усилий на всех "уровнях" - на глобальном, региональном и страновом.

Итак, представляется, что общественно-экономическое развитие, расширенное воспроизводство в начавшемся макроцикле предопределяются условиями, качественные отличия которых во многом значительней, чем в предыдущих макроциклах. Более того, не исключено, что микроэлектронная модернизация интеллектуальной деятельности приблизит набегание следующей волны технологического обновления (биотехнологической по определяющему признаку, согласно преобладающему мнению специалистов), вызвав наложение одной на другую.

Изложенные выше общие посылки могут служить внешней канвой для построения гипотезы экономического развития латиноамериканских стран в период до начала следующего века. При этом следует подчеркнуть, что речь пойдет именно о гипотезе, а не о результатах законченного прогностического анализа. Автор ограничивается тем, что обычно относят к содержательному наполнению сценарных разработок.

Если обратиться к ситуации в центрах мировой экономики, то большинство специалистов в области долгосрочного прогнозирования склоняется ныне к выводу о продлении в первой половине 90-х годов фазы заторможенного экономического роста. Комментируя результаты глобальных прогностических разработок, следует обратить внимание на то, что среди различных проекций, подготовленных после кризиса начала 80-х годов до сих пор сбывались преимущественно пессимистические предсказания относительно экономической динамики. Оптимистические же сценарии, построенные на представлениях, сложившихся в фазе динамичного роста (60-е, 70-е годы), оказались несостоятельными.

В чем же причины ограниченного роста, каковы аргументы в пользу сдержанной динамики для первой половины предстоящего десятилетия? Думается, прежде всего необходимо обратить внимание на сложные мутации, вызванные развернувшейся структурно-технологической перестройкой в национальных хозяйственных системах и международных экономических связях. Процесс технологического обновления, обуславливающий ломку прежних структур, переориентацию торговых и финансовых потоков, а также изменение характера взаимодействия государств и различных хозяйственных субъектов, сопряжен с потерей темпа в динамике валового производства. Иными словами, начавшийся период определяется изменениями не экстенсивного, а интенсивного типа. Кроме того, сказываются и будут сказываться накопившиеся в мировой экономике диспропорции, связанные с неравномерностью в развитии его центров, внутренние дисбалансы в хозяйственной системе США. В подобной ситуации вряд ли устранима основа валютно-финансовой нестабильности. Хотя экономические реформы, начатые в ряде восточноевропейских стран и Советском Союзе, обещают в перспективе активизацию их внешне-экономических связей, в ближайшие годы трудно рассчитывать на крупномасштабное практическое воздействие данного фактора на состояние мировой экономики. Для начала 90-х годов эффект видится в

ином - в принципиально новых возможностях, открывающихся на данном направлении международных экономических отношений.

Инерция прежней конъюнктуры (сложившейся к началу 90-х годов), по всей видимости, будет действовать в среднесрочной перспективе (ближайшие 5-7 лет). Большинство специалистов в области прогнозирования склоняется к тому, что среднегодовые темпы прироста производства и торговли в развитой части мировой экономики останутся невысокими. Вместе с тем на значительном уровне будет удерживаться спрос на ссудный капитал, а следовательно, и ссудный процент. Довольно велика вероятность некоторого повышения инфляции в центрах МКХ после понижения, наблюдавшегося в 80-е годы.

Отмеченная инерция, видимо, начнет исчерпываться к середине 90-х годов. В течение первой половины нынешнего десятилетия будут накапливаться предпосылки для серьезных изменений в структуре мировой экономики и международной торговли, которые, очевидно, скажутся во второй половине нынешнего десятилетия. Можно также надеяться на определенный прогресс в нейтрализации конфронтационных тенденций в мировой политике, на частичную демилитаризирующие сдвиги второй половины 80-х годов, зреющая в "верхах" и "низах" политическая воля к цивилизованному международному общению.

Реформа ЕЭС, намеченная на 1992 г., способна вызвать процесс консолидации западноевропейского центра мировой экономики на новой институциональной основе. Но, разумеется, такой процесс не гарантирован от противоречий и трудностей, преодолению которых потребует немалых усилий и времени. Поэтому реальные плоды следует ожидать позднее - во второй половине десятилетия. В рамках обновленного западноевропейского "общего дома" увеличится, как очевидно, роль Германии. Правда, в ближайшей перспективе трудности преобразования и сочленения структур могут вызвать торможение экономического роста. Тенденции, уже наметившиеся в соотношении сил мировой экономики, а также состояние экономики США указывают на то, что последняя, удерживая роль ведущего центра, не имеет все же достаточных шансов для сохранения прежних позиций в международном кредите, торговле, технологическом лидерстве и инвестиционной активности за рубежом. Напротив, есть основания полагать, что Япония имеет немалые предпосылки для дальнейшего увеличения своего веса. Но в 90-х годах это увеличение, по всей видимости, будет происходить с "затухающим" динамизмом, как то подтверждается статистикой последних лет. Таким образом, во второй половине предстоящего десятилетия просматривается возможность определенного выравнивания экономических потенциалов основных центров МКХ. Соответственно, логично ожидать очередного сдвига в переходе мировой экономики к многополюсной структуре. Этому, очевидно, будет содействовать вероятная активизация участия в международных экономических отношениях восточноевропейских стран и СССР, которые к тому времени пройдут значительную часть пути экономических реформ, а также расширение круга индустриальных стран в зоне "третьего мира".

Ситуацию конца 90-х годов, по мнению многих специалистов,

можно связывать с завершением решающей фазы микроэлектронной перестройки в индустриальных центрах мировой экономики. Отсюда следует предположение о возможности некоторой динамизации хозяйственного роста (в порядке "отдачи" от массового технологического обновления), о насыщении "центральных" рынков продукцией нового поколения, об изменении соотношения между спросом и предложением на рынке ссудного капитала, что предвещает понижение банковского процента. Все это может создать условия для нового раунда диффузии технологии и капитала в периферийные зоны. Предполагая улучшение общей экономической конъюнктуры, соответствующее восходящей фазе макроцикла, правомерно ставить вероятность подобного хода событий в зависимость от позитивного изменения мирополитического климата и демократизации международных экономических отношений. Вместе с тем диалектика глобальной детерминации экономического развития очевидно будет выдвигать на передний план проблему экологической безопасности. Ее обеспечение потребует огромных издержек, что к концу нынешнего и началу следующего века, очевидно, установит гораздо более серьезные ограничения для роста производства.

Каким же образом в подобном глобальном контексте может быть представлена перспектива экономического развития Латинской Америки? Обратимся сначала к ключевому, технологическому фактору. Технологическая перестройка, развернувшаяся в центрах МКХ, видимо, охватит латиноамериканскую периферию с традиционным фазовым запозданием. Можно полагать, что период активной модернизации придется на вторую половину 90-х годов и первую декаду следующего века. Между тем нельзя представлять ситуацию таким образом, будто сегодня регион отгорожен от "микроэлектронной волны". Не только опосредовано (через мирохозяйственные связи), но и прямо (распространение - хотя и ограниченное - микроэлектронных средств в самом регионе) идет постепенный процесс обновления и модификации производственных систем, способов подключения к МРТ. Но все же в ближайшее десятилетие воздействие технологической перестройки, очевидно, останется в регионе преимущественно отраженным. Речь, с одной стороны, идет о поступательных изменениях в структуре мировых рынков, об относительном сокращении спроса на некоторые товары латиноамериканского экспорта. С другой стороны, имеется в виду сохранение повышенного спроса на ссудный капитал, который необходим для обновления производственной базы в центрах МКХ и структурной перестройки Восточной Европы и СССР. Таким образом, замедлится тенденция макроциклического снижения ссудного процента.

Непосредственные проявления "микроэлектронного обновления" до конца 90-х годов будут происходить в регионе главным образом в традиционной "очаговой" форме, затрагивая пока наиболее развитые в экономическом отношении латиноамериканские страны. Участие национальных систем НИР в технологическом преобразовании латиноамериканских экономик по-прежнему будет скромным. Вместе с тем традиционная "стена изоляции" между наукой и производством может быть частично преодолена в наиболее развитых странах регио-

Вероятная потеря латиноамериканскими государствами части "сравнительных преимуществ" в мировом разделении труда (на базе дешевой рабочей силы и дешевого сырья) вследствие технологического прогресса в странах развитого капитализма (роботизация, гибкая автоматизация, ресурсосбережение) способна привести к сворачиванию экспортного производства в целом ряде отраслей. Поиск же новых "ниш" в МРТ будет сопряжен с немалыми издержками.

Мобильность латиноамериканских экономик и выбор стратегии развития будут жестко и еще довольно долго лимитироваться внешней задолженностью и расстроеным механизмом накопления. Как уже отмечалось, норма инвестиций в основные фонды в большинстве латиноамериканских стран дошла до критически низкого уровня. В то же время масштабы нового внешнего финансирования сведены к минимуму. Все это означает маловероятность восстановления динамики экономического роста на уровне 60-х или 70-х годов. Соответственно выглядят весьма сомнительными те показатели (4-5% годового прироста ВВП), которые избирались экспертами международных организаций для прогностических сценариев в исследованиях проводившихся в 80-х годах.⁶⁵

Сложившиеся тенденции и их макроциклическая реализация при фазовом запаздывании периферии приводят к заключению, что вплоть до второй половины 90-ых годов среднегодовой темп прироста ВВП в целом по региону лишь немногим превысит темп демографической динамики. Это превышение может достигнуть значимой величины позднее - на исходе 90-х годов и в последующее десятилетие, когда ожидается ослабление внешних ограничителей для развития латиноамериканских экономик и заметное уменьшение прироста населения.

Последние годы наблюдается некоторая декомпрессия и в то же время пролонгация долгового кризиса. Ему предстоит (по макроциклической регулярности) медленное, зигзагообразное затухание и вход во второй половине 90-х годов в регулируемое (относительно) русло. Говоря о завершении десятилетия, мы имеем определенные основания для предсказания более серьезных изменений. Ведь логика циклического развития предвещает новую волну перенакопления капитала в центрах высокоразвитой экономики, сатурацию там рынков продукции нового технологического поколения и стремление реализовать ее избыток на периферии, а также сместить туда очередные депрессивные звенья производства. Все это может подготовить почву для списания (прямого либо де-факто) значительной части - на уровне трети - бесперспективной задолженности стран региона и возобновления крупномасштабного внешнего финансирования латиноамериканской периферии.

Не исключено, что противодействуя японской экспансии, а затем продвижению "новых индустриальных стран", США и Западная Европа предпримут дополнительные протекционистские меры. В новых условиях Японии придется активизироваться на рынках "третьего мира", включая многие страны Латинской Америки. Учитывая вероятность подобного разворота, растущий потенциал НИС Юго-Восточной Азии, а также смещение центров деловой активности в США на

западные штаты, следует ожидать серьезной интенсификации хозяйственных связей в Тихоокеанском бассейне, в которые будут вовлечены и многие латиноамериканские государства.

Суммируя приведенные выше соображения, можно полагать, что большинство латиноамериканских стран будут испытывать неблагоприятное - в целом - воздействие внешних факторов довольно продолжительное время (по крайней мере, в среднесрочной перспективе). Ослабление этого негативного влияния может начаться во второй половине нынешнего десятилетия, если структурная перестройка мировой экономики создаст условия для нового "витка" горизонтальной диффузии капитала, производства и технологии, в том числе в Латинскую Америку.

Внутренняя ситуация в странах региона, по всей видимости, будет характеризоваться сохранением курса "жесткой экономии" (по крайней мере до середины 90-х годов, когда может произойти некоторое облегчение долгового бремени). При этом будет сказываться стремление местных правящих кругов и иностранного капитала отнестись к поддержке такой политики на низшие ступени социальной пирамиды. В сложных экономических условиях неизбежно усилится борьба за выживание среди местных предпринимателей. Ограничение прямого государственного вмешательства в хозяйственную жизнь (при соответствующем расширении сферы косвенного регулирования) в среднесрочной перспективе, очевидно, продолжится. Это, несомненно, обернется заметным сокращением государственной собственности. Вместе с тем нужно иметь в виду исторический опыт, который свидетельствует о чередовании периодов преобладания дирижистских или либералистских (проэтатистских или антиэтатистских) установок в экономической политике соответственно изменению общих условий воспроизводства. На очередном этапе - скорее всего к концу десятилетия - может произойти именно такое изменение условий. Однако возвращение к активному вмешательству государства в хозяйственную жизнь будет реализовываться в новых формах, на основе иной системы отношений с частным капиталом.

Что касается транснационального капитала, то на предстоящем десятилетнем отрезке в регионе вряд ли возможно существенное расширение сектора, контролируемого ТНК путем прямого участия в производственной деятельности на основе непосредственной собственности. Главная причина - неустойчивая динамика предстоящего десятилетия, которая будет создавать повышенный риск для иностранных инвесторов в большинстве латиноамериканских стран. В этих условиях предпочтение будет отдаваться альтернативе гораздо более перспективного вложения в центрах МКХ и пополняющейся группе НИС. На исходе 90-х годов соотношение акцентов в политике ТНК может поменяться, если возобладает - как и предвидится - тенденция к динамизации хозяйственного роста региона и наступит - после фазового запоздания - пора активного технологического обновления латиноамериканских экономик.

Осложнение общих условий экономического развития, пролонгация долгового бремени и политики "жесткой экономии", просецируемые до середины 90-х годов, очевидно вызовут ухудшение материаль-

ного положения масс и понижение социального статуса ряда имущих категорий населения (средних слоев, части средней буржуазии). Особую напряженность создаст неспособность медленно развивающейся экономики обеспечивать занятость населения даже в тех пропорциях, которые выдерживались в 70-е годы.

В предстоящее десятилетие процесс маргинализации, видимо, усилится в большинстве стран региона. Ведь адаптация к технологическому обновлению новой волны сопряжена с резким сокращением удельной трудоемкости, а механизм социально-экономической компенсации в латиноамериканских странах явно недостаточен. Есть основания ожидать существенной технификации непродуцированной сферы. А это сулит стагнацию удельного веса служащих. Весьма вероятно консервация (или даже некоторое уменьшение) доли рабочего класса в его узких границах. Вместе с тем это может означать стабилизацию фабрично-заводского ядра, уменьшение его "загрязнения" новопришельцами с инородным социальным сознанием. К тому же, правомерно ожидать дифференциацию пролетариата в его широких границах, дальнейшее сближение по экономическому и социальному статусу его высших категорий с низшими категориями средних слоев.

Предстоящее изменение характера труда соответственно новой технологической основе с конца 90-х годов может вновь усилить тенденцию к дифференциации и даже фрагментации пролетарской массы в силу специализации производства, замены конвейерных систем гибкими, рассредоточения и изоляции рабочих мест и т.п. Хотя и нельзя ожидать уменьшения гетерогенного социального буфера между полярными классовыми образованиями, правомерно рассчитывать на изменение его содержания. Очевидно, предстоит ускорение капитализации аграрного сектора и соответствующая трансформация деревенского уклада жизни. В некоторых странах возможен существенный абсолютный и относительный рост сельскохозяйственного пролетариата, работающего с широким применением технических средств. Параллельно будет уменьшаться вес традиционного крестьянства. Есть основания ожидать расширения слоя ИТР и смежных групп, но менее высокими темпами по сравнению с периодом 70-х годов. Очевидно, предстоят серьезные изменения в буржуазных и квазибуржуазных слоях, выделение и укрепление новых транснационализированных господствующих групп, экономические и политические интересы которых далеко выходят за локальные и национальные рамки.

При общей неблагоприятной экономической ситуации для стран региона неравномерность их развития будет проявляться прежде всего по линии различий в возможностях преодоления предстоящих экономических трудностей, и особенно в способности адаптироваться к структурным сдвигам технического прогресса и к модификациям МРТ. А такие возможности, естественно, определяются величиной исходного экономического и научно-технического потенциалов, степенью диверсифицированности и развитости национального производственного аппарата, социальной предрасположенностью к экономическому и технологическому обновлению.

Существенные различия, характеризующие уровень и тип развития отдельных стран Латинской Америки, разумеется, требуют конк-

ретизации региональной перспективы. Привычная форма учета странных различий - более или менее дробная группировка. Но решение такой задачи в прогностическом исследовании сопряжено с серьезными трудностями. Основываясь на данных ретроспективы или современной действительности, исследователь идет от сопоставления конкретных реалий конкретных стран, а затем классифицирует их по схожим признакам. Заглядывая в перспективу, приходится либо экстраполировать тенденции развития отдельных стран (что, понятно, трудно сделать по всем государствам региона) и на следующем этапе пытаться разложить по соответствующим "полкам" вероятные итоги каждого случая, либо сначала определять ряд моделей, которые потенциально - на прогнозном горизонте - могут сформироваться в рамках латиноамериканского массива с тем, чтобы затем оценить шансы тех или иных стран по достижению определенной модели и осуществлению соответствующей ей траектории развития. Последний вариант обладает тем преимуществом, что позволяет отойти от механической экстраполяции и вместе с тем сохранить целостность региональной "картины".

Имеющаяся исследовательская литература пока не дает достаточных точек опоры для подобного эксперимента. Но не претендуя на глубину постановки вопроса, мы попытаемся все же высказать на сей счет предварительные соображения. Рассматривая перспективу на начало следующего века в диапазоне возможных для Латинской Америки траекторий, допустимо, на наш взгляд, вести речь о следующих моделях.

Во-первых, о многоотраслевом экономическом комплексе с емким и дифференцированным внутренним рынком и с частичным включением в МРТ в качестве производителя на уровне высокой технологии. Условием этого является серьезное развитие информационной сферы, создание электронной инфраструктуры и значительный рост научно-исследовательского сектора. Такая модель предполагает изменение положения в мировой экономике вследствие ослабления ряда периферийных признаков и перехода к более высокому (условно-полупериферийному) статусу в мировой иерархии по степени развитости национальных хозяйственных систем. Рассматривая перспективу 10-15 лет, трудно рассчитывать на более существенные сдвиги. Ведь даже сохранение прежних позиций в мировой экономике потребует весьма динамичного роста, особенно во второй половине 90-х годов и в последующем десятилетии.

Во-вторых, об экономическом комплексе среднего масштаба со значительным набором перерабатывающих отраслей. Имеется в виду сохранение в качестве основы модернизированной добывающей промышленности или агро-промышленной специализации, но вместе с тем вероятность использования ряда новых "ниш" в международном разделении труда на положении частичного производителя. Осуществление данной модели может означать либо сохранение прежнего места в подвижной шкале мировой экономики, либо некоторое его повышение.

Третья модель - заторможенная модернизация хозяйственного комплекса среднего и малого масштаба при инертности в изменении

социальных структур. Предполагается сохранение, в основном, сырьевой специализации в МРТ, а также ряда других черт периферийной принадлежности. В данном случае неизбежно понижение статуса страны в мировой экономической шкале.

Четвертая модель - застойный вариант развития с серьезным увеличением отставания от уровня передовых стран, с относительным сужением сферы участия в международном обмене и маргинализацией в мировой торговле. Подобная ситуация ожидает те страны, которые не отойдут от традиционной аграрной структуры или не диверсифицируют добывающий сектор своей промышленности, базирующийся на поставках минерального сырья с понижающей тенденцией спроса.

Пятая модель связывается с развитием "транзитной экономики". Речь идет о выполнении различных посреднических функций в международном обмене (в области финансов, транспорта, связи, туризма и т.п.) или промежуточных - в международно организуемом производстве (выпуск отдельных компонентов, сборка из ввозимых компонентов и другие операции в рамках "экспортных платформ"). Подчеркивая условность выделения представленных моделей, отметим, что они, конечно же, не покрывают ряд вероятных вариаций, а кроме того, вряд ли будут реализовываться в "чистом" виде. Как очевидно, повышение степени интернационализации мировой экономики в большинстве случаев приведет к серьезному расширению того сектора производства, который будет включен в интенсивные кооперационные связи с диверсифицированным разделением труда. При этом элементы "транзитной экономики", различные варианты "экспортных платформ" войдут составной частью в модели, общий характер которых будет определяться иными структурами.

Переходя к вероятности осуществления различных моделей в тех или иных странах региона, можно говорить о том, что для первого случая наибольшие шансы имеет Бразилия, располагающая к настоящему времени третью совокупного экономического потенциала региона и почти половиной научно-технического. Кроме того, эта страна обладает в регионе наибольшим диапазоном стратегического маневра. Шансы Мексики, видимо, следует оценивать скромнее. Траектория ее развития и возможность выхода к первой модели в большей мере зависят от внешних факторов, от того, какие результаты принесет взаимодействие с экономикой США, как удастся реализовать принадлежность страны к Тихоокеанскому бассейну, где ожидается серьезная активизация хозяйственных связей.

Вторая модель в принципе может стать итогом развития таких стран, как Аргентина, Колумбия, Чили, Венесуэла. Но, учитывая просматривающиеся ныне тенденции, темпы модернизации производственных и социальных структур, существующий ресурсный потенциал и подготовленность рабочей силы, вероятность для Чили и Венесуэлы может быть оценена выше. Разумеется, предстоящее десятилетие, диктующее необходимость внутренней перестройки, внесет свои коррективы. Если на протяжении 90-х годов экономическая система Аргентины, преодолев депрессивные тенденции, подвергнется серьезной модернизации, то эта страна, имеющая многие потенциаль-

ные преимущества (с точки зрения обеспеченности природными ресурсами и квалифицированными кадрами) выйдет на передний план, имея шанс и для частичной реализации первой модели.

Вторая модель в иной модификации (в сочетании с элементами пятой) может рассматриваться как один из вариантов будущего для ряда небольших, но более развитых стран региона - таких, как Уругвай и Коста-Рика. Разумеется, продвижение к этой модели (а тем более с повышением статуса в мировой экономике) обусловлено осуществлением внутренней структурной перестройки, позволяющей ускорить технологическую модернизацию и подключение к некоторым новым видам производства товаров и услуг, создающим предпосылки для участия в МРТ на более высоких "этажах".

Вероятность осуществления третьей модели наибольшая для будущего тех стран, где до сих пор особенно велик удельный вес раннекапиталистических и даже докапиталистических структур, где значительная масса населения все еще связана с натуральным хозяйством и в среднем мала подготовленность рабочей силы к восприятию современных форм производства. Такая ситуация присуща ряду отсталых южноамериканских (Эквадор, Боливия, Парагвай, в меньшей мере - Перу) и центральноамериканских стран (Гватемала, Гондурас, отчасти Никарагуа) с преобладанием индейско-метисного компонента в этническом составе и крайними диспропорциями в распределении национального дохода. В зависимости от конкретной детерминации будущего отдельных стран этого типа определится вероятность "попадания" в третью или даже четвертую модель. Без серьезных социальных изменений обреченность на четвертую модель очевидна для многих стран этого типа, а тем более для Гаити - замыкающей ряд региона по уровню экономического развития. Пятая модель не предполагает однозначного результата. По всей видимости, она проявится в различных модификациях и по структурному содержанию, и по степени эффективности. Но очевидно, что для малых (а тем более мелких) государств Карибского бассейна данная модель может стать стратегической целью, обеспечивающей наиболее благоприятную перспективу. Вопрос заключается в том, как принятые "транзитные функции" будут отвечать восходящим тенденциям мировой экономики и характеру международных связей в конкретном районе мира, в какой пропорции те или иные "транзитные функции" позволят удерживать в национальной экономике часть полученного дохода, способствуя развитию более современной инфраструктуры и прогрессивному типу воспроизводства рабочей силы. Соответственно этому - в зависимости от перспективности принятых "транзитных функций" и эффективности их выполнения - определится место той или иной страны в мировой шкале уровней экономического развития.

Рассмотренные модели и вероятность их осуществления для различных стран региона относятся к исходу избранного прогнозного периода, то есть к началу следующего века. Предшествовать этому будет болезненный переходный этап, связанный с тяжелой адаптацией к новым мирохозяйственным условиям с поиском своей "ниши" в меняющемся МРТ. Предстоящее время будет производить свой отбор. Причем с достаточной долей уверенности можно говорить об уси-

лении процесса дифференциации латиноамериканских государств в зависимости от способности их общественно-экономических систем преодолеть "узкие места" переходного этапа.

Тезис о возрастании воздействия внешних факторов, значения глобальной детерминации для развития отдельных стран стал уже расхожей истиной. Нет особой необходимости приводить дополнительные аргументы в его обоснование и применительно к латиноамериканским странам. Но в рамках общей внешней детерминации ключ к ускорению либо замедлению экономической динамики конкретной страны лежит все же в области внутренних процессов. При этом определяющими могут стать социально-политические изменения, которые в отличие от экономических очень трудно поддаются долгосрочному прогнозированию.

Срок в одно-полтора десятилетия и велик и мал. Достаточно велик для переориентации отдельных стран, их перемещения на более высокие или более низкие ступени развития, даже для крупных сдвигов в мировой геополитической ситуации, чему мы сами являемся свидетелями на европейском континенте. Но этот срок слишком мал для изменения принципиальных мирохозяйственных соотношений, общих пропорций и взаимосвязей. К их разряду относится и периферийное положение Латинской Америки в макросистеме мировой экономики. Оптимистический взгляд может подкрепляться надеждой на прогресс в демократизации международных экономических отношений - параллельно декомпрессии военно-политического противостояния, черпать свою аргументацию в том, что зоны отсталости и нищеты становятся нетерпимым бременем для всего мирового сообщества. Сдвиги в этом направлении не только необходимы, но и возможны, если учитывать позитивные тенденции, проявляющиеся в последнее время. Вместе с тем, неравноценность национальных экономических систем, дисбалансы в их взаимоотношениях будут определять мирохозяйственную ситуацию и в начале следующего века. Для Латинской Америки, для большинства ее экономик это будет означать сохранение качеств периферийности. Иное дело - коррективы, модификации в формах ее проявления, что несомненно привнесет предстоящий период. Все это не исключает, а предполагает дальнейшее расслоение периферии, выделяющее пополнение новых индустриальных стран или ведущее к дальнейшей маргинализации отстающих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более глубокому пониманию событий в Латинской Америке препятствовала и все еще препятствует недооценка многовариантности исторического процесса. Учитывая же это, недостаточно апеллировать к многовариантности лишь в рамках новейшей истории. Ведь сегодняшние различия имеют глубокие исторические корни. В практике современного развития, в процессах обновления функцию детерминации выполняют не только нынешние особенности, но и давно заложенные общественно-исторические гены. Вполне уместна аналогия с природой, которую пытались и пытаются насилловать вопреки здравому экологическому смыслу. Имеет свою экологию и история. Потому-то политика и есть искусство возможного.

Мы далеко не всегда отдаем себе отчет в том, что "разброс" внутри Латинской Америки оказывается больше, нежели дистанция, отделяющая ее верхний этаж от экономически наиболее развитых государств. По душевым показателям национального продукта лидеры региона превосходят уровень самой отсталой его страны (Гаити) в 9-11 раз. Между тем США превосходят высшие показатели Латинской Америки в 5-6 раз, Франция - в 3-4, Англия - в 2,5-3 раза.

Расхожая истина - запоздалое вступление Латинской Америки в современное городское общество. Но запоздание отдельных стран отнюдь не равнозначно. Ранний для региона старт, а затем резкое ускорение развития в последней четверти XIX в. оказались возможными там, где были слабее квазифеодальные структуры, где не привилось рабовладение, превратившееся в XIX в. в серьезное препятствие для накопления капитала, где иммиграция восполнила недостаточное первоначальное накопление, где естественные условия создавали исключительные преимущества для получения прибавочного продукта и участия в МРТ. Показательно, что Аргентина и Уругвай на рубеже двух веков - прошлого и нынешнего - по темпам экономического роста вошли в число мировых лидеров (опережая, кстати, США), а к 20-м годам и по среднестатистическому уровню жизни.

Таким образом, можно говорить о прецеденте прорыва из круга слаборазвитости. Но при этом следует заметить: основой экономического благосостояния стала аграрная рента, реализовывавшаяся на мировом рынке. Даже при серьезной торгово-финансовой зависимости, даже при изымании значительной части доходов в пользу иностранного капитала остававшаяся часть оказывалась весьма значительной. Однако связанная с исключительным естественным плодородием, эта рента, хотя и продержалась ряд десятилетий, с неизбежностью убывала по мере технологического совершенствования сельскохозяйственного производства в странах с небольшим естественным плодородием. Соответственно теряли свой динамизм арген-

тинская и уругвайская экономики, техническому прогрессу которых мешали довольно консервативные структуры землевладения. Более разнообразное сочетание факторов обуславливало относительно раннее капиталистическое развитие Чили. Этому способствовало активное подключение к мировому рынку еще в XIX в., прежде всего поставки продовольствия на бурно росший рынок Юго-Запада США, обладание ценными ресурсами индустриальной эпохи (селитра, уголь, медь), меньшая в сравнении с Аргентиной и Уругваем, но весьма значительная европейская иммиграция. Ранняя капиталистическая зрелость позволила трем указанным странам подойти к сегодняшнему дню с относительно (по латиноамериканским меркам) однородной социально-экономической средой, с довольно развитыми традициями гражданского общества.

Позднее, в 20-х годах этого века, началось ускорение в экономиках, структура которых (подобно Венесуэле и Кубе) определялась горнорудными или нефтедобывающими анклавами либо плантационной монокультурой, тесно привязанной к крупнейшему рынку своего времени - США. Середина века - период особо динамичного развития больших хозяйственных систем - прежде всего Бразилии и Мексики. Значительный внутренний рынок и возросший интерес к нему со стороны иностранного капитала, активная хозяйственная деятельность государства, вскармливавшего местный предпринимательский слой, благоприятствовали созданию многоотраслевого промышленного комплекса. В последнем же эшелоне оказались страны с особо архаичной структурой землевладения, определявшейся сохранением патриархальной латифундии и пережитков общинного строя, с экономикой, слабо втянутой в мировой рынок. Во всех подобных случаях складывались общества крайних социальных контрастов и экономических диспропорций. Причем как внутренняя основа, так и внешняя детерминация исключали повторение моделей старых капиталистических центров.

60-е и 70-е годы отмечены общей динамизацией экономического развития и социального вызревания буржуазного типа. Индустриальная модернизация, связанная с переносом части перерабатывающих производств ТНК на периферию МКХ при массивном внешнем кредитовании и требующая серьезных социальных издержек, сопровождалась политическим авторитаризмом, нередко приобретавшим крайние формы. Между тем динамизация экономического развития в большинстве латиноамериканских государств контрастировала с явным застоем в первом эшелоне периферийного капитализма.

Сегодня мы отдаем себе отчет в том, что некоторые страны, традиционно относившиеся к "третьему миру", к периферии МКХ, осуществили серьезный прорыв в экономическом и технологическом обновлении. Все внимательнее приглядываемся мы к так называемым новым индустриальным странам (НИС), которые преподнесли немало сюрпризов. Говоря о Латинской Америке, трудно подыскать аналог азиатских НИС. Хозяйственные комплексы промышленного типа появились здесь раньше, о чем свидетельствует опыт Аргентины, Мексики или Бразилии. Но здесь сформировалась модель традиционного машинного производства, основывавшаяся на замещении импорт

продукцией собственной индустрии. Подобные случаи резонно рассматривать как первое поколение НИС. Второе, представленное азиатскими НИС, дало образец "электронной" экспорториентированной индустриализации. Первая модель, продемонстрировавшая немалые преимущества в середине века, в основном исчерпала себя к 70-м годам. Вторая, напротив, именно тогда обнаружила наибольшие потенции.

Практика последних десятилетий убеждает: прорывы из круга слаборазвитости, не будучи общим правилом, вполне возможны. Основой для них становится не только и не столько рента, определяющаяся природными преимуществами. Все большее значение приобретает удачно найденная "ниша" в МРТ на перспективных направлениях развития мировой экономики, конечно, при условии социальной предрасположенности к структурно-технологическим переменам. Ограниченность внутреннего рынка уже не является столь серьезным препятствием для экономического прогресса. Простор мирового рынка, интенсивный процесс его диверсификации и обновления, подрывающий олигополистические структуры, открывают новые перспективы и для периферийных зон мировой экономики, что и доказывается опытом азиатских НИС.

К 80-м годам латиноамериканские государства подошли с разными уровнями и разными моделями развития. Однако на последовавший кризис реагировали единообразно болезненно. Страны региона, развивавшиеся крайне неравномерно, импульсивно оказались в одинаково бедственном положении - почти все испытали глубокий спад, всплеск безработицы и инфляции, дестабилизацию внутреннего рынка и государственных финансов, резкое падение уровня жизни, гнетущую тяжесть внешней задолженности. "Латиноамериканский рекорд" по свертыванию производства и продолжительности застоя оказался абсолютным и для "третьего мира", и вообще для мировой экономики. Напомним: по итогам 1990 г. совокупный ВВП региона в расчете на душу населения оказался почти на 10% меньше, чем в предкризисном 1980 г. Он как бы застыл на уровне 1977-1978 г г.

По мере удаления от пика экстраординарного кризиса становилось все более очевидным, что в Латинской Америке он производил свой естественный отбор, но через еще более частое "сито". Оценивая итоги, приходится говорить не о тех странах, которые миновали кризисную полосу с наибольшими приобретениями, а о тех, что обошлись минимальными потерями. С такой оговоркой речь может идти об экономике, успевших все же перенастроиться на новый лад, найдя нетрадиционные ниши в МРТ, хотя бы частично выведя экспорт из опасной зоны понижающегося спроса и нестабильных цен. Напротив, кризис особо сурово покарал экономику тех государств, которые при значительной включенности в мировой рынок не смогли отойти от традиционной моноспециализации на производстве и сбыте сырьевых товаров с неустойчивой, стагнирующей или нисходящей конъюнктурой спроса, а также стран, где заемные ресурсы, полученные в 70-е годы, были вложены в амбициозные проекты с долгими сроками окупаемости, использовались расточительно, поглощаясь коррупцией или омертвляясь вложением в военно-репрессивный аппарат. Разуме-

ются, в том же ряду оказались страны, чья хозяйственная жизнь парализовывалась военно-политическими конфликтами.

Очевидное историческое значение кризиса 80-х годов состоит в отрицании устаревших социально-экономических моделей периферийного капитализма. По существу, их отторгает сама система МКХ. Об этом говорит, во-первых, падение интереса иностранного капитала. Главная причина - в появлении гораздо более перспективных и надежных зон помещения капитала в центрах МКХ и в ряде азиатских НИС, в изменении мотивов зарубежного бизнеса. Во-вторых, отторжение проявляется в маргинализации, вытеснении застойных или медленно модернизирующихся латиноамериканских экономик из мировой торговли. Латиноамериканские экономики теряют былые сравнительные преимущества в МРТ. Дешевизна сырья элиминируется распространением ресурсосберегающей технологии, дешевизна рабочей силы - распространением автоматизации, робототехники, гибких производственных систем. Остается крайне сомнительное и все более опасное "преимущество", связанное с либеральностью экологического контроля.

Политически последнее десятилетие проходило в Латинской Америке под знаком демократизации. Процесс этот почти синхронно охватил страны с различными общественными структурами и экономическими моделями. Но совпадение не позволяет говорить о единообразной обусловленности демократических перемен. Конечно, существуют и общие факторы. Так, экономический кризис 80-х годов в любых случаях способствовал быстрой эрозии авторитарных режимов. Их повсеместное поражение - свидетельство того, что современные условия требуют иных форм организации общества - представительных, гибких, способных дать выход более разнообразным экономическим и социальным интересам. Важной детерминантой стал "демонстрационный эффект" в политике, который, воздействуя на массовое сознание, стимулирует утверждение основ гражданского общества. В целом для региона справедлива постановка вопроса о повышении политической культуры масс, об усилении их демократических устремлений, но опять же как о неравномерном и разнохарактерном процессе. Однако одни и те же факторы по-разному воспринимаются в зависимости от состояния конкретного общественного организма.

Соблюдая осторожность, можно все же говорить об относительной близости к европейскому историческому времени трех стран Южного Конуса, где еще в XIX в. были заложены традиции гражданского общества, где экономическая и социальная поляризация меньше, чем в остальных странах региона, где этнорасовое разделение не имеет практического значения, а демографическая структура сбалансирована. Но и здесь в последнее десятилетие дело шло не к социальной гомогенизации и выравниванию экономических диспропорций. Ситуация развивалась в противоположном направлении.

Другая группа - страны, чей социальный массив в значительной мере уже приобрел черты индустриального (или хотя бы полуиндустриального) общества. В первом эшелоне здесь находятся Бразилия, Мексика, Венесуэла; во-втором - Колумбия и до некоторой степени

Перу. Во всех случаях - и там, где осуществился отход от авторитарных структур, и там, где поддерживается преемственность парламентской многопартийной системы, - политические процессы, ведущие к правовому обществу, развиваются пока на зыбком социальном фундаменте. Очевидная слабость этого фундамента определяется крайними контрастами в условиях жизни различных групп населения, отсутствием элементарных социальных и экономических гарантий.

Свои особенности - в группе наиболее отсталых стран с преобладанием индейского и метисного населения, таких, как Эквадор, Боливия, Парагвай, Гватемала и Гондурас (некоторые черты этих обществ присущи также Перу и отчасти Мексике). Наряду с социальными контрастами политическая ситуация осложняется здесь этническими проблемами, которые в одном совпадают с социальными, в другом - имеют совершенно самостоятельное значение. Сельская индейская масса, долго сохранявшая свою замкнутость, отстраненность от политической жизни, начинает входить в нее все более активно, отстаивая свои специфические интересы и требования. Есть все основания ожидать, что в среднесрочной перспективе "индейский фактор" заявит о себе в полный голос. И его влияние может проявиться в самых различных формах, примешиваясь к традиционным социально-политическим конфликтам, как это уже имело место в Сальвадоре, Никарагуа и Гватемале, или создавая свои полюсы напряженности, о чем говорит пример Перу и Мексики.

Совершенно особая ситуация в мини-государствах Карибского бассейна. Здесь внутренняя обстановка в максимальной мере зависит от меняющейся внешней конъюнктуры, от способности адаптироваться к жесткой внешней детерминации. Наряду с редкими примерами стабильности, характеризующимися укоренившимися стандартами европейского парламентаризма (Барбадос), обращают на себя внимание случаи крайней неустойчивости, уязвимости политических структур.

Конфликтная социально-политическая обстановка и преобладание неблагоприятных тенденций в экономике порождают в латиноамериканских странах понятную тревогу за свое будущее. Что же действительно может ожидать Латинскую Америку в обозримой перспективе?

Пытаясь представить прогностический сценарий, на нынешнем не эволюционном, а переломном этапе, приходится вновь обращаться к ключевой для него проблеме - экстраординарного кризиса. Но при этом трудно или даже невозможно вести речь о "латиноамериканском кризисе". При всей своей серьезности и самостоятельном значении он является частным отражением радикальнейших трансформаций гораздо более широкого плана, перемен, знаменующих начало "микроразвития эпохи". Соответствующая структурно-технологическая перестройка меняет общие условия воспроизводства в интернационализировавшейся мировой экономике.

Всеобъемлющее технологическое обновление в центрах МКХ на качественно иной - микроразвития - основе, начавшееся в 70-х годах, подходит к завершению первой реиндустриализационной фазы. Последствия "микроразвития революции" многообразны, о чем подробно говорилось в третьем очерке. Здесь же хотелось бы ак-

центрировать внимание на двух, которые, на наш взгляд, имеют наибольшее значение для экономического будущего латиноамериканских стран. Реиндустриализация в центрах МКХ сопровождалась распространением ресурсосберегающей технологии и соответствующей рационализацией потребления сырья и энергии. В среднесрочной перспективе эта тенденция вряд ли будет перекрыта адекватным приростом потребления ресурсов на базе абсолютного расширения производства. Соответственно трудно рассчитывать на серьезное улучшение в сбытовой конъюнктуре большинства традиционных экспортных товаров латиноамериканских стран. Другой аспект - интенсивная реиндустриализация в центрах МКХ привела к повышению уровня ссудного процента и затем к длительному сохранению его высокого уровня. А это, разумеется, не сулит скорого решения долговой проблемы.

Изменения возможны, но не в ближайшей перспективе. Вероятнее всего - на исходе десятилетия. С одной стороны, в связи с очередной сатурацией рынков в центрах МКХ, макроциклическим повторением там ситуации перепроизводства и перенакопления, предвещающей понижение ссудного процента. Но в противоположном направлении может действовать увеличение спроса на кредитные ресурсы со стороны стран, идущих во втором эшелоне микроэлектронной модернизации. А это уже не позволяет надеяться на существенное понижение ссудного процента. С другой стороны, во второй половине 90-х годов можно ожидать роста потребления сырьевых и энергетических ресурсов в ходе нового "раунда" индустриализации на периферии МКХ - по инерции экстенсивной, с меньшей, чем в центрах МКХ, опорой на ресурсосберегающую технологию. К тому времени не исключено повышение платежеспособного спроса на продовольственные товары со стороны пополняющейся группы НИС. Но все это, разумеется, не даст латиноамериканским государствам серьезных гарантий эффективного участия в МРТ без качественного обновления их собственного производственного аппарата, без возникновения социальной восприимчивости к технологическому обновлению.

Модернизация "микроэлектронной волны" - императив и для Латинской Америки. Задержка будет означать их дальнейшую маргинализацию на мировом рынке с тяжелыми внутренними последствиями. Между тем императив модернизации вступает в противоречие со многими реалиями латиноамериканских стран, с тенденциями социально-экономического развития, которые проецируются в будущее. При настоятельной потребности в крупном инвестиционном вливании в латиноамериканские экономики продолжается их декапитализация, при резком понижении трудоемкости привносимого современного производства в регионе наблюдается сатурация внутренних рынков рабочей силы - вторичный эффект демографического взрыва 60-х и 70-х годов. Разрушая старые экономические структуры и утверждая новые, модернизация объективно ведет к подрыву социально-политического статус-кво, что ставит в двойственное положение крупные фракции правящих кругов. Они уже осознают ее необходимость, но предчувствуют, что модернизация может стоить им власти.

Мучительные вопросы о будущем отягощаются неопределенно-

стью международных последствий, которые будут сопровождать социальные мутации, начавшиеся на европейском Востоке, вероятную геополитическую перекомпановку, изменения в ориентации военно-политических блоков и качественные преобразования в группировках экономической интеграции. Их эпицентром стала Европа, но они неизбежно будут проецироваться на другие регионы мира. Что это принесет Латинской Америке? Ведь несомненно подвергнутся эрозии ее прежние связи со многими европейскими партнерами, станут иными условия доступа на европейские рынки. И наивно полагать, что эти иные условия будут лишь благоприятствовать латиноамериканским экспортерам. В то же время остается фактом, что по большому счету латиноамериканские государства еще отстранены от процесса интенсификации сотрудничества в Тихоокеанском бассейне, хотя многие из них непосредственно примыкают к этому региону.

Стремление Вашингтона (обеспокоенного "вызовом" западноевропейской интеграции и перспективой ее проекции на Восток, а также растущим влиянием Японии) к более плотному подключению латиноамериканских стран к своей хозяйственной системе уже нашло практическое подкрепление после решения мексиканского правительства о вхождении в экономическое объединение с США и Канадой. Маргинализация многих стран Латинской Америки на мировом рынке, выход интеграционных процессов в других районах мира на качественно иной уровень подталкивают к поиску новых формул участия в международных экономических связях. Неудивительно, что инициатива Дж.Буша по созданию общей рыночной структуры для "двух Америк" была встречена в латиноамериканских странах с особым вниманием. Однако вставая на почву реальности, учитывая "мозаику" интересов, опрометчиво рассчитывать на возможность быстрого продвижения в формировании панамериканского экономического пространства.

Речь, разумеется, не может идти о статике. Сохраняется принципиальная возможность смещения части не только нижних, но и средних этажей совокупной производственной системы из центров МКХ на его периферию. Ослабевают зависимости эффективности от масштабов современного производства, и многие его виды становятся доступными для стран со скромным экономическим потенциалом. Уменьшаются ограничения и по месту применения высокой технологии. Программное обеспечение, несущее "код" производства, способно передаваться на любую дистанцию, и там, где установлено автоматизированное оборудование, где есть стандартизированное сырье, продукция будет иметь те же характеристики, что и в самых развитых государствах. Наметившаяся тенденция отхода от конфронтации в мировой политике и возможность существенного уменьшения бремени военных расходов открывают перспективу решения ряда "злонакаженных" проблем развивающихся стран на основе широкого международного взаимодействия, что было немыслимо в прежних условиях.

Очевидно, застой и маргинализацию преодолеют те государства Латинской Америки, которые смогут воспользоваться этими новыми возможностями, найдя надежные "ниши" в МРТ и обеспечив социальные условия обновления. Вместе с тем, учитывая существующие противоречия и сложную экономическую перспективу, ожидающую ла-

латиноамериканские страны в меняющемся мире, трудно рассчитывать на то, что наметившийся процесс демократизации имеет гарантированные резервы. Тенденции экономического развития и внешнеэкономическая детерминация во многих случаях обещают усиление социальной маргинализации, крайне болезненные общественные мутации, сопровождающие технологическую модернизацию. Иными словами, объективная основа социально-политической конфликтности не только воспроизводится, но в определенных ситуациях даже усиливается.

Сегодня универсальные проблемы стратегической, экономической и экологической безопасности коренятся и на латиноамериканском направлении. Но обстановка в Латинской Америке густо окрашена своей спецификой. Причем историческое время различных стран региона отнюдь не совпадает, не говоря уж о несовпадении относительно времени Европы или Северной Америки. Расчет на автоматический перевод латиноамериканской часовой стрелки (безотносительно к региональным особенностям, характеру включенности в мировую систему и многообразию национальных ситуаций) лишен серьезных оснований. Очевидно, что вхождение в новый мир будет для латиноамериканских стран разновременным и разнохарактерным.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПЕРВЫЙ ОЧЕРК

¹ Исследуются позиции не тех авторов, которые разрабатывали отдельные аспекты рассматриваемой темы, а тех, кто пытался создать целостную систему взглядов на капиталистический базис в условиях региона, на место Латинской Америки в мировой экономике.

² *Шестопал А.В.* Миражи Эльдorado в XX веке. Критические очерки буржуазной социологии в Латинской Америке. М., 1974; Он же. Леворадикальная социология в Латинской Америке. Критика основных концепций. М., 1981; Современные идеологические течения в Латинской Америке. Отв. ред. А.Ф.Шульговский М. 1983; Посконина Л.С. Латинская Америка: Критика леворадикальных концепций. М., 1988; Общественная мысль развивающихся стран. Отв. ред. К.Л.Майданик. М., 1988.

³ *Puiggrós R.* De la colonia a la revolución. Buenos Aires, 1943 (первое издание в 1940 г.).

⁴ *Prado Jr., C.* Formasão do Brasil contemporaneo: Colonia. São Paulo, 1942; *Bagú S.* Economía de la sociedad colonial: ensayo de historia comparada de America Latina. Buenos Aires, 1949; *Williams, E.* Capitalism and Slavery. Chapel Hill, 1944.

⁵ Автор не ставит своей задачей исследование этого обширного материала, адресуя читателя к соответствующим (уже доступным) публикациям.

⁶ Аргументы критиков "дуализма" хорошо представлены в работах мексиканского социолога Родольфо Ставенхагена. См.: *Stavenhagen R.* Siete tesis equivocadas sobre América Latina. México, 1969.

⁷ Р.Пребиш (1901-1986) родился в г. Тукуман (Аргентина) в семье школьного учителя. Отец - иммигрант из Германии, мать - коренная аргентинка. В раннем возрасте проявил незаурядные способности. В 1923 г. получил степень доктора экономики, а два года спустя был назначен директором Национального департамента статистики. Затем (в 1927 г.) возглавил исследовательский отдел "Банко де ла насьон Архентина". Участвовал в создании Центрального банка Аргентины, а затем возглавлял его в 1935-1943 гг. Отстраненный правительством Х.Д.Перона, Пребиш перешел на преподавательскую работу. В середине 40-х годов был приглашен в качестве эксперта для работы в "Банко де Мехико". Здесь, в Мексике начинается его латиноамериканская известность. В 1950-1963 гг. - исполнительный секретарь ЭКЛА. С момента создания в 1964 г. ЮНКТАД по 1969 г. являлся ее генеральным секретарем и "экс-официо" - заместителем генерального секретаря ООН.

⁸ В одном из последних интервью Р.Пребиш отмечал, что впервые выступил с обоснованием своей концепции "центр-периферия", будучи преподавателем экономического факультета Университета Буэнос-Айреса в середине 40-х годов. См.: *Búsqueda.* Buenos Aires, N 9, 1982. P.15.

⁹ В недавнем издании этому посвящен специальный очерк. См.: Общественная мысль развивающихся стран. М., 1988, С.69.

¹⁰ *Búsqueda,* 1982, N 9, p.17.

¹¹ *Revista de la CEPAL.* 1986. N 29. P.16.

¹² *Prebisch R.* Introducción a Keynes. México, 1947.

¹³ *Búsqueda,* 1982. N 9, P.17.

¹⁴ См.: *Revista de la CEPAL.* N 34, 1988. P.205.

¹⁵ Рассмотрение воззрений Фуртадо, Сункеля, Кихано и Паса не входит в задачи настоящей монографии.

¹⁶ *Westphalen J.* Friedman versus Keynes in Latin America // *Intereconomics.* Hamburg, 1982. N 4, P.184.

¹⁷ *Prebisch R.* La crisis global del capitalismo y su trasfondo teórico. // *Revista de la*

CEPAL. 1984. N 22. P.163-164.

18 См.: *Iglesias, Enrique V., y Alzamora T. C. Bases para una respuesta de América Latina a la crisis económica internacional // Ibid., N 20, 1983.*

19 *Prebisch R. Crítica del capitalismo periférico // Ibid., Primer semestre de 1976; см. также: Пребиш Р. Актуальные проблемы социально-экономического развития // "Латинская Америка". 1977. N 6.*

20 *Prebisch R. Estructura socioeconómica y crisis del sistema // Revista de la CEPAL. 1978, N 6; Idem. 1978; Las teorías neoclásicas del liberalismo económico // Ibid., 1979. N 7; Idem. Hacia una teoría de la transformación // Ibid., 1980. N 10. Позднее эти и ряд других очерков были сведены в книгу: *Prebisch R. Capitalismo periférico, crisis y transformación. México, 1981.**

21 *Prebisch R. La dinámica del capitalismo periférico y su transformación // Comercio exterior. México, 1980. N 8.*

22 *Prebisch R. Transformación y desarrollo. La gran tarea de América Latina. México, 1970. P. 22.*

23 *Prebisch R. La periferia latinoamericana en la crisis global del capitalismo // Revista de la CEPAL. Agosto de 1985, N 26, P.68.*

24 *Prebisch R. La dinámica del capitalismo periférico y su transformación. P.820.*

25 *Prebisch R. La periferia latinoamericana en la crisis global del capitalismo. P.69.*

26 *Revista de la CEPAL. 1984. N 22. P.170.*

27 *Ibid., Primer semestre de 1976. P.35.*

28 *Ibid., P.10-11.*

29 *Ibid., 1985. N 26, P.72.*

30 *Ibid., 1976. P.9.*

31 См.: *Ibid., P.71.*

32 *Ibid.*

33 *Ibid., P.18.*

34 *Ibid., P.12,72.*

35 *Ibid., 1988. N 34. P.211.*

36 *Ibid., 1985. N 26. P.69.*

37 *Ibid., P.65.*

38 *Ibid., P.66.*

39 *Ibid., P.68.*

40 *Comercio exterior. 1986. N 6. P.539.*

41 *Ibid., P.538.*

42 См.: *Salerno C. Prebisch y su crítica al llamado capitalismo periférico // Problemas de economía. Buenos Aires, 1977. N 49; Caputo O. El capitalismo periférico según Prebisch: Notas críticas a su interpretación reciente // Araucaria de Chile. Madrid, 1982. N 12.*

43 *Frank A. G. Capitalismo y subdesarrollo en América Latina. Buenos Aires, 1970. P.6.*

44 В конце 70-х годов А. Франк переезжает в Западную Европу, где ведет научную и преподавательскую деятельность в основном в университетах Западного Берлина и Амстердама.

45 *Шестопал А.В. Леворадикальная социология в Латинской Америке: Критика основных концепций. М., 1981. С.6.*

46 *Frank, A.G. Capitalismo y subdesarrollo en América Latina. P.5-6.*

47 *Ibid., P.2.*

48 *Ibid.*

49 *Frank A.G. Con que modo de producción convierte la gallina a maíz en huevos de oro? Cuadernos universitarios. - AUN. Buenos Aires, 1973. P.30 (приводится по: Dieterich H. Relaciones de producción en América Latina. México, 1978, P.74).*

50 *Frank A.G. Capitalismo y subdesarrollo en América Latina. P.5.*

51 *Ibid.*

52 См. *Baran P.A., Sweezy P.M. El capital monopolista. México, 1969, p.13; Idem. La economía política del crecimiento. México, 1959; Sweezy P.M. Teoría del desarrollo capitalista. México, 1958.*

53 *Assadourian C.S. Modos de producción, capitalismo y subdesarrollo en América Latina. Buenos Aires, 1973. P.12-13.*

54 *Baran P.A. The Political Economy of Growth. N.Y., 1957; Kuusinen O.W., Arbatov Y.A., et al. Fundamentals of Marxism-Leninism. Moscow, S. a., P.247-248; ссылку А.Г. Франка см.: *Frank A.G. Capitalismo y subdesarrollo en América Latina. P.20.**

- 55 *Frank A.G.* Capitalismo y subdesarrollo en América Latina. P.21.
- 56 *Ibid.*, P.22.
- 57 См., например: *Frank A.G.* Lumpenburguesía: Lumpendesarrollo. Barcelona, 1979.
- P.190
- 58 *Ibid.*, P.9-10.
- 59 *Ibid.*, P.13.
- 60 *Ibid.*, P.14.
- 61 *Assadourian C.S.* Op. cit. P.8.
- 62 *Frank A.G.* Capitalismo y subdesarrollo en América Latina. P.12.
- 63 *Frank A.G.* De la dependencia hacia la acumulación // Problemas del desarrollo. México, 1972. Nov. - 1973, P.19, 25, 44; Dependence is Dead, Long Live Dependence and Class Struggle!// Latin America Perspective. 1974. Spring. P.87-106; Retórica y realidad del nuevo orden económico internacional. - Desarrollo indoamericano. Bogotá, 1979, N 51; 1979, N 52; La crisis económica y el estado en el tercer mundo // Desarrollo indoamericano. 1980, N 55; Economic crisis, Third World export promotion and policy of repression. II Congress of Third World Economists. Havana. 1980. Apr. 26-30.
- 64 Dependent Accumulation and Underdevelopment. L. 1978; Crisis mundial. Tomo I - Occidente, países del Este y Sur. Tomo II - El Tercer mundo. Barcelona, 1980; Crisis: in the World Economy. N.Y.; L. 1980; Crisis: In the Third World. N. Y. L. 1981.
- 65 El desarrollo de la crisis y la crisis del desarrollo // Comercio exterior. 1980. N 3; Crisis económica, promoción de la exportación y represión política en el Tercer Mundo. Habana, 1981. 26-30 de abr.
- 66 См.: Comercio exterior. 1980. N 3. P.235.
- 67 *Ibid.*, P.238.
- 68 *Ibid.*, P.240.
- 69 Crisis económica... P.14-15.
- 70 Comercio exterior. 1980. N 3. P.242.
- 71 Crisis económica. P.15-16.
- 72 Comercio exterior. 1980, N 3, P.244.
- 73 *Ibidem.*
- 74 *Ibidem.*
- 75 См.: *Amin S. Arrighi G., Wallerstein I.* Dinámica de la crisis global. México, 1984.
- 76 El desafío de la crisis. Crisis económica mundial, ironías políticas internacionales y desafío europeo. Caracas, 1988, P. 14.
- 77 См.: *Bzewer A.* Marxist Theories of Imperialism. A critical survey. L. 1984. P.177.
- 78 *Caputo O. Pizarro R.* Imperialismo, dependencia y relaciones económicas internacionales. Buenos Aires, 1975. P.58-60.
- 79 *Dos Santos T.* El capitalismo colonial, según A.G.Frank // Monthly Review. Selecciones en castellano. 1968. N 56; Crisis de la teoría del desarrollo y las relaciones de dependencia en América Latina // CESO, Universidad de Chile. Boletín. 1968. N 3. Приводится по: *Frank A.G.* Lumpenburguesía: Lumpendesarrollo. P.15-16.
- 80 *Dos Santos T.* Crisis de la teoría del desarrollo // La dependencia político-económica de América Latina. (Por Helio Jaguaribe y otros). México, 1969. P.23.
- 81 *Bambirra V.* Teoría de la dependencia: una anticrítica. México, 1978. P.15-16. О том же писал сам Дос Сантос. См.: *Dos Santos T.* Imperialismo y dependencia. México, 1978, cap. VI.
- 82 См., например: *Malave Mata H.* América Latina: fronteras contemporáneas del subdesarrollo y dependencia // Dependencia y subdesarrollo. Bogotá, 1983.
- 83 *Dos Santos T.* La crisis de la teoría del desarrollo y las relaciones de dependencia en América Latina // La dependencia político-económica de América Latina (por Helio Jaguaribe y otros). México, 1971. P.180-184; *Dos Santos T.* Dependencia y cambio social. Buenos Aires, 1973, P.42-44.
- 84 *Dos Santos T.* Socialismo o fascismo. El nuevo carácter de la dependencia y el dilema latinoamericano. Santiago de Chile, 1972. P.44-45.
- 85 См., например: *Lebedinsky M.* America Latina en la encrucijada de la década del setenta. Buenos Aires, 1971; *Fuchs J.* Argentina: Actual estructura económico social. Buenos Aires, 1981. P.186-195.
- 86 *Arismendi R.* La teoría y la práctica de la revolución en América Latina // Estudios, Roma, 1982, N 83. P. 16.
- 87 *Bambirra V.* Op. cit. P.26.

- 88 Ibid.
- 89 *Bambirra V.* Capitalismo dependiente latinoamericano. Santiago de Chile, 1973. P.29-34.
- 90 *Шестопал А.В.* Леворадикальная социология в Латинской Америке. С. 155-156.
- 91 См.: *Marini R.M.* Subdesarrollo y revolución. México, 1976. Ту же идею (хотя и не в развернутом виде) высказывал ранее Дос Сантос. См.: *Dos Santos T.* Socialismo o fascismo. P.43-44.
- 92 Так, в частности, считает и известный эквадорский ученый Агустин Куэва. См.: *Cueva A.* El desarrollo del capitalismo en América Latina. México, 1979. P.223-228.
- 93 *Marini R.M.* La acumulación, capitalismo mundial y el subimperialismo. México, 1977. P.34.
- 94 Ibid.
- 95 См., например, *Lanza E.* El subimperialismo venezolano. Caracas, 1980; Шейнис В.Л. Среднеразвитый капитализм - реальность Латинской Америки // Лат. Америка. 1979. N 12; его же выступление на международном симпозиуме в Праге. См.: El capitalismo en América Latina: Lo general y lo peculiar. Praga, 1983. P. 31-32.
- 96 *Marini R.M.* América Latina ante la crisis mundial. II Congreso de los economistas del Tercer Mundo. Habana, 1981. 26-30 abr. P.16.
- 97 Ibid. P.17.
- 98 *Marini R.M.* El reformismo y la contrarrevolución. Estudios sobre Chile. México, 1976. P.233-248.
- 99 См., например: *Marini R.M.* América Latina ante la crisis mundial. P. 18-21; Idem. La cuestión del estado en las luchas de clases en América Latina. CELA. Facultad de ciencias políticas y sociales // UNAM Avances de investigación. Cuaderno 44. México, 1980. P.24-27.
- 100 *Marini R.M.* La cuestión del estado... P.27.
- 101 *Dos Santos T.* Revolução científico-técnica e capitalismo contemporaneo. Petrópolis, 1983; Idem. Revolução científico-técnica e acumulação do capital. Petrópolis, 1987; Idem. A crise internacional do capitalismo e os novos modelos de desenvolvimento. Petrópolis, 1989. Последняя монография в первоначальном варианте была издана на испанском языке в Аргентине (Idem. La crisis internacional de capitalismo y los nuevos modelos de desarrollo. Buenos Aires, 1987).
- 102 *Dos Santos T.* A crise internacional... P.183-189.
- 103 Ibid. P.153.
- 104 См.: *Johnson C.* Dependency Theory and Process of Capitalism and Socialism // Dependency and Marxism. Towards a Resolution of Debate. Colorado (USA), 1982. P.78.
- 105 *Cardoso F.H., Falleto E.* Dependencia y desarrollo en América Latina. ILPES. Santiago de Chile, 1967 (México, 1970); *Cardoso F.H.* Teoría de la dependencia o analisis de situaciones concretas de la dependencia // Revista latinoamericana de ciencia política. Santiago de Chile, 1970. N 3; Idem. Imperialism and Dependency // New Left Review. L. 1972. July-Aug.; As contradições de desenvolvimento associado // Estudos CEBRAP. Petrópolis, 1974. N 8; Idem. Notas sobre el estado actual de los estudios sobre dependencia // Desarrollo latinoamericano. Ensayos críticos. Selección de José Serra. México, 1974; *Cardoso F.H. Serra J.* Las desventuras de la dialéctica de la dependencia // Revista mexicana de sociología. México, 1978, Numero extraordinario; *Serra J.* La problemática del subdesarrollo latinoamericano // Desarrollo latinoamericano: Ensayos críticos. México. 1974. P. 329.
- 106 Desarrollo latinoamericano. P.329.
- 107 *Cardoso F.H.* Empresario industrial e desenvolvimento econômico no Brasil. São Paulo, 1964.
- 108 См.: *Cardoso F.H., Falleto E.* Op. cit.
- 109 Desarrollo latinoamericano. P.333.
- 110 Ibid. P.336-338.
- 111 Ibid. P.334.
- 112 Приводится по: Ibid. P.335.
- 113 Ibid.
- 114 Ibid., P.336.
- 115 Ibid., P.339.
- 116 Ibid., P.340.
- 117 Ibid., P.340-341.
- 118 Речь шла о статье: *Marini R.M.* Dialéctica de la dependencia: la economía exportadora // Sociedad y desarrollo. Santiago de Chile. 1972. N 1.

- 119 *Cardoso F.H., Serra J.* Las desventajas de la dialéctica de la dependencia. P.15.
- 120 Desarrollo latinoamericano. P.345.
- 121 В обзор вошли следующие работы: *Cardoso F.H.* El desarrollo en el blanquillo // Comercio exterior. México, 1980. N 8; Idem. On the characterization of authoritarian regimes in Latin America // The New Authoritarianism. Coord. D. Collier. Princeton, 1981; Idem. Régimen político y cambio social: Algunas reflexiones sobre el caso brasileño // Estado y política en América Latina. Coord. N. Lechner. Siglo XXI. México, 1981; Idem. La democracia en las sociedades contemporáneas // Nueva sociedad. San José, 1981. N 55; Idem. A América Latina e a questão do socialismo no década de 80 // O novo socialismo frances e a América Latina. Coord. H. Trinidad y F.H. Cardoso. Paz e Terra. São Paulo, 1982; Idem. Transición política en América Latina? // Socialismo y participación. Lima, 1981. N 14; Idem. Notas sobre la estructura de clases en las sociedades capitalistas de hoy // Comercio exterior. México, 1982. N 2; Idem. O papel dos empresários no processo do transição: O caso brasileiro. São Paulo, 1982 (mimeo); Idem. Hacia otro desarrollo // Hacia otro desarrollo: enfoques y estrategias. Coord. M. Nerfin. Siglo XXI. México, 1978; *Cardoso F.H.* et al. La persistencia democrática // Medina Echavarría y la sociología latinoamericana. Madrid, 1982.
- 122 *Graciarena J.* Crisis y cambio histórico // Pensamiento iberoamericano. Madrid, 1983. N 3. P.194.
- 123 Desarrollo latinoamericano. P.346, 356.
- 124 *Cardoso F.H.* Capitalism development and the State: Bases and Alternatives // Ibero-Americana. Stockholm, 1978. Vol. 7, N 2; Vol. 8, N 1. P.10-11.
- 125 *Cardoso F.H., Faletto E.* Dependencia y desarrollo en América Latina. México, 1984. P.195 (Postscriptum - 1978).
- 126 *Cardoso F.H.* Capitalist development and the State. P.16.
- 127 Desarrollo latinoamericano. P.355.
- 128 *Cardoso F.H., Faletto E.* Dependencia y desarrollo en América Latina... P.211.
- 129 Desarrollo latinoamericano. P.352.
- 130 См.: *Cardoso F.H.* El desarrollo en el blanquillo... P.851-854.
- 131 Ibid. P.860.
- 132 См., например: *Тоцкий В.П.* Фернандо Энрике Кардозо - демократия для перемен // Лат. Америка. 1987. N 4.
- 133 *Cardoso F.H., Faletto E.* Dependencia y desarrollo en América Latina. P.212-213.
- 134 См., например: Ibid. P.177-179.
- 135 Ibid. P.1.
- 136 См.: Estrategia. 1989. N 85. P.1. Общая характеристика научных и политических позиций этой группы дана в работах Л.С.Поскопиной. См.: *Поскопина Л.С.* О новейших тенденциях в эволюции мексиканского капитализма (по страницам журнала "Эстратегия") // Лат. Америка. 1984. N 5. Ее же. Латинская Америка: Критика леворадикальных концепций. М., 1988, С.145-162.
- 137 El panamericanismo (1965); El marco histórico del subdesarrollo latinoamericano (1966); México: riqueza y miseria. Dos ensayos (1967) - в соавторстве с Ф.Кармоной; Teoría y política del subdesarrollo latinoamericano (1967); Dialéctica de la economía mexicana. Del colonialismo al imperialismo (1968); Problemas estructurales del subdesarrollo (1971); Economía política y lucha de clases (1973); Mercado interno y acumulación de capital (1974); Hacia un cambio radical (1975); La burguesía, la oligarquía y el estado (1975) - в соавторстве с Ф.Кармоной и Х.Каррионом; La crisis del capitalismo. Ensayos. (1979); Orígenes del subdesarrollo. (1982)
- 138 Capitalismo "medio", capitalismo subdesarrollado // Tricontinental. La Habana, 1982. N 2, P.103.
- 139 *Aguilar A.* Orígenes del subdesarrollo. Bogotá. 1982. P.116-118.
- 140 Ibid. P.56.
- 141 *Aguilar A.* Reflexiones sobre la Revolución Mexicana // Estrategia. 1986. P.64.
- 142 Ibid. P.65.
- 143 См.: *Aguilar A.* Orígenes del subdesarrollo. P.111-112.
- 144 *Aguilar A.* Orígenes del subdesarrollo. P.222.
- 145 Ibid. P.221.
- 146 Ibid. P.246.
- 147 Ibid. P.218.
- 148 Tricontinental. 1982. N 2. P.104.
- 149 *Aguilar A.* Orígenes del subdesarrollo. P.162, 185.

- 150 Ibid. P.178.
 151 Ibid. P.213.
 152 Ibid. P.215.
 153 Ibid. P.215.
 154 Ibid. P.216.
 155 Ibid. P.217.
 156 Ibid. P.221.
 157 Ibid.
 158 Tricontinental. 1982. N 2. P.102.
 159 См.: *Aguilar A.* Crisis and Development Strategies in Latin America: Paper submitted to the VIII International Seminar on Problems of Developing Countries, sponsored by the Institute of International Relations and Socialist Integration. Bulgarian Academy of Sciences, Varna, 1984. May 26 - June 12.
 160 См.: *Aguilar A.* La crisis del capitalismo. Ensayos. México, 1979. P.209-359.
 161 *Aguilar A.* Orígenes del subdesarrollo. P.64.
 162 Ibid. P.65.
 163 *Сea Л.* Философия американской истории. М., 1984. С.31.
 164 *Aguilar A.* La crisis del capitalismo. P.210.
 165 *Dos Santos T.* O Caminho brasileiro para o socialismo. Petrópolis, 1985 (2 ed.1987).
 166 Лат. Америка. 1989. N 11. С.142.
 167 *Сea Л.* Указ. соч. С.19.

ВТОРОЙ ОЧЕРК

- ¹ В частности, на замечание Ф.Энгельса о том, что "испанское завоевание оборвало всякое дальнейшее самостоятельное их развитие" *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-ое изд. Т. 2. С. 31.
² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-ое изд. Т. 46, I. С. 34.
³ См.: *Бобровников А.В.* Особенности становления и основные тенденции развития капитализма в Перу: Автореферат канд. дис. экон. наук.. М., 1986.
⁴ См.: Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981. С. 5-10.
⁵ Впервые характеристика АСП появляется в переписке К.Маркса и Ф.Энгельса в 1853 г. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-ое изд. Т. 28), а также в статье "Британское владычество в Индии" (Там же. Т. 19. С. 130-136). См. также: Экономические рукописи 1857-1859 гг., "К критике политической экономии" и "Анти-Дюринг". Там же. Т. 46. Ч. I; Т. 13; Т. 20.
⁶ Там же. Т. 46, ч. I. С. 464.
⁷ См.: *Гуляев В.И.* Города-государства майя. М., 1979. С.280-281.
⁸ *Кузьмищев В.А.* У истоков исторической мысли Перу. М., 1979. С. 346-353.
⁹ *Зубрицкий Ю.А.* Инки-кечуа: Основные этапы истории народа. М., 1975. С. 18, 19, 77, 79.
¹⁰ *Самаркина И.К.* Община в Перу: Очерк социально-экономического развития. М., 1974. С. 52.
¹¹ Там же. С. 55-56.
¹² Там же. С. 56.
¹³ *Шульговский А.Ф.* Проблема докапиталистических формаций в трудах К.Маркса и Латинская Америка // К.Маркс и Латинская Америка. М., 1970. С. 22.
¹⁴ См.: *Assadourian S.* Modos de producción, capitalismo y subdesarrollo en América Latina. Buenos Aires, 1973; *Dieterich H.* Relaciones de producción en América Latina. México, 1978; *El modo de producción asiático.* Ed. R. Bartra. México, 1969.
¹⁵ См.: *Алаев Л.Б.* Формационные черты феодализма и Восток // Народы Азии и Африки. 1987. N 3; *Седов Л.А.* К типологизации средневековых общественных систем Востока // Там же. N 5; *Илющечкин В.П.* О происхождении и эволюции понятия "феодализм" // Там же. N 6; *Васильев Л. С.* Что такое "азиатский способ производства"? // Там же. 1988. N 3.
¹⁶ Народы Азии и Африки. 1988. N 3. С. 65.
¹⁷ Там же. С. 74.
¹⁸ О диапазоне расхождения количественных оценок населения Латинской Америки в конце XV - начале XVI в. можно судить по следующим источникам: Брук С.И.

- Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 585; *Furtado C. Breve historia económica de América Latina*. La Habana, 1972. P. 6.
- 19 *Сиева А. El desarrollo del capitalismo en América Latina*. México, 1985. P. 11-12.
- 20 *Чистозонов А.Н., Барг М.А. Итоги исторического процесса в Западной Европе XIV-XV веков // Проблемы генезиса капитализма*. М., 1978. С. 69-70.
- XIV-XV веков // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978. С. 69-70.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 См.: *Караваяев А.П. Капитализм в Бразилии: прошлое и настоящее*. М., 1987. С. 27, 188.
- 24 *Bagu S. Estructura social de la colonia. Ensayo de historia comparada de América Latina*. Buenos Aires, 1952. P. 43.
- 25 *De la Pena. El antidesarrollo de América Latina*. México, 1978. P. 128.
- 26 *Ibid.* P. 131.
- 27 *Энгельс Ф. Конспект первого тома "Капитала" // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 285.*
- 28 См., например: *Тягуненко В.Л. Международное разделение труда и развивающиеся страны*. М., 1976. С. 55-58.
- 29 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4. С. 306.*
- 30 *Brito Figueroa F. La formación de clases sociales en Venezuela // Semestre histórico*. Caracas, 1976. N 3. P. 18.
- 31 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 135.*
- 32 Там же. С. 136.
- 33 *Furtado C. Breve historia económica de América Latina*. P. 11.
- 34 *Очерки истории Бразилии*. М., 1962. С. 20.
- 35 *Караваяев А.П. Капитализм в Бразилии: прошлое и настоящее*. М., 1987. С. 21.
- 36 Показательно, что поставки драгоценных металлов в Испанию в 1580-1586 гг. по сравнению с предшествовавшим пятилетием увеличились на 70%. Из вице-королевства Перу они возросли более чем в 4 раза с 1571-1575 гг. до 1576-1580 гг., а в следующем пятилетии - на 50%. См.: *Tres ensayos sobre economía minera hispano-americana*. Santiago de Chile, 1966. P. 118.
- 37 *Гумбольдт А. Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799-1804 гг. Остров Teneriffe и Восточная Венесуэла*. М., 1963. С. 331-332.
- 38 См.: *Селванов В.Н. Культура колониальной Аргентины // Культура Аргентины*. М., 1977. С. 16.
- 39 Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981. С. 344; *Культура Аргентины*. С. 16.
- 40 *Astesano E. Historia social de América Latina*. Buenos Aires, 1985. P. 82.
- 41 *Ibid.* P. 131.
- 42 Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981. С. 349.
- 43 См.: *Коваль Б.И. История бразильского пролетариата (1857-1967)*. М., 1968. С. 27-37; *Скрипникова Л.В. От колоний к суверенитету: Из истории освободительной борьбы карибских колоний Англии*. М., 1985. С. 36-53; *Караваяев А.П. Указ. соч.* С. 26-38.
- 44 *Коваль Б.И. Указ. соч.* С. 33.
- 45 *Караваяев А.П. Указ. соч.* С. 29.
- 46 *Скрипникова Л.В. Указ. соч.* С. 53.
- 47 Второй период расцвета плантационного рабства в Бразилии связан с культурой кофе и относится к 1820-1870 гг. В то время зона его размещения сдвигается на юго-восток страны.
- 48 См.: *Bagu S. Estructura social de la colonia. Ensayo de historia comparada de América Latina*. Buenos Aires, 1952. P. 76.
- 49 *Furtado C. Op. cit.* P. 14.
- 50 См.: *Paso L. Feudalismo o capitalismo en América Latina? // Desarrollo indioamericano*. Barranquilla, octubre de 1972. N 19. P. 58-67.
- 51 *Furtado C. Op. cit.* P. 13.
- 52 *Dieterich H. Relaciones de producción en América Latina*. México, 1978. P. 223.
- 53 *Furtado C. Op. cit.* P. 11.
- 54 *Vedoya J.C. La explotación de América*. Buenos Aires, 1973. P. 269.
- 55 В анализе социально-экономических процессов колониального периода автор руководствуется следующей периодизацией. Первый период (конец XV в. - первая

половина XVI в.) - деструктивная и "присваивающая" колонизация. Второй период (вторая половина XVI в. - первая половина XVII в.) - формирование "производящей" колонизации. Третий период (вторая половина XVII в. - начало XVIII в.) - эрозия колониальных структур позднефеодалных метрополий и консолидация колониальных структур раннебуржуазных метрополий. Четвертый период (вторая и третья четверть XVIII в.) - диверсификация колониальной экономики, распространение частной собственности на землю при упадке первичных колониальных структур. Пятый период (конец XVIII в. и первая четверть XIX в.) - переходный, характеризующийся распространением товарно-денежных отношений и возникновением элементов буржуазного уклада.

³⁶ Гипотетическая трактовка ГОСП как "первобытного абсолютизма" заслуживает того, чтобы включить ее в общую полемику по АСП. Кроме того, заслуживает теоретического обсуждения вопрос о переходе из одного формационного состояния в другое. У нас проработан вопрос о самих формационных состояниях, но гораздо слабее проработан вопрос перехода и соответствующих метаморфоз. Чем обусловлен переход и чем - пропуск стадий? Такой вопрос заслуживает особого внимания и дополнительных теоретических объяснений.

³⁷ При всем том Сальвадор - особая ситуация. Латифундия, вырастающая здесь из энкомьенды, трансформируется затем в экспорториентированную плантацию. Это перерождение отмечается уже в колониальную эпоху.

³⁸ Капитализм в Латинской Америке. Очерки генезиса, эволюции и кризиса. М., 1983. С. 26.

³⁹ *Historia y sociedad. México*, 1974. N 4. P. 69.

⁶⁰ Исключением является Тринидад, где еще ощущалось наследие испанского колониализма и соответствующей социально-экономической структуры.

⁶¹ Мирошевский В.М. Освободительные движения в американских колониях Испании. М.; Л., 1946. С. 143.

⁶² *Kossok M. El contenido burgués de las revoluciones de independencia en América Latina // Historia y sociedad. México*, 1974. N 4. P. 65.

⁶³ *Ibid.* P. 73.

⁶⁴ *Ibidem.*

⁶⁵ *Dieterich H. Op. cit.* P. 243.

⁶⁶ *Романова З.И. Развитие капитализма в Аргентине. М., 1985. С. 47.*

⁶⁷ Там же. С. 49.

⁶⁸ Там же. С. 51.

⁶⁹ *De la Pena S. La formación del capitalismo en México. México*, 1975. P. 96; *Hispanoamérica despues de la independencia. Buenos Aires*, 1972. P. 99. Приводится по: *Cueva A. Op. cit.* 1985. P. 14.

⁷⁰ *Halperin Dongi T. Historia contemporanea de América Latina. Madrid*, 1972. P. 158. Приводится по: *Cueva. Op. cit.* P. 21.

⁷¹ *Cueva A. P. Op. cit.* P. 16.

⁷² *Furtado C. Op. cit.* P. 30.

⁷³ Капитализм в Латинской Америке. С. 22-23.

⁷⁴ Согласно переписи населения 1796 г., оно составляло 97,5 тыс. человек. Более половины - испано-индейские метисы с преобладанием индейских генов. Чистых европейцев насчитывалось около 200 человек (менее 0,2%). Еще 10% относилось к неграм и мулатам. Более 30% приходилось на долю неассимилированных индейцев. В дальнейшем этнический состав быстро продвигался в сторону гомогенизации. По переписи 1846 г., общая численность населения составляла 238,9 тыс. человек. Лиц с африканской кровью насчитывалось 17,2 тыс. (чуть больше 7%). К середине 20-х годов 19 в. доля чистых индейцев оценивалась в 10%. Спустя два десятилетия - 1,2 тыс. человек (т.е. не более 0,5% общего населения). Это можно считать явным преуменьшением, ибо речь идет о "цивилизованном" населении. Но очевидно, что понижительная тенденция, несомненно, имела место. См.: Этнические процессы в странах Южной Америки. С. 350-360.

⁷⁵ *Cueva A. Op. cit.* P. 20.

⁷⁶ См.: *Альперович М.С. Революция и диктатура в Парагвае (1810-1840). М., 1975; Он же. Парагвай. Исторические предпосылки образования национального государства // Этнические процессы в странах Южной Америки. С. 361.*

⁷⁷ *Furtado C. Op. cit.* P. 24.

- 78 Aspectos generales del desarrollo reciente del capitalismo en Chile y su impacto sobre la clase obrera. Instituto de ciencias Alejandro Lipschutz. Santiago de Chile, 1987. P. 79.
- 79 Капитализм в Латинской Америке. С. 373.
- 80 Там же. С. 373.
- 81 Aspectos generales. P. 80-81.
- 82 *Lagos Escobar R.* La industria en Chile: Antecedentes estructurales. Santiago de Chile, 1966. P. 24, 33. Приводится по: *Bambirra V.* Capitalismo dependiente latinoamericano. Santiago de Chile, 1973. P. 30.
- 83 Капитализм в Латинской Америке. с. 376.
- 84 *Minsburg N.* Inversiones extranjeras y dependencia. Buenos Aires, 1975. P. 21.
- 85 *Dorfman A.* Cincuenta años de industrialización en la Argentina. (1930-1980). Buenos Aires, 1983. P. 31.
- 86 Ibid. P. 31-33.
- 87 *Романова З.И.* Развитие капитализма в Аргентине. М., 1985. С. 55.
- 88 Там же. С. 74.
- 89 Там же. С. 73-74.
- 90 Там же. С. 79.
- 91 *Mura F.* Sobre la formación de la clase obrera uruguaya y algunas de sus tradiciones // *Estudios.* 1979. N 71/72. P. 79.
- 92 Ibid. P. 81.
- 93 *Пинтос Ф.Р.* Батлье и процесс исторического развития Уругвая. М., 1962. С. 105.
- 94 *Mura F.* Op. cit. P. 82.
- 95 Подсчитано по: ECLA. Small-scale Industry in Latin America. N. Y., 1969. P. 96-98.
- 96 Ibid. P. 83.
- 97 Ibid. P. 84.
- 98 *Бекаревич А.Д., Бородаев В.А., Лейно К.О., Мансилья А.* Великий Октябрь и Кубинская революция. М., 1987. С. 29-30.
- 99 *Pino Santos O.* El imperialismo norteamericano en la economía de Cuba. La Habana, 1961. P. 21.
- 100 *Le Riverend J.* Historia económica de Cuba. La Habana, 1963. P. 214-215.
- 101 Ibid. P. 230-231.
- 102 *Perez - Cisneros E.* Cuba y el mercado azucarero mundial. La Habana, 1975. P. 16, 40.
- 103 Этнические процессы в странах Южной Америки. С. 54.
- 104 Там же. С. 54.
- 105 Там же. С. 55-57.
- 106 Подсчитано по: Statistical Abstract of Latin America. Vol. 26. Los Angeles, 1988. P. 84-86.
- 107 Ibid., Vol. 27. Los Angeles, 1989. P. 964.
- 108 Ibid., Vol. 24. Los Angeles, 1986. P. 95.
- 109 *Aguilar Monteverde A.* Orígenes del subdesarrollo. Bogota, 1982. P. 114.
- 110 *Aguilar Monteverde A.* Dialéctica de la economía mexicana. México, 1975. P. 102 (приводится по: Капитализм в Латинской Америке. С. 288).
- 111 *De la Peña S.* La formación del capitalismo en México. México, 1975. P. 151 (приводится по: Капитализм в Латинской Америке. С. 291).
- 112 Statistical Abstract of Latin America. Vol. 27. Los Angeles, 1989. P. 941-966.
- 113 *Furtado C.* Op. cit. P. 37.
- 114 Ibid. P. 85.
- 115 Ibid, P. 88.
- 116 Капитализм в Латинской Америке. С. 291.
- 117 Там же. С. 292, 294.
- 118 Там же. С. 292.
- 119 *Sheremetiev I.* El capitalismo de Estado en los países de América Latina. Moscú, 1990. *Шульговский А.Ф.* Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967; *Лапшев Е.Г.* Мексиканская буржуазия (социально-политический анализ). Автореф. на соискание степени докт. ист. наук. М., 1987. См. также: *Лапшев Е.Г., Шереметьев И.К. Поливанная Е.И., Посконина Л.С.* Мексика: капитализм и общество. Противоречия развития. М., 1990.
- 120 *Караваев А.П.* Капитализм в Бразилии: Прошлое и настоящее. М., 1987. С. 117.

- 121 *Караваяев А.П.* Указ. соч. С. 36.
 122 *Коваль Б.И.* История бразильского пролетариата (1857-1967). М., 1968. С. 31.
 123 *Furtado C.* Op. cit. P. 38.
 124 *Ibid.* P. 88.
 125 *Tirado Mejía A.* Introducción a la historia económica de Colombia. Bogotá, 1974. P. 230.
 126 *Bambirra V.* Capitalismo dependiente latinoamericano. Santiago de Chile, 1973. P. 31.
 127 *Tirado Mejía A.* Op. cit. P. 244-249.
 128 Капитализм в Латинской Америке. С. 250.
 129 *Бобровников А.В.* Особенности становления и основные тенденции развития капитализма в Перу. М., 1985. С. 32. Деп. в ИНИОН N 24238.
 130 Подробнее см.: Господствующие классы Латинской Америки. М., 1978. С. 89-97.
 131 *Бобровников А.В.* Указ. соч. С. 38.
 132 Капитализм в Латинской Америке. С. 336.
 133 *Бобровников А.В.* Указ. соч. С. 46-48.
 134 Капитализм в Латинской Америке. С. 336.
 135 *Бобровников А.В.* Указ. соч. С. 56-57.
 136 Там же. С. 68-69.
 137 Капитализм в Латинской Америке. С. 337.
 138 *Arbulu J.T., Perez - Rosas Caceres A.* Referencias bibliográficas para el estudio de la economía peruana (1830-1977). Lima, 1978. P. XV.
 139 *Бобровников А.В.* Указ. соч. С. 81.
 140 *Weelock R.J.* Imperialismo y dictadura: Crisis de una formación social. México, 1975. P. 60-61. Приводится по: *Cueva A.* Op. cit. P. 21.
 141 Пролетариат Латинской Америки. М., 1968; Сельские трудящиеся Латинской Америки. М., 1972; Средние городские слои Латинской Америки. М., 1974; Господствующие классы Латинской Америки. М., 1978; Пролетариат и революционный процесс в Латинской Америке. М., 1985; Социальные сдвиги в Латинской Америке. М., 1986; *Бродович Б.Н.* Национальный доход стран Латинской Америки. М., 1979; *Коваль Б.И., Семенов С.И., Шульговский А.Ф.* Революционные процессы в Латинской Америке. М., 1974.
 142 В подборе фактических данных и проведении подсчетов по отдельным странам автору оказали помощь сотрудники Института Латинской Америки АН СССР А.В. Бобровников, А.С. Ванин, А.П. Гуров, В.М. Кузнецова, В.Л. Семенов.

ТРЕТИЙ ОЧЕРК

- ¹ См.: *Prebish R.* La periferia latinoamericana en la crisis global del capitalismo // Revista de la CEPAL. 1985. N 26.
² См.: Revista de la CEPAL. 1984. N 22. P. 88; *Варга Е.С.* Капитализм после второй мировой войны. М., 1974. С. 41.
³ См.: World Bank. World Development Report, 1988. Wash. 1988. P. 3.
⁴ *Sunkel O.* Pasado, presente y futuro de la crisis económica internacional // Revista de la CEPAL. 1984. N 22. З. 88.
⁵ Tendencias de la economía mundial. La Paz, 1988. P. 9-10.
⁶ Revista de la CEPAL. 1984. N 22. P. 84.
⁷ Balance preliminar de la economía de América Latina y el Caribe, 1990. CEPAL. Documento informativo. Santiago de Chile, 19 de diciembre de 1990. P. 25.
⁸ CEPAL. Transformación productiva con equidad. La tarea prioritaria del desarrollo de América Latina y el Caribe en los años noventa. Santiago de Chile, 1990. P. 38-39.
⁹ *Ibid.* P. 24.
¹⁰ *Frediani R. O.* El desafío de la economía informal // Novedades económicas. Córdoba, 1989. En. P. 9.
¹¹ *De Soto H.* El otro Sendero. La revolución informal. Buenos Aires, 1987.
¹² BID. Progreso económico y social en América Latina. Informe 1987. Wash., 1988. P. 130.
¹³ Estudios sociológicos. México. 1987, en.-febr. P. 120.

- 14 Novedades económicas. 1989. Febr. P. 12.
- 15 *Maddison An. Growth, crisis and interdependence 1929-38 and 1973-83*. P. 1985. P.
15. 16 *Ibid.* P. 17.
- 17 Подробнее по этому вопросу см.: *Бобровников А.В.* Периодизация и особенности долговых кризисов в Латинской Америке // Долговой кризис на латиноамериканской периферии мирового капитализма. М., 1989.
- 18 *Эльянов А.* Запад - Юг: эксплуатация или сотрудничество // МЭМО. 1990, N 11.
- С. 11
- 19 См.: Пробл. мира и социализма. 1987, N 8. С. 67.
- 20 Следует учитывать, что усугубление долговой ситуации в Африке - другом наиболее пострадавшем регионе - во многом обусловлено внеэкономическими факторами, прежде всего катастрофической засухой в первой половине 80-х годов.
- 21 За исключением стран - экспортеров нефти.
- 22 UNCTC. *Foreign Direct Investment in Latin America: Resent Trends, Prospects and Policy Issues*. N. Y. 1986. P. 18- 19.
- 23 *PRIES - Cono Sur. El endeudamiento externo y los grupos economicos en el Cono Sur*. Buenos Aires, 1988. P. 40, 51.
- 24 С 1978 по 1981 г. банковская ставка первого разряда (для наиболее надежных должников) более чем удвоилась - с 9 до 19%, Либор поднялся с 8 до 17%.
- 25 Подсчитано по данным ЭКЛИА и МБРР.
- 26 *Ferrer A.* Deuda externa, estrategia de desarrollo y política // Comercio exterior. México, 1987. N 4. P. 289.
- 27 *International Herald Tribune*. 1987. 22 June.
- 28 Приводится по: Известия. 1989. 27 авг.
- 29 *Granma*. 1989. 1 Sept.
- 30 Свыше двух третей латиноамериканских долгов образовано кредитами, полученными на условиях плавающей ставки. Поэтому рыночная конъюнктура ссудного процента сильно влияет на "вес" долгового бремени.
- 31 *CEPAL. América Latina y el Caribe: opciones para reducir el peso de la deuda*. Santiago de Chile, 1990. P. 13.
- 32 *Ibid.*, P. 14.
- 33 *Fajnzylber F.* Amerique Latine: Restructuration productiv et incorporation du progres tecnic // *Revue l'energie*. P., 1988. N 406. P. 594.
- 34 *Ширяев Ю.С.* Мировое хозяйство: новые технологические и социально -экономические факторы развития. М., 1984. С. 3.
- 35 Там же. С. 4-5.
- 36 Там же. С. 5.
- 37 *ST/SEPAL/Conf.53/L*, 1974, Nov. 2, 7. P. 72.
- 38 В начале 80-х годов ассигнования на НИР, осуществлявшиеся ТНК в Мексике, оценивались в 0,17% от объема их продаж. См.: *Берналь Саагун, В.* Стратегия ТНК и национальная стратегия технологического прогресса // *Лат. Америка*. 1986, N 12. С. 61.
- 39 *Factor económico. México*, 1977, N 16-17. P. 14.
- 40 *Studies on Developing Countries*. Budapest, 1973, N 57. P. 14.
- 41 *Vaitos, C. V.* Comercialización de tecnología en el Pacto Andino. Lima, 1973. P. 12.
- 42 См.: *BID. Progreso económico y social en América Latina. Informe 1988*. Wash., 1988. P. 307-324.
- 43 Показательны результаты обследования середины 70-х годов, проведенного Массачусетским технологическим институтом (США). Анализ ряда проектов прикладных исследований, выполненных в трех странах региона показал, что 60% были внедрены в производство, 40% - нет. Из тех проектов, работа над которыми была обусловлена спросом предприятий, 90% (или 75% тех, которые имели эффект) дали практические результаты и 10% (12,5% не имевших эффекта) не нашли применения. Среди проектов, выполнявшихся по инициативе самих исследовательских центров (импульс - предложение), только 30% (т.е. 25% проектов, имевших эффект) были реализованы в производстве, а 70% (87,5% от неимевших эффекта) остались без практических последствий. См.: *World Development*. Oxford. 1975, N 9. P. 665-673.
- 44 См.: *Лат. Америка*. 1979, N 4. С. 92.
- 45 См.: *Давыдов В.М.* К оценке научно-технического развития латиноамериканских стран // *Лат. Америка*. 1974, N 6. С. 72-91.

- 46 См.: Проблемы научнотехнического развития стран Латинской Америки. М., 1986. С. 78-96.
- 47 В начале 70-х годов в Бразилии насчитывалось лишь 7 заводов, производивших стрелковое оружие и взрывчатые вещества, а также рудиментарный ремонт иностранной боевой техники. Спустя десятилетие на выпуске вооружений специализировалось около 100 предприятий, а в целом (прямо либо косвенно) в военном бизнесе участвовало около 350 компаний. Номенклатура расширилась до танков, подводных лодок, боевых самолетов и реактивных снарядов.
- 48 América economía. Santiago de Chile. 1990, N 44. P. 20-40.
- 49 South. L. 1989, N 106. P. 7-19.
- 50 SELA/IBI. El reto informático y sus implicaciones en América Latina y el Caribe. Buenos Aires, 1988. P. 150-160; SELA. Servicios de datos en América Latina. Buenos Aires, 1988. P. 171-176.
- 51 BID. Progreso económico y social en América Latina. Informe 1988. Wash., 1988. P. 148-149.
- 52 Единственный нобелевский лауреат "третьего мира" в области экономики - выходец из Санта-Люсии Артур Льюис (1979 г.).
- 53 Современный капитализм: основные направления и эффективность НТП. М., 1989. С. 246-247.
- 54 UNESCO. Statistical Yearbook, 1988. P. 1988. P. 2-36 (сведения по науке и образованию, приводимые далее, взяты из данного справочника).
- 55 BID. Progreso económico y social en América Latina. Informe 1987. Wash., 1987. P. 138.
- 56 South. L., 1989. P. 91-92.
- 57 См.: Кондратьев Н.Д., Опарин Д.И. Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждения в Институте экономики. М., 1928.
- 58 Заметим попутно, что среди известных концепций только гипотеза Кондратьева оказалась способной предвосхитить кризис 1929-1933 гг. и последовавшую "великую депрессию". Представляется также, что глобальные прогнозы 70-х годов, не предполагавшие перелома общемировой конъюнктуры на рубеже двух последних десятилетий, могли бы оказаться более состоятельными при учете теории "длинных волн".
- 59 Schumpeter J.S. Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalistic Process. N. Y., 1939; Mandel E. Long waves of capitalist development. The marxist interpretation. Cambridge, 1980; Voccaro P. Cycles longues, mutations technologies et originalité de la crise de structure actuelle. Strasbourg, 1983; Idem. Originalité de la longue phase encours dance une analyse systematique et historique des cycles longue. Montpellier, 1987; Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М., 1989.
- 60 ¿Catástrofe o nueva sociedad?: Modelo mundial latinoamericano // Ed. A.O. Herrera et al. Bogota, 1977.
- 61 Herrera A. The New Technological Wave and the Developing Countries: Problems and Options // Technology and the Human Prospects // Ed. R. Macleod. Oxford, 1986. P. 141.
- 62 Herrera A.O. El Proyecto prospectiva tecnológica para América Latina, consideraciones metodológicas // Realidad económica. Buenos Aires, 1987. N 78. P. 86.
- 63 Ibid. P. 91.
- 64 В технологической основе первой волны - введение парового двигателя и машинного производства текстиля, второй - железнодорожного транспорта, механической обработки металлов и массового машиностроения, а также сталелитейного производства, третьей - введение двигателя внутреннего сгорания и электромотора и широкое распространение химической технологии.
- 65 См.: CEPAL. América Latina y el Caribe: escenarios de crecimiento económico, 1986 - 1995. LC/R.500. Santiago, 1986.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

Укладные структуры колониальной эпохи

Тип укладных структур	Уклад	Формы проявления
Основные системообразующие в зоне колонизации	Гибридный квази-феодалный	Гибридные феодално-общинные структуры, характеризующиеся "индивидуальным" патронатом (энкомьенда и сесмария, эволюционировавшие в сторону бинома латифундия - община по мере утверждения частной собственности на землю); гибридные церковно-общинные образования, характеризующиеся "коллективным" патронатом (редукции, миссии); товарный рудничный промысел, функционировавший во взаимодействии с энкомендарно-общинной системой на основе принудительных отработок (мита, мандамьенто); элементы цехового ремесла.
	Товарнорабовладельческий	Плантационное рабство - экспорториентированное крупномасштабное аграрное хозяйство в зоне колонизации позднефеодалных метрополий; в зоне колонизации раннебуржуазных метрополий; товарный рудничный промысел с использованием рабского труда.
Остаточные системообразующие вне зоны колонизации	Производящая община	
	Присваивающая община	
Второстепенные восходящие структуры	Протокапиталистический (или раннебуржуазный)	Торгово-ростовщический капитал, связанный с внешней торговлей; торгово-ростовщический капитал, паразитирующий на полунатуральном хозяйстве во внутреннем обращении; зачатки мануфактурного производства, организуемого колониальной администрацией и частными собственниками с использованием наемного и полунаемного труда.

Мелкотоварное
производство

Городское ремесло;
старательский промысел;
независимое и полузависимое крестьян-
ское хозяйство колонистов, выходивших на
городские рынки (роса, чакра)

Второстепенные
и с х о д я щ и е
структуры

Полуинтегриро-
ванная производя-
щая община

"Ресгуардо" в зоне испанской колониза-
ции; связь с центрами колониальной адми-
нистрации на уровне даннических отноше-
ний

Патриархально
-натуральное се-
мейное хозяйст-
во колонистов в
периферийных
зонах колониза-
ции

Приложение 2

Типы колониальных обществ

Тип колонии	Основные признаки
Гибридные квазифео- дальные колонии 1. Колониальные центры с главенством рудничного хозяйства: Мексика, Пе- ру, Боливия (отчасти Гондурас)	Автохтонная матрица ГОСП; колонизация в рамках второго периода; * частичное истребление, частичная интеграция тузем- ного населения; вовлечение индейской общины в систе- му эксплуатации на основе энкомьенды; выделение рудных анклавов с экспортной ориента- цией; образование экономического комплекса, соединяюще- го рудные анклавы с энкомендарно-общинным хозяйст- вом; сочетание государственно-монархической высшей собственности и частного владения при сильном тормо- жении развития частной собственности; роль полюса экономического тяготения для перифе- рийных колониальных зон; господство гибридного феодально-общинного уклада, незначительное присутствие мелкого крестьянского хо- зяйства; значительное распространение монастырских и мис- сионерских хозяйств, сдержанное развитие городского ремесла и торгово-ростовщического уклада; сохранение общинных структур в форме редуций
2. Периферийные зоны Гватемала, отчасти Гонду- рас, Сальвадор, Никара- гуа, Эквадор, частично Чили и Аргентина (особый случай - Парагвай)	Автохтонная матрица характеризуется ГОСП или пе- реходными структурами; колонизация в рамках второго и третьего периодов; частичное истребление, частичная интеграция корен- ного населения; вовлечение индейской общины в систему эксплуата- ции на основе энкомьенды;

в ряде случаев существенное или преобладающее (Парагвай) значение приобретают церковно-общинные образования;

за редкими исключениями производство не выходит за рамки сельского хозяйства;

эрозия энкомьенды происходит быстрее, чем в колониальных центрах с главенством рудничного хозяйства и соответственно быстрее (де факто) утверждается частная собственность на землю; этот процесс приводит преимущественно к образованию латифундиарно-общинной модели;

господство гибридного квазифеодального уклада, малая распространенность мелкого крестьянского хозяйства, медленное развитие городского ремесла и торгово-ростовщического капитала

Плантационные колонии

1. Позднефеодальных метрополий: Куба, Пуэрто-Рико, Доминиканская Республика, Бразилия

Автохтонная матрица на уровне ПОС; ранняя колонизация в рамках первого (испанская зона) и второго (португальская зона) периодов;

истребление коренного населения с ассимиляцией меньшинства;

быстрое распространение рабовладения на основе массового завоза африканских невольников;

преобладание крупных хозяйств плантационного типа с экспортной ориентацией, второстепенное значение крупных скотоводческих хозяйств, определенное значение мелких и средних потребительских хозяйств, в отдельных случаях (Бразилия XVII в.) образование рудничных хозяйств;

преобладание товарно-рабовладельческого уклада, определенное значение квазифеодальных структур, небольшое распространение мелкого крестьянского хозяйства и городского ремесла, раннее утверждение (Бразилия) торгово-ростовщического капитала

2. Раннебуржуазных метрополий:

Вест-индские островные территории, Гвиана, Белиз

Автохтонная матрица на уровне ПОС; ранняя, первоначально испанская колонизация;

истребление коренного населения;

переход во владение раннебуржуазных метрополий в 17-18 в.;

абсолютное господство плантационного рабства за редкими исключениями (Гайана, Белиз);

значительное влияние торгово-ростовщического капитала;

Полуплантационные-полугибридные колонии: Венесуэла, Колумбия

Сочетание признаков двух типов колоний (периферийных гибридных и плантационных позднефеодальных метрополий);

Колумбия ближе к первому типу, Венесуэла - ко второму

Полугибридные-полупереселенческие колонии: Аргентина, Уругвай, Коста-Рика, Чили

Автохтонная матрица в основном на уровне ПОС разных ступеней;

поздняя и незавершенная колонизация (в рамках второго и третьего периодов);

продолжение колонизации вплоть до конца XIX в.; слабое распространение и быстрая эрозия энкомьенды;

образование системы латифундия - минифундия, реже - латифундия - община;

значительное или преобладающее (Коста-Рика) пространство мелких и средних хозяйств;
 раннее втягивание (за исключением Коста-Рики) в торговлю с другими колониями и раннебуржуазными государствами;
 значительное развитие городского ремесла и торговлоростовщического капитала в XVIII в.

* 1-й период - конец XVв. - первая половина XVIв. 2-й период - вторая половина XVIв. - первая половина XVIIв. 3-й период - вторая половина XVII в. - начало XVIIIв. 4-й период - вторая и третья четверть XVIIIв. 5-й период - конец XVIIIв. - первая четверть XIXв.

Приложение 3

Оценка Численности населения Латинской Америки на исходе колониального периода (около 1825 г.) и доля рабов во всем населении ¹

Тип колониального общества, страна или территория	Население, тыс. чел.	Доля рабов во всем населении, %
1. Переселенческие и полупереселенческие колонии		
Аргентина	570,0	6,0 ²
Уругвай	50,0	... ³
Чили	900,0	3,0 ³
Коста-Рика	70,0	...
2. Гибридные колонии		
Мексика	6500,0	...
Гватемала	665,0	...
Сальвадор	215,0	...
Гондурас	140,0	...
Никарагуа	210,0	...
Перу	1250,0 *	0,85 ⁴
Боливия	(1000,0) *	0,35 ⁵
Эквадор	560,0	1,3
Парагвай	200,0	менее 1,0
3. Полугибридные-полу-плантационные колонии		
Колумбия	1225,0	5,4 ⁶
Венесуэла	785,0	15,0 ⁷
4. Плантационные колонии позднефеодальных метрополий		
Бразилия	(4000,0)	52,0
Куба	715,0	36,4
Пуэрто-Рико	230,0	11,0
Доминиканская Республика	220,0	15,0-20,0
5. Плантационные колонии буржуазных метрополий		
Французские владения в		
Вест-Индии, всего	820,0	...
Гаити	600,0	90,0 ³
прочие (Гваделупа, Мартиника и т.д.)	220,0	81,3

Английские владения в Вест-Индии, всего	776,5	80,7
в том числе:		
Ямайка	405,0	85,1
Барбадос	100,0	79,0
Тринидад	45,0	56,6
Тобаго	16,0	87,5
Владения Голландии, Дании и Швеции в Вест-Индии	85,0	72,5
Континентальные владения Англии, Франции и Голландии		
Гайана, в целом	300,0	80,0
в том числе Суринам	40,0	72,6

¹ Систематизация и оценки автора на основе широкого круга исторических исследований. ² Конец XVIII в. ³ Накануне независимости. ⁴ 1846 г. ⁵ 1822 г. ⁶ 1774 г. ⁷ 1800 г.
* цифры в скобках - ориентировочная оценка.

Приложение 4

Оценка этнического состава населения в Латинской Америке накануне завоевания политической независимости (к исходу первой четверти XIX в., в %) ¹

Группа, страна	Население европейского происхождения			Смешанное население			Индийское население	Негритянское население
	всего	в первом поколении	креолы	всего	метисное	мулатное		
1. Аргентина	38,0			25,0	20,0	5,0	22,0	15,0
Уругвай	50,0			39,0			7,0	4,0 ²
Чили	15,0			63,0			25,0	3,0 ³
Коста-Рика	27,0			60,0			5,0	8,0
2. Мексика	18,1	0,3	18,0	39,7	27,3	(6,2)	54,4	(4,0)
Гватемала	3,0				25,0		73,0	
Гондурас ³	12,0			39,0	30,0	9,0	40,0	9,0
Сальвадор	2,8				46,5		50,2	0,5
Перу	19,8				36,3		43,8	...
Боливия	8,1				25,0		66,3	0,6
Эквадор	2,5				40,0	3,0	54,0	1,5
Парагвай	5,0	0,2	4,8		52,0		35,0	8,0 ²
3. Колумбия	30,0			46,0			20,0	4,0
Венесуэла	26,0	1,0	25,0	51,0			15,0	8,0
4. Бразилия	12,0			14,0			14,0	60,0
Куба и Пуэрто-Рико	36,6						21,3	42,1
Доминиканская Республика	24,0							76,0 ²
Гаити ⁴	7,7						7,0	85,3
5. Ямайка	6,2						10,0	83,8
Барбадос	(15,0)*						(15,0)	(70,0)
Гвиана (владения Англии, Голландии и Франции)	(3,5)						(10,0)	(22,0) (64,5)

¹ Систематизация и оценки автора на основе данных из широкого круга исторических исследований (в том числе по данным Гумбольдта). ² Включая мулатов & ³ 1821 - 1825 г.г. ⁴ 1790 г. * Цифры в скобках - ориентировочная оценка.

Приложение 5

Хронология отмены рабства

Страна	Год	Страна	Год	Страна	Год
Ранняя отмена¹		Промежуточная отмена²		Поздняя отмена³	
Гаити	1801	Мексика	1829 ⁴	Колумбия	1851
Доминиканская Республика	1801	Гайана	1834	Эквадор	1852
Аргентина	1813	Тринидад и Тобаго	1834	Венесуэла	1854 ⁵
Чили	1823	Ямайка	1835	Перу	1854
Гватемала	1824	Барбадос	1838	Суринам	1863
Гондурас	1824	Доминика	1838	Пуэрто-Рико	1873
Коста-Рика	1824	Уругвай	1842	Куба	1886
Сальвадор	1824	Парагвай	1842	Бразилия	1888
Боливия	1825	Гвиана (Фр.)	1848 ⁶		

¹1800 - 1825 г.г. ²1826 - 1850 г.г. ³1851 - 1900 г.г. ⁴Первая попытка отменить рабство предпринята М.Идальго еще в 1810 г.. ⁵Первые попытки ликвидации рабства относятся еще ко времени войны за независимость (сначала они прокламировались по политическим мотивам испанцами, затем руководством антиколониального движения в лице С.Боливера). ⁶Первоначально рабство отменено в 1794 г., но затем восстановлено в начале 19 в.

Приложение 6

Время перехода большинства населения к городскому образу жизни

Страна.	Время перехода, годы.
Ранний переход	
1. Аргентина	конец 10-х, начало 20-х
2. Уругвай	20-е
3. Чили	конец 30-х
Промежуточный переход	
1. Венесуэла	конец 40-х
2. Куба	конец 40-х
3. Мексика	конец 50-х, начало 60-х
4. Бразилия	первая половина 60-х
5. Колумбия	вторая половина 60-х
6. Перу	вторая половина 60-х
Поздний переход	
1. Никарагуа	конец 70-х
2. Панама	конец 70-х
3. Доминиканская Республика	конец 70-х
4. Коста-Рика	середина 80-х
5. Тринидад и Тобаго	середина 80-х
6. Эквадор	середина 80-х
7. Боливия	конец 80-х
8. Ямайка	начало 90-х
9. Барбадос	начало 90-х
Предстоящий переход	
1. Суринам	середина 90-х
2. Сальвадор	конец 90-х
3. Парагвай	конец 90-х
4. Гватемала	конец 90-х

5. Гондурас
6. Гайана
7. Гаити

конец 90-х
конец 1-го десятилетия 21 в.
2-ое десятилетие 21 в.

Составлено по: U.N.. Estimates and Projections of Urban, Rural and City Populations, 1950-2025. The 1982 Assesment. N.Y. 1985. P 76-76; Латинская Америка в цифрах. "Наука", М., 1989. С. 21. Уточнено по национальным изданиям ряда латиноамериканских стран.

Приложение 7

Десятилетний прирост численности населения (в %)

Страны	1901- 1910	1911- 1920	1921- 1930	1931- 1940	1941- 1950	1951- 1960	1961- 1970	1971- 1980
Аргентина	32,2	24,2	25,6	15,0	17,0	14,3	16,1	15,9
Уругвай	15,0	23,6	14,5	12,2	10,5	13,4	7,0	6,2
Куба	27,9	26,0	17,8	16,8	20,3	24,0	24,1	23,6
Перу	25,0	17,2	14,5	15,4	16,2	20,5	25,5	22,3
Панама	21,2	26,7	4,3	24,2	22,5	24,5	25,8	24,7
Гондурас	23,6	23,6	24,2	17,4	19,6	22,7	29,9	28,5
Гаити	26,0	20,3	12,4	14,5	16,5	6,4	14,6	15,4
Бразилия	19,1	19,1	18,9	18,4	21,2	25,2	24,6	23,7
Гватемала	19,1	13,4	27,8	20,0	21,7	26,6	26,8	27,6
Колумбия	19,1	21,0	18,0	18,3	19,7	26,5	25,0	24,2
Доминиканская Республика	18,2	15,9	30,2	28,4	21,4	26,3	25,1	25,4
Парагвай	21,0	11,4	20,4	20,7	20,7	20,0	23,9	27,4
Сальвадор	19,2	15,4	18,7	11,7	12,4	24,1	28,8	27,6
Никарагуа	22,2	15,6	5,9	18,1	21,7	24,8	22,9	33,0
Чили	11,4	11,9	13,3	13,6	15,6	20,0	19,1	15,6
Коста-Рика	13,9	14,3	16,0	19,4	22,5	36,0	27,7	23,1
Мексика	10,2	-7,1	14,5	15,9	23,8	28,5	28,9	26,9
Боливия	9,2	8,9	10,8	11,1	10,3	21,2	16,6	18,2
Эквадор	8,5	8,0	20,6	21,5	22,8	26,6	26,8	27,6
Венесуэла	5,7	7,8	9,6	15,9	25,3	32,4	28,5	31,6
Латинская Америка	17,9	14,2	17,4	16,8	20,3	24,0	24,1	23,6
США	17,6	13,2	13,5	7,2	12,9	15,7	11,9	9,9

Составлено и подсчитано по: Statistical Abstract of Latin America. Los Angeles. 1986. Vol. 26. P. 83.

Приложение 8а *

Динамика ВВП латиноамериканских стран и ВВП США
(годовые приросты в %), 1896-1920 гг.

Годы	Аргентина	Мексика	С Ш А
1896		3,1	
1897		6,7	
1898		5,8	
1899		-4,8	
1900		0,8	
1901	8,5	8,6	

1902	-2,1	-7,1	
1903	4,3	11,2	
1904	10,6	1,8	
1905	13,2	10,4	
1906	5,0	-1,1	
1907	2,2	5,9	
1908	9,8	-0,2	
1909	5,0	2,9	
1910	7,2	0,9	2,8
1911	1,8		2,6
1912	8,2		5,7
1913	1,1		0,9
1914	-10,4		-4,3
1915	0,5		-0,8
1916	-2,9		7,9
1917	7,2		0,7
1918	1,4		12,3
1919	3,7		-3,5
1920	7,3		-4,3

Приложение 86

Динамика ВВП латиноамериканских стран
(годовые приросты в %), 1921-1939 гг.

Годы	Арген- тина	Уруг- вай	Мек- сика	Брази- лия	Колум- бия	Вене- суэла	Гонду- рас	США
1921	2,6		7,7	0,2				-8,6
1922	8,0		2,3	5,0				15,8
1923	11,0		3,4	5,8				12,1
1924	7,8		-1,6	0,2				-0,2
1925	-0,4		6,2	4,2				8,4
1926	4,8		7,7	0,2	9,5		0,9	5,9
1927	7,1		-2,3	5,3	9,0		9,8	0,0
1928	6,2		1,8	8,2	7,3		12,5	0,6
1929	4,6		-3,3	0,7	3,6		-1,0	6,7
1930	-14,1		-6,8	-3,4	-0,9		6,5	-9,8
1931	-6,9		3,7	-0,6	-1,6		2,2	-7,6
1932	-3,3		-16,2	1,1	6,6		-10,4	-14,7
1933	4,7		10,6	5,6	5,6		-6,2	-1,8
1934	7,9		6,6	6,8	-2,1		-3,1	9,1
1935	4,4		5,1	2,8	11,2		-4,4	9,9
1936	1,2	3,6	10,4	9,1	5,3		1,8	13,9
1937	8,1	8,7	3,4	2,6	1,6	7,3	-4,4	5,3
1938	1,3	-4,9	1,8	4,1	6,5	3,2	5,8	-5,0
1939	3,6	-0,8	5,3	2,8	6,1	4,3	2,8	8,6

Приложение 8в*

Динамика ВВП латиноамериканских стран
(годовые приросты в %), 1940-1979 гг.

Годы	Арген- тина	Уруг- вай	Чили	Мек- сика	Брази- лия	Колу- мбия	Вене- суэла	Куба	Перу	Коста- Рика	Домини- канская республ.
1940	-2,0	-2,2	5,0	-0,3	1,0	2,2	2,8				
1941	4,9	5,9	0,1	14,8	4,9	1,7	7,9				
1942	4,6	-9,1	5,5	5,6	-2,8	0,2	-4,6				
1943	0,7	1,5	4,2	3,6	5,8	0,4	5,6				
1944	9,7	12,3	1,4	7,6	4,6	6,8	11,3				
1945	-4,8	2,3	9,1	6,3	0,9	4,7	9,7				
1946	8,3	11,1	6,2	7,3	7,8	9,1	17,6	4,0	7,9	-7,3	
1947	13,7	6,7	-6,7	3,7	2,4	3,9	16,4	12,1	3,0	19,0	10,2
1948	1,2	2,6	11,5	3,6	7,4	3,1	12,7	-7,5	3,4	5,7	10,5
1949	-4,6	3,7	-0,5	7,6	6,6	5,5	4,8	-0,3	7,1	4,0	12,5
1950	1,6	3,1	4,8	9,4	6,5	1,8	2,4	15,9	5,0	4,1	17,9
1951	3,9	-8,2	5,2	7,5	5,9	3,1	11,7	-5	11,3	2,7	11,8
1952	-5,1	-0,4	3,4	3,0	8,7	6,3	7,3	4,3	2,7	12,1	8,1
1953	5,4	6,5	7,1	5,4	12,5	5,8	6,2	-10,6	2,2	15,2	-1,3
1954	4,1	5,7	0,7	5,4	10,1	6,6	9,6	1,7	9,6	0,8	5,7
1955	7,1	1,6	2,7	7,9	6,9	4,0	8,9	2,1	4,9	11,6	6,2
1956	2,8	1,7	0,7	5,3	3,2	4,1	10,6	9,5	5,0	-2,8	10,0
1957	5,1	1,0	2,7	7,5	8,1	2,4	11,6	6,0	1,0	8,5	6,3
1958	6,1	-3,5	4,8	4,6	7,7	2,5	1,3	-3,9	3,2	12,4	5,3
1959	-6,4	-2,8	6,9	4,3	3,0	7,1	7,9		4,4	3,7	0,6
1960	7,8	3,5	5,1	7,5	12,5	4,1	1,4		9,0	8,7	4,9
1961	7,1	2,9	6,1	4,9	10,3	5,0	5,0		8,2	4,2	-2,3
1962	-1,6	-2,3	4,6	4,7	5,2	5,4	9,1		8,8	6,1	17,0
1963	-2,4	0,5	5,1	8,0	1,6	3,2	6,9		3,9	8,6	6,5
1964	10,3	2,0	4,3	11,7	2,9	6,1	9,7		6,8	4,9	6,7
1965	9,1	1,2	5,1	6,5	2,7	3,5	5,9		4,8	9,1	-12,4
1966	0,6	3,4	7,0	6,9	3,8	5,2	2,3		5,7	7,8	13,4
1967	2,7	-4,1	2,4	6,3	4,9	4,2	4,0		1,8	6,1	3,4
1968	4,3	1,6	3,0	8,1	11,2	6,3	5,3		0,6	7,7	0,2
1969	8,6	6,1	3,5	6,3	9,9	6,3	4,5		4,4	6,7	10,9
1970	5,4	4,7	3,6	6,9	8,8	6,6	7,1		9,1	6,6	10,6
1971	4,8	-1,0	7,7	3,4	13,3	5,8	3,3		6,1	6,6	10,6
1972	3,1	-3,3	-0,1	7,3	11,7	7,9	3,0		5,8	8,2	10,4
1973	6,1	0,8	-3,6	7,6	13,9	7,6	6,7		6,2	7,7	12,9
1974	6,1	3,1	5,7	5,9	9,8	6,5	5,8		6,9	5,5	5,5
1975	-0,9	4,4	-11,3	4,1	5,7	4,3	5,2		3,3	2,1	2,1
1976	-1,7	2,6	4,1	2,1	9,0	4,2	7,8		3,0	5,5	5,5
1977	4,9	3,4	8,6	3,3	4,7	4,7	7,6		-1,2	8,9	8,9
1978	-3,9	3,9	7,8	7,0	6,0	8,8	4,8		-0,5	6,3	5,7
1979	6,7	6,2	8,3	9,2	6,4	4,3	1,3		4,1	4,9	4,5

Приложение 8г*
Динамика ВВП латиноамериканских стран и ВВП США
 (годовые приросты в %), 1940-1979 гг.

Годы	Сальвадор	Гватемала	Гондурас	Никарагуа	Панама	Парагвай	Боливия	Эквадор	Гаити	США	Латинская Америка
1940			6,9			-15,1		6,6		8,5	0,2
1941			-0,3			13,3		0,5		16,1	6,2
1942			-8,6			5,9		4,2		12,9	1,8
1943			0,2			2,1		12,7		13,2	3,1
1944			15,2			2,1		1,3		7,2	7,3
1945			9,4			-3,5		0,4		-1,7	1,7
1946	1,6	7,9	7,6	8,6	1,6	9,8	1,8	11,9	0,9	-11,9	7,8
1947	25,8	12,7	6,4	0,3	4,2	-13,0	1,7	11,1	1,7	-0,9	6,3
1948	27,4	-0,8	2,1	8,7	-5,9	1,1	2,1	13,7	1,0	4,5	4,7
1949	-9,2	-7,9	-1,4	-1,8	2,3	16,8	2,1	1,8	1,1	0,1	2,7
1950	2,9	0,3	3,2	16,6	0,5	-1,6	2,1	8,7	1,6	9,6	4,9
1951	2,0	1,4	5,4	6,8	-0,9	1,9	7,0	1,1	1,5	7,9	5,9
1952	7,5	2,1	3,8	16,9	5,4	-1,7	3,0	12,3	5,7	3,1	3,0
1953	3,1	3,7	7,8	2,4	6,1	2,8	-9,5	2,1	-3,2	4,5	4,5
1954	1,2	1,9	-5,7	9,3	3,6	1,7	2,1	8,1	8,2	-1,3	6,2
1955	5,1	2,5	2,6	6,7	5,8	4,6	5,3	2,6	-4,0	7,6	6,3
1956	7,9	9,1	8,1	-0,1	5,2	4,2	-5,9	3,7	8,7	1,9	4,1
1957	5,3	5,6	4,6	8,4	10,5	4,6	-3,3	4,5	-5,9	1,4	6,1
1958	2,2	4,7	3,2	0,3	0,8	5,6	2,4	2,9	7,9	-1,1	4,9
1959	4,5	4,9	2,5	1,5	6,4	0,4	-0,3	5,4	-4,7	6,4	2,6
1960	4,1	2,4	6,2	1,4	6,0	0,2	4,3	6,5	6,5	2,5	7,0
1961	3,5	4,3	2,6	7,5	10,8	4,8	2,1	2,5	-4,1	2,0	6,6
1962	12,0	3,5	5,8	10,9	8,4	7,0	5,6	5,3	9,6	6,6	4,2
1963	4,3	9,5	3,7	10,9	9,4	2,7	6,4	2,6	-6,5	4,0	3,4
1964	9,3	4,6	5,2	11,7	4,3	4,3	4,8	7,0	-2,3	5,5	7,5
1965	5,4	4,4	8,6	9,5	8,8	5,7	4,9	9,6	1,1	6,3	5,4
1966	7,2	5,5	5,8	3,3	7,4	1,1	7,2	2,6	-0,6	6,5	4,4
1967	5,4	4,1	5,6	7,0	8,4	6,3	6,3	5,3	-2,0	2,6	4,3
1968	3,2	8,8	5,9	1,3	7,3	3,6	8,5	5,5	3,9	4,7	6,9
1969	3,5	4,7	0,8	6,7	7,8	3,9	4,5	5,5	3,3	2,6	7,1
1970	3,0	5,7	2,6	1,0	6,0	6,2	5,2	7,0	4,7	-0,6	6,9
1971	4,6	5,6	3,8	4,9	8,1	4,4	4,9	5,8	6,5	3,2	6,7
1972	5,7	7,3	4,2	3,2	5,3	5,1	5,9	8,0	3,6	5,3	6,9
1973	5,1	6,8	4,2	5,1	6,1	7,8	16,9	17,9	4,5	4,4	8,5
1974	6,4	6,4	-0,6	12,7	0,8	8,3	6,1	4,0	4,3	-1,7	7,1
1975	5,6	1,9	-1,9	2,2	0,6	5,0	5,3	7,5	2,2	-1,9	3,2
1976	4,0	7,4	6,1	5,0	-1,1	7,5	6,8	8,1	5,3	6,0	4,6
1977	5,0	7,8	5,8	6,3	3,3	11,8	4,0	6,4	1,3	5,5	4,6
1978	4,4	6,5	7,9	-7,2	3,8	10,3	3,1	6,6	3,9	4,9	4,7
1979	-1,7	4,7	6,1	-26,5	4,5	11,4	1,8	5,3	7,3	1,5	6,4

* Примечания к приложению 8: Основной статистический материал приложений 8(а,б,в,г) приводится по Statistical Abstract of Latin America. Vol.27. Los Angeles, 1989. P.941-966. Страны Латинской Америки - в соответствии с оценками ЭКЛА по ценам факторов производства за исключением Мексики для периода 1921-1934 гг. Для этих лет приводятся данные "Банко де Мехико". Статистический ряд по США взят из справочных изданий Бюро по ценам США за исключением периода 1971-1979 гг. Для этих лет использовались данные МВФ.

Приложение 9

Доля ряда основных компонентов социально-классового состава в экономически активном населении согласно переписям и обследованиям 70-х и 80-х годов, в %

Стран	Год	Наемныеработники, не связанные с выполнением физических трудовых функций			Пролетарские слои			Мелкобуржуазные слои			Неустановленный статус
		ВУП ¹	ИТР ²	Рядовые служащие	всего	городские	сельские	всего	городские	сельские	
Уругвай	1985	1,6	6,5	28,6	27,6	19,4	8,2	21,0	14,6	6,4	12,0
Аргентина	1979	0,9	6,2	27,6	33,4	24,3	9,1	18,0	14,0	4,0	6,2
Чили	1986	0,6	6,7	22,9	32,4	22,2	10,2	24,9	16,1	8,8	9,9
Мексика	1975	1,4	4,5	19,7	35,0	19,0	16,0	34,8	14,9	19,9	2,0
Венесуэла	1986	2,7	8,6	23,7	24,5	19,7	4,8	27,3	18,8	8,5	10,7
Бразилия	1985	2,1	4,3	15,6	35,4	22,7	12,7	36,3	19,9	16,4	3,0
Колумбия	1978	<-5,7->		18,3	33,2	17,8	15,4	25,5	17,7	7,8	...
Коста-Рика	1984		2,3	9,0	22,5	33,9	17,8	16,1	25,9	11,9	14,0
Сальвадор	1980	0,4	3,8	14,7	35,2	16,2	19,0	38,6	21,1	17,5	6,8
Ямайка	1978	<-8,6->		11,2	29,0	23,0	6,0	39,1	12,9	26,1	11,5
Панама	1975	<-3,5->		37,0	27,0	23,4	3,6	35,0	12,5	22,5	...
Перу	1981	0,3	6,5	14,8	19,0	12,0	7,0	45,2	20,3	24,9	1,7
Доминиканская Республика	1981		0,9	3,7	17,4	17,3	12,6	14,7	39,3	22,8	16,5
Эквадор	1982	0,3	6,6	21,6	18,0	4,0	14,0	41,9	19,7	22,2	10,4
Боливия	1976	0,3	4,7	11,5	19,6	14,2	5,4	59,9	21,6	38,3	3,6
Гватемала	1981	0,8	4,0	12,0	19,6	8,9	10,7	49,1	13,3	35,8	13,6
Парагвай	1982	5,1	3,8	11,3	21,1	14,8	6,3	51,5	15,2	36,3	6,3
Гаити	1983	0,1	1,5	3,3	6,0	2,5	3,5	68,9	29,8	47,1	19,3

Составлено и подсчитано по данным, опубликованным МОТ и статистическими службами латиноамериканских стран, а также по данным специальных исследований.

¹ высший управленческий персонал;

² инженерно-технические работники.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Первый очерк ДИСКУССИИ О "ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ КАПИТАЛИЗМЕ"	
1. Периферийно-имитационная модель	10
2. "Люмпен-развитие" стран-сателлитов	19
3. Обуславливающая ситуация, "субимпериализм" и противоречия нового этапа	29
4. Концепция "зависимо-ассоциированного общества"	43
5. Воспроизводство "капитализма субразвития"	52
Второй очерк СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МУТАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ	
1. Взаимодействие автохтонных и привнесенных общественных структур	68
2. Метаморфозы колониальной эпохи	80
3. Разновременное и разнохарактерное вызревание буржуазных структур	108
Третий очерк ПЕРЕХОД В НОВЫЙ ВЕК	
1. Экстраординарный экономический кризис	143
2. Феномен "перенакопления" внешней задолженности	153
3. Императивы и ограничения технологического обновления	168
4. Сдвиги в мировой экономике и перспективы Латинской Америки	194
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	209
ПРИМЕЧАНИЯ	217
ПРИЛОЖЕНИЯ	229